

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
Юридический факультет
Кафедра хозяйственного права

Теоретико-прикладные перспективы правового обеспечения
развития экономики

Материалы международного круглого стола
Минск, Беларусь, 21 октября 2022 г.

Минск
2022

УДК 346(06)
Т 338

Решение о депонировании вынес:
Совет юридического факультета БГУ
21 ноября 2022 г., протокол № 3

Под редакцией Н. Л. Бондаренко (гл. ред),
А. В. Гавриленко, Т. М. Халецкой.

Рецензенты:

Иванова Диана Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Белорусского государственного университета;

Ефременко Елена Михайловна – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и трудового права Учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

Теоретико-прикладные перспективы правового обеспечения развития экономики: материалы междунар. круглого стола, Минск, Беларусь, 21 октября 2022 г. / БГУ, Юридический фак., Каф. хозяйственного права; [под ред.: Н. Л. Бондаренко (гл. ред.), А. В. Гавриленко, Т. М. Халецкой]. – Минск: БГУ, 2022. – 395 с. – Библиогр. в конце ст.

В сборнике содержатся тезисы докладов и статьи участников Международного круглого стола «Теоретико-прикладные перспективы правового обеспечения развития экономики», который состоялся в г. Минске 21 октября 2022 г. на базе юридического факультета Белорусского государственного университета.

НАУЧНАЯ ШКОЛА ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРАВА БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА: ДОСТИГНУТЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Н. Л. Бондаренко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь*

Научная школа хозяйственного права БГУ была институционализована сравнительно недавно, однако уже готова отчитаться перед научным сообществом некоторыми достигнутыми результатами, а также охарактеризовать основные направления своей деятельности: совершенствование науки хозяйственного права и формирование на ее основе производных и актуальных для общества и государства направлений научного знания и совершенствование юридического образования как основная цель функционирования научной школы хозяйственного права как элемента научной и инновационной инфраструктуры БГУ.

Ключевые слова: научная школа, хозяйственное право, пруденциальное право, инновационное право, кондиционное право, фискальное право.

На протяжении нескольких десятилетий наблюдалась парадоксальная ситуация: стремительное усложнение общественных отношений в сфере осуществления хозяйственной деятельности и сопутствующее ему перманентное реформирование национального законодательства, обходились как бы без участия научного сообщества. В то время как хозяйственные отношения бурно и динамично развивались, качественно усложняясь и прирастая количественно, в то время как практика ставила перед теорией все более сложные задачи, наука хозяйственного права не давала обратного отклика. Отсутствие научного осмысления происходящих в сфере народного хозяйства процессов не способствовало созданию эффективного и стабильного законодательства, системному и комплексному правовому регулированию хозяйственных отношений. Как следствие, многие виды хозяйственных отношений и даже целые правовые институты хозяйственного права (предпринимательское право, право непредпринимательской хозяйственной деятельности, торговое право, строительное право, транспортное право, кондиционное право, учетное право, энергетическое право и др.) до сих пор не институционализованы в системе права и не стали объектом внимания белорусских ученых. Они либо остаются «бесхозными», либо, имея очевидную публично-

правовую природу (как, например, предпринимательская деятельность), ошибочно отнесены к предмету гражданского права.

Полагаем, что исследованием этих институтов должно заниматься хозяйственное право, поскольку только наука хозяйственного права способна создать аналитику в основном критического характера, способную избавиться от устаревших теоретических моделей регулирования экономических отношений. Для этого необходимо переформатировать задачи науки хозяйственного права с учетом изменившейся реальности, перманентно ориентируясь на основную особенность хозяйственного права – его тесную связь с экономикой. Экономика – (от греч. oikos – дом, хозяйство и nomos – правило, закон; в совокупности – правила ведения хозяйства). Хозяйственное право – есть право, регулирующее хозяйство (экономику), а экономическая деятельность – синоним хозяйственной деятельности. Следовательно, основным содержанием науки хозяйственного права является научное исследование методологических, теоретических и прикладных проблем правового регулирования отношений, складывающихся в сфере осуществления хозяйственной деятельности [1].

Сегодня разработка отдельных проблем хозяйственного права проводится преимущественно на уровне научных статей, что не обеспечивает их комплексное исследование. Монографические и диссертационные работы, посвященные изучению общественных отношений, возникающих в сфере осуществления хозяйственной деятельности, как правило, единичны [2]. Знакомство с учебной литературой по хозяйственному праву и вовсе позволяет получить лишь фрагментарные, бессистемные знания об отдельных субъектах и институтах хозяйственного права. Сказанное позволяет сделать вывод о наличии кризисных явлений в науке хозяйственного права и необходимости поиска путей их преодоления.

Сегодня требуются новые подходы к пониманию фундаментальных методологических основ хозяйственного права как самостоятельной отрасли права, исследования его предмета, метода, принципов, правового статуса его субъектов и объектов, правовых режимов осуществления соответствующих видов хозяйственной деятельности. Эти новые подходы могут быть изучены при проведении научных разработок и фундаментальных научных исследований по хозяйственному праву.

Безусловно, усилиями одного талантливой ученого возможно генерирование идеи и решение отдельной научной проблемы, но разработка научного направления – задача масштабная. Проблемы, возникающие в сфере хозяйственного права в силу их комплексного характера, требуют объединения усилий ученых и формирования научных коллективов [3; 4]. К числу таких коллективов относится научная школа

хозяйственного права БГУ, целью создания которой является производство актуального научного знания и дальнейшая интеграции науки, практики и образования. Официально научная школа хозяйственного права БГУ была институционализирована лишь в 2022 г., но уже имеет некоторые достижения, ставшие результатом объединения как усилий участников научного сообщества, так и неоценимой помощи коллег, участвовавших в реализации наших идей и замыслов.

Научная школа хозяйственного права в настоящее время сосредоточена на решении двух основных задач:

1. Совершенствовании науки хозяйственного права и формировании на ее основе производных и актуальных для общества и государства направлений научного знания – национальной экономической безопасности (в том числе юридической квалиметрии), фискалистики (в том числе фискальной хозяйственной деятельности (государственного предпринимательства), процессов управления объектами прав, составляющих казну, странового маркетинга, легальной экономической лоббистики и т.д.).

Современная правовая наука уделяет незначительное внимание вопросам правового регулирования функционирования казны государства и управления составляющей ее собственности государства, несмотря на то, что в этом состоит суть публичной хозяйственной деятельности, осуществляемой государством. В Республике Беларусь объективно существует развитое фискальное (казенное) законодательство, однако, научных разработок комплексного характера по данной тематике системно и комплексно в белорусской правовой науке до сих пор не проводилось. Этот пробел в настоящее время устраняется усилиями представителей научной школы хозяйственного права в рамках реализации научного проекта «Трансформация организационно-правового механизма управления государственной собственностью в Республике Беларусь», осуществляемого в рамках государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 годы (№ ГР 20212053), результатом чего является фактически осуществляемое воплощение идеи институционализации и развития такой области научного знания как фискалистика [5; 6; 7].

Научная школа хозяйственного права является пионером в области разработки доктрины странового маркетинга, основанной на принципах междисциплинарности. В сотрудничестве с представителями профессионального сообщества в области маркетинга и легальной экономической лоббистики научная школа хозяйственного права организовала подготовку и успешно провела первый в нашей стране круглый стол, посвященный проблемам странового маркетинга как

специфической методологии мягкой силы при продвижении национальных экономических интересов. Это позволило совместить практику с теорией и сформировать авторский коллектив, подготовивший первую в Республике Беларусь коллективную монографию «Страновой маркетинг».

В рамках разработки доктрины национальной экономической безопасности удалось сформировать научное представление о пруденциальном праве (праве национальной экономической безопасности) как самостоятельной отрасли права, регулирующей минимальные стандарты национальной экономической безопасности, актуальные для осуществления хозяйственной деятельности на уровне макроэкономики, мезоэкономики и на микроэкономическом уровне, включая вопросы обеспечения финансовой безопасности. В рамках идеи формирования пруденциального цикла отраслей права удалось на доктринальном уровне институционализировать и сформировать представление о системе кондиционного права как совокупности правовых принципов и норм, определяющих и регулирующих порядок и условия осуществления кондиционного регулирования – целенаправленного управленческого воздействия на хозяйственную конструкцию общества (совокупность хозяйств, обозначаемых категориями «макро- мезо- и микроэкономика», а также совокупность типов, видов и форм осуществляемой ими хозяйственной деятельности) посредством формирования норм и принципов производства материальных и нематериальных благ, их распределения, перераспределения и потребления [8; 9]. Это в свою очередь позволило выдвинуть идею формирования и институционализации такого специфического направления научного знания как юридическая квалиметрия – науки, основополагающей идеей существования которой является качество права и качественные характеристики национальной правовой системы.

Фискалистика и юридическая квалиметрия как разработанные инновации в области права представляют значительный интерес как для научного сообщества (не ограничивающегося только пределами сообщества юристов), так и для специалистов-практиков. Данные области научного знания позволяют систематизировать и стандартизировать значительное число процессов, действий и событий, возведя в ранг абсолюта качество права и качество юридически значимых решений (и прежде всего, решений в системе государственного управления, местного управления и самоуправления), позволяющих в значительной степени усовершенствовать юридическое, экономическое и управленческое образование, обеспечив образцовое соответствие содержания составляющей их образовательной информации нормам национального, наднационального и международного права.

В настоящее время в силу имеющихся в распоряжении научной школы возможностей, основное внимание сконцентрировано на совмещении вышеназванных идей с содержательной частью юридического образования как в рамках образовательного процесса, так и при подготовке научных кадров высшей квалификации.

2. Совершенствование юридического образования как основная цель функционирования научной школы хозяйственного права как элемента научной и инновационной инфраструктуры БГУ.

Проблема совершенствования юридического образования, его трансформации под влиянием процессов постмодернизации [10], глобализации [11], цифровой трансформации [12], смены технологических укладов [13] и пр. находится в центре внимания научной школы хозяйственного права. Отталкиваясь от необходимости корректировки содержания образовательного процесса с учетом инновационного обновления экономики, выступающего в качестве главного фактора технико-экономического и социально-политического развития и обеспечения безопасности национальной экономики, представителями научной школы обоснована целесообразность включения в учебные планы подготовки будущих юристов новых учебных дисциплин, таких как пруденциальное право (право национальной экономической безопасности), антимонопольное, кондиционное, конкурсное, фискальное право.

1) «Пруденциальное право» (право национальной экономической безопасности), в рамках которого будут изучаться: понятие и природа национальной безопасности; место национальной экономической безопасности в системе национальной безопасности; понятие и природа пруденциальных отношений (отношений в сфере обеспечения национальной экономической безопасности); понятие, природа и классификация легальных барьеров для осуществления хозяйственной деятельности (базовые (первичные), дополнительные (вторичные), организационные легальные барьеры; легальные барьеры нестандартного характера; барьеры, обусловленные нормами международного права или международными обязательствами государства; фискальные барьеры); антимонопольное регулирование; кондиционное регулирование; учетное право; право национальной продовольственной безопасности; право национальной энергетической безопасности; право промышленной безопасности и др.

2) «Антимонопольное право», в рамках которого будут рассматриваться вопросы о понятии и природе антимонопольных правоотношений и их месте в системе пруденциального регулирования; соотношении и взаимной зависимости антимонопольного и фискального регулирования; понятии, правовой и экономической природе товара и товарных рынков; соотношении категории «товарный рынок» с категорией

«гражданский оборот»; понятии и природе конкуренции; добросовестной и недобросовестной конкуренции; соотношении монополизма и монополистической деятельности; легальной монополии (государственной монополии, естественной монополии, исключительной монополии, фактической монополии); монополистической деятельности; монополии; правовой и экономической природе группы лиц; экономической концентрации; правового регулирования свободного, регулируемого и трансфертного ценообразования; защиты экономических интересов государства при осуществлении внешнеэкономической деятельности (антидемпинговые, защитные и компенсационные меры); защиты прав потребителей; правового регулирования государственных, корпоративных закупок и закупок в строительстве; антимонопольный процесс и др.

3) «Кондиционное право», в рамках которого будут рассматриваться вопросы о понятии, природе и системе кондиционных правоотношений; правовых основах технического нормирования и стандартизации; оценке соответствия техническим требованиям; правовых основах санитарно-эпидемиологического благополучия населения; ветеринарном и фитосанитарном регулировании; международном и внутригосударственном аудите; правовых основах системы менеджмента качества и др. институты.

4) «Конкурсное право», в рамках которого будут изучаться понятие и природа конкурсных правоотношений; внутригосударственное конкурсное право (правовые основы экономических индикаторов; правовые основы досудебного оздоровления должника; правовые основы экономической несостоятельности; правовые основы банкротства; правовой режим мирового соглашения в конкурсных правоотношениях); международное конкурсное право (понятие, правовая, политическая и экономическая природа дефолта государства; правовые основы международного кредитного рейтинга; порядок и условия реструктуризации обязательств должника – субъекта международного права).

Представителями научной школы хозяйственного права теоретически обоснована целесообразность включения в образовательных процесс дисциплины «Фискальное право». Фискальное право представляет собою отрасль права, регулирующую вопросы функционирования казны, включая вопросы управления собственностью государства, а эти вопросы особенно важны для юристов, работающих в государственном секторе. В рамках названной учебной дисциплины должны изучаться: понятие и природа казны как имущественного комплекса государства; собственность государства и ее место в системе общественных отношений и в системе гражданских прав; фискальные правоотношения как сфера управления государственной собственностью; фискальные потоки; фискальные поступления; фискальные платежи (налоговые платежи; параналоговые

платежи; фискальные платежи таможенного характера); фискальные поступления от санкций; незапланированные поступления в казну; лоббистский инвестиционный процесс (поступление в пользу государства активов в соответствии с инвестиционным договором с Республикой Беларусь; осуществление инвестиций и финансирование в обмен на преференции (публично-частное партнерство в целом и государственно-частное партнерство как его тип); правовой режим фискальных поступлений в рамках концессионных отношений и др.); парафискалитеты; фискальная хозяйственная деятельность (государственное предпринимательство); правовое регулирование деятельности государственных и муниципальных корпораций; правовой режим государственных инвестиций и их место в системе объектов гражданских прав, принадлежащих государству; разгосударствление и огосударствление и их влияние на казну и состояние национальной экономики [5]. Вследствие принадлежности странового маркетинга и легальной экономической лоббистики к сфере фискальных правоотношений, в рамках фискального права предложено также изучать правовые основы данных институтов, а в перспективе – разработать основу для имплементации в образовательный процесс учебной дисциплины «Фискалистика», составляющей государственный компонент образовательных программ для подготовки юристов, экономистов и специалистов в области государственного управления.

Поскольку хозяйственное право – это право, регулирующее экономику (хозяйство), представители научной школы хозяйственного права разработали и внедрили в учебный процесс такие дисциплины как «Методология экономического анализа права» и «Правовые основы экономических рисков».

Смена технологических укладов происходит на основе внедрения инноваций, поэтому столь важное значение мы отводим преподаванию учебной дисциплины «Инновационное право», в рамках которой следует изучать следующие вопросы: инновационное право как подотрасль инвестиционного права; понятие и природа новшества и инноваций; понятие, правовая и организационная природа инновационной деятельности, осуществляемой в правовом режиме творческой, трудовой, хозяйственной или хозяйственно-трудовой деятельности; инновационная политика государства и конкретной организации; инновационная инфраструктура; субъекты инновационной инфраструктуры; субъекты инноваций и субъекты инновационной деятельности; соотношение инновационной деятельности с научной, научно-технической и научно-информационной деятельностью; правовые основы трансфера технологий и научно-информационной деятельности; правовой режим инновационного проекта; финансирование инноваций и осуществление

инвестиций в инновационные проекты; правовые основы использования инноваций в гражданском обороте и на товарных рынках товаров, выведенных из гражданского оборота [14].

Необходимо признать, что сущностные трансформации, происходящие в сфере осуществления экономической (хозяйственной) деятельности обусловили новое качество требований, предъявляемых к юридическим кадрам, а, соответственно, и к системе юридического образования. Современное юридическое образование должно ориентироваться на потребности практики, предлагая потребителю образовательной услуги актуальный, качественный и во многом инновационный образовательный продукт.

Список использованных источников

1. Бондаренко, Н. Л. Белорусская наука хозяйственного права: проблемы и перспективы развития / Н. Л. Бондаренко // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. : вып. 6 / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол. : И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. – Гродно, 2021. – С. 39–47.
2. Гладкая, Е. Н. Правовой статус профессиональных союзов как субъектов гражданского права по законодательству Республики Беларусь [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. Н. Гладкая ; БГУ. – Минск, 2022. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/276418>. – Дата доступа: 16.10.2022.
3. Бондаренко, Н. Л. Хозяйственное право: новое или хорошо забытое старое / Н. Л. Бондаренко // Право в современном белорусском обществе. – 2021. – № 16. – С. 319–327.
4. Бондаренко, Н. Л. Создание научной школы хозяйственного права в контексте решения задачи развития хозяйственного права в Республике Беларусь [Электронный ресурс] / Н. Л. Бондаренко // Третьи цивилистические чтения памяти профессора М. Г. Прониной : сб. статей / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь ; под общ. ред. Н. Л. Бондаренко, Т. М. Халецкой. – Минск, 2021. – С. 33–37.
5. Конаневич, Ю. Г. Фискальное право : монография / Ю. Г. Конаневич. – Минск : Ковчег, 2018. – 233 с.
6. Бондаренко, Н. Л. Фискальное регулирование и фискальное право: проблемы идентификации и институционализации / Н. Л. Бондаренко, Е. Н. Гладкая, Ю. Г. Конаневич // Право.by. – 2022. – № 1. – С. 46–51.
7. Бондаренко, Н. Л. Фискальное право и перспективы его институционализации в системе права / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич // Российский правовой журнал. – 2021. – № 4 (9). – С. 34–49.
8. Бондаренко, Н. Л. Понятие кондиционного права и его место в системе отраслей права [Электронный ресурс] / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, Ю. А. Хилинская // Третьи цивилистические чтения памяти

профессора М. Г. Прониной : сб. статей / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь ; под общ. ред. Н. Л. Бондаренко, Т. М. Халецкой. – Минск, 2020. – С. 37–41.

9. Бондаренко, Н. Л. Кондиционное право как самостоятельная отрасль права и как элемент механизма пруденциального регулирования / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, Ю. А. Хилинская // Российский правовой журнал. – 2021. – № 2 (7). – С. 60–77.

10. Бирюкова, Н. С. Модернизация высшего образования: философский аспект / Н. С. Бирюкова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2012. – № 152. – С. 19–26.

11. Малько, А. В. Юридическое образование в глобализирующемся обществе / А. В. Малько, А. Ю. Саломатин // Правоведение. – 2017. – №5 (334). – С. 16–31.

12. Сафуанов, Р. М. Цифровизация системы образования / Р. М. Сафуанов, М. Ю. Лехмус, Е. А. Колганов // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. – 2019. – №2 (28). – С. 108–113.

13. Клейман, Ю. А. Смена технологических укладов на основе внедрения инноваций как фактор технико-экономического развития / Ю. А. Клейман // Пространство экономики. – 2008. – № 1–2. – С. 164–168.

14. Бондаренко, Н. Л. Пруденциальное, фискальное и инновационное право и их место в системе юридических дисциплин Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич // Фан ва таълим замонавий босқичда: ислохотлар ва стратегик йўналишлар : Халқаро илмий-амалий конференция материаллари (2021 йил 29 сентябрь). – Т.: Ўзбекистон Республикаси ИИВ Академияси, 2021 йил. – 325 бет – С. 112–116.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНФОРМАЦИОННОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Э. Ю. Анциферова

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская, 17, 220089 г. Минск, Беларусь, edita.antsiferova@yandex.ru*

Суверенитет, несмотря на современные процессы глобализации, остается важнейшим качеством государства. Трансформация и модернизация современного государства, качественно новое измерение общественных процессов в условиях всеобщей глобализации вызвала необходимость изменения содержательного аспекта теории суверенитета, а также переосмысления правовых подходов к нему. Представляется

необходимым раскрыть содержание информационного суверенитета, провести его разграничение с синонимичными терминологическими единицами.

Ключевые слова: информационный суверенитет, информатизация, цифровизация, киберсуверенитет, цифровой суверенитет.

Процессы глобализации и информатизации общества, формирование и развитие государства нового формата непосредственно связаны с развитием информационных технологий. Информационный суверенитет представляется специфической категорией для всех сфер деятельности, связанной с его качественными техническими быстроразвивающимися особенностями и выполняющий социальную функцию в регулировании общественных отношений. Важнейшим инструментом теоретического анализа любой правовой категории и его правового регулирования в целом является понятийный аппарат. В связи чем и возникает необходимость уточнения некоторых классических представлений о содержании понятия «суверенитет».

Впервые данное понятие введено французским мыслителем Ж. Боденом в XIV в., который указывает, что «суверенитет есть абсолютная и постоянная власть государства над влиятельными синьорами и парламентами на определенной, четко обозначенной территории» [1, с. 234]. Понятие «суверенитет» в научной литературе традиционно понимается как «самостоятельность и независимость государства при осуществлении национальной правовой политики в целях обеспечения внутригосударственного правопорядка и эффективного взаимодействия с другими субъектами международных отношений» [2, с. 6].

Однако, помимо классического определения суверенитета в научной литературе наблюдается огромное множество использования тождественных терминологических единиц, таких как сетевой, электронный, технический, цифровой, виртуальный, информационный суверенитет, киберсуверенитет. Такая неопределенность обусловлена смешением данных понятий как в правовой науке, так и в законодательстве. Анализ научных трудов ученых-конституционалистов в области информационного суверенитета показал, что юридическая наука нуждается в систематизации упомянутых понятий. Это позволило бы упорядочить теоретические подходы к информационному суверенитету в теории конституционного права и выработать универсальную дефиницию исследуемого понятия, а также

провести анализ действующего законодательства на предмет закрепления в нем категории информационного суверенитета.

На наш взгляд, информационный суверенитет является более широким понятием по отношению к вышеупомянутым в связи с тем, что информационные технологии включают в себя не только цифровые технологии обмена информацией, но и аналоговые. Также, стоит отметить, что конечной целью каждого устройства является создание, обработка и хранение информации.

Ряд авторов трактует цифровой суверенитет как суверенитет конечного пользователя цифровых технологий и услуг. Цифровой суверенитет является ключевой идеей обладания над своими собственными цифровыми данными. Схожую трактовку имеет понятие «суверенитет данных», который рассматривают как «обеспечение защиты данных с особым вниманием к защите цифровых прав» [3]. Данные — поддающееся многократной интерпретации представление информации в формализованном виде, пригодном для передачи, связи или обработки [4]. То есть, речь идет о информации, представленной в материальной форме. Таким образом, цифровой суверенитет и суверенитет данных по сути является одной из составляющих информационного суверенитета.

Также, сетевой суверенитет предполагает «развитие инфраструктуры для перенаправления потоков данных» [5]. Так, авторы выводят новое понятие сетевого суверенитета, однако сеть – система, обеспечивающая взаимодействие и обмен информацией различных ЭВМ между собой. Соответственно, информационный суверенитет включает в себя сетевую инфраструктуру, которая и является способом трансляции информации в информационное пространство.

При характеристике вышеупомянутых понятий авторы часто уходят в защиту персональных данных, кибергигиену и киберкультуру. В результате указывают на характеристики схожего понятия киберсуверенитет. киберсуверенитет – это понятие, которое используется в области управления информационно-коммуникационными технологиями для характеристики стремления правительств осуществлять контроль над таковыми в пределах своих границ, включая политическую, экономическую, культурную, технологическую и иные виды деятельности. Согласно Концепции информатизации системы образования Республики Беларусь информационно-коммуникационные технологии – совокупность информационных технологий и технологий электросвязи, обеспечивающих сбор, обработку, хранение, распространение,

отображение и использование информации в интересах ее пользователей. Доминирующим видом деятельности в сфере общественной жизнедеятельности является сбор, накопление, обработка, трансляция и использование информации, осуществляемые на основе средств информационно-коммуникационной вычислительной техники. Таким образом, наблюдается тождественность и взаимозаменяемость вышеупомянутых понятий.

Цифровое развитие общества невозможно без стимулирования процессов технологической трансформации. Многие авторы берут на вооружение концепцию цифрового суверенитета при обсуждении различных вопросов, связанных с технологическим развитием, в связи с чем появилось понятие технологический суверенитет, который подразумевает «разработку цифровых технологий и создание цифровой инфраструктуры с использованием свободно распространяемого программного обеспечения, серверных устройств и технологий шифрования как на коллективной основе, так и в одиночку» [6] с целью «развития и контроля над технологиями как средства поддержания национального суверенитета» [7, с. 43]. К тому же, электронный суверенитет обеспечивает устойчивость от кибератак [8, с. 116]. Таким образом, электронный и технологический суверенитет являются тождественными и взаимозаменяемыми понятиями, предполагающими защиту информации с помощью информационно-цифровых технологий.

Общесвязующим звеном между вышеупомянутыми понятиями является информация, которая представляется в универсальном цифровом виде. В философском значении под информацией может быть представлено все, что может иметь вид идеи, текста, символа, сообщения или данных. Так, информационный суверенитет является многогранным понятием, включающим в себя вышеуказанные. Понятие «информационный суверенитет» выступает предметом исследования многих ученых (С. В. Жигжитов, И. С. Ашманов, М. М. Кучерявый, Д. Г. Артамонов и др.), однако до сих пор не выработан единый подход к пониманию данному правовому термину и анализу структурных элементов, что порождает проблемы в области понимания данного понятия. Анализ различных точек зрения показывает неоднозначность, а иногда и противоположность, подходов ученых-юристов к исследуемой категории, характеристике ее содержания. Нельзя не согласиться с В. М. Гессеном, который утверждал, что учение о суверенитете «до тех пор будет представлять из себя непроходимый лабиринт бесчисленных

контроверз и недоразумений, пока терминология в этой области не будет установлена на прочных и непоколебимых основах» [9, с. 55].

Информационный суверенитет подробно исследует С. В. Жигжитов, который анализирует различные составляющие понятия информационный суверенитет государства, позволяющие выявлять наиболее тесную взаимосвязь между ними на основе указанных авторами материально-правовых признаков и коллизионных особенностей.

В результате можно свести мнение автора к трем основным компонентам [10]:

1. Способность государства контролировать внутреннее информационное пространство. Следует отметить, что важным направлением для установления информационного суверенитета является проведение информационной политики внутри страны, а именно обеспечение стабильности и безопасности национальных информационных инфраструктур, технологическая и законодательная независимость государства в информационном пространстве от внешних угроз, формирование глобального информационного пространства. Например, в Российской Федерации создан Закон «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», согласно которому компании, чья суточная аудитория превышает 500 тыс. человек, должны открыть в России филиал, представительство или уполномоченное юрлицо, зарегистрировать личный кабинет на сайте Роскомнадзора и разместить на своем ресурсе электронную форму для обратной связи.

2. Способность государства отражать информационные атаки извне (щит). Тесно связанной с информационной политикой характеристикой является осуществление устойчивости государства к информационным угрозам, а именно формирование состояния защищенности информационного пространства и инфраструктуры, обеспечивающее сохранность интересов личности, общества и государства. Таким образом формируется информационная безопасность страны. Например, Тверской суд Российской Федерации объявила о блокировке и признании экстремистской платформы Instagram в связи с размещением информации, содержащей призывы к насилию против российских граждан.

3. Способность государства влиять на информационное пространство других государств (меч). Данный пункт указывает на информационную политику меча, а именно информационное

воздействие с целью нанесения ущерба важным структурам иного государства, подрыва его политической и социальной систем, дестабилизации общества и государства противника для достижения выгодных для агрессора целей при одновременной защите от аналогичных действий своего информационного пространства. Так, в результате вторжения Украины в информационное пространство Российской Федерации и Республики Беларусь наблюдается использование инструментов меча в огромном разнообразии информационных потоков, а именно таргета на всех развлекательных площадках для трансляции рекламы, носящей деструктивный характер.

Таким образом, информационный суверенитет можно рассматривать как устойчивость государства к информационному потоку (угрозам), а также проведение государственной информационной политики на национальном и международном уровнях. При этом, анализ различных подходов позволяет сделать вывод о том, что информационный суверенитет является общим родовым понятием по отношению к смежным характеристикам (киберсуверенитет, электронный суверенитет, цифровой суверенитет и др.) в связи с тем, что информация и информационные процессы пронизывает все сферы жизнедеятельности, включающим в себя вышеуказанные составляющие. Огромное количество терминологических единиц приводит к размыванию границ исследуемых понятий и необходимости в выработке единого подхода к понимаю данной характеристики.

Список использованных источников

1. Шесть книг о государстве. Антология мировой политической мысли : в 5 т. / Ж. Боден ; под ред. А. А. Мигولاتьев. – 1-е изд. – М : Мысль, 1997. – 305 с.
2. Милешкина, Т. С. Политико-правовые механизмы защиты суверенитета российского государства : дис. ... канд. юрид. наук : 23.00.02 / Т. С. Милешкина. – М., 2007. – 138 с.
3. Polatin-Reuben, D., Wrigh, J. An Internet with BRICS characteristics: data sovereignty and the Balkanisation of the Internet. Usenix. 7 July 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.usenix.org/system/files/conference/foci14/foci14-polatin-reuben.pdf>. – Дата доступа: 07.03.2022.

4. Словарь информационных технологий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.iso.org/obp/ui/#iso:std:iso-iec:2382:ed-1:v1:en>. – Дата доступа: 12.03.2022.
5. Obar, J.A., Clement, A. Internet Surveillance and Boomerang Routing: A Call for Canadian Network Sovereignty [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://papers.ssrn.com/abstract=2311792>. – Дата доступа: 08.03.2022.
6. Beltrán, N. C. Technological sovereignty: what chances for alternative practices to emerge in daily IT use [Электронный ресурс] // Hybrid. Revue des arts et médiations humaines. – Режим доступа: <https://www.semanticscholar.org/paper/Technological-Sovereignty%3A-What-Chances-for-to-inBeltran/b26e0d1f1c21497b2980f8515d6ce7948d9c892f>. – Дата доступа: 18.03.2022.
7. Globerman, S. Canadian science policy and technological sovereignty / S. Globerman // Canadian Public Policy. – 1978 – №. 4 (1) – P. 34–45.
8. Филон, Н. С. Цифровой суверенитет / Н. С. Филон // Современные тенденции развития права, государства и интеграционных образований : материалы междунар. науч. конференции студентов, магистрантов и аспирантов, Минск, 2–3 ноября 2018 г. / БГУ, Юридический фак. ; редкол.: Т. А. Червякова (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2019. – С. 116–117.
9. Гессен, В. М. Общее учение о государстве / В. М. Гессен. – СПб. : Типолит. И. Трофимова, 1912. – 190 с.
10. Жигжитов, С. В. Государственный суверенитет – особенности теоретического и прикладного исследования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rosnation.ru/index.php?D=11>. – Дата доступа: 08.03.2022.

КОНКУРЕНЦИЯ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

А. Н. Арушаньянц

*Национальный центр законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь, ул. Берсона, 1А, 220030, г. Минск, Беларусь,
vitaminac@mail.ru*

Глобализация общественных отношений и экономических процессов создает предпосылки для формирования разнообразных интеграционных объединений, центральными из которых на современном этапе являются Европейский союз и Евразийский экономический союз. В пределах каждого союза сформировано «право союза», которым обеспечивается развитие конкуренции. В настоящей статье представлен краткий обзор антимонопольного права ЕАЭС. Выделены некоторые недостатки легального определения категории «конкуренция» и предложено авторское определение конкуренция, обеспечивающее защиту национальных интересов и социальную ответственность при осуществлении хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: устойчивая конкуренция, право ЕАЭС, социальная ответственность, защита национальных интересов

Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС) функционирует с 2015 года. К настоящему времени в ЕАЭС сложилось «право союза», обеспечивающее главную цель создания союза – единое экономическое пространство, в пределах которого складывается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проводится скоординированная, согласованная или единая политика в различных отраслях экономики, в том числе в сфере антимонопольного регулирования.

Принципы и правила конкуренции в ЕАЭС определены «правом союза» в разделе XVIII Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (далее – Договор о ЕАЭС) и приложении № 19 к Договору «Протокол об общих принципах и правилах конкуренции». Помимо этого, нормы в области конкуренции содержатся в иных актах, принятых в развитие положений Договора о ЕАЭС.

Согласно Протоколу об общих принципах и правилах конкуренции *конкуренция понимается как состязательность хозяйствующих субъектов (субъектов рынка), при которой самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке.* Следует отметить, что понимание конкуренции распространяется на трансграничные рынки на территории двух и более государств-членов (такой критерий был положен в основу определения трансграничного рынка, содержащегося в п. 2 Критериев отнесения рынка к

трансграничному, утвержденных решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 г. № 29). Относительно внутреннего рынка положения Договора о ЕАЭС распространяются на отношения, связанные с реализацией конкурентной (антимонопольной) политики на территориях государств-членов (ст. 74 Договора о ЕАЭС).

Следование принципам рыночной экономики и добросовестной конкуренции определено в качестве одного из принципов функционирования ЕАЭС (ст. 3 Договора о ЕАЭС).

Реализация данного принципа находит свое отражение в положениях Договора о ЕАЭС, устанавливающих общие принципы и правила конкуренции, которые в свою очередь направлены на выявление и пресечение антиконкурентных действий на территориях государств-членов, и действий, оказывающих негативное влияние на конкуренцию на трансграничных рынках на территории двух и более государств-членов.

К числу общих правил конкуренции Договор о ЕАЭС (ст. 76) относит запрет на злоупотребление хозяйствующими субъектами доминирующим положением; запрет на ограничивающие конкуренцию соглашения хозяйствующих субъектов (субъектов рынка); запрет на координацию экономической деятельности; запрет на недобросовестную конкуренцию.

Положения Договора о ЕАЭС позволяют вести речь о понимании *свободы конкуренции в праве ЕАЭС как о свободе доступа на общий рынок и устранении барьеров для осуществления экономической деятельности на общем рынке*. Содержание такой свободы также составляют проведение согласованной конкурентной (антимонопольной) политики на товарных рынках ЕАЭС в отношении действий хозяйствующих субъектов третьих стран (ч. 4 ст. 74 Договора о ЕАЭС), применение государствами-членами норм своего конкурентного законодательства на равных условиях к хозяйствующим субъектам государств-членов одинаковым образом и в равной мере независимо от организационно-правовой формы и места регистрации таких хозяйствующих субъектов (ч.1 ст. 75 Договора о ЕАЭС), обязанность государств-членов устанавливать запреты на соглашения между органами власти и организациями или между ними и хозяйствующими субъектами, если такие соглашения приводят или могут привести к недопущению, ограничению или устранению конкуренции, а так же запреты на предоставление государственных или муниципальных преференций (ч. 2 ст. 75 Договора о ЕАЭС).

Права и обязанности хозяйствующих субъектов составляют понятие общих правил конкуренции, которые сформулированы в ст. 76 Договора в

форме запретов злоупотребления доминирующим положением (пункт 1), недобросовестной конкуренции (пункт 2), соглашений между конкурентами (пункт 3), «вертикальных» соглашений (пункт 4), иных соглашений (пункт 5), осуществления координации экономической деятельности (пункт 6). Следует отметить, что данные положения носят характер норм прямого действия и подлежат соблюдению.

Приложением № 19 к Договору установлены критерии допустимости антиконкурентных соглашений (п. 5) и исключения из запрета таких соглашений (п. 7), которые косвенным образом позволяют вести речь о понимании конкуренции как об ответственной (устойчивой (с позиций концепции устойчивого развития)) конкуренции, осуществляемой субъектами хозяйствования с учетом не только экономических факторов (прибыльности), но и социальных (получение преимуществ потребителями) и экологических (совершенствование производства, повышение конкурентоспособности на современном этапе предполагает учет экологических требований и сокращение негативного экологического воздействия).

Учет экологической составляющей предусмотрен в «праве союза» как требование при проведении макроэкономической политики и зафиксирован в Решении Высшего Евразийского экономического совета от 27 мая 2022 г. № 7 «Об основных ориентирах макроэкономической политики государств-членов Евразийского экономического союза на 2022 – 2023 годы», в котором обращается внимание на мировую тенденцию «повышения требований к экологической чистоте производства, которая становится одним из ключевых факторов конкурентоспособности». Однако положения решения закреплены в качестве рекомендации развивать технологический и производственный потенциал ЕАЭС, в том числе путем реализации в союзе принципов устойчивого развития и «зеленой» экономики, разработки концепции внедрения принципов «зеленой» экономики в союзе. О намерениях вывести климатические вопросы на уровень ЕАЭС высказываются представители ЕАЭС (министр по торговле Евразийской экономической комиссии) [1], что позволяет понимать, что в скором времени конкуренция субъектов хозяйствования будет иметь дополнительные экологические и социальные характеристики и приобретать социально-ответственный характер. Учет социального фактора при обеспечении устойчивого экономического развития следует из целей создания ЕАЭС, которые определены в ст. 4 Договора о ЕАЭС. Так, создание условий для стабильного развития экономик государств-

членов *в интересах повышения жизненного уровня их населения* дополняет концепцию устойчивого развития в рамках ЕАЭС социальным фактором.

В целом следует отметить, что государства-члены ЕАЭС активно ведут работу по принятию нормативных правовых актов, обеспечивающих развитие конкуренции, решение вопросов экологии (климата) и социальной ответственности. В официальных выступлениях отмечается, что только в 2021 году, например, в России принято 530 нормативных документов, относящихся к зеленой повестке [2]. С другой стороны, признается, что увеличение количества нормативных правовых актов способно создать «беспрецедентно большой массив не гармонизированных национальных законодательств» [2], требования которых могут стать барьерами для осуществления предпринимательской и иной хозяйственной деятельности на общем рынке.

В ходе проведенного анализа практики реализации концепции устойчивого развития и обеспечения устойчивой конкуренции, следует отметить наличие препятствий в правовом обеспечении устойчивой конкуренции. При этом, если ранее общепризнанным негативным фактором признавалась общемировая пандемия COVID-19, в настоящее время достижение Целей устойчивого развития дополнительно усложнено разрывом международных логистических и производственных цепочек [3].

Как вариант, предлагается пересмотреть концепцию устойчивого развития и корпоративной социальной ответственности бизнеса, являющихся основой устойчивой конкуренции субъектов хозяйствования. Так, на самом высоком уровне межгосударственного взаимодействия обращается внимание на то, что используемые в последнее время дефиниции «устойчивое развитие», «климатическая повестка», ESG и др. «связаны друг с другом в значительной степени искусственно» [4] и не отвечают национальным интересам государств. Поэтому необходимо разработать «собственную национальную систему климатической адаптации, которая ведет к достижению национальных и глобальных целей климатической адаптации в XXI веке».

Одновременно следует изменить подходы в определении и понимании природы и сущности конкуренции на законодательном уровне, так как в современной практике правового регулирования категория «конкуренция» определяется с учетом достижений экономической науки и исключает из определения социальную ответственность субъектов хозяйствования и необходимость учета национальных интересов при осуществлении хозяйственной деятельности. Антимонопольное право ЕАЭС и

законодательств стран-участниц союза сконцентрировано на трех аспектах осуществления хозяйственной деятельности: свободы вхождения на товарный рынок, свободы выхода с товарного рынка, практически беспрепятственное трансюрисдикционное движение капитала.

В свою очередь, как показало ранее проведенное автором исследование [5], конкуренцию следует рассматривать как комплексную категорию, которая включает в себя экономическую конкуренцию, социальную конкуренцию за доступ к товарным рынкам и социальную ответственность за результаты хозяйственной деятельности и функционирование соответствующих рынков. Поэтому нами предлагается авторское понимание сущности экономической конкуренции как институционального явления и сформулировать определение конкуренции:

«Конкуренция – состязательность субъектов хозяйственных (экономических) отношений, заинтересованных в обращении товаров на товарных рынках, и деятельность иных лиц, способных оказать воздействие на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке без осуществления хозяйственной деятельности на таком товарном рынке, включающая:

– экономическую конкуренцию – состязательность государств (макроэкономическая конкуренция) и составляющих их хозяйствующих субъектов на национальном и иностранных товарных рынках (микроэкономическая конкуренция), при которой самостоятельные действия каждого из них не создают условия для недопущения, исключения или ограничения возможности одностороннего воздействия на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке, а также не создают угроз для национальной экономической безопасности;

– социальную конкуренцию за доступ к товарным рынкам;

– социальную ответственность за результаты хозяйственной деятельности и функционирование соответствующих товарных рынков» [5, с. 29–30].

Список использованных источников

1. Слепнев, А. Дорожная карта ЕАЭС в рамках климатической повестки может быть принята уже в этом году / А. Слепнев // Евразийская экономическая комиссия. – Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/news/andrey-slepnev-dorozhnaya-karta-eaes-v->

ramkakh-klimaticheskoy-povestki-mozhet-byt-prinyata-uzhe-v-et/?sphrase_id=111612 – Дата доступа: 26.07.2022

2. Необходимо создавать условия и стимулы предприятиям-загрязнителям для использования зеленых технологий [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. Новости. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/news/neobkhdimo-sozdavat-usloviya-i-stimuly-predpriyatyam-zagryaznitelyam-dlya-ispolzovaniya-zelenykh-t/?sphrase_id=111112 – Дата доступа: 22.07.2022

3. Эксперты заявили о проблемах в достижении Целей устойчивого развития в ЕАЭС и в мире [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. Новости. – Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/news/eksperty-zayavili-o-problemax-v-dostizhenii-tseley-ustoychivogo-razvitiya-v-eaes-i-v-mire/> – Дата доступа: 21.07.2022.

4. Трансформация устойчивости: глобальные вызовы vs. глобальные возможности [Электронный ресурс] // Росконгресс. – Режим доступа: <https://roscongress.org/sessions/transformatsiya-ustoychivosti-globalnye-vyzovy-vs-globalnye-vozmozhnosti/discussion/> – Дата доступа: 20.07.2022

5. Арушаньянц, А. Н. Конкуренция как институциональное явление и правовая категория / А. Н. Арушаньянц // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. Вып. 6 / ГрГУ им. Янки Купалы ; редкол.: И.Э.Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2021. – С. 21–31.

КОНКУРЕНЦИЯ И ФОРМЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В РИЭЛТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

М. А. Баранашник

*Учреждение образования «БИП-Университет права и социально-информационных технологий», ул. Короля, 3, 220004, г. Минск,
marina-291@yandex.ru*

В статье рассматриваются основные положения о реализации начал принципа добросовестной конкуренции в риэлтерской деятельности. Проводится исследование с целью выявления возможных предпосылок возникновения недобросовестной конкуренции в рассматриваемом виде деятельности. Анализируются положения правовых актов, регулирующих

риэлтерскую деятельность, а также данные официальных сайтов Министерства юстиции Республики Беларусь и Министерства антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь для выявления случаев недобросовестной конкуренции. Автором сделан вывод об отсутствии недобросовестной конкуренции в деятельности, связанной с оказанием риэлтерских услуг, не исключая при этом ее наличия в рамках взаимоотношений между специалистами по риэлтерской деятельности и протекания в латентной форме.

Ключевые слова: конкуренция, добросовестная конкуренция, недобросовестная конкуренция, риэлтерская деятельность, риэлтерские услуги.

Деятельность субъектов хозяйствования независимо от форм собственности, а также индивидуальных предпринимателей, связанная с производством или реализацией товаров, выполнением работ и оказанием услуг направлена, в первую очередь, на получение прибыли. При этом приемы, способы, используемые хозяйствующими субъектами в целях получения доходов, в некоторых случаях не соответствуют общепринятым правилам поведения, в основе которых заложен принцип добросовестной конкуренции. К сожалению, приходится констатировать, что некоторые юридические лица в процессе осуществления своей деятельности используют запрещенные методы получения прибыли путем продажи товара ниже себестоимости, нарушения этических норм и правил, сокрытия какой-либо важной информации от потребителей и иными доступными способами. Перечисленные действия являются показателем существования между участниками рынка недобросовестной конкуренции, в основе которой заложен принцип недопущения монополистической деятельности.

Вместе с тем возникает вполне закономерный вопрос, каким образом реализуется принцип добросовестной конкуренции в деятельности отдельных субъектов хозяйствования, например, в деятельности риэлтерских организаций. Характерно ли для данного вида деятельности такое явление как недобросовестная конкуренция, которая, отметим, в Республике Беларусь не допускается.

Итак, для начала представляется целесообразным упомянуть, что согласно п.п. 1.3 п. 1 Указа Президента Республики Беларусь от 9 января 2006 г. № «О риэлтерской деятельности в Республике Беларусь» (далее – Указ № 15) риэлтерская деятельность в Республике Беларусь представляет

собой посредническую деятельность коммерческих организаций по предоставлению услуг, связанных с содействием в заключении договоров на строительство (в том числе доленое), купли-продажи, мены, аренды, иных сделок с объектами недвижимости, правами на них (за исключением организации и проведения аукционов и конкурсов). Анализ правового регулирования риэлтерской деятельности позволяет констатировать, что в качестве главного признака деятельности названных организаций будут выступать услуги. Поскольку риэлтерские организации являются коммерческими организациями, то услуги, оказываемые данными субъектами хозяйствования, носят возмездный характер, исходя из основной цели их деятельности, получившей нормативное закрепление в п.1 ст. 46 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-3 (далее – ГК).

В соответствии с положениями Указа Президента Республики Беларусь от 1 сентября 2010 г. № 450 «О лицензировании отдельных видов деятельности» риэлтерская деятельность относится к лицензируемым видам деятельности. Это означает, что законодательство содержит предписания императивного характера, не позволяющие субъектам хозяйствования, предоставляющим риэлтерские услуги, самостоятельно определять, например, стоимость риэлтерских услуг.

Для реализации принципа добросовестной конкуренции и наличия недобросовестной конкуренции в риэлтерской деятельности, полагаем целесообразно, прежде всего, выяснить суть понятия «конкуренция». Легальное определение названной категории содержится в абз. 7 ст.1 Закона Республики Беларусь от 12 декабря 2013 г. № 94-3 «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» (далее – Закон № 94-3). В соответствии с нормами указанной статьи Закона № 94-3, конкуренция – состязательность хозяйствующих субъектов, при которой самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке. Словарь современных экономических и правовых терминов трактует конкуренцию как состязательную борьбу, соперничество между товаропроизводителями за наиболее выгодные сферы приложения капитала, рынки сбыта, источники сырья [1, с. 171]. Толковый словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой определяет ее как соперничество, борьбу за достижение больших выгод, преимуществ [2, с. 290]. Анализ приведенных толкований

рассматриваемой категории свидетельствует о том, что видение как авторов Закона № 94-З, так и авторов энциклопедических изданий тождественно относительно того, что конкуренция – это состязательность между субъектами с целью извлечения наибольших выгод. Необходимо учитывать, что в основе состязательности заложен процессуальный принцип состязательности сторон, который, как видно, реализуется также и в нормах материального права.

Закон № 94-З также содержит дефиницию «недобросовестная конкуренция». В частности, под недобросовестной конкуренцией понимаются направленные на приобретение преимуществ (выгод) в предпринимательской деятельности действия хозяйствующего субъекта или нескольких хозяйствующих субъектов, которые противоречат названному Закону, иным законодательным актам и актам антимонопольного законодательства или требованиям добросовестности и разумности и могут причинить или причинили убытки другим конкурентам либо могут нанести или нанесли вред их деловой репутации. На наш взгляд, официальная трактовка исследуемой категории не отражает ее в полной мере, поскольку не включает в себя все признаки данного понятия. Вместе с тем, в положениях ч. 2 ст.1029 ГК, правовую регламентацию получили действия, признаваемые недобросовестной конкуренцией, к которым относятся:

1) все действия, способные каким бы то ни было способом вызвать смещение в отношении юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, товаров, работ, услуг или предпринимательской деятельности конкурентов;

2) ложные утверждения при осуществлении предпринимательской деятельности, способные дискредитировать юридическое лицо, индивидуального предпринимателя, товары, работы, услуги или предпринимательскую деятельность конкурента;

3) указания или утверждения, использование которых при осуществлении предпринимательской деятельности может ввести в заблуждение относительно характера, свойств, пригодности к применению или количества товаров, работ, услуг конкурента;

4) другие действия, противоречащие требованиям ГК и иных актов законодательства о конкуренции, при осуществлении предпринимательской деятельности.

Отметим, что перечисленные в данной норме ГК признаки носят общий характер и не являются исчерпывающими. В то же время именно

они позволяют нам проанализировать пути реализации добросовестной конкуренции, а также выявить возможные предпосылки к возникновению недобросовестной конкуренции в риэлтерской деятельности. Принимая во внимание вышеперечисленные признаки недобросовестной конкуренции, позволим себе проанализировать возможное наличие или предпосылки проявления указанного явления в риэлтерской деятельности, исходя из специфики данного вида деятельности.

Как отмечалось ранее, оказание риэлтерских услуг в Республике Беларусь возможно только при наличии специального разрешения (лицензии). Функция лицензирующего и контролирующего деятельность органа в соответствии с положениями Указа Президента Республики Беларусь от 9 января 2006 г. № 15 «О риэлтерской деятельности в Республике Беларусь» (далее – Указ № 15) возложена на Министерство юстиции Республики Беларусь, которое в соответствии с п.п. 1.1 п.1 названного документа реализует государственную политику в рассматриваемой сфере.

В правовых актах, посвященных правовому регулированию риэлтерской деятельности, не рассматривается такое понятие как конкуренция, а уж тем более не упоминается в них напрямую категория «недобросовестная конкуренция». Исключение составляют только Правила профессиональной этики специалиста по риэлтерской деятельности, утвержденные постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 1 июня 2009 г. № 42 «О мерах по совершенствованию риэлтерской деятельности в Республике Беларусь» (далее – Правила профессиональной этики). Так, глава 4 названного документа, именуемая «Взаимоотношения специалистов по риэлтерской деятельности» содержит требования, касающиеся соблюдения этических норм и правил во взаимоотношениях между специалистами по риэлтерской деятельности, с оговоркой на соблюдение правил о добросовестной конкуренции. В соответствии с п. 19 Правил профессиональной этики специалист по риэлтерской деятельности не должен:

употреблять выражения, умаляющие честь, достоинство или деловую репутацию другого специалиста по риэлтерской деятельности в связи с осуществлением им риэлтерской деятельности;

обсуждать с потребителем правильность действий и консультаций специалиста по риэлтерской деятельности, ранее

оказывавшего потребителю риэлтерские услуги, допускать некорректные замечания в его адрес.

В практической деятельности специалисты по риэлтерской деятельности, к сожалению, сталкиваются с проблемой несоблюдения этических норм и правил во взаимоотношениях с работниками других риэлтерских организаций. Так, в борьбе за каждого клиента специалисты по риэлтерской деятельности используют такие формы работы как:

предоставление недостоверной информации об агентствах-конкурентах, например, сведений о низком рейтинге других риэлтерских организаций, преувеличивая значимость организации, работником которой является именно данный специалист;

высказывания, умаляющие честь, достоинство или деловую репутацию коллег из других риэлтерских организаций, обусловленные, например, некачественным оказанием услуг.

Следует отметить, что перечисленные в качестве примеров действия не носят грубый характер, но позволяют все же говорить о наличии начал недобросовестной конкуренции в риэлтерской деятельности и протекании ее в латентной форме.

Полагаем, данное явление связано с тем, что в настоящее время только в г. Минске насчитывается около 92 агентств недвижимости, а по республике лицензию на оказание риэлтерских услуг имеет 164 риэлтерские организации, без учета государственных риэлтерских организаций, которым лицензия на оказание данных услуг не требуется [3]. Наличие значительного количества агентств недвижимости свидетельствует о высокой конкуренции среди профессиональных участников рынка недвижимости как в целом по стране, так и частности по г. Минску. Поэтому, полагаем, именно в нарушении этических норм и правил во взаимоотношениях специалистов по риэлтерской деятельности заложены начала недобросовестной конкуренции. В то же время считаем необходимым подчеркнуть, что конкуренция, если она ведется на началах принципа добросовестности, неизбежна. Поскольку именно конкуренция позволяет рассматриваемым субъектам хозяйствования повышать качество предоставляемых услуг путем содействия повышению уровня профессионального мастерства работников риэлтерских организаций, включающих в себя, в том числе, соблюдение этических норм и правил.

Нормы других специальных актов содержат в основном предписания относительно соблюдения лицензионных требований, порядка оказания услуг и их стоимости, исполнения договорных обязательств. Например,

стоимость риэлтерских услуг определена в Тарифах (ставках) на риэлтерские услуги, в том числе на риэлтерские услуги по содействию при заключении, исполнении, прекращении договоров купли-продажи объектов недвижимости, утвержденных постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 14 марта 2008 г. № 386 (далее – Тарифы). Тарифы не позволяют субъектам, оказывающим рассматриваемый вид услуг самостоятельно определять их стоимость, исключив тем самым, недобросовестную конкуренцию путем занижения стоимости услуг.

Положения Правил осуществления риэлтерской деятельности в Республике Беларусь, утвержденных Указом № 15 содержат запрет на заключение договора на оказание риэлтерских услуг, если он будет препятствовать исполнению ранее заключенного договора. Данное предписание также исключает наличие недобросовестной конкуренции и свидетельствует о наличии цивилизованных отношений между субъектами предпринимательской деятельности в рассматриваемой сфере.

В законодательстве содержится запрет на работу специалистов по риэлтерской деятельности (агентов по операциям с недвижимостью и риэлтеров) в нескольких риэлтерских организациях на основании трудовых или гражданско-правовых договоров. Закрепив такую норму на уровне правовых актов, законодатель пресекает не только наличие недобросовестной конкуренции, но и разглашение конфиденциальной информации и коммерческой тайны.

Ежегодно на официальном портале Министерства юстиции Республики Беларусь управлением адвокатуры и лицензирования юридической деятельности предоставляются сведения о типичных нарушениях при осуществлении риэлтерской деятельности. Анализ предоставленной информации, приведенной по состоянию на 1 января 2022г. позволяет сделать вывод о том, что контролирующим органом за 2021 год не выявлено случаев недобросовестной конкуренции среди субъектов хозяйствования, предоставляющих посреднические услуги на рынке недвижимости [3].

Отсутствует информация о выявленных случаях недобросовестной конкуренции за 2021 год со стороны риэлтерских организаций и на официальном сайте Министерства антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь, в рамках которого создана и осуществляет деятельность комиссия по установлению факта наличия (отсутствия) нарушения антимонопольного законодательства [4].

Таким образом, на основании изложенного представляется необходимым сделать выводы о том, что законодательство Республики Беларусь в сфере правового регулирования риэлтерской деятельности полностью пресекает предпосылки возникновения недобросовестной конкуренции в данном виде деятельности, основывая ее тем самым на началах принципа добросовестной конкуренции. Отсутствие случаев недобросовестной конкуренции в риэлтерской деятельности подтверждается приведенными данными государственных органов. Вместе с тем, полагаем, что начала недобросовестной конкуренции в рассматриваемой сфере все же присутствуют и выражаются они в нарушении специалистами по риэлтерской деятельности Правил профессиональной этики. Особенностью проявления начал недобросовестной конкуренции в названном аспекте является латентная форма протекания.

Список использованных источников

1. Словарь современных экономических и правовых терминов / В. Н. Шимов, А. Н. Тур, Н. В. Страх [и др.] ; под ред. В. Н. Шимова и В. С. Каменкова.– Минск : Тэхналогія, 1999 – 542 с.
2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М. : ООО «Издательство ЭЛПИС», 2003. – 944 с.
3. Официальный Интернет-портал Министерства юстиции Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minjust.gov.by/>. – Дата доступа:26.09.2022.
4. Официальный сайт Министерства антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https:// mart.gov.by/](https://mart.gov.by/). – Дата доступа:26.09.2022.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Д. А. Баранов

*Национальный центр законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь, ул. Берсона 1, 220030, г. Минск, Беларусь,
Sr.09@mail.ru*

В статье автором рассмотрены отдельные нормативные документы в сфере применения цифровых технологий в строительной отрасли. Проводится анализ проблемных вопросов правового регулирования процессов технологического развития в исследуемой области. Представлены основные направления развития цифровых технологий в строительной отрасли, а также сформулированы некоторые предложения по их законодательному оформлению.

Ключевые слова: цифровизация, строительная отрасль, правовое регулирование, информационные технологии

В настоящее время в Республике Беларусь сложилась непростая экономическая ситуация. Поэтому особое значение приобретает поиск новых конкурентных преимуществ отечественных предприятий. Одним из таких преимуществ является внедрение и использование цифровых технологий. Инновационное развитие технологий и эффективность их использования на сегодняшний день оказывают значительное влияние на конкурентоспособность компаний [1, с. 235–237]. Перед государством стоит задача обеспечить общество качественной нормативной правовой базой для развития цифровых технологий во всех сферах человеческой деятельности. Строительство не является исключением.

Для того чтобы обозначить некоторые проблемные вопросы правового регулирования цифровизации строительной отрасли, необходимо дать общую оценку существующей в Республике Беларусь системы и видов источников правового регулирования по обозначенной теме.

К нормативным актам, определившим строительную сферу как зону, в которой должен создаваться новый цифровой порядок необходимо отнести Указ Президента Республики Беларусь от 15 сентября 2021 г. № 348 (ред. от 24 августа 2022 г.) «О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2021-2025 годы», а также Указ Президента Республики Беларусь от 7 мая 2020 г. № 156 «О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2021-2025 годы». В рамках указанных

документов представлены основные направления развития инновационной политики государства, а также обозначены механизмы их реализации.

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 г. № 66 (ред. от 18 марта 2022 г.) была утверждена «Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021-2025 годы». Государственной программой предусматривается выполнение мероприятий по созданию современной информационно-коммуникационной инфраструктуры, внедрению цифровых инноваций в отраслях экономики и технологий «умных городов», а также обеспечению информационной безопасности таких решений.

Наиболее важными и значимыми актами следует признать Указ Президента Республики Беларусь от 29 июля 2021 г. № 292 «Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021-2025 годы» (далее – Указ № 292) и Директиву Президента Республики Беларусь № 8 «О приоритетных направлениях развития строительной отрасли» (далее – Директива № 8).

Правотворческая работа ведется и на ведомственном уровне. В частности, приказом Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь от 16 марта 2018 г. № 70 «О внедрении технологии информационного моделирования» установлен план внедрения технологии информационного моделирования в области промышленного и гражданского строительства.

Ряд принятых нормативных правовых актов в рассматриваемой сфере, говорит в целом о внимательном отношении государства к проблемам технологического развития в строительной отрасли. Тем не менее, предпринятые шаги по развитию законодательства в данной сфере, не решают проблему системного и эффективного правового регулирования исследуемых общественных отношений. Нынешняя редакция проекта Кодекса Республики Беларусь об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности (далее – Кодекс) в которой не закреплено ни одного положения касающегося развития цифровых технологий в сфере строительной деятельности, тому подтверждение.

Следует отметить, что на фоне развития международного сотрудничества, гармонизации и унификации законодательства Республики Беларусь в рамках Евразийского экономического союза и других международных институтов подобная нерешительность выглядит противоестественно. Парадоксально и то, что законодательная основа заложена. Во многих указанных выше нормативных правовых актах

сформирован категориальный аппарат, определены цели и пути развития цифровых технологий.

Важным направлением является нормативное правовое обеспечение внедрения информационных сервисов по оказанию услуг в строительстве. Строительная деятельность многогранная сфера, которая помимо сложной внутренней структуры регулируется различными отраслями права, что обуславливает актуальность развития цифровых форм взаимодействия. Потребность разработки государственной отраслевой цифровой платформы, не раз поднималась в обсуждениях и актах различных уровней. Например, в Директиве отмечается необходимость перехода на электронное взаимодействие всех участников инвестиционно-строительного процесса, создание единой информационной среды в строительной отрасли и др. Однако практического воплощения указанные положения пока не приняли.

Сегодня действующее законодательство необходимо наполнять императивными нормами. Декларативное регулирование не позволяет достичь желаемого результата. Уже сегодня в проекте Кодекса могут быть установлены случаи, в которых выдача разрешений на строительство и представление иных документов, необходимых для его получения, осуществляются исключительно в электронной форме и др. В технические нормативные акты целесообразно имплементировать разделы по осуществлению регулируемых ими процедур в электронном виде. Следует развивать электронное взаимодействие между застройщиками и государственными органами, осуществляющими контролирующие и надзорные функции в строительстве, экспертными учреждениями, организациями по регистрации недвижимого имущества и другими субъектами строительных отношений. А с ним вводить единые стандарты предоставления государственных услуг в сфере строительства.

Использовать современные технологии можно и в таком направлении как формирование различных поисково-справочных платформ, электронных баз хранения документов и др. Например создание электронной базы типовых форм договоров строительного подряда. В частности, при использовании новых договорных конструкций предметом которых являются цифровые объекты, договоров на разработку технологий информационного моделирования (далее – ТИМ) и др. Создание такой базы рекомендуемых типовых договоров (примерных условий договоров) по использованию цифровых продуктов, упростило бы процесс строительства, значительно снизило издержки при подготовке

договорной документации, ну и сама унификация была полезна для всех участников архитектурно-строительной деятельности. Одним словом нужна массовая апробация современных информационных технологий в строительстве с использованием уже наработанного опыта в других сферах, в том числе и зарубежного. Без нормативной основы реализовать предложенные меры не получится.

Следующим важным направлением является развитие цифровых технологий в сфере строительного проектирования. Уже сейчас в архитектурно-строительной деятельности широкое практическое применение получают технологии ТИМ. Технология представляет в цифровом виде физические и функциональные характеристики объекта. Используются другие технологии «Цифровой двойник» – более современная, пополняется данными об эксплуатации реального объекта и отображает его функциональное состояние в режиме реального времени. Облачные технологии позволяют решать задачи от первых этапов проектирования до сдачи объекта в эксплуатацию. Технологии виртуальная реальность, создает «реальный» мир, используя фотографии и видео 360°. Большую популярность получают технологии дополненной реальности, интернет вещей, 3D-принтинг и др. Применение таких технологий позволит уменьшить количество строительных споров, снизить затраты и время при проведении дорогостоящих строительных экспертиз. Кроме того, повысится оперативность принимаемых решений, за счет чего сократятся сроки и стоимость работ.

Нельзя сказать, что на сегодняшний день перечисленные категории отсутствует в правовом поле Республики Беларусь. Но если проводить аналогию с другими странами, в том числе ближайшими нашими партнерами, Республикой Казахстан и Российской Федерацией по тому, что уже сделано там, то можно обнаружить, что проделанная работа по нормативному развитию цифровых технологий носит не системный, а фрагментарный характер. Так, в Градостроительный кодекс РФ уже давно было введено понятие «информационная модель объекта капитального строительства» и определены основы внедрения и использования таких объектов. Помимо этого реализуются различные национальные проекты и программы. Выстроенная система правового регулирования соседних стран должна стать примером и учитываться при формировании собственной законодательной базы по внедрению информационных технологий.

На базе своего и уже имеющегося зарубежного опыта необходимо разрабатывать свою национальную отраслевую стратегию по

цифровизации строительной сферы. Стимулом для внедрения цифровых технологий в строительной деятельности может послужить включение соответствующих правовых механизмов в других актах затрагивающих правовое регулирование строительной сферы. Например, включить в Закон о государственных закупках товаров (работ, услуг) положение обязательности критерия «опыт использования технологии ТИМ» для участия проектных организаций в конкурсах и т. д.

Разработка и законодательное оформление порядка регулирования цифровых технологий в нормах других отраслей, также имеет важное значение для строительства. Речь идет в первую очередь о гражданском законодательстве. Следует признать, что ключевым нормативным правовым актом в системе архитектурно-строительного законодательства является Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее – ГК). Сегодня ГК регулирует договорные отношения, возникающие в связи с осуществлением архитектурно-строительной деятельности, устанавливает положения о праве собственности, а также нормы о понятии и признаках недвижимости и др.

Со временем потребуется уточнение и определение гражданско-правовых институтов. Разработка новых форм сделок, новых требований к содержанию сделки в электронной форме, новых общих требований к отдельным видам договоров, связанных с цифровыми отношениями и др. Предстоит заново определить понятия и категории гражданского права, правовые режимы цифровых объектов и их соотношение с классическими правовыми институтами и т.д. Цифровые технологии начинают диктовать свои условия, к которым необходимо адаптироваться правовым институтам, в том числе институтам гражданского права [2]. Сейчас в этом направлении необходимы фундаментальные исследования.

Представленный выше анализ отдельных аспектов цифровизации строительной сферы в целом иллюстрирует поверхностное отношение со стороны и государства, и бизнес-сообщества. Возможно, недостаточное внимание к указанной проблематике связано с большим объемом накопившихся теоретико-правовых проблем в системе национального законодательства, которые не позволяют приступить к активным действиям по созданию законодательной основы для внедрения высоких технологий в строительство. Сдерживает и то, что преобладающим в нашей доктрине и правовой политике остается консервативный подход. Необходимо преодолевать этот комплекс, тем более в условиях, когда приоритетным

направлением развития Республики Беларусь стала цифровизация экономики.

Список использованных источников:

1. Будникова, О. С. Производственная стратегия в условиях инновационных возможностей и ограничений развития. Цифровые технологии / О. С. Будникова // Молодой ученый. – 2020. – № 2 (292). – С. 235-237.

2. Карцхия А. А. Цифровое право как будущее российской цивилистики [Электронный ресурс] / А. А. Карцхия // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/tsifrovoye-pravo-kak-budushee-klassicheskoy-tsivilistiki-statya>. – Дата доступа: 29.09.2022.

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ

А. Л. Белоусов

*Финансовый университет при Правительстве РФ, Ленинградский
проспект, 49, г. Москва, РФ,
andreybelousov@mail.ru*

В современных условиях совершенствование правовой базы в области повышения качества инвестиционного климата является одной из ключевых задач для государства. В этой связи, в рамках статьи автором определены основные векторы дальнейшего развития законодательного обеспечения в данной сфере общественных отношений и предложена единая концепция построения правовых режимов осуществления отдельных видов предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционный климат, правовой режим, преференциальный режим.

В парадигме рыночных отношений инвестиции занимают одно из ключевых мест в перечне доступных инструментов обеспечения роста экономических показателей. Несмотря на то, что относительно правильности данной концепции в научной сообществе и среди практиков сохраняются обоснованные дискуссии, тем не менее, инвестиции в любом

случае являются важным драйвером для развития экономики. В этой связи, для государства в современных условиях одной из первоочередных задач является повышение качества инвестиционного климата. Прежде всего, это касается как в целом предприятий реального сектора экономики, так и высокотехнологичных отраслей, в частности. Особую актуальность данный вопрос приобретает в условиях преодоления последствий ограничительных мероприятий по противодействию пандемии, общей рецессии мировой экономики, а также в рамках беспрецедентного санкционного давления, как на Российскую Федерацию, так и на Республику Беларусь.

Сама по себе категория инвестиционной климат является многоаспектной и собирательной. В нее обоснованно включают и стабильность и полноту нормативной базы, и независимую судебную систему, способную обеспечить правовыми методами защиту собственности, и умеренный уровень фискальной нагрузки на бизнес, а также наличие адекватных мер поддержки различных отраслей бизнеса со стороны государства. Для обеспечения достижения обозначенных параметров государством создаются специальные институты развития [1, с. 83].

В Российской Федерации за последние 30 лет выстроена стройная система инструментов поддержки инвестиционной активности. Ее основу составляют специальные правовые режимы, обеспечивающие целый спектр льгот и преференций для представителей бизнеса, работающих в отдельных отраслях и сферах экономики. Такими правовыми режимами, в частности, стали особые экономические зоны, индустриальные (промышленные) парки, технопарки и промышленные кластеры, а также территории опережающего социально-экономического развития [2, с. 65]. Помимо названных правовых режимов важно также отметить применяемый с 2015 г. инструмент повышения качества инвестиционного климата в виде специального инвестиционного контракта. В рамках развития конкретных территорий были созданы правовые режимы для инновационного центра «Сколково», а также «Свободный порт Владивосток».

Вместе с тем, стоит отметить, что названные выше специальные правовые режимы ведения отдельных видов бизнеса выполняют обособленные по отношению друг к другу задачи, не образуя при этом четко выстроенной, единой системы. В результате, имеет место определенная несогласованность как прописанных показателей и

критериев эффективности, так и разрозненность конечных целей их применения. Более того, можно наблюдать дублирование льгот и преференций, а также конкуренцию правовых режимов между собой. В этой связи, с учетом уже накопленного опыта практического применения каждого из инструментов поддержки, имеет смысл пересмотр положений не каждого отдельного правового режима, а всей системы мер стимулирования инвестиционной активности [3, с. 7]. Здесь целесообразно обратить внимание на разработанный Министерством экономического развития РФ (далее – Минэкономразвития) уже более пяти лет назад проект нового федерального закона «О преференциальных режимах в Российской Федерации» (далее – Законопроект).

Основная идея Законопроекта заключается в формировании единой концепции механизмов поддержки отдельных видов бизнеса под эгидой специального правового акта. Это позволит согласовать между собой действующие правовые механизмы, и, в частности, исключить имеющиеся на сегодняшний день противоречия в реализуемых на практике разрозненных инструментах стимулирования инвестиционной активности.

По мнению автора настоящей статьи, концептуально новая модель инструментов поддержки инвестиционной активности может выглядеть следующим образом (рис. 1).

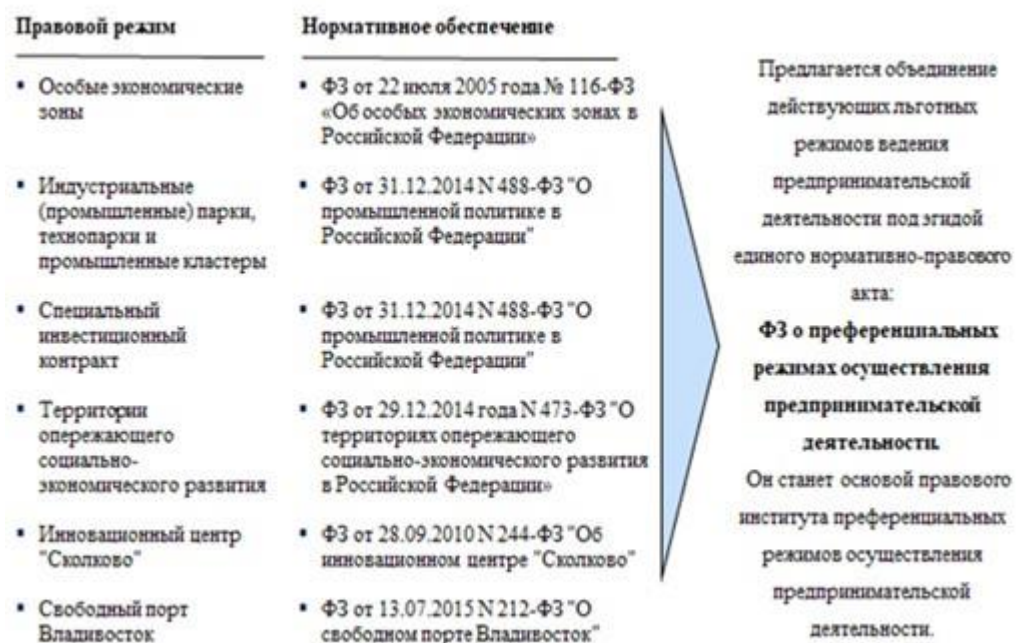

Рисунок 1. Единая концепция регулирования преференциальных режимов осуществления отдельных видов предпринимательской деятельности (рисунок авторский).

В случае реанимирования Законопроекта, разработанного Минэкономразвития, и актуализации его положений под реалии настоящего времени, мы можем в результате получить цельный нормативный акт, который впоследствии может стать базой для формирования в Российской Федерации отдельного правового института преференциальных режимов осуществления отдельных видов предпринимательской деятельности. Это сделает возможным формирование необходимой институциональной базы, необходимой для повышения качества инвестиционного климата. Что в свою очередь обеспечит даже в условиях санкционного давления рост интереса инвесторов и, как следствие, приток капитала в реальный сектор российской экономики.

Список использованных источников

1. Белоусов, А. Л. Регулирование территориального развития через совершенствование преференциальных режимов осуществления предпринимательской деятельности / А. Л. Белоусов // Экономика. Налоги. Право. – 2021. – Т. 14. – № 6. – С. 83–91.

2. Белоусов, А. Л. Вопросы развития инвестиционного потенциала Российской промышленности / А. Л. Белоусов // Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров : материалы XXIII нац. науч. конф. (с междунар. участием), Таганрог, 15–16 апреля 2022 г. / Таганрогский институт управления и экономики. – Таганрог, 2022. – С. 65–67.

3. Белоусов, А. Л. Повышение качества инвестиционного климата через совершенствование института особых экономических зон / А. Л. Белоусов // Теоретико-прикладные перспективы правового обеспечения развития экономики : Материалы междунар. науч.-практич. круглого стола, Минск, 21 октября 2021 г. : в 2 ч. / Белорусский государственный университет ; редкол. : Н. Л. Бондаренко (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2021.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК ОБЪЕКТ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

М. С. Бондаренко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь*

Человеческий капитал является исключительным свойством государства. Определенный элемент человеческого капитала, именуемый «человеческим потенциалом организации», свойственен и отдельной организации как субъекту хозяйственной деятельности. В этой связи актуальным становится изучение человеческого капитала как объекта управленческого воздействия. Автор определяет цели и сферы такого управленческого воздействия, а также секторы производства человеческого капитала.

Ключевые слова: человеческий капитал, человеческий потенциал, управленческое воздействие, human capital, human potential, managerial influence.

Человеческий капитал – объект исключительных политических прав государства (объект государственной монополии), представляющий собою обобщенную обезличенную совокупность знаний, умений и навыков, свойственных обществу (профессиональное состояние общества), способность использования которой для реализации публичного и частного интереса обусловлена духовным, моральным и физическим состоянием (физическое и духовное здоровье общества) общества как единого объекта государственно-правового воздействия» [1].

Человеческий капитал является исключительным свойством государства. Соответственно, использование категории «человеческий капитал» будет корректным в качестве свойства и характеристики государства в целом и его административно-территориальных единиц, и концептуально некорректным в отношении конкретной организации или экономической группы лиц. При этом нельзя отрицать, что определенный элемент человеческого капитала свойственен и отдельной организации как субъекту хозяйственной деятельности. Этот элемент следует именовать «человеческим потенциалом организации», поскольку:

– именно потенциал является качественной и количественной характеристикой трудового коллектива (коллектива лиц, выполняющих

работу по гражданско-правовому договору) данной конкретной организации;

– данная конкретная организация является субъектом, способным оказать положительное или отрицательное воздействие на человеческий капитал, как объект государственной монополии, но не способным обладать какими-либо правами на такой капитал или его элементы;

– организация – наниматель способна использовать именно человеческий потенциал, развивать и повышать его, однако организация не способна обеспечить весь цикл воспроизводства человеческого ресурса и производства человеческого капитала (в отличие от государства).

В этой связи актуальным становится изучение *человеческого капитала как объекта управленческого воздействия*. Поскольку мы исходим из утверждения о том, что человеческий капитал является объектом исключительных прав государства и объектом ограниченных прав со стороны нанимателя (со ст. 1 Трудового кодекса Республики Беларусь), работодателя (ст. 1 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2021 г. № 118-З «О взносах в бюджет государственного внебюджетного фонда социальной защиты населения Республики Беларусь»), субъектов предпринимательской инициативы (круг которых не ограничивается только кругом субъектов предпринимательской деятельности (субъектов первичного предпринимательства), но также включает в себя субъектов социального [2], государственного предпринимательства (фискальной хозяйственной деятельности) [3] и вторичного предпринимательства [4]), реализующих такую инициативу в совместном с другими субъектами предпринимательской инициативы режиме, можно выделить следующие *сферы управленческого воздействия на человеческий капитал*:

1. Управление процессом производства человеческого капитала, осуществляемое в режиме государственного управления и дополнительно – в режиме публично-частного партнерства (поскольку процесс производства человеческого капитала всегда и непрерывно находится под управленческим воздействием и контролем государства – правообладателя данного объекта политических прав).

2. Управление процессом осуществления инвестиций в человеческий капитал, осуществляемое в режиме государственного управления, в режиме публично-частного партнерства, режиме частной инициативы или же в режиме самоинвестиций, осуществляемых человеком самостоятельно для собственного развития (поскольку процесс осуществления инвестиций в человеческий капитал всегда и непрерывно

находится под контролем государства – правообладателя данного объекта политических прав, но не всегда непосредственно управляется им).

В рамках данной сферы управленческого воздействия на человеческий капитал формируется два дополнительных правовых института:

- публичный инвестиционный процесс в сфере человеческого капитала (включающий в себя осуществление международных инвестиций в человеческий капитал (инвестором которых выступают международные организации), государственных инвестиций в человеческий капитал и осуществление инвестиций в человеческий капитал в режиме публично-частного партнерства), составляющий предмет фискального и инвестиционного права;

- частный инвестиционный процесс в сфере человеческого капитала (включающий в себя осуществление частных инвестиций в человеческий капитал и самоинвестиции физического лица в собственное развитие), составляющий предмет фискального, инвестиционного, гражданского, трудового и семейного права.

3. Управление процессом эксплуатации человеческого капитала, подразделяемое на два ярко выраженных сегмента общественных отношений:

- управление процессом эксплуатации человеческого капитала в режиме государственной политики в области занятости, демографической и семейной политики государства;

- управление процессом эксплуатации человеческого капитала в режиме государственной политики в области предпринимательской деятельности и реализации иных проявлений предпринимательской инициативы.

Как следствие, институты управления процессом производства и эксплуатации человеческого капитала дополнительно подразделяется на две сферы (обусловленные характером интереса и баланса публичного и частного интереса):

- сферу публичного управления процессом производства и эксплуатации человеческого капитала (при этом в последней сконцентрировано управление процессом реализации соответствующего направления государственной политики);

- сферу частного управления процессом производства и эксплуатации человеческого капитала (при этом в последней сконцентрировано управление процессом использования человеческого потенциала,

осуществляемое нанимателями, прочими работодателями, и субъектами предпринимательской инициативы).

Уникальной особенностью публичного управления процессом производства и эксплуатации человеческого капитала является его субъективная сторона, обусловленная целеполаганием государства. Управление процессом производства и эксплуатации человеческого капитала призвано обеспечить достижение трех целей, позволяющих как государству, так и обществу выполнять во взаимном режиме общественный договор:

1. Воспроизводство человеческого ресурса.
2. «Производство» физического здоровья личности, его поддержание и защита и «производство совокупного физического здоровья общества».
3. «Производство» ментального здоровья личности и общества, включающее в себе два параллельных процесса:
 - «производство» совокупности знаний, умений и навыков, обеспечивающее саму возможность функционирования национальной экономики, социальной и политической сфер государства;
 - «производство» общественной идеи, морали и нравственности, обеспечивающее формирование «матрицы развития общества», сконцентрированное в таких комплексных социальных институтах как воспитание, просвещение и исторически сложившийся в определенном государстве государственный идеологический механизм.

Соответственно целеполаганию публичного управления процессом производства и эксплуатации человеческого капитала в рамках социальной сферы государства выделяются три сектора производства человеческого капитала:

1. Демографический сектор.
2. Сектор производства совокупного физического здоровья общества.
3. Сектор производства ментального здоровья общества.

Соответственно приведенному секторальному делению «производственных отношений» в социальной сфере следует также осуществлять типологизацию инвестиций в человеческий капитал, подразделяя их на:

1. Инвестиции в демографическую и семейную политику.
2. Инвестиции в физическое здоровье общества.
3. Инвестиции в ментальное здоровье общества.

На основе выработанной типологизации инвестиций в человеческий капитал можно определить их видовое разнообразие, включающее в себя:

1. Инвестиции в производство личности.
2. Инвестиции в производство специалиста.
3. Инвестиции в подготовку специалиста высшей квалификации.
4. Инвестиции в духовное развитие общества.
5. Инвестиции в политическую коммуникацию.

Классификация инвестиций в человеческий капитал по видам позволяет сформировать доктринальное представление о содержании таких инвестиций, то есть определить, какие именно объекты прав их составляют. В этой связи необходимо констатировать, что среди иных типов инвестиций (финансовых, реальных (прямых), интеллектуальных) инвестиции в человеческий капитал отличаются комплексностью, поскольку в их конструкции всегда содержатся четыре элемента:

1. Финансовые ресурсы – денежные средства и финансовые инструменты (то есть присутствует элемент финансовых инвестиций).

2. Вещи, имущество как совокупность вещей, обязательственные и исключительные права на объекты (включая государственную монополию на функции, объекты прав и виды деятельности [6]), не образующие финансовых инструментов и не содержащие исключительные права (или элементы таких прав) на объекты интеллектуальной собственности (то есть присутствует элемент реальных (прямых) инвестиций).

3. Исключительные права на объекты интеллектуальной собственности и информацию (то есть присутствует элемент интеллектуальных инвестиций).

4. Духовные ценности, социально-значимые идеи и идеологические концепции (то есть присутствует ментальный элемент общественных отношений).

Соответственно, под интеллектуальными инвестициями необходимо понимать тип инвестиций, представляющий собою совокупность объектов имущественных и неимущественных гражданских и политических прав, в отношении которых инвестор обладает вещным правом, обязательственными или исключительными правами (имущественными правами), либо в отношении которых инвестор обладает неимущественными правами, имеющими социально-политическое значение, с целью развития социальной сферы [7], воспроизводства человеческого ресурса и производства человеческого капитала

(социальный и политический эффект) и обеспечения возможности последующей эксплуатации человеческого капитала в процессе общественного производства (экономический эффект).

Список использованных источников

1. Бондаренко, М. С. Человеческий капитал: понятие и отграничение от смежных правовых категорий / М. С. Бондаренко // Право.by. – № 4 (78). – С. 52–59.

2. Бондаренко, Н. Л. Социальное предпринимательство: проблемы идентификации и институционализации / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, М. С. Бондаренко // Юстиция Беларуси. – 2022. – № 6. – С. 54–62.

3. Бондаренко, Н. Л. Фискальное регулирование и фискальное право : проблемы идентификации и институционализации / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, Е. Н. Гладкая // Право.by. – 2022. – № 1. – С. 46–51.

4. Бондаренко, Н. Л. Методологический подход к пониманию предпринимательства и предпринимательской деятельности и определению методики преподавания учебных дисциплин, формирующих знания о них / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич // Актуальные проблемы гражданского права. – 2022. – № 1 (19). – С. 9–23.

5. Конаневич, Ю. Г. Имущественные права и их значение для хозяйственных правоотношений и механизма осуществления хозяйственной деятельности / Ю. Г. Конаневич // Проблемы гражданского права и процесса: сб. науч. ст. Вып. 6 / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2021. – С. 79–88.

6. Бондаренко, М. С. Социальная сфера как институциональная среда производства человеческого капитала и сфера осуществления инвестиций в человеческий капитал / М. С. Бондаренко // Актуальные проблемы гражданского права. – 2022. – № 1. – С. 165–179.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ВЗЫСКАТЕЛЯ, ДОЛЖНИКА И ДРУГИХ ЛИЦ В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

М. Г. Ващебрович

*Институт управленческих кадров Академии управления при Президенте
Республики Беларусь, ул.Московская, 17, 220007, г. Минск, Республика
Беларусь, 8765492@mail.ru*

В статье рассматривается институт защиты прав взыскателя, должника и других лиц при совершении исполнительных действий. В ходе более глубокого изучения вопросов защиты прав других лиц в исполнительном производстве, можно смело утверждать, что законодатель не достаточно полно регулирует данные моменты, что несомненно приводит к неправильному толкованию норм, а в некоторых случаях и полное отсутствие законодательного регулирования отдельных вопросов.

Ключевые слова: судебный исполнитель, участники исполнительного производства, защита прав взыскателя, защита прав должника, защита прав других лиц, иск об освобождении имущества от ареста, обращение взыскания, обжалование действия (бездействия) судебного исполнителя.

Закон Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 439-З «Об исполнительном производстве» (далее – Закон № 439-З), а именно ст. 16 закрепляет основные группы участников исполнительного производства, ими являются: «стороны исполнительного производства; лица, на которых возложена обязанность по совершению определенных действий, связанных с исполнением исполнительного документа, или воздержанию от совершения определенных действий (банки и (или) небанковские кредитно-финансовые организации, организации по государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним; третьи лица, собственники имущества (учредители, участники) должника – юридического лица и другие); лица, содействующие исполнению исполнительного документа (переводчик, понятые, специалист, хранитель имущества и другие)» [1].

Исполнительное законодательство Республики Беларусь не определяет четко способы защиты прав других лиц (а именно лиц, на которых возложена обязанность по совершению определенных действий,

связанных с исполнением исполнительного документа, или воздержанию от совершения определенных действий, а также третьих лиц, собственников имущества и так далее). Данная категория менее всего изучена и урегулирована на законодательном уровне.

Правовое регулирование классификации прав всех участников исполнительного производства представляется крайне важной: в зависимости от принадлежности к той или иной категории лиц, у участников исполнительного производства, помимо общих прав и обязанностей, могут возникнуть и специальные (специфические).

Так, защиту прав лиц в исполнительном производстве можно условно разделить на три группы: первая группа это защит прав непосредственно сторон (взыскателя и должника); вторая группа защита прав лиц осуществляющих содействие исполнению исполнительных документов (переводчики, эксперты, специалисты, понятые, хранители арестованного имущества и другие), а также органы содействующие исполнению исполнительных документов (органы внутренних дел, государственные органы по регистрации недвижимого имущества прав на него и сделок с ними и иные); и третья группа это непосредственно лица, чьи права и законные интересы затрагиваются при исполнении исполнительных документов (лица, на которых возложена обязанность по совершению определенных действий, связанных с исполнением исполнительного документа, или воздержанию от совершения определенных действий, третьи лица, собственники имущества).

Стоит обратить внимание на третью группу, так как защита прав этой категории лиц менее изучена и не урегулирована в законодательных актах.

Как в законодательных актах, так и в научной литературе практически не изучен вопрос о защите прав других лиц в исполнительном производстве. Для начала стоит определить круг данных лиц и законодательно урегулировать способ защиты таких лиц в соответствии с исполнительным законодательством.

В Российской Федерации вопросам защиты прав взыскателя, должника и других лиц при совершении исполнительных действий отнесена целая глава в Законе об исполнительном производстве. Более детально регламентирована защита прав взыскателя, должника и других лиц при совершении исполнительных действий, также защита прав организаций при неисполнении содержащегося в исполнительном документе требования о восстановлении на работе, и порядок обжалования (оспаривание) постановлений Федеральной службы судебных приставов, а

также постановлений должностных лиц службы судебных приставов, их действий (бездействия).

Современное законодательство об исполнительном производстве Российской Федерации предусматривает следующие основные средства защиты прав взыскателя, должника и других лиц в исполнительном производстве:

а) обжалование (оспаривание) действий судебного пристава-исполнителя;

б) взыскание по иску взыскателя подлежащей удержанию с должника денежной суммы с исполнительского агента;

в) взыскание с работодателя — должника по исполнительному документу о восстановлении на работе в пользу взыскателя — восстановленного работника среднего заработка за время вынужденного прогула (разницы в заработке) со дня вынесения решения суда по день фактического исполнения исполнительного документа;

г) поворот исполнения решения суда;

д) возмещение вреда, причиненного судебным приставом-исполнителем гражданам и организациям [2].

Одним из факторов для сравнения, на который следует обратить внимание – это способ регламентации самого правового института защиты прав других лиц, участвующих в исполнительном производстве. Рассмотрев Закон № 439-З, можно сказать, что нормы защиты прав других лиц регламентированы не в полной мере и требуют доработки. В то время как Закон Российской Федерации от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее Закон №229-ФЗ) содержит в себе целую главу «Защита прав взыскателя, должника и других лиц при совершении исполнительных действий». Такой подход к закреплению правовых норм более разумный исходя из принципа системности и законности, для более удобного применения законодательства во избежание двусмысленного толкования и возникновения проблемных моментов, возникающих на практике.

Закон № 229-ФЗ, а именно ст.119 дополнительно «закрепляет правомочие заинтересованного лица, чье имущество неправомерно находится под арестом или описью на возмещение убытков, причиненных им в результате совершения исполнительных действий и (или) применения мер принудительного исполнения» [2]. Поскольку анализ практики исполнительного производства в ряде государств показывает, что за невнимательности судебного исполнителя взысканию подлежит все

имущество должника, которое не всегда ему принадлежит, а передано ему во временное владение и пользование. В результате, собственник такого имущества вынужден терпеть убытки, связанные с отсутствием возможности пользоваться своим имуществом.

Данное предложение стоило бы закрепить в Законе № 439-З и наделить заинтересованных лиц правом обращаться в суд с иском о возмещении убытков, причиненных им в результате совершения исполнительных действий и (или) применения мер принудительного исполнения. Внесение данных изменений в исполнительное законодательство Республики Беларусь мотивировало бы судебных исполнителей более подробно и внимательно подходить к изучению правового статуса того или иного имущества, а также гарантировало бы защиту прав заинтересованных лиц в исполнительном производстве.

Предъявление иска об освобождении имущества от ареста – одна из форм защиты затронутых исполнением прав лиц, не являющихся сторонами исполнительного производства.

Арест имущества как процессуальный акт, исходящий от органа государственной власти, является обязательным не только для должника, но и третьих лиц, интересы которых затронуты этим арестом и которые, как и должник, под страхом уголовной ответственности лишены права распоряжаться арестованным имуществом.

Право третьего лица ограничивается независимо от того, в чьем владении находится арестованное имущество – во владении ли должника или самого третьего лица, и независимо от того, насколько убедительны для судебного исполнителя представленные третьим лицом доказательства принадлежности имущества.

Учитывая вышеуказанное обстоятельство, всякому лицу, чье право затрагивается исполнением, предоставлено право предъявить иск об освобождении имущества от ареста.

Основное различие между исками об освобождении имущества от ареста (исключения из описи) и жалобами на процессуальные действия судебного исполнителя заключается в том, что исками об исключении имущества из описи оспаривается принадлежность должнику описанного имущества, в то время как жалобами о внесении в опись имущества, не подлежащего по закону включению в опись, право собственности никем не оспаривается, а оспаривается лишь правомерность действий судебного исполнителя по включению имущества должника в опись.

Споры об освобождении имущества от ареста (исключения из описи) рассматриваются по правилам искового производства независимо от оснований ареста (во исполнение как постановлений судов и других органов, подлежащих исполнению, так и исполнительных документов, в том числе постановлений по административным делам, а также при наложении ареста судьей в порядке применения мер обеспечения иска, описи нотариусом при принятии мер к охране наследственного имущества и др.).

Также постановления судебного исполнителя и других должностных лиц органов принудительного исполнения, их действия (бездействие) по исполнению исполнительного документа могут быть обжалованы сторонами исполнительного производства, иными лицами, чьи права и интересы нарушены такими действиями (бездействием), в порядке подчиненности и оспорены в суде.

Право на оспаривание несудебных исполнительных документов стороны исполнительного производства, иные лица, чьи права и законные интересы нарушены при исполнении исполнительного документа, вправе обжаловать, а прокурор – опротестовать постановления, действия (бездействие) судебного исполнителя, иного работника органа принудительного исполнения во внесудебном порядке, установленном Законом № 439-З, а также в судебном порядке.

Так, например, ст. 87 Закона № 439-З гласит, что «в случае возникновения спора, связанного с принадлежностью имущества, на которое обращается взыскание, лицо, чье право затрагивается исполнением исполнительного документа, вправе обратиться в суд с иском об освобождении имущества от ареста или исключении имущества из акта описи имущества. Иски об освобождении имущества от ареста или исключении имущества из акта описи имущества могут предъявляться как собственниками арестованного имущества, не принадлежащего должнику, так и лицами, которым такое имущество принадлежит на праве хозяйственного ведения или оперативного управления» [1].

Подводя итог вышеизложенному необходимо отметить, что система исполнительного законодательства Республики Беларусь развита на достаточно высоком уровне. Но отсутствие законодательно закрепленных норм регулирующих вопросы защиты прав взыскателя, должника и других лиц в исполнительном производстве, приводят к явным проблемным моментам встречающимся на практике при толковании и применении данных норм. Необходимо внести изменения в исполнительное

законодательство Республики Беларусь для более эффективной работы и повышения результативности исполнительного производства в целом.

К основным средствам защиты прав взыскателя, должника и других лиц в исполнительном производстве необходимо отнести:

обжалование действия (бездействия) судебного исполнителя, иного работника органа принудительного исполнения, а также на постановления руководителя органа принудительного исполнения;

предъявление в суд иска об освобождении имущества от ареста или исключении имущества из акта описи имущества;

возмещение ущерба с виновных в неисполнении исполнительного документа о восстановлении на работе;

возмещение ущерба заинтересованным лицам, чье имущество неправомерно находится под арестом или описью в результате совершения судебным исполнителем исполнительных действий;

поворот исполнения судебного постановления.

В результате вышеизложенного, стоит законодательно закрепить в отдельной главе Закона № 439-3 основные средства защиты прав взыскателя, должника и других лиц и порядок их применения.

Список использованных источников

1. Об исполнительном производстве [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 24 окт. 2016 г., № 439-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

2. Об исполнительном производстве [Электронный ресурс]: Федер. закон, 2 окт. 2007 г., № 229-ФЗ: Принят Государственной Думой 14 сентября 2007 г.: одобр. Советом Федерации 19 сент. 2007 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2022.

ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА СТРОИТЕЛЬНОГО ПОДРЯДА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

И. К. Вербицкая

*УО «БИП–Университет права и социально-информационных технологий»,
ул. Октябрьская, 5, 220030, г. Минск, Беларусь, verb_irina@mail.ru*

В работе предпринята попытка анализа теоретико-прикладных аспектов порядка заключения договора строительного подряда с акцентом на договор госзакупки в рамках принципа свободы договора. Основой настоящего исследования послужили нормативные правовые акты, регулирующие порядок заключения договора, а также взгляды учёных-цивилистов и правоприменителей. Цифровая трансформация процесса заключения договора строительного подряда должна осуществляться комплексно, с учётом принципов гражданского права. Цель работы: определить тенденции развития договорного права в условиях современной цифровой экономики и её влияние на свободу договора.

Ключевые слова: договор строительного подряда, свобода договора, цифровизация, электронная форма договора.

Цифровизация белорусской экономики и обязательственного права обусловлена внедрением электронных технологий в правоприменительную деятельность субъектов хозяйствования Республики Беларусь. Несмотря на активное стремление делового сообщества к имплементации зарубежного опыта в сфере цифровизации правоприменительной деятельности в практику заключения договоров, налицо наличие пробелов нормативного регулирования, отражающихся на обеспечении электронного бизнеса на территории нашей страны. Исполнение обязательств как правовой институт отнесено наукой гражданского права к одному из центральных, исследуемый на протяжении длительного периода времени лишь общие вопросы, без учёта специфики правового регулирования отдельных видов обязательств. Договор строительного подряда по своей структуре и содержанию представляет собой сложное, многоаспектное обязательство, требующее особого правового научного и нормативного обоснования в части порядка его заключения. Последние изменения в законодательстве, регулирующие порядок заключения договора строительного подряда, стимулировали научные разработки данного правового явления, отражающие не только авторское видение проблемы, но и предлагающие пути их решения.

Форма договора строительного подряда подчинена общим правилам о форме сделок и договоров. Правовое регулирование порядка заключения договора подчинено требованиям гражданского законодательства в том числе и последствиям его нарушения. По утверждению М. И. Брагинского «цель соответствующих требований состоит в том, что все они позволяют сделать отношения сторон более определёнными, снять основания для

споров в будущем по поводу факта совершения сделки и её содержания» [1, с. 340].

Особая форма заключения договоров распространяется на государственные закупки, которые предполагают приобретение товаров (работ, услуг) (далее – Закон № 419-3) полностью или частично за счёт бюджетных средств и (или) средств государственных внебюджетных фондов получателями таких средств. В настоящий момент после внесения соответствующих изменений в Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее – ГК) были внесены дополнения в отношении вопросов заключения договоров в виде электронного документа. Так, в соответствии с п. 2 ст. 404 ГК регламентировано, что составление одного текстового документа, включая документ в электронной виде, в том числе и электронный документ, который подписан сторонами договора (уполномоченными лицами сторон договора) собственноручно или с использованием средств связи и иных технических средств, компьютерных программ, информационных систем или информационных сетей (п. 2 ст. 404 ГК).

По справедливому замечанию Я. И. Функа «белорусский законодатель, привнеся новый подход к признанию в качестве надлежащей письменной формы сделки (договора) совершение её путём составления текстового документа в электронном виде, не изменил сами пути составления договора в письменной форме, хотя и «усовершенствовал» существо каждого из путей, исходя из изменения подхода к простой письменной форме сделки» [2]. В данной правовой трансформации особое внимание следует уделить анализу момента заключения договора в рамках существующей в науке гражданского права классификации. В. Н. Годунов предлагает классифицировать договоры по наличию или отсутствию признака, «характеризующего природу соответствующих гражданско-правовых договоров» [3, с. 341]. Такая классификация именуется дихотомической, имеющей важное значение для определения момента заключения договора и распределения прав и обязанностей между сторонами. В рамках данной классификации учёные выделяют *click-wrap* и *browser-wrap*-договоры [4, с. 64]. Первая разновидность такого договора предполагает заблаговременное ознакомление с условиями договора после чего, согласие выражается путем нажатия кнопки или отметки в виде галочки. *Browser-wrap* — это расположение договора и его условий на каком-либо сайте, предполагающем ознакомление с содержанием договора, для заключения которого требуется, чтобы субъект выразил свою волю.

Закон № 419-З закрепил правило, в соответствии с которым договор между заказчиком и участником-победителем заключается на условиях, указанных в документах, предоставляемых для подготовки предложения, предложении этого участника и протоколе выбора участника-победителя. Данной регламентацией Закон не предоставляет участнику возможность внести изменения, либо дополнения в проект договора на госзакупку, в том числе возможность самостоятельно определять условия договора. Стоит согласиться с мнением Ю. А. Амельчени, что «конкурентные способы выбора контрагента регулируются не гражданско-правовыми, а императивными нормами» [5, с. 57]. Причину такой неизменности содержания договора правовед видит «в действии принципов госзакупок и в необходимости создания равных условий участниками конкурентных процедур госзакупок» [5, с. 58].

Несколько иной позиции придерживается в своём научном анализе принципов заключения договоров Н. Л. Бондаренко, утверждая, что «обязательное заключение договоров не следует рассматривать как ограничение свободы участников договорных правоотношений, но ограничением принципа свободы договора» [6, с. 14]. Особое внимание учёный акцентирует на тезисе о том, что «принцип свободы договора означает возможность участников договорной деятельности по собственной воле определять способ заключения договора, а право заключать договор с помощью торгов превращается в обязанность использовать именно этот способ» [6, с. 13]. Развивая данную точку зрения в последующих научных изысканиях, автор придерживается позиции, что речь должна идти не о приоритете, а о балансе частных и общественных интересов [7, с. 47]. Русский учёный-цивилист И. А. Покровский в своё время утверждал, что «уничтожение этого принципа обозначало бы паралич гражданской жизни, обречение его на неподвижность» [8, с. 240–250]. В то же время И. Б. Новицкий отмечал, что «договорная свобода в самой себе содержит нечто самоубийственное: при абсолютном действии этого принципа стороны могли бы использовать договорную свободу для того, чтобы своим соглашением упразднить эту свободу» [9, с. 88].

Российская цивилистическая наука принцип свободы договора в работах ряда учёных характеризует как принцип, который «не может иметь абсолютного характера и неизбежно подвергается тем или иным ограничениям, установленным в публичном интересе» [10, с. 14]. Е. В. Комкова, анализируя данный принцип утверждает, что «степень свободы

при заключении обязательных договоров самая низкая, так как их цель – обеспечить и защитить интересы государства» [11, с. 19].

Актуализирует вопрос правоприменения принципа свободы договора научно-обоснованный тезис о том, что в практической деятельности именно он выступает краеугольным принципом всего имущественного оборота, научным маркером, требующим своего дальнейшего цивилистического осмысления. Поступательное отступление от его применения всё больше превращается в правило, нежели в его исключение. Анализ процедуры заключения договоров госзакупок белорусскими учёными обоснован тезисом о том, что общим для конкурентных процедур выступает «создание условий для конкуренции, равного подхода к потенциальным претендентам на заключение договора, а также защиты прав и законных интересов участников» [12, с. 39]. В данном контексте особая процедура выбора контрагента, по утверждению правоведов, должна повлечь установление пределов принципа свободы договора, в том числе уже в процессе исполнения обязательства. Поддерживая позицию М. И. Брагинского и В. В. Витрянского, Ю. А. Амельченя придерживается позиции о необходимости достижения «цели защиты интересов государства, как определяющей в возможных ограничениях свободы договора государственной закупки» [13, с. 75]. В данном ограничении учёный видит правомерность наличия для такого договора свойств.

В рамках существующей полемики стоит отметить, что наука по-прежнему стремится к совершенствованию правовых норм, подверженных динамическому изменению в рамках цифровизации общества и всего делового сообщества, с целью поиска оптимальных путей регламентации возникших правоотношений с учётом баланса интересов сторон. При заключении договора госзакупки фактическое присоединение к выдвинутому заказчиком условиям ограничивает принцип свободы договора, не позволяя присоединившейся стороне изменить, либо дополнить условия соглашения. Задача науки гражданского права предполагает обеспечение стройности законодательной базы, баланс частноправовых и публично-правовых интересов участников правоотношений. Данное обстоятельство должно стать следствием будущих исследований.

Список использованных источников

1. Брагинский, М. И. Договорное право : в 5 кн. / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – 3-е изд., стер. – М. : Статут, 2011. – Кн. 1: Общие положения. – 845 с.
2. Функ, Я. И. О путях совершения договора в простой письменной форме (с позиции белорусского права), в том числе и применительно к электронной форме договора (часть 1) [Электронный ресурс] : [по состоянию на 16.09.2019 г.] / Я. И. Функ // iLex : информ. правовая система / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
3. Годунов, В. Н. Классификация гражданско-правовых договоров и ее аспекты / В. Н. Годунов // Право в современном белорусском обществе : юбил. сб. науч. тр., посвящ. 20-летию Нац. центра законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь ; редкол.: Н. А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2017. – Вып. 12. – С. 341–350.
4. Белобородов, М. В. Правовая природа договора, заключенного в форме электронного документа / М. В. Белобородов, Д. А. Яковенко, Ю. Е. Неделькина // Закон и право. – 2021. – № 7. – С. 62–67.
5. Амельчя, Ю. А. Можно ли изменить договор, заключенный по результатам конкурентных процедур закупки / Ю. А. Амельчя // Пром.-торговое право. – 2017. – № 12. – С. 57–60.
6. Бондаренко, Н. Л. Принцип свободы договора в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Н. Л. Бондаренко ; Белорус. гос. экон. ун-т. – Минск, 2001. – 20 с.
7. Бондаренко, Н.Л. Основные начала гражданского законодательства Республики Беларусь: критический анализ статьи 2 Гражданского кодекса / Н.Л. Бондаренко // Третий Пермский конгресс ученых-юристов : материалы Междукнар. Нау.-практ. Конф. (г. Пермь, 2012. – С. 47–48.
8. Покровский, И.А. Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский. – М. : Статут, 1998. – 353 с.
9. Новицкий, И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права / И. Б. Новицкий // Вестник гражданского права. – 1916. – № 7. – С. 65–106.
10. Руднева, Л. А. Вопросы совершенствования договорного регулирования: условия, порядок заключения и классификация гражданско-правовых договоров : автореф. дис. ... канд. юрид. наук :

12.00.03 / Л. А. Руднева ; Всерос. гос. налоговая акад. М-ва финансов Рос. Федерации. – М., 2006. – 31 с.

11. Комкова, Е. В. Заключение договора по российскому гражданскому праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. В. Комкова ; Моск. гос. юрид. акад. – М., 2001. – 34 с.

12. Касьянчик, А. Закупки как инструмент реализации принципа свободы договора и развития конкурентной среды / А. Касьянчик, О. А. Бакиновская, Ю. А. Амельчя // Судебный вестник Плюс: экономическое правосудие : информационно-аналитическое приложение к журналу «Судовы веснік» : авторитетно, доступно, достоверно : журнал / учредитель Верховный Суд Республики Беларусь. – 2022. – № 1. – С. 38–43.

13. Амельчя, Ю.А. Система договоров в сфере государственных закупок / Ю. А. Амельчя. – Минск. : Колоград, 2021. – 344 с.

ОСНОВЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ САМООРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА

В. А. Витушко

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
Московская, д.17, 220007, г.Минск, Беларусь, vovka50@mail.ru*

Самоорганизация есть свойство и эволюционный процесс любой природной и социальной системы. Право также есть саморазвивающаяся система и основной его двигающей силой являются народы. По мере усложнения социальных отношений к процессу развития права было подключено государство. С этого момента народы и государства стали неразрывно связанными бинарными оппозициями и взаимными балансирами.

Ключевые слова: самоорганизация, частная власть, эволюция, семья, правосознание, корпоративные нормативные правовые акты.

Термин самоорганизация использовали еще древнегреческие философы. Целенаправленное исследование самоорганизации надо отнести к началу XX в. Одним из первых исследователей этого объекта мы считаем нашего соотечественника известного философа, экономиста, естествоиспытателя и политика А. А.Богданова, который в 1913-1917 гг.

разработал и опубликовал монографию, названную «Тектология. Всеобщая организационная наука». Данное издание было в библиотеке юрфака БГУ в 80-е гг. XX в., но, видимо, его никто не изучал, поскольку пришлось разрезать типографские не расшитые листы. В мировой науке Тектология стала основой кибернетики. Термин «самоорганизующаяся система» ввел английский кибернетик У.Р.Эшби (1947) г. Но, широкое исследование самоорганизации началось с появлением науки синергетики, разработанной Г. Хакеном в 70-е гг. XX в. По распространенному представлению самоорганизация есть процесс упорядочения элементов системы, на основе их согласованного взаимодействия [1, с. 590-591]. Вопросы самоорганизации стали исследоваться практически всеми естественными науками. В обществоведении самоорганизация стала объектом исследования экономистов, социологов, философов.

В юриспруденции специальная теория самоорганизации не разработана. Рассмотрение самоорганизации в правоведении подменяется вопросами о деятельности саморегулируемых организаций частного характера, самоуправлении как внутренней самоорганизации трудовых, политических и иных общностей людей, органов, организаций, необходимой для соответствующего объекта управления. Самоуправление в социальных системах связывается с внешним управлением и регулированием, без которого самоуправление может привести к хаосу [2, с. 768-769]. Таким же паллиативом является и нынешнее обоснование диктата избранных государств в международных отношениях.

С учетом сказанного полагаем, что все системы в природе и обществе способны к самоорганизации, саморазвитию. При этом, их внутренняя самоорганизующая сила не оторвана от воздействия сил смежных систем. *Все эти силы неразрывно взаимосвязаны, дополняют одна другую и, одновременно, двигают систему к ее естественному завершению.* В социуме основной самоорганизующейся и правотворческой силой являются народы. На это указывают современные конституции. Согласно статье 3 Конституции Республики Беларусь и конституций стран ЕАЭС (ст. 3 Конституции РФ, ст. 3 Конституции Казахстана) единственным источником государственной власти и носителем суверенитета в стране является народ. Государственная власть, как известно, включает политическую, экономическую, правотворческую и др. Исторически, по мере усложнения общественных отношений народы создали свои государства, особые системы со своим аппаратом. С этого момента народы и государства стали неразрывно связанными бинарными оппозициями и

взаимными социальными балансирами. Но в статье 21 Конституции Беларуси сказано, что государство гарантирует только те права и свободы граждан Беларуси, которые закреплены в Конституции, а также законах и международных обязательствах государства. Тем самым правотворческая власть народа формально юридически ограничена. Избирательно применяются к гражданам и принципы равенства, неприкосновенности частной собственности, свободы и др. Поэтому, *объектом рассмотрения в данном исследовании является фактическое состояние отношений самоорганизации своей деятельности гражданами, народом, его экономической и юридической власти.*

Для отечественных и зарубежных правоведов, политиков и экономистов вопрос о самоорганизации граждан замкнут в пределах соотношения понятий «свободы» и «государственного регулирования». По поводу соотношения этих понятий выделяются три подхода: - первый – это абсолютизация свободы граждан и субъектов хозяйственной деятельности. Второй – абсолютизация, монополизация государственного регулирования. Третий – имеет множество эклектических проявлений, направленных на сочетание свободы и государственного регулирования общественных отношений. Все рассуждения сводятся, по сути, к личным пристрастиям ослабления или усиления государственного регулирования общественных отношений.

В период распада СССР и суверенизации вновь возникавших государств во второй половине 80-х – начале 90-х гг. XX в. соответствующие взгляды выражались следующим образом. Отечественные правоведы, экономисты и представители иных общественных наук единодушно, за редкими исключениями, преклонялись перед свободами, продекларированными буржуазными революциями XVII – XIX вв. И это не смотря на предупреждения ряда западных ученых о допустимости современного рынка только под контролем государства. В частности, почетный профессор экономики Гарвардского университета Дж.К. Гэлбрейт в газете «Известия» в 1990 г. писал что «сторонники рынка времен Смита не правы настолько, что их точка зрения может быть сочтена психическим отклонением клинического характера» [3]. На международной конференции в Москве в мае 1994 г. по проекту части первой ГК России были выражены два подхода. Первый отражен в позиции профессора С. С. Алексеева, который отвергал «опубличенность» отношений в гражданском праве и исходил из того, что субъекты в гражданском обороте действуют исключительно «в своем интересе».

Второй подход озвучил профессор В. А. Дозорцев, который говорил, что публичный элемент в гражданских отношениях полностью отсутствовать не может, о чем свидетельствует уже наличие императивных норм в гражданском праве [4, с. 66]. Тем не менее, в окончательном тексте п. 2 ст. 1 ГК России было установлено, что граждане и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Впоследствии этот императив вошел в гражданские кодексы постсоветских государств. *Такое абсолютное декларирование свободы, при отсутствии какого-либо указания на ее связь с общественными интересами, иначе нельзя назвать как проявлением анархического подхода к современному товарно-денежному обороту.*

Выступив на указанной конференции с обоснованием неразрывной связи свободы и зависимости в обществе [4, с. 65–67] через два года, в 1996 г. мы опубликовали монографию, которую назвали «Государственное гражданско-правовое регулирование рынка». В данной монографии была разработана *концепция континуального гражданского правоотношения, в котором неразрывно связаны и едины права и интересы субъектов конкретных гражданских отношений, вещных, договорных и иных, а также права и интересы неопределенного числа третьих лиц, иных субъектов смежных гражданских правоотношений, т.е. общества* [5, с. 48-85].

Доминирование государственного законодательного регулирования прав и свобод граждан, а также субъектов хозяйственной деятельности начало проявляться уже к концу 90-х гг. XX в., что привело к возрождению советского этатического правового позитивизма. Об избыточности государственного законодательного регулирования сегодня пишут и российские правоведы [6, с. 145]. Более того, в ст. 2 ГК Беларуси 1998 г. был закреплён принцип приоритета общественных интересов над частными интересами. Поэтому, уже с 1998 г. на ряде научных конференций, которые проводил Конституционный Суд Беларуси, мы стали говорить о необходимости формально-юридического закрепления в республике всех буржуазных прав и свобод граждан в их чистом виде, без уточнений, прилагательных и иных определений. Дело в том, что мы исторически пережили февральскую буржуазную революцию 1917 г., но ее нормативных правовых актов нам не досталось. Между тем период капитализма не блажь и не случайность, а историческая необходимость в рамках эволюции социума. Большевики и советская наука заблуждались, когда указывали на пример Монголии, которая якобы перешла на рельсы

социализма, минуя капитализм. Как оказалось, нам и самим, вместе с Монголией, пришлось встать на путь рыночного капитализма. Причем, и феодализм у нас еще не изжит в должной мере. В то же время, в условиях современного капитализма нам надо в комплексе с идеями о естественных правах и свободах граждан реализовывать идеи социального государства и права, «единства и гармонии частных и публичных интересов» [7, с. 40]. В рамках такого правопонимания в 1999 г., а затем в 2000 гг. было определено и обосновано понятие частной власти народа как относительно самостоятельной самоорганизующейся власти в сравнении с публичной государственной властью, а также представления о балансе частной и публичной властей в современном обществе [8, С. 35-38; 9, С. 50-52]. Установлено, что *частная власть имеет свои институты. У частной власти есть свои виды, включая: власть собственника; власть в семье; власть монополиста и иного доминирующего субъекта на рынке; власть корпораций; общественных объединений. Как уже сказано, частная власть подразделяется еще на: экономическую, юридическую, морально-нравственную и др. Частная власть имеет свои судебные органы: третейские суды, международные арбитражные суды как общественные организации, в которых рассматриваются хозяйственные и иные споры, в том числе с участием иностранного элемента, суды ad hoc и др. Частная власть имеет и свои источники права, в том числе, правосознание, корпоративные нормативные правовые акты, каноническое право, обычаи, доктрину, договоры и др.*

Поэтому сегодня стоят вопросы фактического восстановления правового статуса народа в обществе. О правовой власти народа в обществе писали ведущие правоведы Беларуси и России. Профессор С. Г. Дробязко, исследуя процесс правообразования, анализируя и обобщая труды российских правоведов В. С. Нерсесянца, Ю. Б. Венгерова и Ю. М. Тихомирова, пришел к выводам, что право формируется не столько в силу государственного законодательства, сколько в силу стихийных процессов самоорганизации товарного оборота, осуществляемого физическими, юридическими лицами и их объединениями. Особенно это касается таких сфер экономики как банковская, транспортная, энергоснабжающая и др. [10, с. 15–34]. Примерами таких корпоративных нормативных правовых актов самоорганизации являются СВИФТ, ИНКОТЕРМС, Правила международных коммерческих договоров УНИДРУА и др.

Правоведами России установлено также, что граждане, наряду с «государственными органами и иными лицами» являются субъектами

правотворческой, правоохранительной и правоприменительной деятельности [11, с. 492]. Эти положения вытекают из развития истории и теории права. Так, уроженец Витебской губернии Л. И. Петражицкий различал право «позитивное», как «унификационное» законодательное право государства, и «интуитивное право», в виде соответствующих «интуитивно-правовых воззрений» народа, либо его передовой части [12, с. 243–245, 277]. Российский профессор права К. П. Победоносцев также выделял юридические отношения в семейных союзах, существовавших до появления государств. Он указывал, что в древности семья выполняла праворегулирующие и судебные функции [13, с. 2, 8, 10, 15 и др.]. В середине XIX в. профессор Д. И. Мейер писал о наличии в обществе двух видов права, права «действительной жизни», которое творит народ, и праве общественном, чужа государственном правотворчестве, которое должно соответствовать праву действительной жизни. В начале XVI в. славянский просветитель и первопечатник Франциск Скорина различал право царское и право, данное народу Богом.

Сказанное дает достаточно оснований говорить, что право народа изначально формируется интуитивно, в рамках своей матрицы, функцию которой изначально и всегда выполняет семья. Семья и иное родственное окружение человека всегда осуществляли и осуществляют свою деятельность на основе самоорганизации, начиная с самоорганизации бытовых условий питания, обеспечения себя жильем, деторождения, а также хозяйственной и иной правомерной деятельности. Самостоятельная бытовая и хозяйственная деятельность народа является единственной социальной силой, которая осуществляет общественное воспроизводство. Право, создаваемое народом, складывается из приобретенных привычек, навыков, традиций, обычаев, а также иных проявлений правосознания. Наряду с правосознанием и корпоративным правом важнейшей правовой формой самоорганизации бытовых и хозяйственных общественных отношений был и остается договор.

Так было на протяжении всей истории становления и развития цивилизации. Согласно теории цивилизационного права в первобытный до государственный период истории у человекоподобных гоминид самоорганизация строилась, во-первых, на гуманистическом отношении к детям, как генофонду человекоподобных, и старикам, как хранителям информации, библиотекам. Во-вторых, у гоминид, особенно у неандертальцев, были единые стандарты изготовления орудий охоты,

правила гигиены и санитарии, которые мы сегодня называем техническими нормативными правовыми актами. В условиях борьбы видов за выживание это были подсознательные императивы человекоподобных гоминид. Такого рода акты подсознательного правотворчества народов, наряду с указанными привычками, традициями, обычаями, правосознанием, корпоративным правом и договорным сотрудничеством являются основой правового обеспечения самоорганизации общественного воспроизводства. *А государственное правотворчество выполняет вспомогательную функцию при определении баланса частных и публичных интересов.*

По мере становления и укрепления государств, данные государства никогда не отрывали себя от народного (семейного, родового и общинного) правотворчества и правоприменения, как это было в Вавилоне, Древнем Риме и всех других известных древних цивилизациях. Там первичными источниками права были народные обычаи. В нашей истории во времена существования Полоцкого княжества и Великого Новгорода правотворчество и правосудие осуществляли вечевые собрания народа. Вече определяло право этих протогосударств, избирало себе князя из числа лучших людей и изгоняло их. В период средневековья каноническое право стояло над светским правом князей и королей. В это же время в Европе складывалась культура взаимных обязательств в рамках договоров между сюзеренами и вассалами. Во Франции развивалось корпоративное цеховое и торговое право. Во Флоренции, Генуе и других городах Италии развивалось корпоративное вексельное и банковское право. Корпоративное правотворчество сохранялось даже при зарождении абсолютистских монархических режимов [14, с. 6–10, 28, 46, 120, 169, 176, 195 и др.]. Борьба за власть и соответствующие интриги были в верхних слоях общества. А низы жили по своим законам. *Оправдание приоритета государственной власти над частной властью сродни тем аргументам, которыми обосновывается необходимость господства избранных держав над мировым сообществом, которое, якобы, не способно к самоорганизации.*

Таким образом, основной вывод состоит в следующем. Не смотря на постоянные попытки монополизации правовой власти государством, государственное правотворчество никогда не исключало и не в силах исключить того, что добропорядочный гражданин всегда жил и будет жить по своим «интуитивно-правовым воззрениям», неписаному праву, которое он с рождения на уровне подсознания впитывает в себя у своей семьи и

иногo родственного окружения. *Задача государства состоит в том, чтобы содействовать гармоничному саморазвитию общества и общественного воспроизводства.*

Список использованных источников

1. Философский энциклопедический словарь ; редкол. : Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов – М. : Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.

2. Тихомирова, Л. В. Юридическая энциклопедия / Л. В. Тихомирова, М. Ю. Тихомиров ; под ред. М. Ю. Тихомирова. – М., 2005. – 972 с.

3. Гэлбрейт, Дж.К. Почему правые не правы / Дж. К. Гэлбрейт // Известия. – 1990. – 1 февраля.

4. Витушко, В. А. Выступление / В. А. Витушко // Гражданское законодательство Российской Федерации: состояние, проблемы, перспектив : материалы Междунар. науч.-практич. конф. / Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Высший Арбитражный Суд российской Федерации. – М., 1994. – 196 с.

5. Витушко, В. А. Государственное гражданско-правовое регулирование рынка / В. А. Витушко. – Минск : БГЭУ, 1996. – 176 с.

6. Попондопуло, В. Ф. Обязательственное право: социальные основания и понятие / В. Ф. Попондопуло // Проблемы гражданского права и процесса: сб. науч. ст. Вып. 6 / ГрГУ им. Янки Купалы; редкол.: И. Э. Мартыненко (гл. ред) [др.]. – Гродно : ГрГУ, 2021. – С. 141–149.

7. Витушко, В. А. Гражданские права и свободы человека в Конституции Республики Беларусь: доклад / В. А. Витушко // Обеспечение непосредственного действия конституционных норм о правах и свободах граждан: опыт, проблемы, перспективы: тезисы. – Минск, 1998. – С. 39–40.

8. Витушко, В. А. Конституционное правосудие в сфере гражданского оборота: доклад / В. А. Витушко // Конституционное правосудие в Республике Беларусь: пятилетний опыт, проблемы и перспективы: Сборник докладов и тезисов выступлений, г. Минск, 27 апреля 1999 г. – Минск, 1999. – С. 35–38.

9. Витушко, В. А. Конституционно-правовые основы баланса частной и публичной властей в социальном правовом государстве: доклад / В. А. Витушко // Конституционно-правовые проблемы формирования социального правового государства, г. Минск – Минск, 2000. – С. 50–53.

10. Дробязко, С. Г. Правообразование, правотворчество, правоустановление, их субъекты и принципы / С. Г. Дробязко // Право и демократия: сб. науч. тр. Вып. 14 / редкол: В.Н.Бибило (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2003. – с. 15–19.

11. Сырых, В. М. Теория государства и права : учебник / В. М. Сырых. – М. : Юридический Дом «Юстиц-информ», 2001. – 592 с.

12. Петражицкий, Л. И. Теория государства и права в связи с теорией нравственности: история русской правовой мысли / Л. И. Петражицкий. – М. : Остожье, 1998 г. – 603 с.

13. Победоносцев, К. П. Курс гражданского права : в 3 т. / К. П. Победоносцев ; под ред. В.А.Томсинова. – М. : Изд-во «Зерцало». 2003 г. – Т. 2. – 656 с.

14. Витушко, В. А. Цивилизационное право: монография. – Минск: БИП-С Плюс, 2011. – 224 с.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ОСНОВАНИЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ВЫПЛАТ ИЗ ГАРАНТИЙНОГО ФОНДА НАЦИОНАЛЬНОГО ФОРЕКС-ЦЕНТРА

А. Г. Власов

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, phaetomw12@yandex.by*

Определены институциональные особенности становления такой организации, как «Национальный форекс-центр», формирования гарантийного фонда Национального форекс-центра, правовой природы внесенных в него обязательных взносов, освещены правовые проблемы определения основания осуществления целевых выплат из средств гарантийного фонда. Рассмотрены отдельные вопросы взаимоотношений Национального форекс-центра с клиентами субъекта внебиржевого рынка Форекс, а также с антикризисным управляющим в деле об экономической несостоятельности (банкротстве) такого субъекта.

Ключевые слова: Национальный форекс-центр, открытое акционерное общество «Белорусская валютно-фондовая биржа», государственное учреждение «Агентство по гарантированному возмещению банковских вкладов (депозитов) физических лиц», обязательные взносы, маржинальное обеспечение, субъекты внебиржевого

рынка Форекс, антикризисный управляющий, процедура экономической несостоятельности (банкротства).

Внебиржевой рынок Форекс, деятельность на котором заключается в совершении иницируемых физическими и юридическими лицами операций с беспоставочными внебиржевыми финансовыми инструментами (далее – операции), является сравнительно молодым сегментом финансового рынка в Республике Беларусь.

Отправной точкой считается 7 марта 2016 г. – момент вступления в силу Указа Президента Республики Беларусь от 4 июня 2015 г. № 231 «Об осуществлении деятельности на внебиржевом рынке Форекс» (далее – Указ № 231).

В настоящее время деятельность по совершению операций, как и сами беспоставочные внебиржевые финансовые инструменты не входят в определение классического рынка ценных бумаг, который согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 231-З «О рынке ценных бумаг» (далее – Закон № 231-З) представляет собой систему отношений между юридическими и (или) физическими лицами, а также иными субъектами гражданского права в ходе эмиссии (выдачи), обращения и погашения ценных бумаг, осуществления профессиональной и биржевой деятельности по ценным бумагам.

Вместе с тем самостоятельное развитие рассматриваемого сегмента дает возможность при его развертывании и дальнейшем совершенствовании заимствовать лучшие практики, доказавшие свою эффективность в иных сферах и сегментах финансового рынка.

Целеполагающим направлением при разработке нормативной правовой базы для Национального банка Республики Беларусь, как национального регулятора, стало создание в Республике Беларусь многоуровневой системы защиты прав и законных интересов юридических и физических лиц, заключивших соглашение о совершении операций с беспоставочными внебиржевыми финансовыми инструментами (далее – соглашение) с форекс-компанией, банком, небанковской кредитно-финансовой организацией (далее – субъекты внебиржевого рынка Форекс), определяемых в Указе № 231 в качестве их клиентов.

Одним из вопросов, требующих особого внимания со стороны регулятора, стал вопрос невозврата субъектом внебиржевого рынка Форекс маржинального обеспечения (иностранной валюты, поступающей субъекту внебиржевого рынка Форекс для открытия позиций по операции

с беспоставочными внебиржевыми финансовыми инструментами (далее – операции) (инициирования операции), а также поддержания клиентами открытых позиции (при совершении операции).

Кроме существующей возможности защищать свои нарушенные права и законные интересы в административном и судебном порядке посредством обращения в компетентные органы Республики Беларусь, в отношении защиты имущественных прав клиентов (в том числе в отношении исполнения субъектами рынка обязательств по возврату внесенного маржинального обеспечения) на уровне профильных актов законодательства принят ряд механизмов, направленных на регулирование отношений по возврату физическим и юридическим лицам маржинального обеспечения.

Одним из таких стал механизм задействования возможностей специального гарантийного фонда, формируемого Национальным форекс-центром (далее – НФЦ) за счет обязательных взносов субъектов внебиржевого рынка Форекс.

Согласно ч. 1 п. 6 Указа № 231 и п. 1 постановления Совета Министров Республики Беларусь и Национального банка Республики Беларусь от 4 марта 2016 г. № 177/8 «Об определении Национального форекс-центра и утверждении Положения о деятельности Национального форекс-центра» (далее – постановление № 177/8) в качестве НФЦ определено открытое акционерное общество «Белорусская валютно-фондовая биржа».

ОАО «Белорусская валютно-фондовая биржа», выступая в качестве НФЦ, вправе выполнять основные задачи, возложенные на него ч. 4 п. 6 Указа № 231, в том числе связанные с формированием гарантийного фонда в целях исполнения обязательств субъектов внебиржевого рынка Форекс.

При разработке нормативных правовых положений, касающихся создания и функционирования гарантийного фонда НФЦ, за основу были взяты отдельные элементы и принципы построения системы отношений по гарантированному возмещению банковских вкладов (депозитов) физических лиц, регулируемых Законом Республики Беларусь от 8 июля 2008 г. № 369-З «О гарантированном возмещении банковских вкладов (депозитов) физических лиц» (далее – Закон № 369-З), Декретом Президента Республики Беларусь от 4 ноября 2008 г. № 22 «О гарантиях сохранности денежных средств физических лиц, размещенных на счетах и (или) в банковские вклады (депозиты)».

Схема функционирования гарантийного фонда НФЦ является упрощенной моделью целевого аккумулирования средств государственным учреждением «Агентство по гарантированному возмещению банковских вкладов (депозитов) физических лиц» (далее – Агентство).

Для рассмотрения и проведения сравнительного анализа вопросов, связанных с правовым положением гарантийного фонда НФЦ, будем исходить из особенностей регулируемых правоотношений. В качестве таковых выступают отношения:

между субъектами внебиржевого рынка Форекс и НФЦ по поводу формирования гарантийного фонда, в том числе его пополнения;

между НФЦ и клиентами субъектов внебиржевого рынка Форекс по возврату им маржинального обеспечения при невозможности исполнения такими субъектами своих обязательств по соглашениям.

Стоит отметить, что применение термина «возврат маржинального обеспечения» является не совсем юридически корректным. Как и в отношениях по гарантированному возмещению банковских вкладов (депозитов) физических лиц, в указанных отношениях с НФЦ оправданно использовать термин «возмещение маржинального обеспечения».

Об этом свидетельствует тот факт, что вернуть маржинальное обеспечение по соглашению обязан субъект внебиржевого рынка Форекс в случае предъявления клиентом ему такого требования и наличия соответствующего правового основания.

Так, согласно абзацу второму ч. 3 п. 3 Указа № 231 одним из существенных условий соглашения является порядок внесения клиентом маржинального обеспечения, его учета и возврата клиенту.

В случае, если субъект внебиржевого рынка Форекс сталкивается с невозможностью исполнения своих обязательств перед клиентами, НФЦ обязан осуществить выплаты из гарантийного фонда, иными словами, возместить клиентам маржинальное обеспечение.

Абзац четвертый ч. 4 п. 6 Указа № 231 содержит условие, при наличии которого возникает основание для возврата клиентам маржинального обеспечения, – невозможность исполнения обязательств перед клиентами:

форекс-компаниями – за счет собственных средств и обеспечительного капитала;

банками, небанковскими кредитно-финансовыми организациями – за счет собственных средств.

Дискуссионным является само основание возникновения обязанности у НФЦ по возврату клиентам маржинального обеспечения, а именно «невозможность исполнения обязательств перед клиентами» субъектами внебиржевого рынка Форекс. Закономерным становится вопрос, какими фактическими обстоятельствами (юридическими актами) подобная невозможность исполнения на практике может быть подтверждена.

В отношении банков и небанковских кредитно-финансовых организаций наступление подобного основания сводится к минимальному ввиду того, что текущая система нормативов их функционирования обеспечивает исключение сценариев, при активации которых данные субъекты внебиржевого рынка Форекс не смогут исполнить свои обязательства перед клиентами. Но вместе с тем гипотетически такой исход возможен.

Следует отметить, что средства клиента, рассматриваемые банком в качестве маржинального обеспечения, не являются объектами возмещения банковских вкладов (депозитов), так как они не размещены на счетах и (или) во вклады (депозиты) физических лиц по аналогии с иными денежными средствами, которые размещаются указанными способами (ст. 3 Закона № 369-З).

В целях построения комплексной картины следует выбрать оптимальный результат развития событий на предмет наступления «невозможности исполнения обязательств перед клиентами» среди следующих:

получение клиентом, направившим субъекту внебиржевого рынка Форекс претензию о возврате маржинального обеспечения, ответа об отсутствии средств для исполнения обязательств по соглашению;

возвращение клиенту исполнительного документа, по которому исполнение не произведено или произведено частично взыскателю в случае, если у должника отсутствуют денежные средства и (или) иное имущество, на которые может быть обращено взыскание;

вынесение судом определения об открытии конкурсного производства;

вынесение судом решения об открытии ликвидационного производства;

вынесение судом определения о завершении ликвидационного производства.

На наш взгляд, последний юридический акт выступает в качестве наиболее обоснованного ориентира НФЦ для дальнейшего развертывания

процесса возмещения маржинального обеспечения клиентам субъекта внебиржевого рынка Форекс, заявленные требования которых не были удовлетворены в рамках ликвидационного производства в соответствии с установленной очередностью.

Ввиду отсутствия механизма взаимодействия антикризисного управляющего и НФЦ предлагается внести в профильное законодательство об экономической несостоятельности (банкротстве) положение о том, что обязательство по осуществлению выплат из гарантийного фонда клиентам субъекта внебиржевого рынка Форекс в случае наличия неисполненных денежных обязательств перед ними в соответствии с заключенными соглашениями возникает у НФЦ со дня вступления определения о завершении ликвидационного производства в законную силу по делу о признании субъекта внебиржевого рынка Форекс экономически несостоятельными (банкротами).

Кроме того, предлагается обозначить в профильном законодательном акте, регулирующем процедуры экономической несостоятельности (банкротства), что антикризисный управляющий оперативно (например, в течение 3 рабочих дней с даты вынесения определения суда, рассматривающего экономические дела, о завершении ликвидационного производства) направляет в НФЦ выписку из реестра требований кредиторов. Выписка из реестра требований кредиторов должна содержать сведения о клиентах субъекта внебиржевого рынка Форекс с указанием размера неудовлетворенных требований кредиторов по возмещению маржинального обеспечения.

Часть 2 п. 7 Указа № 231 определено, что порядок формирования гарантийного фонда устанавливается в Положении о деятельности Национального форекс-центра.

В связи с отсутствием в настоящее время действенного порядка по возмещению маржинального обеспечения полагаем необходимым закрепить в Положении о деятельности Национального форекс-центра, утвержденного постановлением № 177/8, (далее – Положение о НФЦ) следующий алгоритм действий:

а) в течение 7 рабочих дней со дня получения сообщения антикризисного управляющего НФЦ обязан разместить на своем сайте в сети Интернет, а также опубликовать в официальных периодических печатных изданиях, определенных для опубликования нормативных правовых актов Национального банка информацию о дне получения НФЦ сообщения управляющего, месте, времени, порядке обращения клиентов за

выплатами и порядке рассмотрения данных обращений, порядке ведения реестра гарантийных выплат о сроках и порядке осуществления выплат из гарантийного фонда, а также формы необходимых документов, включая форму заявления о выплате из гарантийного фонда;

б) оптимальный срок приема заявлений клиентов может составить один месяц со дня получения НФЦ сообщения управляющего;

в) со дня возникновения обязательства по осуществлению выплат из гарантийного фонда клиентам НФЦ обязан вести учет клиентов в реестре гарантийных выплат на основании принятых им заявлений, в том числе учет осуществленных выплат из гарантийного фонда.

г) целесообразно, чтобы порядок ведения реестра гарантийных выплат устанавливал НФЦ;

д) выплата из гарантийного фонда клиенту осуществляется в течение двух месяцев со дня, следующего за днем окончания месячного срока;

е) клиент имеет право получить в день обращения в НФЦ выписку из реестра гарантийных выплат о размере денежных средств, выплаченных ему НФЦ из гарантийного фонда.

Таким образом, описанная проблема, связанная с правовой квалификацией основания наступления обязанности НФЦ осуществить выплаты из гарантийного фонда, требует законодательного решения, которое может сводиться к закреплению предложенного нами юридического акта как соответствующего основания для рассматриваемых отношений – вынесения судом определения о завершении ликвидационного производства. Кроме того, принимая во внимание особенности проведения процедур экономической несостоятельности (банкротства), должниками в которых потенциально могут стать субъекты внебиржевого рынка Форекс, требуется закрепление как в специальном законодательном акте об экономической несостоятельности (банкротстве), так и в Положении о НФЦ предложенного нами четкого порядка взаимодействия клиентов субъекта внебиржевого рынка Форекс, НФЦ и антикризисного управляющего.

ПЕРСПЕКТИВЫ КРАУДИНВЕСТИНГА (АКЦИОНЕРНОГО КРАУДФАНДИНГА) В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ПРАВ ИНВЕСТОРОВ

А. В. Войтюль

*Учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь», пр. Машерова, 6А, 220005 Минск, Беларусь,
a.voitul@yandex.ru*

Исследуются вопросы правового регулирования отношений в сфере краудинвестинга (акционерного краудфандинга) – коллективного финансирования бизнес-проектов микроинвесторами посредством использования возможностей глобальной компьютерной сети Интернет. Акцентировано внимание на преимуществах и недостатках указанного механизма привлечения инвестиций. Автором проанализированы научные подходы, складывающаяся практика инвестиционных отношений, положения зарубежного и национального законодательства о коллективном финансировании. Цель работы заключается в том, чтобы на основе анализа наиболее перспективных подходов к правовой регламентации исследуемых отношений сформулировать предложения по вопросу становления национального законодательства о краудинвестинге.

Ключевые слова: акционерный краудфандинг, инвестиционная деятельность, инвестиции, краудинвестинг

В современном мире инвестиционная деятельность является неотъемлемым атрибутом рыночной экономики, одной из основных ее движущих сил. Общеизвестно, что развитие экономически успешных проектов, как правило, включает стадию привлечения инвестиций. Инвестиции позволяют решать важнейшие задачи, стоящие перед отечественными предприятиями, включая модернизацию производства и расширение рынков сбыта. В связи с этим инвестиционная политика Республики Беларусь направлена на всяческое стимулирование инвестиционной деятельности, обеспечение и защиту гарантий, прав и законных интересов инвесторов. С данной целью принят Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З «Об инвестициях», в ст. 4 которого определены возможные способы осуществления инвестиций. Причем закрепленный перечень не является исчерпывающим и включает «иные способы, кроме запрещенных законодательными актами».

Одним из перспективных способов привлечения инвестиций является краудинвестинг (акционерный краудфандинг – от англ. crowdfunding: crowd – «толпа», funding – «финансирование»). В отличие от традиционных способов инвестирования, таких как приобретение акций, долей в уставном фонде, паев в имуществе коммерческой организации, краудинвестинг значительно упрощает процесс инвестирования, делая его более доступным для широкого круга субъектов.

Следует учитывать, что эмиссия (выпуск) ценных бумаг является достаточно сложной процедурой, включающей в ряде случаев следующие этапы: принятие решения о выпуске ценных бумаг, регистрацию проспекта эмиссии, заверение краткой информации об эмиссии, государственную регистрацию выпуска, размещение ценных бумаг и представление в уполномоченные государственные органы отчета об итогах размещения (ст. 12 Закона Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 231-З «О рынке ценных бумаг»). Для совершения сделок на Белорусской валютно-фондовой бирже ценные бумаги должны пройти процедуру допуска к обращению или размещению. Процедура допуска предполагает прохождение листинга (оценки качества и надежности ценной бумаги). При этом инвесторы (физические или юридические лица) не могут самостоятельно напрямую приобрести ценные бумаги, а осуществляют торговлю на бирже только при посредничестве профессионального участника рынка ценных бумаг, имеющего технический доступ к торговой системе и прошедшего соответствующую регистрацию [1].

Очевидно, что для субъектов малого предпринимательства использование «классического» механизма привлечения инвестиций даже по формальным критериям является довольно сложной задачей. Кроме того, с каждым годом растет количество обычных граждан, которые желают и готовы инвестировать свои накопления наиболее простым и доступным для них способом. В подобной ситуации возникает объективная потребность в применении механизмов краудинвестинга – коллективного финансирования бизнес-проектов посредством использования возможностей глобальной компьютерной сети Интернет.

Необходимо отметить, что рассмотрение краудинвестинга в качестве упрощенного способа привлечения инвестиций является общемировой тенденцией, которая находит свое отражение в законодательстве зарубежных государств.

Например, в Российской Федерации основным источником правового регулирования рассматриваемых отношений является Федеральный закон

от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 259-ФЗ). При этом в указанном нормативном правовом акте термины «краудинвестинг» или «акционерный краудфандинг» не используются. Применяется термин «инвестирование с использованием инвестиционной платформы». Согласно ст. 5 Федерального закона № 259-ФЗ «инвестирование с использованием инвестиционной платформы может осуществляться следующими способами:

- 1) путем предоставления займов;
- 2) путем приобретения эмиссионных ценных бумаг, размещаемых с использованием инвестиционной платформы, за исключением ценных бумаг кредитных организаций, некредитных финансовых организаций, а также структурных облигаций и предназначенных для квалифицированных инвесторов ценных бумаг;
- 3) путем приобретения утилитарных цифровых прав;
- 4) путем приобретения цифровых финансовых активов».

Закон направлен на «создание непрерывного бизнес-лифта источников финансирования для субъектов малого и среднего предпринимательства на ранних стадиях существования, который приведет к развитию всего спектра альтернативных банковскому способам привлечения финансирования для этого сегмента рынка» [2].

В Соединенных Штатах Америки в 2012 г. принят Закон о стартапах – Jumpstart Our Business Startups Act (далее – JOBS Act), который направлен на решение следующих задач: оживление сектора малого предпринимательства после финансового кризиса, оказание помощи предпринимателям в создании нового и развитии текущего бизнеса, а также увеличение количества рабочих мест. JOBS Act упростил правила отчетности, надзора и рекламы для компаний, стремящихся привлечь средства инвесторов, а также позволил компаниям с доходом менее 1 миллиарда долларов раскрывать инвесторам меньший объем информации. В соответствии с положениями JOBS Act неаккредитованные розничные инвесторы вправе инвестировать в стартапы двумя способами. Во-первых, привлечь до 1 миллиона долларов с помощью краудфандинга, который представляет собой форму получения небольших сумм денежных средств от значительного числа микроинвесторов, объединяющих свои ресурсы. Во-вторых, посредством так называемого «мини-ИРО» предлагать акции на

сумму до 50 миллионов долларов в год без необходимости соблюдения обычных регистрационных требований. Инвесторы могут инвестировать в пределах указанных сумм, используя оба метода. Основное преимущество состоит в том, что устранены нормативные барьеры для предпринимателей, которые приобретают возможность более эффективно и легко получить доступ к капиталу, используя глобальную компьютерную сеть Интернет для охвата тысяч потенциальных инвесторов независимо от их географического положения. Однако при смягчении мер регулирования и ослаблении требований к раскрытию информации вероятность мошенничества в отношении инвесторов значительно возрастает. Это касается как преднамеренного мошенничества, так и «случайного» мошенничества, когда менее опытные владельцы бизнеса неверно описывают свои финансовые возможности [3].

В Европейском Союзе базовым актом о краудфандинге является Регламент (ЕС) 2020/1503 Европейского Парламента и Совета от 7 октября 2020 г. «О европейских поставщиках краудфандинговых услуг для бизнеса и внесении поправок в Регламент (ЕС) 2017/1129 и Директиву (ЕС) 2019/1937» (далее – Регламент). Регламент регулирует краудфандинговые услуги в форме инвестиций (*investment-based* – краудинвестинга) и займа (*lending-based* – краудлендинга), предоставляемые в рамках торговых и предпринимательских отношений, то есть адресованные владельцам проектов, не являющимся потребителями. В соответствии с требованиями Регламента владельцы краудфандинговых проектов проходят процедуру получения специального разрешения-авторизации, которое выдается национальным компетентным органом страны, на территории которой была создана краудфандинговая платформа. При этом положения регламента применяется только к краудфандинговым услугам в отношении предложений на сумму до 5 млн евро, рассчитанных в течение двенадцати месяцев на одного владельца проекта. Таким образом, сформирована сфера применения Регламента, соответствующая вышеупомянутой тенденции распространения краудфандинга среди представителей малого и среднего бизнеса [4, с. 16–17].

Следует отметить, что в Республике Беларусь также инициирован процесс формирования специального законодательства в сфере краудфандинга. Первым шагом в данном направлении стало принятие Указа Президента Республики Беларусь от 25 мая 2021 г. № 196 «О сервисах онлайн-заимствования и лизинговой деятельности», которым урегулированы отношения в части, касающейся отдельной разновидности

коллективного финансирования – краудлендинга (онлайн-заимствований). Следующим шагом, по нашему мнению, должно стать рассмотрение вопроса правовой регламентации краудинвестинга (акционерного краудфандинга). Вместе с тем необходимо учитывать, что преимущество указанного способа инвестирования, заключающееся в отсутствии столь жесткого регулирования, как, например, при классическом IPO (первичном публичном размещении ценных бумаг), является одновременно и основным недостатком акционерного краудфандинга.

В исследованиях на данную тему подчеркивается, что национальные законодательства различных государств (в том числе Республики Беларусь), регулирующие рынок ценных бумаг, а также правила деятельности бирж закрепляют целый ряд нормативных требований (в части финансовой отчетности, раскрытия информации, объемов эмиссии и др.). Размещению ценных бумаг предшествует подготовительный период, в ходе которого эмитент должен продемонстрировать свое соответствие данным требованиям, а также осуществить необходимые подготовительные мероприятия (привлечение профессиональных участников финансового рынка, проведение маркетинговых акций и др.). Указанные нормативные предписания направлены «на защиту интересов инвесторов и упорядочение процесса организованного сбора средств среди неограниченного круга лиц» [5, с. 304]. Однако использование даже столь «защищенных» способов осуществления инвестиций не исключает возможные риски неисполнения обязательств (дефолта) по ценным бумагам, что подтверждается информацией Министерства финансов Республики Беларусь [6].

В связи с вышеизложенным, представляется необходимым в первую очередь детально изучить и оценить готовность отечественного рынка инвестиций к внедрению механизмов акционерного краудфандинга. В случае принятия решения о целесообразности их внедрения в Республике Беларусь, следует разработать, в том числе опираясь на зарубежный опыт, и законодательно закрепить действенные меры обеспечения и защиты прав инвесторов:

определение государственного регулятора в сфере осуществления краудинвестинга (акционерного краудфандинга). Наиболее подходящим государственным органом представляется Министерство финансов Республики Беларусь;

создание единой специализированной краудинвестинговой платформы, например, на базе Белорусской валютно-фондовой биржи. На

наш взгляд, в отличие от иных разновидностей краудфандинга (заемного, наградного, благотворительного), осуществление акционерного краудфандинга, ввиду специфики инвестиционной деятельности, не предполагает создания множества краудфандинговых платформ. Тем не менее может быть реализован и иной подход. Так, в Российской Федерации Реестр операторов инвестиционных платформ по состоянию на 10 октября 2022 г. включает сведения о 63 действующих инвестиционных платформах (часть из них осуществляют деятельность в качестве краудлендинговых площадок) [7];

установление порядка и условий допуска предложений эмитентов к размещению на краудинвестиционной платформе;

ограничение максимальной суммы привлекаемых средств и другие меры.

Список использованных источников

1. Белорусская валютно-фондовая биржа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bcse.by>. – Дата доступа: 10.10.2022.
2. В России появился первый закон, регулирующий цифровые права [Электронный ресурс] / Банк России, 2000–2022. – Режим доступа: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=2795>. – Дата доступа: 10.10.2022.
3. Jumpstart Our Business Startups (JOBS) Act [Электронный ресурс] / Investopedia, 1999–2022. – Mode of access: <https://www.investopedia.com/terms/j/jumpstart-our-business-startups-act-jobs.asp>. – Date of access: 10.10.2022.
4. Шапошников, Г. Г. Правовое регулирование краудфандинга в Европейском Союзе / Г. Г. Шапошников // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 10. – С. 12–19.
5. Мотовилов, О. В. Феномен краудфандинга: исследование особенностей / О. В. Мотовилов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2018. – Т. 34. – Вып. 2. – С. 298–316.
6. Неисполнение обязательств по эмиссионным ценным бумагам / Недобросовестная эмиссия [Электронный ресурс] / Министерство финансов Республики Беларусь, 2000–2022. – Режим доступа: https://www.minfin.gov.by/ru/securities_department/failure/. – Дата доступа: 07.10.2022.
7. Реестр операторов инвестиционных платформ [Электронный ресурс] / Банк России, 2000–2022. – Режим доступа:

<https://www.cbr.ru/admissionfinmarket/navigator/oip/>. – Дата доступа: 10.10.2022.

ЗАЩИТА ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ СУБЪЕКТОВ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А. В. Гавриленко

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220006,
г. Минск, Беларусь, ant_gavrilenko@mail.ru*

Важнейшим условием эффективного функционирования современной белорусской экономики является обеспечение надлежащего уровня защиты прав и законных интересов субъектов хозяйственной деятельности. Проведение анализа национального законодательства в указанной сфере на предмет соответствия современным условиям, поиск эффективных инструментов защиты прав предпринимателей в зарубежных практиках и оценка целесообразности их имплементации является актуальной задачей для отечественной юриспруденции.

Ключевые слова: хозяйственное право, субъекты хозяйственной деятельности, защита прав и законных интересов, формы и способы защиты прав и законных интересов.

Современная общественно-политическая ситуация на постсоветском пространстве отличается особой сложностью и динамизмом. Эскалация вооруженных конфликтов, широкое применение ограничительных мер, рестрикций и санкций, уменьшение влияния и роли международных институтов и механизмов, усиление тенденций «регионализации» в различных областях общественной жизни – все эти факторы не могли не сказаться на экономической системе государств в названном регионе.

Без эффективно функционирующей экономики государства региона в перспективе не смогут обеспечить сохранение достойного уровня жизни общества, достижения выполнения основных целей и задач государства в области внутренней и внешней политики. Безусловно, в отдельных критически важных отраслях экономики станут шире использоваться административно-командные методы, усилится роль государственного регулирования. В то же время экономические системы всех государств региона, включая Республику Беларусь и Российскую Федерацию,

содержат значимый негосударственный сектор, включающий огромное количество субъектов хозяйственной деятельности различного уровня, от субъектов предпринимательства до крупных конгломератов юридических лиц.

Соответственно, создание благоприятных условий для развития предпринимательства во всех его формах, а равно обеспечение защиты прав и законных интересов инвесторов, готовых взаимодействовать с государствами региона, относится к числу актуальных направлений государственной политики. Применительно к правовой сфере решение указанных задач невозможно без функционирования эффективной системы защиты прав и законных интересов субъектов хозяйственной деятельности, которую образуют соответствующие законодательные нормы, а равно государственные органы и негосударственные институты, деятельность которых направлена на достижение названной цели.

Следует отметить, что защита прав и законных интересов субъектов хозяйственной деятельности имеет тесную связь с обеспечением прав и свобод человека и гражданина в целом, поскольку предпринимательская сфера является важнейшей сферой реализации индивидов. В связи с указанным обстоятельством сохраняют актуальность идеи, сформулированные в Послании Конституционного Суда Республики Беларусь Президенту Республики Беларусь и палатам Национального собрания Республики Беларусь «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2018 году», в котором отмечалось, что Конституционный Суд обращает внимание на необходимость выработки в законотворческом процессе новых механизмов реализации и защиты прав, предусматривать меры стимулирования творческого начала в человеке, гармонизации отношений между отдельной личностью, обществом и государством.

Проблематика защиты прав и законных интересов субъектов хозяйственной деятельности является востребованной в современной белорусской юридической науке, что нашло свое отражение в работах Н. Л. Бондаренко, Е. Н. Гладкой, Ю. Н. Конаневича [1, с. 8–20], В. С. Каменкова, О. М. Куницкой [2, с. 137–150] и др.

В то же время стремительно меняющиеся общественно-политические и экономические условия обуславливают целесообразность проведения дальнейших исследований в области права по искомой тематике.

Эффективно функционирующая система защиты прав и законных

интересов субъектов хозяйственной деятельности возможна только при наличии развитого законодательства в указанной сфере. К числу основных нормативных правовых актов по исследуемой проблематике относятся Конституция Республики Беларусь, Гражданский кодекс Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях, Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь, Закон Республики Беларусь от 1 июля 2010 г. «О поддержке малого и среднего предпринимательства», Закон Республики Беларусь от 12 декабря 2013 г. «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции», Закон Республики Беларусь от 9 декабря 1992 г. «О хозяйственных обществах», Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. «Об инвестициях», Директива Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь», Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» и иные нормативные правовые акты.

Одновременно следует отметить, что приведенные нормативные правовые акты содержат лишь отдельные нормы, касающиеся защиты прав и законных интересов субъектов хозяйственной деятельности, зачастую носящие декларативный характер.

Так, ст. 13 Конституции Республики Беларусь закрепляет не только равные права для осуществления хозяйственной деятельности, но и гарантирует равную защиту и равные условия для развития всех форм собственности. В соответствии со ст. 1.2 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях к числу задач Кодекса относится защита прав и законных интересов юридических лиц. Положения ст. 2 Уголовного кодекса Республики Беларусь в число задач указанного нормативного правового акта включают и охрану прав юридических лиц. Нормы ст. 4 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь закрепляют в перечне задач судопроизводства в судах, рассматривающих экономические дела, защиту нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Ряд специальных нормативных правовых актов, регулирующих различные сферы хозяйственной деятельности, содержат более развернутые положения, касающиеся защиты прав и законных интересов субъектов хозяйственной деятельности.

Так, Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. «Об

инвестициях» не только закрепляет принцип обеспечения восстановления нарушенных прав и законных интересов инвесторов и их судебной защиты в ст. 5, но и включает отдельную Главу 3 «Гарантии прав инвесторов и защита инвестиций», содержащую ряд конкретных организационно-правовых механизмов.

В свою очередь Директива Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь» представляет собой яркий пример нормативного правового акта программного характера, направленного на защиту прав предпринимателей, положения которого содержат указания на необходимость принятия мер по защите и развитию частной собственности, созданию условий для беспрепятственного осуществления предпринимательской деятельности и приданию контрольной (надзорной) деятельности предупредительного характера.

Соответственно, можно констатировать, что в законодательстве Республики Беларусь присутствуют отдельные нормы, направленные на защиту прав и законных интересов субъектов хозяйственной деятельности. В то же время следует отметить в целом фрагментарный характер искомых норм. Что же касается значения таких специальных нормативных правовых актов, как, например, Директива № 4, то для своего времени это были важные программные документы, сохраняющие свое значение и до сих пор. В то же время нельзя не отметить, что за прошедшее с момента принятия указанных правовых документов время экономическая и социальная обстановка в Республике Беларусь изменилась существенным образом. А внешнеполитическая обстановка на международном и региональном уровнях претерпела радикальные изменения для Республики Беларусь и ряда сопредельных государств. Данные причины обуславливают целесообразность корректировки законодательства в исследуемой сфере.

Не меньший интерес представляет анализ системы государственных органов и иных структур, к компетенции которых относятся вопросы защиты прав и законных интересов субъектов хозяйственной деятельности. Для ее изучения целесообразно воспользоваться классификацией, применяемой для анализа национальной системы защиты прав человека, в рамках которой выделяют органы общей и специальной компетенции. К органам общей компетенции в сфере защиты прав и законных интересов хозяйственной деятельности в Республике Беларусь

следует отнести Президента Республики Беларусь, Национальное собрание Республики Беларусь и Совет Министров Республики Беларусь, органы местного управления и самоуправления [3, с. 131]. Безусловно, искомое направление деятельности охватывает лишь часть компетенции приведенных институтов.

В то же время вызывает вопросы тот факт, что нормы Закона Республики Беларусь от 23 июля 2008 г. «О Совете Министров Республики Беларусь», закрепляющие компетенцию указанного органа, в ст. 11 «Полномочия Совета Министров Республики Беларусь в экономической сфере», напрямую не содержат исследуемое направление деятельности, в отличие, например, от обязанности по реализации государственной политики в области защиты прав потребителей. А в ст. 19 «Полномочия Совета Министров Республики Беларусь в области обеспечения законности и правопорядка» речь идет про принятие мер по обеспечению прав и свобод граждан, защиту личности от любых противоправных деяний. Как представляется, включение в указанные нормы положений о необходимости защиты прав и законных интересов юридических лиц соответствовало бы важности проблематики защиты института предпринимательства на современном этапе как необходимого условия эффективного функционирования экономики.

Как отмечают в белорусской юридической литературе, к органам специальной компетенции в сфере защиты права и свобод человека следует относить Конституционный Суд Республики Беларусь; органы республиканского управления; систему общих судов; органы прокуратуры; Комитет Государственного Контроля; иные государственные органы (ОВД, ЗАГСы, нотариальные конторы, ФСЗН и др.) [3, с. 131]. Также высказывается позиция, что в современной юридической науке к институциональной форме защиты следует также относить и некоторые элементы гражданского общества, общественную форму защиты [3, с. 131].

Соответственно, ряд из указанных государственных органов обладают широкими возможностями по защите прав и законных интересов субъектов хозяйственной деятельности. В первую очередь это, безусловно, экономические суды областей (г. Минска) и судебная коллегия по экономическим делам Верховного Суда Республики Беларусь, а также Президиум и Пленум Верховного Суда Республики Беларусь.

Следует отметить, что судебная форма защиты прав и законных интересов участников хозяйственной деятельности является наиболее

эффективным правовым инструментом обеспечения законности в искомой сфере общественных отношений. Без наличия беспристрастного и независимого судебного контроля законности действий всех участников хозяйственных правоотношений, а также государственных органов и должностных лиц, немыслима реализация принципа верховенства права.

Не меньшим потенциалом в сфере защиты прав субъектов хозяйственной деятельности обладают органы прокуратуры. Так, в соответствии со ст. 4 Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. «О прокуратуре Республики Беларусь» к числу задач деятельности прокуратуры отнесены в т.ч. вопросы защиты прав и законных интересов граждан и организаций.

В связи с развитием указанного направления деятельности органов прокуратуры интерес вызывает релевантный зарубежный опыт. Так, Закон Республики Казахстан от 30 июня 2017 года № 81-VI «О прокуратуре» не только включает защиту и восстановление прав и свобод человека и гражданина, законных интересов юридических лиц в число задач прокуратуры в ст. 4, но и прямо закрепляет право прокуроров назначать и проводить проверки деятельности государственных, местных представительных и исполнительных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц для защиты прав, свобод и законных интересов субъектов частного предпринимательства по фактам вмешательства в их деятельность со стороны указанных субъектов.

Не меньший интерес представляет закрепление в национальной практике такого института, как уполномоченный по защите прав предпринимателей. Так, в Российской Федерации Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей функционирует с 2012 г., когда был принят Указ Президента Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 879 «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей». За 10 лет своего функционирования институт показал себя как эффективный инструмент защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности, тем более в его развитие была создана система бизнес-омбудсменов на региональном уровне.

В Республике Казахстан институт инвестиционного омбудсмена функционирует с 2014 г., когда было принято Постановление Правительства Республики Казахстан от 30 октября 2014 г. № 1153 «Об утверждении Положения о деятельности инвестиционного омбудсмена». В настоящий момент деятельность указанного должностного лица

регулируется ст. 317 Предпринимательского кодекса Республики Казахстан от 29 октября 2015 г. № 375-V ЗРК, а также Постановлением Правительства Республики Казахстан от 26 декабря 2015 г. № 1069 «Об утверждении Положения о деятельности инвестиционного омбудсмена».

Следует отметить, что в комплекс мероприятий по реализации Государственной программы «Малое и среднее предпринимательство» на 2021–2025 годы, содержащемся в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 29 января 2021 г. № 56, включен пункт о создании института омбудсмена по защите прав предпринимателей. В качестве срока реализации указанного предложения указан 2023 г., а заказчиком выступает Министерство экономики Республики Беларусь.

Признавая важность и актуальность указанного предложения, считаем возможным отметить, что создание правовой основы функционирования указанного института требует широкого общественного обсуждения с представителями предпринимательских кругов, государственных органов, ученых, а также практических работников. Но именно консолидированное мнение представителей деловых кругов, которое необходимо выявить и формализовать, является необходимым залогом успешного становления и развития института омбудсмена по защите прав предпринимателей в Республике Беларусь.

Таким образом, анализ нормативных и доктринальных источников позволяет выявить следующие проблемные аспекты защиты прав и законных интересов субъектов хозяйствования в Республике Беларусь на современном этапе:

- законодательство Республике Беларусь, регулирующее искомую сферу общественных отношений, носит фрагментированный и в ряде случаев декларативный характер;
- ряд государственных органов (например, органы прокуратура) весьма ограничено используют свои возможности в сфере защиты субъектов хозяйственной деятельности, несмотря на наличие необходимых правовых инструментов;
- в системе защиты прав предпринимателей Республики Беларусь отсутствует такой актуальный институт, как уполномоченный по защите прав предпринимателей (бизнес-омбудсмен).

Для устранения названных проблем считаем целесообразным:

- включить положения о необходимости защиты прав и законных интересов субъектов хозяйственной деятельности в отдельные нормативные правовые акты, закрепляющие компетенцию

государственных органов (например, в Закон Республики Беларусь от 23 июля 2008 г. «О Совете Министров Республики Беларусь», Закон Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. «О прокуратуре Республики Беларусь» и др.);

- инициировать общественное обсуждение с привлечением представителей предпринимательских кругов, иных заинтересованных лиц и ученых-юристов по вопросу создания института омбудсмена по защите прав предпринимателей, анонсированного на 2023 г. Причем должен быть обеспечен учет позиции предпринимателей по искомому вопросу, т.к. институт создается именно в их интересах.

Реализация указанных предложений, как представляется, будет способствовать повышению эффективности существующих и созданию новых инструментов в сфере защиты прав предпринимателей, что позволит успешнее противостоять современным проблемам и вызовам в экономической сфере.

Список использованных источников

1. Бондаренко, Н. Л. Совершенствование понятийно-категориального аппарата правовой науки в контексте решения задачи разграничения понятий «статус», «правосубъектность», «правовое положение», «правовой режим» / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, Е. Н. Гладкая // Актуальные проблемы гражданского права. – 2020. – № 2 (16). – С 8–20.

2. Каменков, В. С., Куницкая, О. М. Источники правового регулирования инвестиций: вопросы совершенствования отдельных нормативных положений / В.С. Каменков, О.М. Куницкая // Актуальные проблемы гражданского права: научный журнал. – 2021. – № 1 (17). – С. 137–150.

3. Права человека : учеб. пособие / С. А. Балашенко [и др.] ; научн. ред. : С. А. Балашенко, Е. А. Дейкало. – Минск : Юнипак, 2014. – 200 с.

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ВОПРОСАХ НОРМИРОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАДИАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Т. В. Гашникова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, gashnikovatama@gmail.com*

Осуществление некоторых видов хозяйственной деятельности сопряжено с выбросами и сбросами радиоактивных веществ в окружающую среду. Для обеспечения безопасности населения и объектов окружающей среды, недопущения радиоактивного загрязнения, такого рода выбросы и сбросы, уровни воздействия ионизирующих излучений, должны нормироваться в соответствии с четко регламентированным на правовом уровне порядком.

Нормирование является одним из основных принципов обеспечения радиационной безопасности согласно Закону Республики Беларусь от 18 июня 2019 г. № 198-З «О радиационной безопасности» (далее – Закон о радиационной безопасности). Оно предполагает установление различных видов нормативов, по своему содержанию являющихся техническими нормами, значительная часть из которых может включаться в технические нормативные правовые акты.

В статье рассматриваются виды указанных нормативов, направленных на обеспечение радиационной безопасности, технические нормативные правовые акты, в которых устанавливаются такие нормативы, выявляются существующие проблемные аспекты технического регулирования в сфере обеспечения радиационной безопасности.

Ключевые слова: нормирование в области обеспечения радиационной безопасности, нормативы предельно допустимого воздействия ионизирующего излучения, нормативы качества окружающей среды, нормативы допустимых выбросов и сбросов радиоактивных веществ в окружающую среду.

Под нормированием в области обеспечения радиационной безопасности понимается непревышение в ситуации планируемого облучения (за исключением медицинского облучения) пределов доз профессионального облучения и облучения населения от всех источников ионизирующего излучения.

В соответствии со ст. 18 Закона о радиационной безопасности нормирование в области обеспечения радиационной безопасности заключается в установлении:

пределов доз облучения, граничных доз облучения, референтных уровней и иных нормативов предельно допустимого воздействия ионизирующего излучения;

нормативов допустимых выбросов и сбросов радиоактивных веществ в окружающую среду.

Статья 18 Закона о радиационной безопасности относит пределы доз облучения, граничные дозы облучения, референтные уровни к категории *нормативов предельно допустимого воздействия ионизирующего излучения*. В свою очередь, п. 7 ст. 20 данного Закона определено, что нормативы предельно допустимого воздействия ионизирующего излучения устанавливаются *Министерством здравоохранения*.

Вместе с тем, согласно п. 3 и 5 ст. 20 Закона о радиационной безопасности, референтные уровни могут устанавливаться гигиеническими нормативами (техническими нормативными правовыми актами). При этом, исходя, в частности, из п. 5 ст. 21 Закона о радиационной безопасности гигиенические нормативы определяются *Советом Министров Республики Беларусь*.

Наряду с этим, заметим, что в отношении граничных доз облучения и диагностических референтных уровней облучения пациентов не определено, в каком техническом нормативном правовом акте должны устанавливаться указанные нормативы. Применительно к граничным дозам облучения имеется лишь отсылка к законодательству в области санитарно-эпидемиологического благополучия населения, а применительно к диагностическим референтным уровням облучения пациентов – указание на то, что они устанавливаются Министерством здравоохранения.

Таким образом, имеется определенная непоследовательность в изложении и несогласованность норм Закона о радиационной безопасности в части определения компетенции по установлению нормативов предельно допустимого воздействия ионизирующего излучения.

Также обращает на себя внимание тот факт, что Законом о радиационной безопасности буквально не выделяется категория нормативов качества окружающей среды в отношении радиоактивных веществ. Анализ норм Закона, посвященных нормированию, подталкивает к выводу о том, что в качестве нормативов качества окружающей среды могут быть рассмотрены нормативы предельно допустимого воздействия ионизирующего излучения. Хотя такой вид нормативов не предусмотрен Законом Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII «Об охране окружающей среды» (далее – Закон об охране окружающей среды), он может быть сопоставим с такими видами нормативов как нормативы предельно допустимых концентраций химических и иных веществ и нормативы предельно допустимых физических воздействий, включенных в

категорию нормативов качества окружающей среды ст. 20 Закона об охране окружающей среды. Тем более, что, к примеру, референтные уровни могут устанавливаться в виде уровней содержания (активности) радионуклидов в окружающей среде и среде обитания человека, выше которых облучение не допускается.

В связи с этим, заметим, что согласно ст. 21 Закона об охране окружающей среды нормативы допустимого воздействия на окружающую среду, к которым относятся помимо прочих нормативы допустимых выбросов и сбросов химических и иных веществ, должны обеспечивать соблюдение нормативов качества окружающей среды с учетом природных особенностей территорий.

В соответствии с п. 8 ст. 20 Закона о радиационной безопасности *нормативы допустимых выбросов и сбросов радиоактивных веществ в окружающую среду* для конкретных радиационных объектов разрабатываются и утверждаются пользователями источников ионизирующего *на основании граничных доз облучения населения* в порядке, установленном Советом Министров Республики Беларусь.

Как следует из приведенной нормы, при установлении нормативов допустимых выбросов и сбросов радиоактивных веществ в окружающую среду учитывается только лишь один из видов нормативов предельно допустимого воздействия ионизирующего излучения, определенных в ст.18 Закона о радиационной безопасности, – граничные дозы облучения населения. Однако, как отмечено выше, к нормативам предельно допустимого воздействия ионизирующего излучения относятся, в том числе пределы доз облучения, референтные уровни, а не только граничные дозы облучения.

В связи с этим, пределы доз облучения, референтные уровни, если они относятся к категории нормативов качества окружающей среды, также могли бы являться пределом, определяющим рамки установления нормативов допустимых выбросов и сбросов радиоактивных веществ в окружающую среду.

Возможность следования подобной логике прослеживается в нормах Положения о порядке разработки и утверждения нормативов допустимых выбросов и сбросов радиоактивных веществ в окружающую среду, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 21 августа 2020 г. № 497 «О реализации Закона Республики Беларусь от 18 июня 2019 г. № 198-З «О радиационной безопасности».

Так, п. 6 указанного Положения установлено, что проекты нормативов допустимых выбросов и сбросов должны включать:

описание методов, используемых при расчете нормативов допустимых выбросов и сбросов;

сведения об использованных для расчета нормативов выбросов и сбросов ограничениях по радиационному воздействию на человека и окружающую среду, *в том числе о нормативах качества окружающей среды;*

значения нормативов выбросов и сбросов.

При реализации нормы п. 6 на практике, у субъектов, разрабатывающих проекты нормативов допустимых выбросов и сбросов радиоактивных веществ в окружающую среду для конкретных радиационных объектов, может возникать вопрос о том, какие нормативы качества окружающей среды следует использовать для расчета нормативов выбросов и сбросов, поскольку не ясно могут ли какие-либо из нормативов, предусмотренных Законом о радиационной безопасности, считаться нормативами качества окружающей среды.

В данной связи следует обратить внимание на норму п.4 Положения о порядке разработки и утверждения нормативов допустимых выбросов и сбросов радиоактивных веществ в окружающую среду, согласно которой нормативы допустимых выбросов и сбросов разрабатываются *в целях обеспечения непревышения граничных доз облучения населения.* Представляется, что подход, заложенный в приведенной норме не в полной мере коррелирует с необходимостью использования для расчета нормативов выбросов и сбросов нормативов качества окружающей среды (как это указано в п. 6 анализируемого Положения), поскольку цель разработки нормативов допустимых выбросов и сбросов радиоактивных веществ в окружающую среду в п. 6 Положения увязана только лишь с обеспечением непревышения граничных доз облучения населения. Представляется также, что в п. 6 Положения не совсем верно проинтерпретирована норма п. 8 ст. 20 Закона о радиационной безопасности, согласно которой нормативы допустимых выбросов и сбросов радиоактивных веществ в окружающую среду разрабатываются *на основании граничных доз облучения населения* (но не исключительно в целях обеспечения непревышения граничных доз облучения населения).

Помимо Закона о радиационной безопасности вопросы нормирования в целях обеспечения радиационной безопасности регламентируются Законом Республики Беларусь от 26 мая 2012 г. № 385-З «О правовом

режиме территорий, подвергшихся радиоактивному загрязнению в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС» (далее – Закон о правовом режиме территорий, подвергшихся радиоактивному загрязнению), которым предусмотрено нормирование в области радиационной безопасности в связи с катастрофой на Чернобыльской АЭС.

В соответствии со ст. 3 Закона о правовом режиме территорий, подвергшихся радиоактивному загрязнению нормирование в области радиационной безопасности в связи с катастрофой на Чернобыльской АЭС заключается в установлении норм и правил по обеспечению радиационной безопасности.

Нормы и правила по обеспечению радиационной безопасности в связи с катастрофой на Чернобыльской АЭС устанавливаются:

республиканские допустимые уровни содержания радионуклидов и иные уровни радиоактивного загрязнения, определяющие обращение с объектами контроля радиоактивного загрязнения;

другие нормативы радиоактивного загрязнения.

Вместе с тем, постановлением Главного государственного санитарного врача Республики Беларусь от 26 апреля 1999 г. № 16 утверждены Республиканские допустимые уровни содержания радионуклидов цезия-137 и стронция-90 в пищевых продуктах и питьевой воде (РДУ-99), гигиенический норматив № 10-117-99.

Можно заметить, что в Законе о правовом режиме территорий, подвергшихся радиоактивному загрязнению, использован иной подход к определению предмета регулирования норм и правил по обеспечению радиационной безопасности (технических нормативных правовых актов), по сравнению с предусмотренным Законом о радиационной безопасности. Согласно последнему, по общему правилу, содержание радионуклидов в продукции не должно превышать референтных уровней, установленных гигиеническими нормативами (п. 5 ст. 20), а нормы и правила по обеспечению ядерной и радиационной безопасности устанавливают технические требования к источникам ионизирующего излучения, радиационным объектам и безопасному обращению с ними (п. 3 ст. 21).

Проведенный выше анализ позволяет прийти к выводу о том, что существующее изложение правовых предписаний, посвященных вопросам нормирования в сфере радиационной безопасности, в Законе о радиационной безопасности и Положении о порядке разработки и утверждения нормативов допустимых выбросов и сбросов радиоактивных веществ в окружающую среду, принятого в развитие норм Закона, а также

Законе о правовом режиме территорий, подвергшихся радиоактивному загрязнению, отчасти противоречиво, не в полной мере гармонирует с предписаниями, касающимися недопустимости превышения определенных видов нормативов и может приводить к ситуации несоблюдения нормативов, выполняющих роль нормативов качества окружающей среды.

Таким образом, при очередной корректировке Закона о радиационной безопасности, Закона о правовом режиме территорий, подвергшихся радиоактивному загрязнению, целесообразно критично оценить существующие правовые предписания и предусмотреть необходимые изменения для обеспечения разумной и логичной взаимосвязи норм, посвященных нормированию в сфере радиационной безопасности.

ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПЕРЕХОДА К ЭЛЕКТРОННОМУ ПРАВОСУДИЮ

Е. А. Гурьева

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, alenahuryeva@gmail.com*

Судебная реформа, проводимая в настоящее время в Республике Беларусь, и обусловленная внедрением современных информационно-коммуникационных технологий в деятельность судов общей юрисдикции, вызывает повышенный интерес как стороны общественности, так и среди ученых-правоведов. Такой интерес прежде всего обусловлен недостаточной информированностью и фактическим отсутствием нормативных правовых актов, которые бы предусматривали необходимость внедрения информационно-коммуникационных технологий в судопроизводство, способов и этапов модернизации судебной системы, разъяснения о видах информационно-коммуникационных технологий и способов их применения.

Ключевые слова: суд, электронное правосудие, информационное общество, информационные технологии, информационно-коммуникационные технологии, автоматизированная информационная система судов общей юрисдикции Республики Беларусь.

Информационные сети, активно развивающиеся в большинстве государств, радикально изменили представления о способах общения и документооборота в современном обществе.

Республика Беларусь, являясь центром Европы, следуя потребностям и требованиям современного мира, инициировала построение информационного общества, электронного государства и электронного правосудия. В целях реализации поставленных целей и активного развития информатизации важных для общества и государства сфер приняты ряд нормативно-правовых актов, определивших основные направления, а также механизмы их реализации: Государственная программа информатизации Республики Беларусь на 2003-2005 годы и на перспективу до 2010 года «Электронная Беларусь», утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 27 декабря 2002 г. № 1819, Программа деятельности Правительства Республики Беларусь на 2011–2015 годы, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 18 февраля 2011 г. № 216, Государственной программой развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23 марта 2016 г. № 235, Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021-2025 годы», утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 г. № 61.

Путь Республики Беларусь по внедрению информационных технологий в судебную систему по-своему уникален и начинается с материально-технического обеспечения судов, то есть с появлением первых компьютеров.

В целях внедрения новейших компьютерных технологий в судебную деятельность с начала 90-х годов XX в. проводились системные и комплексные работы по созданию программных средств для автоматизации деятельности органов и учреждений юстиций и судов [1, с. 11].

Идея использования современных информационных технологий для обеспечения деятельности судов Республики Беларусь была обозначена уже в 1992 г. в Концепции судебно-правовой реформы, одобренной постановлением Верховного Совета Республики Беларусь 23 апреля 1992 г. №1611-ХП. Для этих целей в сентябре 1992 г. был создан Координационный научно-технический совет по информатизации правоохранительных органов Республики Беларусь [1, с. 11].

Работы по созданию программных средств для автоматизации деятельности судов были начаты в 1993 году Республиканским центром правовой информации, входившим в состав принадлежащего системе Министерства юстиции Республики Беларусь НИИ проблем криминологии, криминалистики и судебной экспертизы (НИИ ПККиСЭ) [1, с. 11].

РЦПИ были созданы пакеты прикладных программ для районного суда, областного управления юстиции и Министерства юстиции, которые образовали взаимосвязанный комплекс, минимизирующий ручной ввод статистических данных, позволяющий автоматически формировать отчеты и распечатывать их. Этот пакет программ успешно эксплуатировался во всех областных и Минском городском управлении юстиции, а также в управлении организационного обеспечения деятельности судов Минюста [1, с. 12].

Ускорение применению информационных и компьютерных технологий в судебной системе, как одной из основных составляющих процесса правовой информатизации, было придано созданием Национального центра правовой информации Республики Беларусь (НЦПИ) в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 30 июня 1997 г. № 338 «О создании Национального центра правовой информации Республики Беларусь» [1, с. 12].

В декабре 1997 г. НЦПИ были разработаны и утверждены совместно с Минюстом Концепция автоматизации судебной системы Республики Беларусь (согласована с Верховным Судом, Высшим Хозяйственным Судом, Прокуратурой, Верховным Советом Республики Беларусь), проектные документы на интегрированную автоматизированную систему управления органов, учреждений юстиции и судов Республики Беларусь на уровне судов Республики Беларусь (ИАСУ «ЮСТИЦИЯ», 2-я очередь), а также иные проектные документы [1, с. 12].

Кроме того, с 1995 г. в РЦПИ разрабатывалась и в 1998 г. сдана государственной комиссии интегрированная автоматизированная система управления органов, учреждений юстиции и судов Республики Беларусь на уровне центрального аппарата Министерства юстиции (ИАСУ «ЮСТИЦИЯ», 1-я очередь). Эта система реализовала комплексную автоматизацию деятельности центрального аппарата Министерства, объединение всех автоматизированных рабочих мест единым информационным пространством и предусматривала возможности

дальнейшего развертывания ведомственной распределенной информационной системы Минюста [1, с. 12].

В 1998 г. НЦПИ был подготовлен документ «Концепция автоматизации судебной системы Республики Беларусь», в котором были предложены основные направления автоматизации судов общей юрисдикции. В этом же году Высший Хозяйственный Суд Республики Беларусь начал активную работу по созданию и внедрению различных информационных систем, основной из них являлся программный комплекс по судопроизводству «Автоматизированная информационная система управления делопроизводством системы хозяйственных судов Республики Беларусь» («АИС СХС») [2, с. 4].

Качественно новым шагом в процессе информатизации судебной системы, внедрение новейших информационных технологий в сферу правосудия стало создание в 2001 г. на Интернет-узле НЦПИ общедоступного Интернет-узла хозяйственного суда г. Минска, который содержал в себе такие разделы, как законодательство о деятельности хозяйственных судов, статистические данные о работе суда, обзоры и обобщения судебной практики по наиболее актуальным вопросам, а также раздел «судебная практика», включающий также разделы, как дела с участием налоговых инспекций, органов финансовых расследований, таможенных органов, споры, вытекающие из договоров, споры, связанные с защитой интеллектуальной собственности, дела об экономической несостоятельности (банкротстве), а также иные дела [1, с. 14].

Важным шагом в дальнейшем развитии процесса автоматизации судебной системы стало принятие Указа Президента Республики Беларусь от 10 октября 2011 г. № 454 «О мерах по совершенствованию деятельности судов общей юрисдикции Республики Беларусь» (вместе с «Посланием о перспективах развития системы судов общей юрисдикции Республики Беларусь»), в котором было указано на необходимость обеспечения материально-технической базой и нормативным регулированием фиксации и хранения информации о ходе судебного процесса на электронных носителях, поэтапное внедрение в 2012-2013 гг. средств аудио-, видеозаписи в деятельность судов по осуществлению правосудия; внедрение видеоконференцсвязь между судами общей юрисдикции всех уровней; обеспечение доступом судей к необходимым для работы базам данных Министерства внутренних дел (в том числе Государственной автомобильной инспекции), организаций по государственной регистрации

недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним, других государственных организаций.

В 2012 г., на основании утвержденного Министерством юстиции Республики Беларусь технического задания, был разработан проект «Система аудио, видеозаписи в деятельности судов по осуществлению правосудия и видеоконференцсвязи между общими судами всех уровней». В 2014 г. в соответствии с проектом была создана 1-я очередь Системы, которая включала 34 объекта (Областные (Минский городской) суды, районные суды г. Минска и Минской области).

С 2015 г. ключевым направлением информатизации стала модернизация автоматизированной системы судов общей юрисдикции (АИС СОЮ) с целью создания единого средства обеспечения повседневной деятельности судов всех уровней. Кроме того, предприняты серьезные шаги по совершенствованию материально-технической базы и информационной инфраструктуры судов, обеспечивается надлежащий уровень информационной безопасности.

23 марта 2016 г. за № 235 постановлением Совета Министров Республики Беларусь была утверждена Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016-2020 годы, в которой, в том числе, было запланировано мероприятие № 40 «проведение второго этапа модернизации автоматизированной информационной системы судов общей юрисдикции (АИС СОЮ). Автоматизация процессов судебного делопроизводства, формирования статистической отчетности, создание мобильного клиента и системы защиты информации».

К 2017 г. уже были разработаны базовые программные модули этой системы, обеспечивающие документооборот, управление кадрами, почтовое взаимодействие и другие функции судебного администрирования [3].

С 15 октября 2019 г. при работе с сервисами «Электронное судопроизводство» («E-COURT») на Интернет-портале судов общей юрисдикции введено в тестовую эксплуатацию программное обеспечение технологии ЭЦП (электронной цифровой подписи), что предоставило пользователям сервисов «E-COURT» возможность подачи документов, подписанных ЭЦП, обеспечивает надежную идентификацию лиц, обращающихся в суд, создает предпосылки для дальнейшего развития сервиса и формирования полноценного электронного дела в будущем [4, с. 494].

К 2019 г. в судах всех уровней разработаны и внедрены базовые для системы судов подсистемы АИС СОЮ: «Общее делопроизводство», «Управление кадрами», «Почтовое взаимодействие», «Прикладное администрирование» и иные, разработаны базовые функции подсистемы аудио и видеофиксации судебных процессов, протоколирования и видео-конференц-связи. Все суды подключены к системе межведомственного электронного документооборота госорганов Беларуси [4, с. 493]. Кроме того, обеспечена передача судами сведений в базы данных МВД Республики Беларусь, в том числе в государственную информационную систему «Регистр населения» и банк данных о гражданах Республики Беларусь, право на выезд которых из страны временно ограничено [4, с. 493].

31 декабря 2020 г. Национальный центр правовой информации совместно с Верховным Судом создал электронный банк судебных решений, который доступен на Национальном правовом интернет-портале [5].

С 1 января 2021 года в судах общей юрисдикции комплексно перешли на работу в АИС СОЮ (автоматизированная информационная система судов общей юрисдикции Республики Беларусь).

В настоящее время Беларусь занимает достойное место среди лидеров электронно-информационного общества. В Республике Беларуси принят ряд нормативных актов, в которых фактически заложены предложения, а также основные механизмы реализации информатизации судебной системы.

Список использованных источников

1. Судебная власть в Республике Беларусь и других государствах СНГ: Междунар. рекомендации в области осуществления правосудия / Администрация Президента Беларуси, Нац. центр правовой информ. Беларуси. – Минск : НЦПИ, 2002. – 199 с.

2. Каменков, В. С. Технологии судебной прозрачности : развитие «электронного правосудия» – одна из важнейших задач правовой информатизации хозяйственных судов Республики Беларусь / В. С. Каменков // Беларуская думка : штомесячны грамадска-палітычны і навукова-папулярны часопіс / заснавальнік Адміністрацыя Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь. – 2011. – № 1. – С. 4.

3. Представители российского правосудия посетили Беларусь для обмена опытом информатизации [Электронный ресурс] // ЭКОПРЕСС. –

Информационное агентство. – Режим доступа: <http://www.ecopress.by/ru/news/47/detail/219172.html>. – Дата доступа: 10.10.2022.

4. Боголейко, А. М. Совершенствование порядка подачи электронных обращений в контексте обеспечения доступа к электронному правосудию / А. М. Боголейко // Конституционно-правовые основы развития Республики Беларусь как социального государства в современных условиях : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 3–4 окт. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Г. А. Василевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2019. – С. 490-495.

5. Электронный банк судебных решений доступен на Национальном правовом интернет-портале [Электронный ресурс] // БелТА. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/elektronnyj-bank-sudebnyh-reshenij-dostupen-na-natsionalnom-pravovom-internet-portale-422496-2020/?ysclid=la55qhxjdd238887606>. – Дата доступа: 10.10.2022.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ОБРАЗОВАНИИ «КОНДИЦИОННОЕ ПРАВО»

А. А. Демичев

Нижегородская академия МВД России, Анкудиновское шоссе, 3, 603144, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, aadem@bk.ru

Рассматривается проблема выделения и признания правового образования «кондиционное право» в качестве отрасли права в контексте современных тенденций выделения новых отраслей права. Автор соглашается с тем, что в правовой реальности существует группа общественных отношений характеризующихся как кондиционные отношения. Следовательно, имеется потребность в их правовом регулировании. Делается вывод, что кондиционное право является комплексной отраслью права.

Ключевые слова: кондиционное право, система права, отрасль права, принципы права

Одной из тенденций правового развития стран постсоветского пространства с момента распада СССР и до настоящего времени является возникновение и конституирование новых правовых образований: от

правовых институтов до отраслей права. Эта тенденция имеет под собой объективную основу:

1) создание новых государств невозможно без формирования нового права и самостоятельных правовых систем;

2) реальное изменение социально-экономического строя и политического устройства привели к возникновению новых, неурегулированных правовыми нормами общественных отношений. Соответственно возникла потребность в создании недостающих норм и приведения их в единую систему как между собой, так и с уже существующими нормами права.

На доктринальном уровне также наметилось стремление ученых к выделению новых правовых образований, особенно отраслей права. Последних некоторые ученые насчитывают в настоящее время в России до 90! [6, с. 5]. С одной стороны, исследователи опираются на объективные закономерности правового развития (в том числе, отмеченные нами выше). С другой стороны, имеются и субъективные моменты, которые связаны как с идеологическими установками (целенаправленный отказ от советского прошлого), так и с позициями тех или иных ученых, обусловленных не только собственно научными факторами, но и интересами лоббирования, защитой докторской диссертации по оригинальной теме и пр.

В этой ситуации весьма сложно разобраться, какие из больших групп урегулированных нормами права общественных отношений, можно считать институтом права или отраслью права. В последнем случае возникает серьезный вопрос: что считать отраслью права?

Здесь, например, есть существенные расхождения в доктринальном понимании не только отдельных ученых, но и в целом в научном сообществе разных государств. Одним из примеров является различное понимание отраслевой структуры права в России и Беларуси [1]. Другой проблемой является критерий выделения отраслей права. Как известно, изначально таковым являлся предмет правового регулирования, затем к нему добавился метод правового регулирования, а позже – и принципы правового регулирования, принципы соответствующей отрасли. Некоторые ученые предлагают сегодня аж 36 критериев отраслеобразования [6, с. 55–90].

Целесообразность выделения предмета как критерия самостоятельности отрасли права не вызывает у нас никаких сомнений. Что касается метода правового регулирования, нам кажется, что этот

критерий годится только в качестве одного из второстепенных, дополнительных. Дело в том, что кроме императивного и диспозитивного методов, существуют лишь различные варианты их сочетания, да и то немного. При наличии небольшого количества отраслей в праве в СССР этот критерий работал в плане отграничения публичных отраслей от частных, однако в настоящий момент мы сталкиваемся с «недостаточностью» разнообразия методов правового регулирования, однозначно указывающих на «индивидуальность» отрасли права.

Что касается принципов права как критерия выделения отрасли права, то ситуация с ними одновременно похожа и не похожа на ту, что имеет место с методами правового регулирования. Если подразумеваются доктринальные принципы права, то они чрезвычайно разнообразны. Однако, исходя из концепции позитивистского правопонимания, доктринальные принципы – явление не права, а правосознания. Доктринальные принципы – это идеи, которые напрямую не закреплены в текстах нормативных актов. Они либо выводятся путем толкования нормативных правовых актов, либо формулируются на основе научных представлений о существующем и должном в праве [2; 3]. Собственно принципы права – это основные идеи отрасли права, которые не просто закреплены в тексте нормативного правового акта, но и в последнем имеется прямое указание на то, что это именно принципы, основные идеи, а не иная правовая материя. Это делается с использованием разных приемов юридической техники, но в целом нормы-принципы помещаются в главах или статьях, в названии которых используются понятия «принцип» или «основные положения», «основные начала» [4].

В ряде смежных отраслей, например, в процессуальных отраслях права, большинство принципов совпадает. Так, из-за этого некоторые российские ученые даже называли гражданское процессуальное право и арбитражное процессуальное право отраслями-дублерами [5, с. 64].

Если иметь в виду доктринальные принципы права, то для каждого правового образования их набор будет оригинален, однако нормативно закрепленных принципов права не так уж и много. Отсюда мы делаем вывод, что совокупность принципов права позволяет характеризовать ту или иную отрасль, но рассматривать принципы права как критерий выделения отрасли права, нецелесообразно.

В номере 2 за 2021 г. «Российского правового журнала» в рамках научного проекта «Трансформация организационно-правового механизма управления государственной собственностью в Республике Беларусь»,

осуществляемого в рамках государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 годы (номер государственной регистрации 20212053 от 04 июня 2021), была опубликована объемная статья Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневича и Ю. А. Хилинской «Кондиционное право как самостоятельная отрасль права и элемент механизма пруденциального регулирования» [1].

В указанной работе авторы предприняли попытку обоснования как наличия самой отрасли кондиционного права в Беларуси, так и самостоятельности данной отрасли. Исследовав сущность, природу, понятие, предмет, метод, принципы и систему кондиционного права и исходя из представления о системе права как цикле отраслей права, авторы пришли к выводу, что кондиционное право представляет собой специальную основную отрасль права [1, с. 70].

Учитывая разницу в доктринальных подходах к пониманию системы права, мы не будем ни соглашаться, ни опровергать как выводы авторов, так и сам подход. Однако необходимо отметить, что совершенно верно исследователями было отмечено, что в правовой реальности существует группа общественных отношений, характеризующихся как кондиционные отношения. Раз существует определенная группа общественных отношений, значит, имеется потребность в их правовом регулировании (тем более, речь идет о публичных правоотношениях). Соответственно наличествует совокупность нормативных правовых актов, в которых кондиционные отношения регулируются. Следовательно, можно с абсолютной уверенностью утверждать, что в настоящее время не только в Беларуси, но и в других государствах существует правовое образование – кондиционное право.

Исходя из иных представлений о системе права, мы полагаем, что если признавать кондиционное право самостоятельной отраслью, то отрасль эта – комплексная хотя бы в силу того, что кондиционные нормы защищаются нормами уголовного и административного права, часть кондиционных норм регулируется нормами экологического права, которое, в свою очередь, также является комплексной отраслью права. Полагаем, что в силу разнообразия норм его составляющих кондиционное право не может быть полноценно кодифицировано.

По большому счету можно поставить вопрос, а насколько имеет практическое значение выделение отраслей права? Важно формальное их выделение или же наличие нормативных актов, регулирующих

соответствующую сферу общественных отношений? Мы полагаем, что последнее с точки зрения правоприменительной практики более важно. Однако признание отрасли права на доктринальном уровне ведет к более пристальному вниманию законодателя к регулированию соответствующих отношений. В этом контексте признание кондиционного права как самостоятельной отрасли в научных и, что более важно, во властных кругах, несомненно, обладает практической значимостью.

Список использованных источников

1. Бондаренко, Н. Л. Кондиционное право как самостоятельная отрасль права и элемент механизма пруденциального регулирования / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, Ю. А. Хилинская // Российский правовой журнал. – 2021. – № 2(7). – С. 60–77.

2. Илюхина, В. А. Доктринальные принципы права: понятие и специфика / В. А. Илюхина // Актуальные проблемы государства и права. – 2021. – Т. 5. – № 17. – С. 9–21.

3. Илюхина, В. А. Доктринальные принципы российского права: учебное пособие / В. А. Илюхина. – М.: Постер–МГУ, 2021. – 20 с.

4. Илюхина, В. А. Универсальная модель закрепления принципов права в кодифицированных нормативных правовых актах (общетеоретическое исследование) / В. А. Илюхина // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2021. – № 2. – С. 31–35.

5. Попова, Ю. А. Теоретические проблемы судопроизводства по делам, возникающим из публично-правовых отношений : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.15 / Ю. А. Попова. – Краснодар, 2002. – 364 л.

6. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России : монография : в 12-ти т. ; под общ. ред. Р. Л. Хачатурова. – М. : Юрлитинформ, 2020. – Т. 1. Теоретико-методологические аспекты образования отраслей российского права. – 376 с.

ПРИНЦИПЫ ИННОВАЦИОННОГО ПРАВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Д. М. Демичев

*Доктор юридических наук, профессор, г. Минск, Беларусь,
ddm65@mail.ru*

Коренные изменения в политике и экономике Республики Беларусь в конце XX – начале XXI вв. связаны с построением постиндустриального информационного общества и повлекли за собой появление новых инновационных отношений и возникновение нового правового комплекса – инновационного права, которому присущи как общие, так и специфические принципы. Установление и обоснование принципов инновационного права имеет большое практическое, методологическое и научное значение, поскольку лишь на основе руководящих начал возможно обеспечивать внутренне непротиворечивую трактовку и применение правовых норм, а значит эффективное правовое регулирование сферы инновационного права.

Ключевые слова: принципы, принципы права, инновационное право, инновационные отношения, принцип законности, принцип народовластия, принцип гласности.

В философской, политологической и юридической литературе существует множество различных трактовок термина «принцип», хотя суть их при этом существенно не отличаются.

Данный термин происходит от латинского *principium*, греческого αρχή (первоначало, основа) и означает основное начало, на котором строится что либо (научная система, теория, политика, устройство и т. п.).

В целом же принцип рассматривается как основополагающая истина, закон, положение или движущая сила, лежащая (лежащий) в основе других истин, законов, положений или движущих сил; как руководящее положение, основное правило, установка для какой-либо деятельности; как внутренняя убежденность в чем-либо, точка зрения на что-либо, ведущее к тому или иному поведению, которое, как предполагается, не будет изменено в ближайшее время. В механике принцип трактуется как основная особенность устройства, действия механизма, прибора и т.п.

Принцип – это: исходное, не требующее доказательств положение теории (то же, что аксиома или постулат); внутреннее убеждение, неизменная позиция или правило поведения (то же, что максима или заповедь).

Значение термина «принцип» в толковом словаре Т. Ф. Ефремовой расшифровывается как:

1. основное исходное положение какой-либо научной системы, теории, политического устройства и т.п., основной закон какой-либо точной науки;

2. внутренняя убежденность в чем-либо, норма или правило поведения;

3. основная особенность устройства какого-либо механизма, прибора [1].

В Энциклопедическом словаре (Современная версия) Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона термин «принцип» трактуется как начало, то, что является основанием для существующего, объединяет в мысли и в действительности совокупность фактов, а также руководящее правило [2, с. 465].

В настоящее время термин «принцип» обычно употребляется в связи с самыми различными сферами человеческой деятельности с сохранением заложенного древними мыслителями фундамента – «первый», «основной», «исходный».

Концентрированным правовым отражением наиболее важных сторон общественной жизни, стержнем всей правовой системы выступают принципы права. Они обладают устойчивыми и систематизирующими свойствами, являются несущими конструкциями, фундаментом, аккумулятором правовой информации, обеспечивают связь со всей мононорматикой, выступают в качестве дополнительного критерия деления на отрасли права. Именно в них отражается связь закономерного развития общества и действующего права. Принципы органически вытекают из сущности, природы и социального назначения права. Они конкретизируют и предопределяют содержание права, детализируются в его нормах, вместе с последними выступают основными регуляторами общественных отношений. Именно принципы права в условиях его пробельности, наличии дефектов, правовой неопределенности выступают необходимым условием правовой квалификации, осуществляя прямое регулятивное воздействие.

Российский ученый-правовед, профессор С.С. Алексеев считал, что принципы права – это выраженные в праве исходные нормативно-руководящие начала, характеризующие его содержание, его основы, закрепленные в нем закономерности общественной жизни. Принципы – это то, что пронизывает право, выявляет его содержание в виде исходных, сквозных идей, главных его начал, нормативно-руководящих положений [3, с. 102-103].

Всеобъемлющее определение принципам права дал выдающийся белорусский теоретик права, профессор С. Г. Дробязко: «Принципы права – это исходные, непререкаемые положения, наиболее характерно

выражающие его сущность, непосредственно определяющие его содержание (нормы), юридически закрепляющие реальные устои регулируемых сфер общественных отношений» [4, с. 61].

Принципы являются важнейшим критерием для выявления инновационного права как правового образования.

Исследуя принципы гражданского права, белорусский исследователь, профессор Н.Л. Бондаренко выделяет шесть принципов данной отрасли:

1. принцип юридического равенства участников гражданских правоотношений;
2. принцип неприкосновенности собственности;
3. принцип свободы договора;
4. принцип недопустимости произвольного вмешательства в частные дела;
5. принцип добросовестности и разумности участников гражданских правоотношений;
6. принцип обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты [5, с. 16-21].

Следует заметить, что большинство из указанных выше принципов гражданского права можно с полным основанием отнести и к принципам инновационного права.

В докторской диссертации «Место инновационного права в системе отраслей российского права» Т.В. Ефимцева выявила наличие семи принципов, которые фактически присущи инновационному праву как подотрасли хозяйственного права: принцип гармоничного сочетания публичного и частного в правовом регулировании общественных отношений, возникающих в инновационной сфере деятельности; принцип государственной поддержки инновационной деятельности; принцип разграничения предметов ведения между федеральными, региональными и местными органами власти в области правового регулирования общественных отношений, составляющих предмет инновационного права; принцип свободного коммерческого использования результатов интеллектуальной (творческой) деятельности; принцип взаимодействия и взаимосвязи творческих и предпринимательских начал в процессе осуществления инновационной деятельности; принцип минимизации инновационного риска, возникающего в процессе инновационной деятельности; принцип информационной безопасности инновационной деятельности [6].

Соглашаясь в целом с классификацией принципов инновационного права, предложенных Т.В. Ефимцевой, полагаю необходимым дополнить данную классификацию еще, как минимум, тремя принципами: принципом законности; принципом народовластия; принципом гласности.

При этом *принципу законности* следовало бы отдать пальму первенства среди всех остальных принципов и закрепить его на вершине пирамиды принципов инновационного права.

В юридической литературе законность рассматривается с разных сторон: и как принцип государственной деятельности, и как метод государственного руководства обществом, и как режим системы взаимоотношений населения с государственными органами. Законность – это атрибут существования и развития демократически организованного общества; это система требований общества и государства, состоящая в точной реализации норм права повсеместно и всеми без исключения государственными органами, должностными лицами, гражданами, иными физическими лицами. Законность обязательна для всех структурных составляющих государственно-правового механизма, гражданского общества, политических партий, общественных объединений, должностных лиц, граждан и т.п. Данный принцип нашел свое отражение в статье 7 обновленной 27 февраля 2022 г. Конституции Республики Беларусь: «В Республике Беларусь устанавливается принцип верховенства права. Конституция имеет высшую юридическую силу и прямое действие на всей территории Республики Беларусь. Иные правовые акты издаются на основе и в соответствии с Конституцией. Государство, все его органы и должностные лица, организации и граждане действуют в пределах Конституции и принятых в соответствии с ней актов законодательства. Правовые акты или их отдельные положения, признанные в установленном законом порядке противоречащими положениям Конституции, не имеют юридической силы» (Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. – № 1. – 1/0; 2004. – № 188. – 1/6032; Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 14.10.2021. – 2/2844; 04.03.2022. – 1/2022).

Установление и применение норм права, в том числе и в сфере инновационной деятельности, осуществляется путем издания соответствующих актов управления. В них содержатся определенные государственно-властные веления, исполнение которых обеспечивается реализацией государственно-управляющих воздействий, а в ряде случаев и государственным принуждением.

Принцип *народовластия* в инновационной деятельности означает обеспечение эффективного функционирования механизмов, приводящих в действие аксиому приоритета человека, его прав и свобод над общегосударственными интересами, поскольку он позволяет путем реализации принадлежащих народу властных полномочий обеспечивать его интересы и осуществлять контроль над властью, предотвращая злоупотребления ею со стороны властных структур; привлечение общественных объединений предпринимателей, субъектов инновационной инфраструктуры, молодежных общественных объединений к выработке и реализации инновационной политики, повышение их роли в разработке нормативных правовых актов в научно-технической и инновационной сферах; вовлечение молодежи в научно-техническую и инновационную деятельность (технопарки, их филиалы, центры трансфера технологий, инкубаторы малого предпринимательства, центры инженерно-технического творчества). Как заложено в Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2021-2025 гг., утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 15 сентября 2021 г. № 348 (Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 17.09.2021. – 1/19898), для повышения роли и престижа «креативного класса» (ученых, разработчиков, изобретателей, рационализаторов, предпринимателей-инноваторов) в качестве ключевого субъекта инновационного и социально-экономического развития страны необходимо обеспечить участие представителей общественных объединений предпринимателей, субъектов инновационной инфраструктуры, молодежных общественных объединений и структур в работе *коллегиальных органов*, осуществляющих принятие решений по финансированию и стимулированию научной, научно-технической и инновационной деятельности (инновационные фонды, фонды инновационного развития технопарков, Белорусский инновационный фонд, Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований и другие).

Ввиду особой значимости инновационной деятельности для страны на современном этапе развития общества, *принцип гласности*, будучи важнейшим фундаментом демократизма, заключается в обеспечении систематического информирования населения о всех видах данной деятельности (включая эффективность инвестиций и инновационных секторов экономики, основные направления инновационной политики и др.): оно должно быть полным, объективным и всесторонним. Это не

исключает, разумеется, закрытости информации, представляющей государственную тайну. Принцип гласности реализуется с помощью целого ряда гарантий. Так, ст. 34 Конституции Республики Беларусь установила: «Гражданам Республики Беларусь гарантируется право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов, общественных объединений, о политической, экономической, культурной и международной жизни, состоянии окружающей среды. Государственные органы, общественные объединения, должностные лица обязаны предоставить гражданину Республики Беларусь возможность ознакомиться с материалами, затрагивающими его права и законные интересы».

Таким образом, принципы инновационного права, как основные исходные положения, определяющие и выражающие сущность правового регулирования инновационных отношений и сферы инновационного права в целом, как обобщенное выражение сути соответствующего явления, отражающее объективно существующую реальность и действующие в ней закономерности, функционируя в системе отраслевых, межотраслевых и некоторых собственных принципов, дают основания для обособления инновационного права в системе права Республики Беларусь в качестве подотрасли хозяйственного права. Вместе с тем предложенный перечень принципов информационного права не является и не может быть исчерпывающим. Регламентация данного вопроса имеет устойчивую тенденцию к развитию. Как отмечал французский писатель и поэт, выдающийся представитель французского романтизма Виктор Гюго, «меняйте ваши мнения, сохраняйте ваши принципы: меняйте листья, сохраняйте корни»[7].

Список использованных источников

1. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – М. : Русский язык, 2000. – 1233 с.
2. Брокгауз, Ф. А., Ефрон, И. А. Энциклопедический словарь. Современная версия. – М. : Эксмо, 2007. – 672 с.
3. Алексеев, С. С. Проблемы теории права : в 2-х т. / С. С. Алексеев. – Свердловск, 1972. – С. 102–103.
4. Дробязко, С. Г. Сущность права / С. Г. Дробязко // Общая теория права : пособие / В. А. Абрамович [и др.] ; под общ. ред. С. Г. Дробязко, С. А. Калинина. – Минск : БГУ, 2013. – С. 61.

5. Бондаренко, Н. Л. Проблема формирования эффективно действующей системы принципов гражданского права Республики Беларусь / Н. Л. Бондаренко // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2012. – Выпуск 4 (18). – С. 16 – 21.

6. Ефимцева, Т. В. Место инновационного права в системе отраслей российского права : дис... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Т. В. Ефимцева. – М. : Моск. гос. юрид. ун-т им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 2014. – 322 л.

7. Борохов, Э. Энциклопедия афоризмов (Мысль в слове) / Э. Борохов. – М. : ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2000. – С. 434.

ЛИЗИНГ ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Ю. В. Емельянова

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь, ул.
Московская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь, julia_v_resh@mail.ru*

В статье исследуется развитие правового регулирования договора финансовой аренды (лизинга) жилого помещения по законодательству Республики Беларусь, а также выявлены квалифицирующие признаки договора финансовой аренды (лизинга) жилого помещения. Отмечается, что несмотря на совершенствование правового регулирования отношений лизинга жилых помещений, данный договор все еще не получил большого распространения.

Ключевые слова: договор финансовой аренды (лизинга) жилого помещения, жилое помещение, лизинговая деятельность с жилыми помещениями, лизингодатель, лизингополучатель жилого помещения, потребительский лизинг.

Жилище необходимо каждому человеку наряду с воздухом, пищей, водой, одеждой. Обеспеченность жильем является материальным базисом воспроизводства населения, определяющим фактором устойчивого социально-экономического развития государства и благополучия людей. По официальным данным Национального статистического комитета Республики Беларусь количество семей (включая одиноких граждан), состоящих на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий, на

конец 2021 г. составляет 616 022 [1]. В связи с чем поиск способов повышения уровня обеспеченности граждан доступным и качественным жильем было и остается одной из основных целей жилищной политики белорусского государства.

Приоритетным направлением реализации Государственной программы «Строительство жилья» на 2021 – 2025 годы, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 января 2021 г. № 51, является сбалансированное развитие разных форм удовлетворения жилищных потребностей граждан в зависимости от их доходов, предпочтений и места проживания как с использованием мер государственной поддержки социально незащищенных категорий населения, так и с применением новых механизмов финансирования строительства. Одним из таких механизмов является финансовая аренда (лизинг) жилых помещений.

Правовые основы развития потребительского лизинга в Республике Беларусь были заложены Указом Президента Республики Беларусь от 25 февраля 2014 г. № 99 «О регулировании лизинговой деятельности» (далее – Указ № 99). Принятие Указа № 99 способствовало развитию белорусского рынка лизинга, поскольку создало условия, стимулирующие оказание лизинговыми организациями услуг физическим лицам не для предпринимательских целей, в том числе и посредством предоставления во временное владение и пользование жилых помещений за плату по договору финансовой аренды (лизинга).

Однако отсутствие специального правового регулирования отношений, возникающих из договора лизинга жилого помещения, дополнительных прав и гарантий у лизингополучателей жилого помещения, которыми обладают наниматели жилого помещения по договору найма жилого помещения, делало договор лизинга жилого помещения, как один из финансовых инструментов для удовлетворения потребности в жилье, непривлекательным для физических лиц.

В целях совершенствования государственного регулирования лизинговой деятельности, а также создания благоприятных условий для получения физическими лицами жилых помещений на условиях лизинга был разработан Указ Президента Республики Беларусь от 6 апреля 2017 г. № 109 «Об изменении указов Президента Республики Беларусь по вопросам лизинговой деятельности» (далее – Указ № 109), который внес существенные изменения в Указ № 99 и способствовал формированию законодательства, регулирующего отношения в сфере лизинга жилых

помещений. Во-первых, были введены определения понятий «договор лизинга жилого помещения», «лизинговая деятельность с жилыми помещениями»; во-вторых, установлены дополнительные требования к лизинговым организациям, осуществляющим лизинговую деятельность с жилыми помещениями; в-третьих, Указ № 99 был дополнен Положением о лизинге многоквартирных жилых домов и квартир в Республике Беларусь (далее – Положение), которым были урегулированы порядок и условия заключения, исполнения и расторжения договоров лизинга жилого помещения, а также условия осуществления лизинговой деятельности с жилыми помещениями на территории Республики Беларусь. В дальнейшем, отдельные положения Указа № 109 нашли свое отражение и в Жилищном кодексе Республики Беларусь (далее – ЖК).

Следует согласиться с И. Шанюкевич и В. Шанюкевич, что Указом № 109 были созданы необходимые условия повышения доступности жилья для граждан, являющихся лизингополучателями по договорам лизинга жилья (и членов их семей, проживающих совместно с ними) и не обладающими достаточными средствами для приобретения квартир или домов в собственность за счет собственных средств [2, с. 69].

Несмотря на совершенствование правового регулирования лизинга жилых помещений, по данным Ассоциации лизингодателей Республики Беларусь доля заключенных договоров лизинга жилого помещения в 2021 г. составила всего лишь 3,23 % от общего количества договоров, заключенных с физическими лицами, и уменьшилась по сравнению с 2020 г. в 3,3 раза [3, с. 20, 23]. По мнению Ассоциации лизингодателей Республики Беларусь, причиной этому является отсутствие достаточного количества приемлемых для населения предложений со стороны лизинговых организаций в части стоимости предоставляемых услуг и сроков заключаемых договоров [3, с. 23], с чем нельзя не согласиться.

В соответствии с законодательством Республики Беларусь договор лизинга жилого помещения является разновидностью договора финансовой аренды (лизинга), по которому в силу ст. 636 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) арендодатель (лизингодатель), являющийся юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем, обязуется приобрести в собственность указанное арендатором (лизингополучателем) имущество у определенного им продавца (поставщика) и предоставить арендатору (лизингополучателю) это имущество, составляющее предмет договора финансовой аренды, за плату во временное владение и пользование.

Легальное определение договора лизинга жилого помещения содержится в подп. 1.3 п. 1 Указа № 99. Так, договор лизинга жилого помещения представляет собой договор финансовой аренды (лизинга), предметом лизинга по которому является квартира частного жилищного фонда в многоквартирном или блокированном жилом доме и (или) многоквартирный жилой дом частного жилищного фонда. Аналогичное определение договора лизинга жилого помещения дано в ст. 23 ЖК.

Представляется, что данное определение не лишено недостатков, поскольку понятие договора лизинга жилого помещения дается через определение договора финансовой аренды (лизинга) посредством детализации предмета лизинга, что не в полной мере отражает особенности исследуемого договора.

Будучи разновидностью договора финансовой аренды (лизинга), договор лизинга жилого помещения обладает признаками, характерными договору финансовой аренды (лизинга), а также имеет отличительные качества, обусловившие специальное правовое регулирование. К числу квалифицирующих признаков договора лизинга жилого помещения можно отнести следующие:

1. Предметом лизинга по договору лизинга жилого помещения могут быть не любые жилые помещения, а только квартира частного жилищного фонда в многоквартирном или блокированном жилых домах и (или) многоквартирный жилой дом частного жилищного фонда. При этом в совокупность вещей, являющихся предметом лизинга по договору лизинга жилого помещения, могут входить иные недвижимые вещи, связанные с квартирой и (или) многоквартирным жилым домом общим назначением (принадлежностью), если иное не установлено ГК и другими законодательными актами (подп. 1.3 п. 1 Указа № 99).

Никаких дополнительных требований или ограничений относительно квартир или многоквартирных жилых домов, которые могут быть предметом лизинга, законодательством не установлено, следовательно, это могут быть как новые жилые помещения с правоустанавливающими документами от застройщика, так и жилые помещения, приобретаемые на вторичном рынке жилой недвижимости.

2. Лизингодателем по договору лизинга жилого помещения может выступать только лизинговая организация, соответствующая требованиям, установленным ч. 1 подп. 1.5-1 п. 1 Указа № 99 и осуществляющая лизинговую деятельность с жилыми помещениями, то есть лизинговую деятельность, предусматривающую приобретение лизингодателем в

собственность и предоставление за плату во временное владение и пользование лизингополучателю квартиры и (или) многоквартирного жилого дома.

Согласно ч. 1 подп. 1.5-1 п. 1 Указа № 99 лизинговую деятельность с жилыми помещениями вправе осуществлять только лизинговые организации, включенные Национальным банком Республики Беларусь в реестр лизинговых организаций и соответствующие следующим требованиям:

- уставный фонд лизинговой организации сформирован путем внесения денежных средств в размере не менее 250 тыс. белорусских рублей;

- на каждое первое число месяца, следующего за истекшим кварталом, размер собственного капитала лизинговой организации, увеличенного на сумму привлеченных кредитов (займов), признаваемых субординированными в соответствии с законодательством, срок погашения которых на первое число месяца, следующего за истекшим кварталом, превышает три года, составляет сумму, равную не менее 2500 тыс. белорусских рублей и увеличенную на размер корректировки собственного капитала лизинговой организации, определяемый Национальным банком Республики Беларусь с учетом изменения индекса потребительских цен;

- безубыточность деятельности за последний календарный год лизинговой организации либо юридических лиц – учредителей лизинговой организации, созданной в календарном году, в котором в Национальный банк Республики Беларусь направляется письменное уведомление о намерении осуществлять лизинговую деятельность с жилыми помещениями;

- отсутствие неисполненных в установленный срок письменных предписаний об устранении нарушений, вынесенных Национальным банком Республики Беларусь в установленном законодательством порядке.

Помимо этого, подп. 1.5-2 п. 1 Указа № 99 установлены требования, которым должен соответствовать руководитель лизинговой организации, осуществляющей лизинговую деятельность с жилыми помещениями.

Лизинговые организации, имеющие намерение осуществлять лизинговую деятельность с жилыми помещениями, направляют в Национальный банк Республики Беларусь письменное уведомление, подписанное руководителем лизинговой организации, с указанием сведений, подтверждающих выполнение требований, установленных в

отношении лизинговых организаций, осуществляющих лизинговую деятельность с жилыми помещениями, а также требований к руководителю такой лизинговой организации. А в целях обеспечения устойчивого безубыточного функционирования лизинговая организация до начала осуществления лизинговой деятельности с жилыми помещениями в силу п. 1.1 Указа № 99 обязана создать фонд для покрытия возможных и (или) имеющихся убытков по договорам лизинга жилого помещения.

Согласно данным Национального банка Республики Беларусь по состоянию на 13 октября 2022 г. в реестр лизинговых организаций включена 101 лизинговая организация, однако только 6 из них осуществляют лизинговую деятельность с жилыми помещениями [4].

В целом, предъявление к лизинговым организациям, осуществляющим лизинговую деятельность с жилыми помещениями, повышенных требований, обусловлено не только длительностью лизинговых отношений, возникающих между лизингодателями и лизингополучателями, но и особой социальной важностью жилых помещений для физических лиц.

3. Лизингополучателем по договору лизинга жилого помещения может быть только физическое лицо, в частности, гражданин Республики Беларусь либо иностранный гражданин или лицо без гражданства, постоянно проживающие в Республике Беларусь (абз. 7 ч. 1 п. 2 Положения).

4. Лизингополучателю квартира или многоквартирный жилой дом, являющийся предметом лизинга, предоставляется во временное владение и пользование по договору лизинга жилого помещения не для предпринимательских целей. Представляется, что жилое помещение передается лизингополучателю для проживания в нем, поскольку согласно п. 1 ст. 14 ЖК и п. 2 ст. 272 ГК, жилое помещение имеет специальное целевое назначение, в частности, предназначается для проживания граждан.

В связи с этим лизингополучатель не вправе передавать имущество, составляющее предмет лизинга по договору лизинга жилого помещения, третьему лицу (сублизингополучателю) по договору сублизинга (п. 12 Положения), однако это не исключает возможности передачи предмета лизинга по договору найма жилого помещения или в безвозмездное владение и пользование.

Так, согласно абз. 4 ч. 1 п. 6 Положения лизингополучатель имеет право с согласия лизингодателя предоставить гражданину право владения

и пользования жилым помещением, являющимся предметом лизинга, в пределах срока лизинга, предусмотренного договором лизинга жилого помещения, по договору найма жилого помещения либо временно предоставить в безвозмездное владение и пользование в установленном законодательством порядке.

5. Помимо существенных условий, установленных законодательством, в частности подп. 1.8 п. 1 Указа № 99, существенным условием договора лизинга жилого помещения является указание на сторону договора лизинга жилого помещения, которая несет обязанности по:

- заключению договоров на оказание жилищно-коммунальных услуг, приобретение электроэнергии, потребляемой на освещение вспомогательных помещений и работу оборудования, в том числе лифтов;
- внесению платы за жилищно-коммунальные услуги, электроэнергию, потребляемую на освещение вспомогательных помещений и работу оборудования, в том числе лифтов, в порядке, установленном жилищным законодательством.

К числу существенных условий договора лизинга жилого помещения можно также отнести условие о членах семьи лизингополучателя, которые имеют право владения и пользования многоквартирным жилым домом, квартирой, являющимся предметом лизинга, наравне с лизингополучателем, поскольку согласно п. 4 Положения в договоре лизинга жилого помещения указываются члены семьи лизингополучателя, которые имеют право владения и пользования многоквартирным жилым домом, квартирой, являющимся предметом лизинга, наравне с лизингополучателем. А в ч. 2 п. 6 Положения закреплено, что лица, которым предоставлено право владения и пользования многоквартирным жилым домом, квартирой в качестве членов семьи лизингополучателя жилого помещения, должны быть указаны в договоре лизинга жилого помещения путем внесения в него соответствующих изменений.

6. Договор лизинга жилого помещения заключается в простой письменной форме в трех экземплярах и подлежит регистрации в местном исполнительном и распорядительном органе. Так, согласно ч. 1 п. 11 Положения лизингодатель обязан не позднее семи рабочих дней, следующих за днем заключения договора, зарегистрировать договор лизинга жилого помещения в местном исполнительном и распорядительном органе.

Один из экземпляров договора лизинга жилого помещения хранится у

лизингодателя, второй – у лизингополучателя, а третий – в местном исполнительном и распорядительном органе, зарегистрировавшем этот договор.

7. Договор лизинга жилого помещения является основанием для возникновения права владения и пользования жилым помещением (ст. 23 ЖК), а проживание в жилых помещениях частного жилищного фонда по договору лизинга жилого помещения является основанием для признания лизингополучателя, нуждающимся в улучшении жилищных условий (подп. 1.5 п. 1 ст. 36 ЖК).

Лизингополучатель вправе владеть и пользоваться жилым помещением в соответствии с его назначением, то есть вправе использовать его для личного проживания и проживания членов своей семьи. Так, например, лизингополучатель имеет право без согласия проживающих совместно с ним совершеннолетних членов его семьи и лизингодателя предоставить право владения и пользования жилым помещением своим супругу (супруге), родителям и детям (абз. 2 ч. 1 п. 6 Положения).

Таким образом, учитывая квалифицирующие признаки договора лизинга жилого помещения, данный договор можно определить следующим образом: по договору лизинга жилого помещения лизингодатель обязуется приобрести в собственность квартиру частного жилищного фонда в многоквартирном или блокированном жилом доме и (или) многоквартирный жилой дом частного жилищного фонда и предоставить это имущество, являющееся предметом лизинга, за плату во временное владение и пользование лизингополучателю не для предпринимательских целей.

Список использованных источников

1. Наглядно о жилищном фонде и улучшении жилищных условий населения в Республике Беларусь : инфографика [Электронный ресурс] / Официальная статистика / Жилищный фонд // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/2021/infographics-house-2021.pdf. – Дата доступа: 13.10.2022.

2. Шанюкевич, И. Развитие лизинга жилья в Республике Беларусь / И. Шанюкевич, В. Шанюкевич // Oikonomos: Journal of Social Market Economy. – 2017. – № 1(7). – С. 67–75.

3. Шиманович, С. В. Белорусский рынок лизинга. Обзор 2021 г. / С. В. Шиманович, А. И. Цыбулько. – Минск : УП «Энциклопедикс», 2022. – 126 с.

4. Сведения о лизинговых организациях, включенных в реестр лизинговых организаций [Электронный ресурс] / Лизинговая деятельность // Национальный банк Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.nbrb.by/finsector/leasing/register>. – Дата доступа: 13.10.2022.

ЭНЕРГИЯ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Е. О. Ерёмченко

*УО ФПБ «Международный университет «МИТСО», ул. Казинца, 21/3,
220099, г. Минск, Беларусь*

В данной статье на основании анализа законодательства Республики Беларусь и юридической литературы рассматривается актуальный вопрос о расширении перечня объектов гражданского права Республики Беларусь путем приобщения к нему такого объекта, как энергия. Проводится анализ понятия объекта гражданского права. Делается вывод на основе изложенного о возможности включения энергии в перечень объектов гражданского законодательства.

Ключевые слова: энергия, объект, гражданское право, гражданский кодекс, качество энергии, нематериальное благо.

В современной теории гражданского права объекты правоотношений занимают особое место, составляя предмет гражданского права и обобщая всю совокупность благ, по поводу и в связи с которыми законодатель устанавливает возникновение, изменение и прекращение гражданских правоотношений.

Актуальность темы обусловлена тем, что объекты гражданских правоотношений являются одним из важнейших институтов гражданского права.

Объект исследования – объект гражданского права.

В Гражданском кодексе Республики Беларусь (далее – ГК) нет чёткого определения объекта права, однако для понимания этого термина можно обратиться к юридической литературе по общей теории права, где в качестве объектов принято рассматривать такие разнообразные блага, на достижение, использование или охрану которых направлены интересы

сторон правоотношения и ради чего реализуются их субъективные права и обязанности [1].

Согласно ст. 128 ГК Республики Беларусь к объектам гражданских прав относятся: вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права; работы и услуги; нераскрытая информация; исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг; нематериальные блага [2].

Вопрос о том является ли энергия, электрическая и тепловая, реализуемые по договорам энергоснабжения и договорном поставки, объектом гражданских правоотношений, в настоящее время является дискуссионным. В ГК Республики Беларусь нет четкой формулировки по этому поводу. По сути, энергию можно было бы определить как вещь в гражданском праве, так как с точки зрения соответствия критериям эта вещь движимая, делимая, потребляемая, простая. Но и тут сразу возникает коллизия. Энергию нельзя отнести к вещи, так как она представляет собой свойство материи. Только при достижении особого состояния этой материи, она может выступать объектом гражданских правоотношений, так как производство полезной работы возможно только с достижением её определённого состояния.

Согласно ст. 151 ГК Республики Беларусь, энергия не входит и в перечень нематериальных благ, к которым возможно бы было её отнести. Она является неимущественной, что удовлетворяет её отношение к нематериальному благу, но не входит в рамки понятия второго критерия – связь с личностью носителя. Однако понятия объект и энергия нашли связь в ст. 5 Закона Республики Беларусь «О возобновляемых источниках энергии» от 27 декабря 2010 г. № 204-З. Но, говоря об объектах, речь идёт лишь о возобновляемых источниках энергии, что не полностью соответствует вопросу темы.

Анализ юридической литературы позволяет выделить различные подходы к изучению понятия «объект». Существует определение объекта гражданских правоотношений в соответствии с подходом, где объект выступает как институт гражданского права. В. И. Леушин утверждает, что объект правоотношения – «реальное благо, на использование или охрану которого направлены субъективные права и юридические обязанности» [3, с. 52]. В соответствии с таким определением энергия выступает таковым объектом, так как договор энергоснабжения фактически закрепляет направление субъективных прав и обязанностей на потребление этого блага.

Так же существует определение объекта гражданских правоотношений в соответствии с подходом, где объект выступает как правоотношения вообще. В рамках этого подхода под объектом

гражданских прав понимается поведение лиц по поводу материальных и нематериальных благ [4, с. 99]. Например, С. С. Алексеев полагает, что объектом правоотношения являются «явления (предметы) окружающего нас мира, на которые направлены субъективные юридические права и обязанности» [5, с. 154]. Под данное определение энергия полностью подходит.

В ст. 513 ГК Республики Беларусь затрагивается тема качества энергии как потенциального объекта в целом. Возвращаясь к определению объекта гражданского правоотношения, можно отметить, что объект – это то, на что направлены интересы участников правоотношения или то по поводу чего возникают эти правоотношения.

Согласно п. 1 ст. 513 ГК Республики Беларусь:

Качество подаваемой энергоснабжающей организацией энергии должно соответствовать обязательным для соблюдения требованиям технических нормативных правовых актов в области технического нормирования и стандартизации, требованиям, установленным иными актами республиканских органов государственного управления или предусмотренным договором энергоснабжения. То есть отмечается факт наличия определённых требований к качеству энергии для её эффективного использования.

Согласно п. 2 статьи 153 ГК Республики Беларусь:

В случае нарушения энергоснабжающей организацией требований, предъявляемых к качеству энергии, абонент вправе отказаться от оплаты такой энергии. При этом энергоснабжающая организация вправе требовать возмещения абонентом стоимости того, что абонент неосновательно сберег вследствие использования этой энергии (п. 2 ст. 974), если иное не предусмотрено законодательством. Из этого положения можно сделать вывод о том, что абоненту, то есть участнику гражданских правоотношений, важно соблюдение определённых требований, от которых напрямую зависит качество поставляемой энергии. Интерес участника направлен на соблюдение этих требований к качеству энергии, что соответствует определению объекта гражданских правоотношений. Отклонение от нормы качества энергии влечёт за собой нарушение, по поводу которого возникает определенное правоотношение, что тоже соответствует определению объекта гражданских правоотношений.

В ходе работы был произведён анализ законодательства Республики Беларусь и юридической литературы по вопросу о возможности отношения энергии к объекту ГК Республики Беларусь. Исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу, что пересмотрев некоторые аспекты понятия объекта гражданского правоотношения, такая возможность вполне реальна. Энергия может быть объектом гражданских отношений вследствие прямой направленности воздействия на них

субъектов гражданских правоотношений. Если пересмотреть и расширить перечень нематериальных благ, то мы сможем говорить об энергии как об объекте гражданских правоотношений.

Список использованных источников

1. Вишневский, А. Ф. Общая теория государства и права [Электронный ресурс] : учебник / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбатов, В. А. Кучинский ; под общ. ред. В. А. Кучинского. – Минск : Интегралполиграф, 2009. – 552 с. 2009 – Режим доступа: <https://pravo.studio/gosudarstva-prava-teoriya-belarus/obyektyi-pravootnosheniya-85061.html>. – Дата доступа: 27.10.2022.
2. Гражданский Кодекс Республики Беларусь 218-3 от 7.12.1998 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://kodeksy-by.com/grazhdanskij_kodeks_rb.htm. – Дата доступа: 27.10.2022.
3. Кархалев, Д. Н. Объект охранительного гражданского правоотношения / Д. Н. Кархалев // Журнал российского права. – 2009. – № 3. – С. 51–59.
4. Гражданское право : учеб. : в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. – М. : Проспект, 2005. – Т. 1. – 765 с.
5. Алексеев, С. С. Общая теория права : в 2 т. / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1982. – Т. II. – 360 с.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЛЕСНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ИДЕОЛОГО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПОДСИСТЕМЫ ДОГОВОРОВ В СФЕРЕ ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ

А. В. Захаркина

*Пермский государственный национальный исследовательский университет, ул. Букирева, 15, 614990, г. Пермь, Россия,
AnnaVladimirovna2009@yandex.ru*

Российская Федерация по-прежнему остается одной из мировых лесных держав. Этот статус требует выстраивания государственной лесной политики, учитывая интересы как лесного хозяйства, так и лесной промышленности. Связующим правовым инструментом между публичным собственником лесов и конечным лесопользователем остается договор, обладающий как частноправовыми, так и публично-правовыми элементами. Не меньшую сложность представляет систематизация

договоров в сфере лесопользования, которая, очевидна, должна иметь соответствующее идеолого-методологическое основание.

Ключевые слова: лесопользование, система природоресурсовых договоров, лесная политика Российской Федерации, лес

Уникальность леса как природного ресурса заключается в его возобновляемости и одновременно многофункциональном значении в жизни человека. Примерно треть мировой площади суши занята лесами. Среди мировых лидеров по количеству площадей, занятых лесными насаждениями, – Российская Федерация. Лесной комплекс России включает в себя две составляющие – лесное хозяйство и лесную промышленность.

Лесное хозяйство представляет собой комплекс взаимосвязанных общественных отношений, направленных на использование, охрану, защиту и воспроизводство лесов в целях удовлетворения многообразных потребностей общества. Структура земель, покрытых лесной растительностью, включает в себя преимущественно земли лесного фонда (96 %), а также земли иных категорий. Российский лес является преимущественно хвойным. В структуре целевого деления лесов 50 % лесов относятся к эксплуатационным, что обеспечивает гармонизацию отношению по использованию и охране лесов.

Лесная промышленность – это отдельный сектор экономики, представляющий из себя заготовку и обработку древесины, производство из нее готовой продукции, в том числе бумажной, пиломатериалов, мебели, топлива, лесной химии и др.

Среди главных проблем лесного комплекса Российской Федерации остаются следующие: недостаточная степень сведений об имеющихся лесных ресурсах; низкое качество ухода за лесами, а также выполнения работ по защите лесов; неэффективность мероприятий по лесовосстановлению; экстенсивная модель лесопользования; низкая инвестиционная привлекательность в сфере создания новых лесоперерабатывающих производств и др.

Намеренно упуская сугубо теоретические, но, несомненно, ценные для науки размышления относительно понятия и содержания термина «государственная политика», заметим, что в сфере лесных и иных природоресурсных отношений вопросы государственной политики имеют не чисто формальное, а идеологически-методологическое значение,

предопределяющее в том числе законодательный подход к соответствующей подсистеме договоров.

В самом общем виде под государственной лесной политикой понимается система официальных представлений об использовании, охране, защите и воспроизводстве лесов [1, с. 55]. Основным концептуальным актом в этой сфере выступает Распоряжение Правительства РФ от 26 сентября 2013 г. № 1724-р «Об утверждении Основ государственной политики в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов в Российской Федерации на период до 2030 года» (далее – Основы лесной политики). Наряду с Основами лесной политики действуют такие программные документы, как Стратегия развития лесного комплекса РФ и план мероприятий по ее реализации.

По справедливому замечанию Г.В. Выпхановой и Н.Г. Жаворонковой, государственная лесная политика представляет собой чрезвычайно сложное явление, гармонизирующее противоречивые интересы участников лесных отношений и балансирующее отношения в сфере лесопользования и отношения в сфере ведения лесного хозяйства при учете значения леса как природного и экономического ресурса [2, с. 26–27].

В контексте изучения договорной формы лесопользования трудно обойти вниманием проблему необходимости установления частной собственности на леса. О.И. Крассов дал развернутую характеристику обозначенной проблеме. Так, по мнению названного ученого, передача лесов в частную собственность экономически не обоснована. Это обстоятельство предопределено тем, что в силу особых природных свойств леса, экономический потенциал этого природного ресурса проявляет себя лишь спустя 100–150 лет, что значительно превышает среднюю продолжительность жизни человека, что предопределяет единственно удовлетворительную форму собственности на леса – государственную [3, с. 13]. По мнению О.И. Крассова, многочисленные попытки введения частной собственности на леса, которые имели место в преддверии принятия ныне действующего ЛК РФ, детерминированы исключительно лоббированием интересов отдельных лиц. Более того, массовая аренда достаточно крупных лесных участков предопределена теми же интересами: надеждой арендаторов на законодательную возможность в ближайшем будущем произвести приватизацию соответствующих участков. Однако по состоянию на сегодняшний день этого так и не случилось. Законодатель по-прежнему сохраняет позиции относительно

преимущественно публичной собственности на природные ресурсы, обосновывая это интересами охраны окружающей среды.

Подсистема договоров в сфере лесопользования названа нами именно «подсистемой» с учетом осуществляемой нами систематизации договоров в сфере природопользования по ресурсному принципу. Подсистемообразующим признаком соответствующей подгруппы договоров выступает природный ресурс, уникальный по своим характеристикам. Этим ресурсом в изучаемой группе является лес.

В научной литературе справедливо обращается внимание на усиление договорных методов регулирования лесных отношений [4, с. 60], на повсеместную смену публично-правовых отношений частноправовыми [5, с. 64]. Несмотря на эти тенденции, российскому экологическому законодательству присущ крайний консерватизм, в том числе сохранение лидирующих позиции концепции административного договора в сфере природопользования, одним из постулатов которой выступает правовое регулирование договорных отношений исключительно силами природоресурсового законодательства.

Как известно, российский законодатель исходит из наличия трех юридических фактов, обуславливающих предоставление лесных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности. В качестве таковых выступают решение уполномоченного органа государственной власти/МСУ при предоставлении лесного участка в постоянное (бессрочное) пользование; договор аренды; договор безвозмездного пользования. Лидирующие позиции в подсистеме договоров в сфере лесопользования традиционно занимает договор аренды лесного участка (далее – ДАЛУ). Говоря о подсистеме договоров в сфере лесопользования, кроме упомянутых – аренды и безвозмездного пользования, следует назвать еще один договор – договор купли-продажи лесных насаждений. Специфика этого договора заключается в его направленности: он направлен на передачу лесных насаждений в собственность. Однако несмотря на это обстоятельство, исследуемая договорная конструкция входит в подсистему договоров в сфере лесопользования. Так, В.К. Быковский справедливо подчеркивает, что «законодатель не рассматривает этот договор в качестве основного договора, в соответствии с которым осуществляется использование лесов» [6, с. 178].

Стоит заметить, что договорные конструкции, составляющие указанную подсистему, отличаются следующей особенностью: их базовые

концептуальные положения зафиксированы в нормах гражданского законодательства, что обуславливает как межотраслевой подход к анализу соответствующих отношений, так и потребность в поиске договорных типов, к которым относятся соответствующие договорные модели. Автор настоящего исследования исходит из того, что если для договора купли-продажи лесных насаждений договорным типом, статуированным нормами гражданского законодательства, выступает купля-продажа, то для ДАЛУ и договора безвозмездного пользования лесным участком требуется создание самостоятельного договорного типа – «Договора природопользования», поскольку ни аренда, ни безвозмездное пользование (ссуда) соответственно применительно к лесным отношениям таковыми не являются.

Список использованных источников

1. Быковский, В. К. К вопросу о понятии государственной лесной политики / В. К. Быковский // Юридический мир. – 2014. – № 2. – С. 55–57.
2. Выпханова, Г. В. Правовые проблемы совершенствования государственной лесной политики в современных условиях / Г. В. Выпханова, Н. Г. Жаворонкова // Экологическое право. – 2018. – № 1. – С. 25–30.
3. Крассов, О. И. Право собственности на леса / О. И. Крассов // Экологическое право. – 2006. – № 2. – С. 12–15.
4. Акопджанова, М. О. Современное лесное законодательство: история формирования, тенденции развития и правовое обеспечение исполнения / М. О. Акопджанова // Юрист. – 2019. – № 9. – С. 60–63.
5. Филимонов, Н. Аренда лесных участков (публично-правовой и частноправовой аспекты) / Н. Филимонова // Юридический мир. – 2009. – № 4. – С. 64–68.
6. Быковский, В. К. Использование лесов в Российской Федерации: правовое регулирование / В. К. Быковский. – М. : Волтерс Клувер, 2009. – 220 с.

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ КОНДИЦИОННОГО ПРАВА

В. А. Илюхина

*Академия ФСИН России, Сенная, 1, 390000, г. Рязань, Российская
Федерация, eva3011@bk.ru*

Анализируются предложенные в научной литературе принципы кондиционного права как один из аргументов самостоятельности отрасли кондиционного права. Автор приходит к выводу, что сформулированные принципы кондиционного права являются доктринальными принципами, а не принципами позитивного права. Делается вывод, если все или часть предложенных авторами доктринальных принципов права получат нормативное закрепление, то они составят каркас, идейное ядро кондиционного права.

Ключевые слова: кондиционное право, принципы права, доктринальные принципы, принципы кондиционного права.

В номере 2 за 2021 г. «Российского правового журнала» была опубликована новаторская оригинальная статья Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневича, Ю.А. Хилинской «Кондиционное право как самостоятельная отрасль права и элемент механизма пруденциального регулирования» [1], в которой обосновывается существование в Республике Беларусь новой самостоятельной отрасли права – кондиционного права. Одним из аргументов в пользу самостоятельности кондиционного права авторами статьи называется наличие «ярко выраженных отраслевых принципов, природа и содержания которых являются отличными от любой другой отрасли права, признаваемой современной правовой доктриной в качестве самостоятельной» [1, с. 71].

Несомненно, принципы права способствуют «индивидуализации» отрасли в системе права – по их специфическому набору в ряде случаев можно судить, о какой отрасли идет речь. Действительно, принципы права легко позволяют отграничить отрасли материального права от процессуального. Однако в условиях тенденции унификации процессуальных отраслей (в данном случае мы имеем в виду российское право) [2], проблематично по набору принципов понять, о гражданском процессуальном, арбитражном процессуальном или административном процессуальном праве идет речь. Соответственно, принципы права не могут в настоящее время выступать в качестве одного из основных критериев выделения отраслей права, но как дополнительный критерий они вполне применимы. Это в полной мере относится и к кондиционному праву.

В уже упоминавшейся статье авторы выделили 22 принципа кондиционного права:

«— принцип организации и координации кондиционного регулирования государством;

—принцип обязательности и непрерывности кондиционного надзора и контроля;

—принцип абсолютного приоритета публичного интереса при осуществлении кондиционного регулирования;

—принцип предопределенности содержания кондиционного регулирования национальными интересами;

—принцип универсализации кондиционного регулирования в международных отношениях, унификации кондиционного регулирования и гармонизации кондиционного законодательства с иностранными государствами;

—принцип обеспечения идентичности кондиционных процедур и методологии кондиционного регулирования, установленных национальным правом, международным стандартам;

—принцип единства системы кондиционного регулирования в Евразийском экономическом союзе, реализуемый с учетом законодательства об информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено, о национальной безопасности и военной организации государства;

—принцип системности и непрерывности кондиционного регулирования;

—принцип единства измерений и единообразного использования терминологии, наименований и обозначений при осуществлении кондиционного регулирования;

—принцип полноты, достоверности и актуальности кондиционного регулирования;

—принцип обязательности кондиционного регулирования;

—принцип научной обоснованности кондиционного регулирования и использования в кондиционном регулировании современных достижений науки и техники;

—принцип приоритета высоких технологий, минимизации антропогенного воздействия на окружающую среду и приоритета здоровых условий для жизни при осуществлении кондиционного регулирования;

—принцип установления и обеспечения соблюдения минимальных нормативов, стандартов, условий производства, распределения, перераспределения и потребления материальных и нематериальных благ и

стимулирования деятельности по совершенствованию таких нормативов, стандартов, условий;

– принцип обеспечения права участия всех заинтересованных субъектов в совершенствовании системы кондиционного регулирования, реализуемый с учетом законодательства об информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено, о национальной безопасности и военной организации государства;

– принцип научно- и организационно обоснованной процедурности кондиционного регулирования;

– принцип процессуальной экономии при осуществлении кондиционного регулирования;

– принцип открытости и доступности кондиционных процедур и методологии кондиционного регулирования, установленных национальным правом, для резидентов и нерезидентов Республики Беларусь, реализуемый с учетом законодательства об информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено нормами закона о национальной безопасности и военной организации государства;

– принцип преимущественной возмездности кондиционных процедур, установленных национальным правом;

– принцип осуществления государством кондиционного просвещения;

– принцип доступности кондиционной информации потребителям материальных и нематериальных благ в пределах, обеспечивающих защиту их прав и законных интересов, и реализацию публичного интереса» [1, с. 71–72].

Выше мы привели полностью все принципы кондиционного права, указанные Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневичем и Ю. А. Хилинской. Однако, к сожалению, исходя из их анализа, мы вынуждены констатировать следующие моменты:

1) авторы работы не указали, что они понимают под принципами права, не указали критерий их выделения;

2) принципы кондиционного права просто перечислены, не сгруппированы, не классифицированы, что вызывает непонимание их соотношения, наличия или отсутствия иерархичности;

3) не названы конкретные источники, откуда авторы черпают принципы кондиционного права.

Исходя из указанного выше, мы можем предположить, что речь идет исключительно о доктринальных принципах права, а не о принципах права в позитивистском понимании [3]. Следует понимать, что доктринальные

принципы и собственно принципы права (принципы позитивного права) – разнопорядковые явления.

Принципы права – это разновидность норм права (нормы-принципы), выполняющих особые функции в правовой системе (это и прямое указание правоприменителю, и ориентир для законодателя, и средство устранения пробелов в праве). Представляя собой основополагающие идеи отрасли права (отраслевые принципы), совокупности отраслей (межотраслевые принципы) и всего правового регулирования (общеправовые принципы), выражающих сущность отрасли права и отражающих ее характер, принципы права императивны для всех субъектов права.

Принципы права прямо закреплены в текстах нормативных правовых актов, причем законодатель маркирует основополагающие идеи, не просто размещая их в начале кодифицированных актов, но и используя в названии глав, статей или в их тексте сочетания «принципы...», «основные начала...», «основные положения...». Соответственно, мы не можем согласиться с тем, что принципы права могут быть выведены из содержания закона, из его толкования. В этом случае мы уже имеем дело не принципами права, а с доктринальными принципами.

Доктринальные принципы формулируются учеными, политиками и, по большому счету, кем угодно. Делается это в научных и иных работах, в официальных выступлениях, в средствах массовой информации и пр. Доктринальные принципы – это материя не права, а правосознания. Если принципов позитивного права имеется ограниченное количество, то доктринальных принципов может быть сколько угодно, они могут соответствовать или не соответствовать правовой реальности, но самая главная их особенность – они не играют роли в правовом регулировании общественных отношений и не обладают императивностью для субъектов права.

Полагаем, что в статье «Кондиционное право как самостоятельная отрасль права и элемент механизма пруденциального регулирования» названы именно доктринальные принципы кондиционного права, сформулированные ее авторами. В связи с этим возникает вопрос, насколько велика ценность этих принципов?

Если говорить о правоприменительной ценности, то она имеет место только тогда, когда какие-либо из этих принципов были закреплены в текстах нормативных правовых актов (причем именно в качестве основополагающих идей). К сожалению, в данном случае мы не владем соответствующей информацией, т.к. кондиционное право не

кодифицировано и нам неизвестно, имеются ли в нормативных правовых актах принципы права, закрепленные в том виде, как они были сформулированы в анализируемой статье.

Однако представленные принципы кондиционного права обладают иной ценностью. Во-первых, выделение самой отрасли «кондиционное право» носит пока новаторский и дискуссионный характер. И формулирование неких идей, на которых базируется или должно базироваться кондиционное право является дополнительным аргументом в пользу существования самостоятельной отрасли кондиционного права. Во-вторых, доктринальные принципы права – это основа конституирования и развития любой отрасли права, в том числе и кондиционного права. Если все или часть предложенных авторами доктринальных принципов права получают нормативное закрепление, то они составят каркас, идейное ядро кондиционного права.

Список использованных источников

1. Бондаренко, Н. Л. Кондиционное право как самостоятельная отрасль права и элемент механизма пруденциального регулирования / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, Ю. А. Хилинская // Российский правовой журнал. – 2021. – № 2(7). – С. 60–77.

2. Демичев, А. А. К вопросу об арбитражном процессуальном праве как самостоятельной отрасли права / А. А. Демичев // Вестник Нижегородского института управления. – 2022. – № 2(64). – С. 15–21.

3. Демичев, А. А. Позитивистская классификация принципов современного российского права / А. А. Демичев // Государство и право. – 2014. – № 5. – С. 5–13.

О КОДИФИКАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

М. С. Исаенко

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь, ул.
Московская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь, isayenka@gmail.com*

В статье рассматриваются практические и теоретические вопросы систематизации (кодификации) законодательства в сфере

интеллектуальной собственности, перспективы выделения права интеллектуальной собственности в самостоятельную отрасль права.

Ключевые слова: гражданское право, интеллектуальная собственность, право интеллектуальной собственности, кодификация законодательства, систематизация законодательства, авторское право, промышленная собственность.

Необходимость систематизации законодательства в сфере интеллектуальной собственности очевидна. Колоссальное (более 200) количество нормативных правовых актов, содержащих нормы регулирующие соответствующие отношения, не способствует наращиванию национального потенциала интеллектуальной собственности, формированию эффективной системы охраны, управления и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности.

Проработка вопроса о целесообразности кодификации законодательства в сфере интеллектуальной собственности в целях развития системы интеллектуальной собственности как комплексного правового института обозначена в Стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности до 2030 года, утвержденной Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24 ноября 2021 г. № 672.

Являясь в настоящее время подотраслью гражданского права, правовому регулированию интеллектуальной собственности посвящен пятый раздел Гражданского кодекса Республики Беларусь, однако, большинство норм этого раздела не имеет прямого действия, т.к. соответствующие вопросы регулируются специальным законодательством.

Несмотря на тенденции кодификации законодательства в сфере интеллектуальной собственности в разных странах, полной кодификации удалось достичь лишь единицам. Анализируя иностранный опыт, отдельного изучения заслуживает опыт Франции и Российской Федерации.

Во Франции с 1992 г. действует отдельный кодекс – Кодекс интеллектуальной собственности Французской Республики [1]. Кодекс состоит из двух частей (общей и особенной). Общая часть включает три раздела посвященные общим вопросам правового регулирования произведений, объектов промышленной собственности и применению норм на «заморских территориях». Особенная часть состоит из восьми разделов посвященных детализации положений Общей части. Детализация регулирования в Особенной части является абсолютной, в ней содержится

регламентация в том числе административных процедур, мер гражданско-правовой, административно-правовой и уголовно-правовой ответственности.

Российская Федерация пошла иным путем, итогом кодификации законодательства в сфере интеллектуальной собственности стало принятие четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации. Безусловно, это большой шаг на пути систематизации законодательства в сфере интеллектуальной собственности, однако, стоит принимать во внимание и достаточно обширную критику такой систематизации (кодификации) видными российскими цивилистами. Основанием для критики является включение большого количества норм административного права, что ведет к дезорганизации цивилистической системы [2, с. 43], кроме того, такая кодификация не может считаться полной и комплексно решать многогранные задачи правового регулирования соответствующих отношений только гражданско-правовыми методами.

Таким образом, не сомневаясь в преимуществах кодификации законодательства в сфере интеллектуальной собственности, мы видим первостепенную задачу в принципиальном определении места права интеллектуальной собственности в системе права. С.С. Лосев предлагает сохранить связь предполагаемого Кодекса об интеллектуальной собственности с Гражданским кодексом [3, с. 91], т.е., по сути, оставить право интеллектуальной собственности подотраслью гражданского права. Мы же видим предпосылки для выделения права интеллектуальной собственности в самостоятельную отрасль права. Недостаточная однородность общественных отношений, входящих в предмет правового регулирования права интеллектуальной собственности, на наш взгляд, существенно не препятствует его выделению в качестве самостоятельной отрасли права. Применение комплекса методов правового регулирования, не ограничиваясь гражданско-правовыми, позволит действительно полно и гармонично урегулировать отношения в сфере интеллектуальной собственности, способствовать наибольшей эффективности системы охраны, управления и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности.

Кодификация законодательства в сфере интеллектуальной собственности в числе прочего должна привести к существенному качественному пересмотру действующих норм (правовой режим служебных объектов интеллектуальной собственности, защита авторских

прав в сети Интернет, лицензирование и ряд других сфер интеллектуальной собственности нуждается, на наш взгляд, в качественно новых подходах и решениях), избавит законодательство от устаревших, частично или полностью дублирующих друг друга норм, приведет к единообразию в терминологии и понятийном аппарате (так система нуждается в унификации норм в сфере лицензирования, в т.ч. открытой лицензии, процедуры подачи заявки и проведения экспертизы для различных объектов промышленной собственности и ряде других вопросов).

С учетом изложенного и анализа иностранного опыта правового регулирования отношений в сфере интеллектуальной собственности задачу по кодификации законодательства в сфере интеллектуальной собственности считаем актуальной и перспективной.

Список использованных источников

1. Кодекс интеллектуальной собственности (сводная версия на 01.01.2021 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/20914>. – Дата доступа: 05.10.2022.

2. Усов, Г. В. Правовое регулирование и защита интеллектуальной собственности во Франции / Г. В. Усов // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 3 (27). – С. 301-305.

3. Лосев, С. С. Актуальные проблемы развития институтов права интеллектуальной собственности в Республике Беларусь: монография / С. С. Лосев. – Минск : Колорград, 2018. – 254 с.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКРОТСТВЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В. С. Каменков

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь*

В статье осуществлен критический анализ принятого в первом чтении на заседании восьмой сессии Палаты представителей Национального собрания 28 апреля 2022 г. законопроекта «Об урегулировании

неплатежеспособности». Обозначаются концептуальные достоинства и недостатки проекта закона.

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, финансовое оздоровление, неплатежеспособность, субъекты хозяйствования.

На заседании восьмой сессии Палаты представителей Национального собрания 28 апреля 2022 года в первом чтении принят законопроект **«Об урегулировании неплатежеспособности»**.

Как было сообщено на одном из информационных сайтов «...согласно проекту закона функции координации деятельности по финансовому оздоровлению предприятий и организаций переходят к Правительству Республики Беларусь и местным и распорядительным органам». Сейчас эту функцию выполняют Правительство и судебная власть.

Указано также, что местные и распорядительные органы по ходатайству негосударственных субъектов хозяйствования, находящихся на их территории, смогут согласовывать меры по предупреждению несостоятельности и банкротства, мониторить исполнение мер, а также оказывать содействие в исполнении этих мер.

О концептуальных достоинствах и недостатках проекта закона можно сказать вкратце следующее.

1. В ст. 1 из определения банкротства «уходит» характерный признак неплатежеспособности для банкротства: она должна иметь или приобретать устойчивый характер. В противном случае можно массу дел возбуждать в отношении всех убыточных организаций и ИП и не давать им работать.

То есть из дефиниции понятия «банкротство» предлагается исключить такую характеристику неплатежеспособности, как ее устойчивый характер (имеющийся или приобретающийся). Одновременно предлагается исключить из ст. 10 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 415-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) положения, касающиеся порядка определения критериев неплатежеспособности, имеющей или приобретающей устойчивый характер.

Таким образом, исключается одно из институциональных начал и противовесов, касающееся органов исполнительной власти. В данном случае только суду, рассматривающему дело о банкротстве, придется взять на себя все бремя ответственности за выносимое решение о банкротстве должника с ликвидацией. К слову, стоит заметить, что похожая ситуация

уже была в истории развития отечественного банкротного законодательства и практики его применения. Тогда хозяйственным судам пришлось испытать немало трудностей:

по подготовке кандидатов в управляющие по делам о банкротстве, выделению конкретных управляющих из-за их недостатка по конкретным делам,

налаживанию мер о предупреждении экономической несостоятельности и банкротства со стороны собственников (в том числе государства), учредителей (участников) и ответственности за их принятие,

а также довелось приложить немало усилий, чтобы выстроить именно систему взаимодействия различных ветвей государственной власти.

Анализ актуальной судебной практики экономических судов показывает, что при признании должников экономически несостоятельными или банкротами эти суды всегда в своих решениях анализировали устойчивость неплатежеспособности.

Известно, что на практике со стороны различных государственных регулирующих органов и самих субъектов предпринимательства имеются серьезные претензии к нормативным значениям указанных коэффициентов, динамике их изменения и другие.

Но, на наш взгляд, это не повод, чтобы вообще не учитывать объективные экономические критерии, характеризующие экономико-финансовое состояние должника. Даже экономический суд, рассматривающий дела о банкротстве, не всегда компетентен определить методику и методологию расчетов коэффициентов ликвидности, обеспеченности собственными оборотными средствами, обеспеченности обязательств активами и их фактическое состояние. Это та сфера, которая требует специальных бухгалтерских, финансовых и экономических познаний. А когда решать будут райисполкомы, то какие и кто будет назначать экспертизы?

По нашему мнению, эффективнее было бы усилить роль районных и иных администраций в предупреждении банкротства, в досудебном оздоровлении несостоятельных компаний. Разумный баланс между органами исполнительной и судебной власти здесь бы явно не помешал.

В противном случае по делам о банкротстве в судах можно получить субъективный и формальный подход: будут признаваться банкротами те лица, которые фактически ими не являются, либо будет назначаться большое количество различных экспертиз экономико-бухгалтерского

толка. В итоге желание сократить время на рассмотрение дела о банкротстве в суде может обернуться противоположным результатом.

Следует отметить, что в мире имеются страны с несудебными процедурами банкротства. «...путь упрощения процедуры банкротства для особенно нуждающихся должников избрали некоторые зарубежные страны (например, Новая Зеландия, Англия), имеющие гораздо более богатый опыт законодательного урегулирования потребительского банкротства» [1].

Но, если взять за основу такой вариант (или смешанный), то следует урегулировать и возможность обжалования в суд те административные решения, с которыми субъекты банкротного процесса не согласны. Учитывать такое конституционное право на обращение в суд придется. В итоге может получиться не упрощение и сокращение сроков по делам о банкротстве, а их увеличение.

2. Многие должники при возбуждении в отношении них производства по делу о банкротстве еще рассчитывают на *защитный период*. И судебная практика знает такие случаи, когда возбужденные дела о банкротстве прекращались в связи с достижением целей защитного периода. Согласно ст. 1 Закона о банкротстве защитный период – это самостоятельная процедура банкротного процесса, применяемая к должнику с момента принятия экономическим судом заявления об экономической несостоятельности (банкротстве) в целях:

- 1) завершения досудебного оздоровления,
- 2) проверки наличия оснований для открытия конкурсного производства,
- 3) обеспечения сохранности имущества должника.

Судебная практика экономических судов Беларуси подтверждает, что правовые нормы о защитном периоде действующего Закона о банкротстве достаточно активно применялись для возврата имущества должника, неправомерно «ушедшего» от него. Например, решением экономического суда города Минска был признан недействительным договор субаренды, во исполнение которого была передана во временное пользование и владение часть изолированного нежилого помещения. Сделка была совершена менее чем за год до начала производства по делу об экономической несостоятельности, что противоречило требованиям законодательства.

В *проекте Закона* роль защитного периода существенно снижается. Он рассматривается как процедура, применяемая к

должнику с одной целью: проведения анализа достоверности фактов, изложенных в заявлении о несостоятельности или банкротстве. Авторы проекта и здесь пошли по пути максимальной оптимизации, граничащей с упрощенчеством, и рациональности во всем. Хотя за временным управляющим оставили права и обязанности по сохранению имущества должника. Предполагается, что изменение формулировки данного понятия направлено на сокращение срока защитного периода до одного месяца.

Но с такими функциями рассматриваемый период нельзя назвать защитным.

3. К сожалению, в проекте Закона предложено исключить понятие **«конкурсные кредиторы»**, под которым понимают представителя работников должника и тех кредиторов, обязательства перед которыми возникли ранее открытия конкурсного производства и которые включаются в реестр требований кредиторов. При этом сам реестр требований кредиторов и защита таких требований сохранены. Но в банкротной процедуре кредиторы по объективным и субъективным причинам могут появляться как до возбуждения конкурсного производства, так и после. Имеются в виду кредиторы, автоматически попадающие в реестр требований кредиторов, и те, которым придется защищать свои требования. И судебная практика экономических судов нашей страны подчеркивает, что разница между понятиями «кредиторы» и «конкурсные кредиторы» существует.

4. Термин о процедуре **«конкурсного производства»**, объективно говоря, сформулирован в проекте Закона не просто лучше прежнего, но более полно и понятно. Правда, нагрузка на него увеличивается в смысле количества целей, которые должны быть достигнуты. Конкурсное производство – процедура, применяемая к должнику в целях 1) проверки оснований для принятия решения о санации или 2) об открытии ликвидационного производства, 3) формирования реестра требований кредиторов, 4) определения признаков ложного банкротства, преднамеренного банкротства, сокрытия банкротства или препятствования возмещению убытков кредиторам (кредиторам), 5) обеспечения сохранности имущества должника.

Не трудно заметить, что в действующем Законе о банкротстве часть этих целей могла быть достигнута в защитном периоде. С позиции той же экономности и рациональности такие цели, как обеспечение сохранности имущества должника, определение признаков ложного банкротства,

преднамеренного банкротства, сокрытия банкротства, можно и нужно дублировать, как в защитном периоде, так и в конкурсном производстве.

5. Предлагается в проекте Закона почти «косметическое» изменение понятия **«крупная сделка»**. Упор делается на указание, что это сделка, влекущая распоряжение недвижимым или иным имуществом должника, стоимость которого на день совершения сделки составляет **двадцать и более процентов** стоимости всего имущества должника, определенной на основании данных бухгалтерского учета и бухгалтерской и (или) финансовой отчетности на первое число первого месяца текущего квартала, в отношении должника - индивидуального предпринимателя, а также юридического лица, применяющего упрощенную систему налогообложения, – сделка на сумму, составляющую триста и более базовых величин.

По своей сути это отказ от слова «балансовая» применительно к слову «стоимость» и трехкратное увеличение суммы сделки в отношении должника - ИП, а также юридического лица, применяющего упрощенную систему налогообложения без ведения бухгалтерского учета (ст. 1 Закона о банкротстве). Но ведь отечественная и зарубежная (русская) законодательная, судебная практика подсказывают, что имеются и иные формулы определения понятия «крупная сделка». В частности, опасность для сохранности имущества должника, как и важность при попытках его возврата (формирование конкурсной массы), представляет не только единичная сделка на двадцать и более процентов, но и несколько более мелких, но взаимосвязанных сделок. Не всегда и сумма процентов равна цифре «двадцать». В законодательстве других государств более гибкие подходы. И нам тоже следует перенять такую «гибкость».

6. Один из системообразующих терминов действующего Закона о банкротстве – **«неплатежеспособность»** также, по нашему мнению, формулируется в проекте Закона недостаточно полно. Неплатежеспособность предлагается раскрыть как финансовое состояние должника, характеризующее его неспособность исполнить денежные обязательства, обязательства по выплате выходных пособий и оплате труда лиц, работающих (работавших) по трудовым договорам (контрактам), срок исполнения которых наступил. В действующем Законе о банкротстве неплатежеспособность определяется, как неспособность **в полном объеме** удовлетворить требования кредитора (кредиторов) по платежным обязательствам, а также по обязательствам, вытекающим из трудовых **и связанных с ними** отношений (ст. 1 Закона о банкротстве).

7. Очень некорректно сформулирована редакция части 1 ст. 6 (*Несостоятельность устанавливается на основании заявления должника о своей несостоятельности*) и часть 1 ст. 7 проекта Закона (*Правом на подачу в суд заявления должника о несостоятельности обладает должник*). Главная мысль в том, что заявления о несостоятельности должен подавать только сам должник. При этом необоснованно лишаются законного права на подачу такого заявления кредиторы и иные уполномоченные лица, которые не хотят ожидать состояния банкротства должника.

8. В проекте Закона о банкротстве (ст. 63) целесообразно записать, что собрание кредиторов принимает не просто решение о согласовании плана ликвидации должника, а решение о согласовании условий ликвидации, имея в виду ее разные варианты, в том числе условия возможного медиативного соглашения кредиторов, управляющего и должника. Конечно, это касается и условий прекращения деятельности должника-ИП.

9. *Изменение порядка извещения кредиторов о собрании кредиторов и разъяснение, что является надлежащим извещением.* Надлежащим уведомлением предлагается признать размещение сведений о проведении собрания кредиторов в Едином государственном реестре сведений о банкротстве (далее – Единый реестр) с одновременным размещением бюллетеня для голосования не позднее чем за десять дней до даты проведения собрания кредиторов (ч. 8 ст. 63 Проекта). При размещении сведений о проведении первого собрания кредиторов бюллетень для голосования не размещается. По нашему мнению, остаются сомнения в части доступности к Единому реестру для всех слоев населения Республики Беларусь и юридических лиц. Возможно, следует продублировать такую информацию иным, более доступным образом, чтобы не допустить нарушения прав и законных интересов кредиторов (в особенности социально и информационно незащищенных).

10. В проекте Закона (ст. 106, 107) следует конкретизировать права и обязанности управляющего в отношении санации и ликвидации должника. Он вправе и обязан не просто проводить абстрактную процедуру санации или ликвидационного производства и не только разрабатывать план санации или ликвидации должника, а готовить различные варианты санации или ликвидации. Тогда у кредиторов и экономического суда будет альтернатива при принятии решения о санации или ликвидации, в том числе с медиативной версией. Уменьшатся и коррупционные риски.

11. Это же правило (вариативность) применимо и к мировому соглашению.

Имеются и другие предложения. В частности, следует в рамках Союзного государства как-то начать сближение конкурсного законодательства наших двух стран.

Список использованных источников

1. Институт несостоятельности (банкротства) в правовой системе России и зарубежных стран: теория и практика правоприменения : моногр. / А. З. Бобылева, И. В. Фролов [и др.] ; под ред. И. В. Фролова, С. А. Карелиной. – Юстицинформ, 2020. – 360 с.

ОБ ИМУЩЕСТВЕННОЙ КОМПЕНСАЦИИ КАК СПОСОБЕ ЗАЩИТЫ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

В. В. Карпенков

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
Институт управленческих кадров, Московская ул., 17, Минск
karpenkaiwork@yandex.ru*

Анализируется возможность и необходимость применения имущественной компенсации для гражданско-правовой защиты юридических лиц, а также отличие данного способа от возмещения убытков.

Ключевые слова: нематериальные блага, компенсация вреда, убытки, вред.

Суть гражданско-правовой защиты состоит в возможности требовать восстановления своего нарушенного правового положения и устранение неблагоприятных последствий правонарушения, которые определяются в гражданском праве термином «вред». В результате применения мер гражданско-правовой защиты вред, независимо от его характера, должен быть возмещен или компенсирован. С этой целью в законодательстве (в том числе, в ст. 11 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) закреплены такие способы защиты гражданских прав как возмещение убытков и компенсация вреда.

Разделение данных способов обусловлено рядом причин, в том числе целями их применения, природой вредных последствий, методикой подсчета сумм, подлежащих возмещению (компенсации) и т.д.

Гражданское законодательство Республики Беларусь допускает применение «имущественных» способов защиты при причинении вреда, имеющего как материальный, так и нематериальный характер. Исходя из закрепленных в законодательстве Беларуси условий применения таких способов как «возмещение вреда» и «взыскание компенсации», можно утверждать, что, несмотря на сходство их реализации, они преследуют различные цели. В первом случае – восстановление имущественного положения путем возмещения утраченного. Во втором – получение эквивалентного вознаграждения взамен понесенных потерь (например, из-за невозможности их точного подсчета в силу разнородных причин).

Первостепенное значение в разрешении вопроса о применении обсуждаемых способов защиты является определение характера последствий правонарушения.

Существующая правоприменительная практика, взгляды и мнения ученых-юристов заставляют обратить внимание на недостаточную легальную регламентацию понятия «нематериальный вред» или «неимущественный вред» в действующем законодательстве Республики Беларусь. Очевидно, такой подход законодателя обусловлен позицией, в соответствии с которой организация, как лицо, не обладающее эмоционально-волевой сферой, не способна испытывать ни физических, ни нравственных страданий, а, следовательно, каких-либо вредных последствий нематериального характера такому субъекту причинено быть не может.

Вместе с тем, возможность применения в отношении юридических лиц денежной компенсации за вред, не поддающийся имущественной оценке, реализуется в зарубежной правоприменительной практике. Данный способ защиты нашел обоснование со стороны ученых и специалистов.

В соответствии с п.п. 6, 13 - 15 Практической инструкции председателя ЕСПЧ «Требования о справедливой компенсации» (далее – Практическая инструкция ЕСПЧ) одним из разновидностей вреда, при наличии которого присуждается справедливая компенсация, является вред, не поддающийся точному денежному исчислению [1].

ЕСПЧ в инструкциях и постановлениях на английском языке для обозначения исследуемой категории вреда использует словосочетание

«non-pecuniary damage», которое в наиболее точном переводе означает «вред, не поддающийся точному денежному исчислению». Во французских текстах инструкций и постановлений ЕСПЧ употребляется термин *prejudice moral (dommage moral)*, переводимый как «моральный вред».

ЕСПЧ подчеркивает нематериальную специфику такого вреда. ЕСПЧ в случаях необходимости взыскивает компенсацию нематериального вреда не только в отношении физических лиц, но и в пользу юридических лиц, которые обращаются в ЕСПЧ за защитой своих прав.

Отмечается, что исследуемая компенсация преследует цель обеспечить финансовую компенсацию нематериального вреда (*non-material harm*), природа которого заключается в том, что он не поддается точному расчету [2].

Позиция ЕСПЧ разделяется и судебной практикой в Российской Федерации. Общее мнение о порядке и условиях применения юридическими лицами компенсации нематериального вреда, сформировавшееся в судебной практике, содержится в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 17528/11 от 17 июля 2012 г. Отмечается, что юридическое лицо, чье право на деловую репутацию нарушено действиями по распространению сведений, порочащих такую репутацию, вправе требовать возмещения нематериального (репутационного) вреда при доказанности общих условий деликтной ответственности (наличия противоправного деяния со стороны ответчика, неблагоприятных последствий этих действий для истца, причинно-следственной связи между действиями ответчика и возникновением неблагоприятных последствий на стороне истца).

Для подтверждения наступления неблагоприятных последствий в виде нематериального вреда деловой репутации истца необходимо установить факт сформированной деловой репутации истца, а также факт утраты доверия к его репутации, следствием чего может быть сокращение числа клиентов и утрата конкурентоспособности.

При выявлении причинно-следственной связи между действиями ответчика и возникновением неблагоприятных последствий на стороне истца суды должны учитывать наличие реальной возможности влияния действий ответчика на формирование мнения об истце у третьих лиц».

Таким образом, в правоприменительной практике Российской Федерации выработался подход к применению компенсации нематериального вреда юридическим лицам, в соответствии с которым:

– нематериальный вред может быть причинен юридическому лицу. Его содержание взаимосвязано с конкретным благом, право на которое было нарушено и не может отождествляться с содержанием морального вреда причиняемого гражданам;

– требования о взыскании компенсации нематериального вреда нуждаются в доказанности общих условий деликтной ответственности.

Наличие вреда не презюмируется и не может считаться очевидным, только ввиду доказанности факта правонарушения. Вредные последствия нематериального характера подлежат доказыванию.

Законодательство Республики Беларусь не содержит категории «нематериальный вред», а правоприменительная практика не допускает возможности присуждения юридическому лицу соответствующей компенсации. Существующая в Беларуси правовая реальность не допускает взыскание в пользу юридического лица, какого-либо возмещения, кроме имущественных потерь.

Вместе с тем, применительно к настоящему исследованию представляет интерес закрепленный в Законе Республики Беларусь от 17 марта 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах» (далее – Закон об авторских правах) порядок защиты исключительных прав.

Согласно п. 2 ст. 56 Закона об авторских в случае нарушения исключительного права на объект авторского права или смежных прав наряду с использованием способов защиты исключительных прав, предусмотренных ст. 989 Гражданского кодекса Республики Беларусь, правообладатель вправе требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации в размере от одной базовой величины до пятидесяти тысяч базовых величин, определяемом судом с учетом характера нарушения.

Согласно ст. 989 ГК защита нарушенных авторских прав может производиться также путем применения способов, закрепленных в ст. 11 ГК.

В качестве субъектов, управомоченных обращаться за защитой авторского права или смежных прав, законодатель в п. 1 ст. 56 Закона об авторских правах называет авторов и иных правообладателей.

В соответствии со ст. 4 указанного Закона правообладатель - это физическое и (или) юридическое лицо, обладающее исключительным правом на объект авторского права или смежных прав в силу факта его создания, правопреемства, на основании заключенного договора или ином основании.

Понятия «авторское право» и «смежные права» включают в себя как исключительные права, так и личные неимущественные права. Правообладатель (автор, издатель, наниматель автора, производитель аудиовизуальных произведений и т.д.) в случае нарушения его исключительного права может, помимо прочего, заявить требование о взыскании убытков или (в качестве альтернативы) присуждение компенсации в размере от десяти до пятидесяти тысяч базовых величин, а будучи физическим лицом – еще и компенсации морального вреда, в случае его причинения.

Отмечается, что «...данный способ защиты имущественных интересов правообладателя является наиболее эффективным, поскольку норма Закона сформулирована таким образом, что требование взыскания компенсации может предъявляться в тех случаях, когда обладатель исключительных авторских или смежных прав не смог или не захотел определить размер понесенных им в результате нарушения его прав убытков» [3].

Правовая природа компенсации за нарушение авторских прав остается предметом дискуссий в юридической литературе. Некоторые исследователи рассматривают компенсацию как особый вид ответственности, не совпадающий с другими формами (видами) гражданско-правовой ответственности. По мнению других, компенсация является имущественной санкцией, разновидностью убытков. Третьи считают, что исследуемый способ защиты имеет свойства неустойки (законной), штрафа. Отдельные ученые полагают, что отнесение законодателем института компенсации к разряду гражданско-правовых средств защиты является ошибкой. Существует также позиция, согласно которой предлагается расценивать взыскание компенсации не как самостоятельный вид гражданско-правовой ответственности, а как особый упрощенный способ возмещения убытков [4].

Представляется важным обратить внимание на следующее.

Во-первых, компенсация является самостоятельным способом защиты исключительных интеллектуальных прав, альтернативой возмещению убытков («вместо возмещения убытков»), отличаясь от этого способа защиты.

Во-вторых, компенсация применяется вместо возмещения убытков, по волеизъявлению потерпевшего правообладателя, независимо от возникновения имущественных потерь, связана лишь с самим фактом нарушения права, а истец не обязан доказывать факт возникновения

убытков и размер этих убытков. Выявление убытков, их размер может иметь значение лишь для определения размера взыскиваемой денежной компенсации как обстоятельство, влияющее на размер взыскиваемой компенсации, поскольку является обстоятельством, которое может тем или иным образом характеризовать последствия правонарушения.

В-третьих, взыскание компенсации не применяется при нарушении договорных условий и служит способом защиты не относительных, а абсолютных прав от нарушений со стороны неопределенного числа лиц, не связанных с правообладателем договорными отношениями.

В-четвертых, рассматриваемый институт заимствован из англосаксонской системы права, где именуется убытками, определенными законом или штрафными убытками и более всего соответствуют тому, что в странах континентальной системы права является уголовным или административным штрафом, т.е. санкцией публичного права, характеризующейся карательным эффектом и применяемой вне зависимости от реально понесенных убытков.

Помимо прочего, применяется данный институт поскольку:

а) пострадавшее лицо дополнительно вознаграждается за ущемление (ограничение) своих прав, так как простое возмещение убытков не достигает такой цели в полной мере;

б) достигается цель общей превенции: предупреждение аналогичных нарушений со стороны виновного лица и других лиц в будущем [5].

Подводя итог, следует сделать следующие выводы.

Защита нарушенных имущественных прав осуществляется путем возмещения убытков.

Применение способа защиты прав, определенного в законодательстве Беларуси термином «компенсация», неоднозначно. С одной стороны, данный способ применяется в случае посягательства на нематериальные блага, принадлежащие гражданам, в результате которого причиняется вред психо-эмоционального содержания, загладить который пострадавшему предлагается путем присуждения имущественного вознаграждения. С другой стороны, допускается применение компенсации и в отношении юридических лиц, в случае нарушения принадлежащего им исключительного права, при этом он используется как альтернативный, особый, упрощенный способ устранения вредных последствий имущественного характера, применяемый исходя из презумпции вреда, поскольку в этом случае не требуется доказывания наличия или размера вредных последствий правонарушения.

Считаем разумным и допустимым видится применение компенсации как способа защиты нарушенных прав в случае, когда вредные последствия правонарушения являются неимущественными по своей природе или не имеют методики подсчета, поскольку в противном случае имущественное взыскание представляет собой возмещение убытков или штраф и нуждается в соответствующем порядке применения.

Исходя из эквивалентно-возмездного характера гражданских правоотношений, мнений и взглядов ученых-цивилистов, зарубежной правоприменительной практики полагаем необходимым закрепление в законодательстве Республики Беларусь гражданско-правового механизма защиты юридических лиц, в случае причинения им нематериально вреда. В наиболее общем виде содержание данного понятия может заключаться в негативных последствиях неимущественного характера, возникших вследствие умаления принадлежащих лицу, охраняемых законом благ, которые не поддаются материальному исчислению.

Список использованных источников

1. Практическая инструкция председателя ЕСПЧ «Требования о справедливой компенсации» (англ.) / Официальный сайт Европейского Суда по Правам Человека [Электронный ресурс]. – 2022. – Режим доступа : https://www.echr.coe.int/Documents/PD_satisfaction_claims_EnG.pdf. – Дата доступа : 04.10.2022.

2. Гаврилов, Е. В. Эволюционирующий характер практики Европейского суда по правам человека о компенсации нематериального вреда юридическим лицам / Е. В. Гаврилов // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.

3. Лосев, С. С. Научно-практический комментарий к Закону Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» : [по состоянию на 18.04.2013 г.] / С. С. Лосев // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

4. Андреев, Ю. Н. Судебная защита исключительных прав: цивилистические аспекты: / Ю. Н. Андреев // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.

5. Старженецкий, В. В. О природе компенсации за нарушение исключительных прав / В. В. Старженецкий // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.

РОЛЬ ТАМОЖЕННЫХ ПРОЦЕДУР ПРИ ПЕРЕМЕЩЕНИИ ТОВАРОВ ЧЕРЕЗ ТАМОЖЕННУЮ ГРАНИЦУ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

А. А. Квятович

Учреждение образования «БИП – Университет права и социально-информационных технологий», ул. Октябрьская, 5, 220030, г. Минск, Беларусь, Antonina-kv@mail.ru

Совершенствование института таможенных процедур является одним из ключевых направлений деятельности таможенных органов Республики Беларусь. В исследуемой тематике проанализированы понятие таможенной процедуры, роль таможенных процедур в определении порядка перемещения товаров через таможенную границу, результаты применения таможенных процедур, позволяющие оценить степень достижения экономических целей таможенного регулирования, выявлены причины и факторы применения таможенных процедур, обоснованы перспективные направления по совершенствованию практики применения таможенных процедур.

Ключевые слова: таможенные органы, Евразийский экономический союз, таможенные процедуры, перемещение товаров, субъекты внешнеэкономической деятельности, таможенная граница.

Необходимость изучения особенностей таможенных процедур вызвана тем, что Договор от 1 января 2018 г. о Евразийском экономическом союзе содействовал увеличению и концентрации перемещения товаров через таможенную границу Европейского экономического союза (далее – ЕАЭС).

Перемещение товаров через таможенную границу ЕАЭС связано с соблюдением субъектами внешнеэкономической деятельности определенных условий и требований, установленных действующим законодательством. Все субъекты внешнеэкономической деятельности могут перемещать через таможенную границу ЕАЭС товары. Под таким перемещением понимается совершение действий по ввозу на таможенную территорию или вывозу с этой территории товаров любым способом. Согласно ст. 8 Закона Республики Беларусь от 10 января 2014 г. № 129-З «О таможенном регулировании в Республике Беларусь» особенности и порядок перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС

в Республике Беларусь осуществляется в соответствии с международными договорами и актами в сфере таможенного регулирования, а в части, не урегулированной указанными договорами и актами, законодательством о таможенном регулировании.

Особенности, порядок и условия такого перемещения должны быть известны всем субъектам внешнеэкономической деятельности. Незаконное перемещение через таможенную границу товаров является нарушением установленного законом порядка перемещения товаров через таможенную границу и наказывается в соответствии с главой 15 «Административные правонарушения против порядка таможенного регулирования (административные таможенные правонарушения)» Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-3.

Перемещение через таможенную границу ЕАЭС основывается на принципах законности, равноправия, защиты отечественных производителей, взаимодействия с государственными органами и иными субъектами внешнеэкономической деятельности.

Товары перемещаются через таможенную границу ЕАЭС в соответствии с их таможенными процедурами.

Таможенные процедуры играют основную роль в определении порядка перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС (определяют характер и цели их перемещения); условий нахождения данных товаров на таможенной территории и за пределами таможенной территории; рамок, в которых могут использоваться товары, а также в установлении прав и обязанностей субъектов внешнеэкономической деятельности по пользованию и распоряжению находящимися в их ведении ввезенными или вывезенными товарами.

Помимо этого таможенные процедуры играют также важную роль в развитии внешнеэкономической деятельности. Первостепенными задачами государственного регулирования внешнеэкономической деятельности являются совершенствование законодательства о таможенном регулировании и создание благоприятных условий для развития всех видов внешнеэкономической деятельности.

Понимание природы таможенных процедур, особенностей и условий их функционирования в процессе осуществления внешнеэкономической деятельности невозможно без анализа сущности и содержания категории «таможенная процедура».

Таможенные процедуры являются основным правовым институтом таможенного права и устанавливают правила пользования и распоряжения товарами, перемещаемыми через таможенную границу ЕАЭС, а также создают необходимые условия для субъектов внешнеэкономической деятельности. Понятие таможенной процедуры является основным, важнейшим в действующем таможенном законодательстве ЕАЭС и национальных нормативных правовых актах.

Таможенные процедуры оказывают влияние на экономику, хозяйственную деятельность, конкурентоспособность субъектов внешнеэкономической деятельности, определяют направление развития внешней торговли и ее качественное содержание, что предписывает обязательность соблюдения норм законодательства о таможенном регулировании субъектами внешнеэкономической деятельности и таможенными органами.

Экономическая сущность таможенных процедур и их функций в системе таможенного регулирования заключается в их влиянии на выбор мер таможенно-тарифного и нетарифного регулирования, а также на определение порядка совершения таможенных операций и таможенного контроля [1, с. 9].

Проанализировав понятие «таможенная процедура» можно сделать вывод о том, что ученые не единодушны в своих выводах относительно данного понятия. Например, Г.В. Матвиенко рассматривает таможенную процедуру следующим образом, как: 1) необходимый составной элемент, стадии таможенного процесса [2, с. 29–31]; 2) инструмент нормативного регулирования, определяемого как совокупность норм права, которые устанавливают статус субъектов правоотношений, последовательность их действий, системы юридических фактов, переводящих такие нормы из спокойного состояния в фазу активного действия для достижения конкретного результата [3, с. 69].

Н. А. Назаренко и М. С. Савченко полагают, что таможенная процедура не может одновременно быть и правовой нормой, и правоотношением. Если таможенную процедуру понимать в качестве инструмента правового регулирования, то, ее, следует, относить к числу правовых норм, с помощью реализации которых зарождается правоотношение между таможенным органом и заинтересованным лицом (например, декларантом) [4, с. 231].

С.В. Стародубцев понимает под таможенной процедурой элемент таможенного режима, регламентирующий порядок применения методов

воздействия государственной власти на субъекты внешнеэкономической деятельности при перемещении ими товаров через таможенную границу ЕАЭС и правовое положение товаров для таможенных целей [5, с. 113].

Мы разделяем мнение Л. И. Поповой, которая считает, что таможенная процедура – это совокупность норм, определяющих для таможенных целей требования и условия пользования и (или) распоряжения товарами на таможенной территории ЕАЭС или за ее пределами [6, с. 6]. Данное определение схоже с определением, которое содержится в ст. 2 Договора о ЕАЭС. Указанная статья гласит, что таможенная процедура – совокупность норм, определяющих для целей таможенного регулирования условия и порядок использования товаров на таможенной территории Союза или за ее пределами. Данные определения в полной мере отражают сущность и значение таможенных процедур.

От правильного определения таможенной процедуры зависит последующее осуществление таможенных формальностей.

В соответствии со ст. 127 Договора о ЕАЭС в зависимости от целей нахождения и использования товаров на таможенной территории ЕАЭС, их вывоза с таможенной территории ЕАЭС и (или) нахождения и использования за пределами таможенной территории ЕАЭС в отношении товаров применяются следующие таможенные процедуры: выпуск для внутреннего потребления, экспорт, таможенный транзит, таможенный склад, переработка на таможенной территории, переработка вне таможенной территории, переработка для внутреннего потребления, свободная таможенная зона, свободный склад, временный ввоз (допуск), временный вывоз, реимпорт, реэкспорт, беспошлинная торговля, уничтожение, отказ в пользу государства и специальная таможенная процедура.

Либерализация внешнеэкономической деятельности предоставила ее субъектам свободу перемещения товаров. В соответствии с действующим законодательством лица, перемещающие товары, вправе выбрать любую таможенную процедуру или изменить ее на другую, и представить товары к таможенному оформлению для помещения под избранную таможенную процедуру, в соответствии с таможенным законодательством. Однако свобода выбора любой таможенной процедуры на практике не всегда может реализоваться. Для каждой таможенной процедуры имеются положения, согласно которым процедуру можно применять только при наличии определенных условий и с соблюдением определенных правил.

Лицо, осуществляющее декларирование, вправе выбирать таможенную процедуру. Однако таможенный орган решает вопрос о допустимости помещения товаров под ту или иную таможенную процедуру и выдает соответствующее разрешение, т.к. применение некоторых таможенных процедур возможно только при наличии заключения компетентного органа (например, уничтожение).

Помещая товары под определенную таможенную процедуру, лицо, перемещающее товары как бы соглашается с существующими правилами и обязуется соблюдать все имеющиеся ограничения и требования.

Перемещение товарами таможенной границы ЕАЭС в Республике Беларусь допускается в местах, определяемых Президентом Республики Беларусь. Местом пересечения товарами таможенной границы являются республиканские пункты таможенного оформления. Кроме того, товары могут перемещаться через таможенную границу ЕАЭС в Республике Беларусь по предварительному согласованию такого места с таможенным органом, в регионе деятельности которого будет осуществляться такое перемещение, в случаях установленных законодательством.

Перемещение товаров через таможенную границу должно осуществляться во время работы таможенных органов в пунктах таможенного оформления, если иное не установлено законами и (или) актами Президента Республики Беларусь.

После завершения таможенного оформления товары могут использоваться только в тех целях, в которых они были заявлены при декларировании под соответствующую таможенную процедуру.

Таким образом, роль таможенных процедур значительна.

Таможенные процедуры определяют порядок перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС в зависимости от назначения товаров, условия нахождения их на/вне таможенной территории, требования к товарам, устанавливая пределы, в рамках которых могут использоваться товары, права и обязанности лиц, перемещающих данные товары.

Многообразие таможенных процедур отражает сформировавшийся мировой опыт в сфере таможенного дела. Немаловажное значение приобретает уровень юридической регламентации действующих таможенных процедур и состоит в целях упорядочения и стимулирования внешнеэкономической деятельности, улучшения ее качества, а также для предупреждения и устранения возникающих правонарушений, связанных с уплатой таможенных платежей.

Меры по развитию и урегулированию внешнеэкономической деятельности должны соответствовать изменениям в социально-экономическом и международном положении страны. Следовательно, необходимо применять наиболее целесообразные и эффективные пути решения задач, стоящих перед таможенными органами в области внешнеэкономической деятельности. Только при таких условиях могут результативно решаться задачи правового регулирования данной деятельности в интересах государства.

Существующие таможенные процедуры направлены на развитие торговли, промышленности, международных перевозок, т.е. на развитие внешнеэкономической деятельности.

В целях совершенствования оперативности и эффективности контроля за перемещением товаров через таможенную границу ЕАЭС, необходимо расширять взаимодействие таможенных органов ЕАЭС с контролирующими государственными органами, а также с субъектами внешнеэкономической деятельности. Одним из современных направлений такого взаимодействия является информатизация и цифровизация, которые позволят эффективно проводить таможенный контроль и существенно снизить сроки проведения таможенного контроля, что благотворно скажется на внешнеэкономической деятельности.

Список использованных источников

1. Актуальные вопросы деятельности таможенных органов в условиях цифровой экономики : монография / Г. И. Немирова, Ф. Н. Валиев и др; под общ. ред. д-ра экон. наук Г. И. Немировой. – М.: РИО Российской таможенной академии. 2021. – 168 с.

2. Матвиенко, Г. В. Взаимодействие и классификация таможенных процедур / Г. В. Матвиенко // Финансовое право. – 2008. – № 4. – С. 29–31.

3. Матвиенко, Г. В. Административные процедуры и производства в таможенном праве / Г. В. Матвиенко // Журнал российского права. – 2008. – № 12 (44). – С. 61–70.

4. Назаренко, Н. А., Савченко, М. С. О понятии и содержании таможенной процедуры / Н. А. Назаренко, М. С. Савченко // Ленинградский юридический журнал. 2015. – 3 (41). – С. 227–237.

5. Стародубцев, С. В. Соотношение таможенных процедур государственного управления таможенным делом и таможенных режимов перемещения товаров через таможенную границу / С. В. Стародубцев //

Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2017. – № 3 (37). – С. 111–115.

б. Попова, Л. И. Таможенные процедуры : учеб. / Л. И. Попова. – М. : Юрайт, 2022. – 162 с.

ПРОБЛЕМЫ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Л. А. Киселева

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь, ул.
Московская 17, 220007, г. Минск, Беларусь, kiselyowa@tut.by*

В статье рассматриваются вопросы использования цифровых технологий с целью повышения эффективности научной деятельности, а также применения их в процедурах аттестации научных работников высшей квалификации. В работе обращается внимание на возможность использования информационно-коммуникационных технологий, обеспечивающих доступность ознакомления с содержанием текста диссертации и ее научных результатов, способствующих предупреждению попыток присвоения авторства (плагиата).

Исходя из анализа законодательства зарубежных стран делается вывод о важности совершенствования правового регулирования порядка присуждения ученых степеней на основе использования цифровых технологий и его закрепления в нормативных актах Республики Беларусь.

Ключевые слова: цифровизация, научная деятельность, информационно-коммуникационные технологии, научный работник, аттестация научных работников высшей квалификации, порядок присуждения ученых степеней

В число основных приоритетов Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы (далее – Программа), утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 29 июля 2021 г. № 292 «Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы», включены интеллектуальная страна и цифровизация сферы труда. Содержанием такого приоритета как интеллектуальная страна является качественное и доступное образование, раскрытие личностного

потенциала, развитие науки. Создание образовательной системы нового типа, нацеленной на воспитание гражданина, формирование его навыков и компетенций, в полной мере отвечающих потребностям экономики. Такая система будет основой для человека, способного ставить перед собой цели и достигать их, имея актуальные знания и умения, оставаясь востребованным в течение всего жизненного пути.

Приоритет цифровизация сферы труда предполагает переход на электронный учет трудовой деятельности граждан. Создание информационной системы прогнозирования рынка труда позволит оценивать потребность экономики в кадрах для последующего формирования заказа на подготовку специалистов с необходимыми навыками и компетенциями.

Программой взят курс на внедрение информационно-коммуникационных и передовых производственных технологий во все сферы жизнедеятельности общества. В ней особо отмечается, что ускорение инновационного развития невозможно без создания современной инфраструктуры научной, научно-технической и инновационной деятельности.

Таким образом, Программой придается важное значение цифровых технологий для развития государства, его инновационной экономики и науки. Более того, инновационное развитие Беларуси обуславливается его прямой зависимостью от уровня цифровизации современной экономики и науки.

Активное вхождение процессов цифровизации во все сферы общества, в том числе в научную среду и научно-исследовательскую деятельность, стало очевидным фактом для всех. Формирование интернет-пространства, широкое распространение и применение информационных технологий оказывает существенное влияние на развитие процессов научного познания и осуществление научной деятельности. Цифровые библиотеки, компьютерные технологии облегчают работу с информацией, позволяют ускорить процесс ее поиска, обработки результатов и данных, полученных в результате исследований. Использование информационных технологий увеличивает возможности исследователей, открывает доступ к новым технологиям и методам проведения научных исследований. Цифровые технологии рассматриваются учеными как элемент инструментария конкретного научного исследования [1, с. 29; 2, с. 27].

Информационные технологии оказывают влияние на организацию процесса научной деятельности. Формируется информационная среда,

позволяющая поддерживать контакты между учеными и научными организациями, обеспечивающая распространение информации о проводимых исследованиях и их результатах. В современном информационном обществе, в условиях быстрого развития компьютерных технологий и активного проникновения их во все сферы общественной жизни, в том числе и в научную среду открываются широкие возможности для новых подходов к территориальной организации научной деятельности, развития виртуальной исследовательской среды, отличающейся онлайн-взаимодействием учёных (встречами, семинарами и конференциями географически удалённых участников, находящихся в одном и том же киберпространстве), наличием виртуальных научных коллективов, объединяющих территориально разобщённых учёных и расширяющих круг участников той или иной области исследований, что позволяет говорить о наступлении эпохи электронной науки (e-science) [3; 4].

Следует отметить, что в последние годы научным сообществом, особенно в странах Европейского союза, активно обсуждаются проблемы перехода к открытой науке и, в связи с этим им рассматриваются вопросы осуществления научных коммуникаций в цифровой среде. Научные коммуникации представляют собой различные формы информационного взаимодействия в научной сфере. Техническое обеспечение научных коммуникаций становится невозможным без внедрения инновационных технологий. Современные формы научных коммуникаций реализуются, прежде всего в сети «Интернет» (сайты, порталы, научные библиотеки, банки и базы данных, социальные сети и др.) [5, с. 24]. Они выступают важнейшим условием для развития и осуществления интеграционных процессов на разных уровнях. В частности, формирование регионального научного пространства, способствует ускорению темпов развития интеграционных процессов и сотрудничества между государствами в региональных интеграционных объединениях. Правовые основы регионального научного пространства составляют международные региональные соглашения. Таким образом, важной составляющей регионального научного пространства является не только нормативные регуляторы, но и единое цифровое пространство.

Аттестация научных работников высшей квалификации не может оставаться в стороне от использования цифровых технологий. Ускоренное развитие информационно-коммуникационных технологий распространяют свое действие также на процедуры, связанные с присуждением ученых

степеней. Ограничительные меры, связанные с распространением коронавирусной инфекцией, ускорили освоение цифровых технологий и внесли свои коррективы в практику проведения заседаний диссертационных советов.

Использование цифровых технологий может обеспечить участие в заседаниях диссертационных советов в удаленном интерактивном режиме. Возможность применения информационно-коммуникационных технологий позволяет совершенствовать работу государственной системы научной аттестации, что будет являться важным фактором повышения прозрачности процедуры научной аттестации, а также обеспечения ее качества. В этих условиях своевременное правовое обеспечение указанной деятельности является весьма актуальным.

Следует отметить, что цифровизация процедур присуждения ученых степеней в Российской Федерации находит отражение в нормативно-правовом закреплении как на Федеральном уровне, так и в локальном порядке. Так, к примеру Положением о присуждении ученых степеней, утвержденном постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 «О порядке присуждения ученых степеней» (в ред. от 20.03.2021) регламентируется применение информационно-коммуникационных технологий при проведении заседаний диссертационных советов. В частности, по решению диссертационного совета официальным оппонентам из-за состояния здоровья, в случае отпуска, командировки и наличия других причин, признанных диссертационным советом уважительными, может предоставляться право присутствовать на защите диссертации в удаленном интерактивном режиме. Также члены диссертационного совета могут участвовать в его заседании в удаленном интерактивном режиме (с использованием видеоконференц-связи при условии аудиовизуального контакта с участниками заседания). В случае проведения заседания диссертационного совета с участие его членов в удаленном интерактивном режиме после окончания защиты диссертации диссертационный совет проводит тайное голосование по присуждению ученой степени с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Одним из условий принятия диссертации к предварительному рассмотрению в диссертационный совет в Российской Федерации является размещение соискателем ученой степени полного текста диссертации на официальном сайте организации, на базе которой создан диссертационный совет, в сети «Интернет». При этом текст диссертации, представленный

соискателем к рассмотрению в диссертационный совет, должен полностью соответствовать тексту диссертации, размещенному в сети «Интернет». В случае предоставления диссертации в виде научного доклада на указанном сайте размещается список публикаций, в которых излагаются основные научные результаты диссертации, со ссылкой, содержащей сетевой адрес, используемый для прямого доступа к этим публикациям в сети «Интернет», либо без размещения указанной ссылки в случае представления публикаций или их копий в диссертационный совет.

При принятии диссертационным советом решения об отказе в приеме диссертации к защите текст диссертации удаляется с официального сайта организации, на базе которой создан диссертационный совет, в сети «Интернет». Однако в случае, если решение об отказе в приеме диссертации к защите связано с использованием в диссертации заимствованного материала или отдельных результатов без ссылки на автора и (или) источник заимствования, результатов научных работ, выполненных соискателем в соавторстве, без ссылок на соавторов, а также с наличием в диссертации недостоверных сведений об опубликованных соискателем работах, в которых изложены основные научные результаты диссертации, такая диссертация размещается на официальном сайте организации, на базе которой создан диссертационный совет, в котором диссертация проходила предварительное рассмотрение, в сети «Интернет» сроком на 10 лет с указанием причины отказа в приеме диссертации к защите.

Указанные положения российского законодательства направлены на пропаганду научных достижений в среде научного сообщества, а также возможности проведения реального общественного контроля, сдерживающего использование в диссертации заимствованного материала без ссылки на автора и (или) источник заимствования, результатов научных работ, выполненных соискателем в соавторстве, без ссылок на соавторов.

Помимо Российской Федерации использование цифровых технологий в сфере аттестации научных работников высшей квалификации предусматривается законодательством других стран СНГ. В частности, в Кыргызской Республике использование цифровых технологий в процедурах присуждения ученых степеней регулируется Положением о порядке присуждения ученых степеней, Положением о диссертационном совете, утвержденными Указом Президента Кыргызской Республики от 18 января 2022 г. № 12 «О вопросах Национальной аттестационной комиссии

при Президенте Кыргызской Республики». Заседание диссертационного совета по защите диссертации транслируется в режиме онлайн с использованием видеопортала Национальной аттестационной комиссии при Президенте Кыргызской Республики. В соответствии с положениями указанных актов разрешается онлайн-участие в заседании по защите диссертации иностранным, иногородним и иным членам диссертационного совета, а также официальным оппонентам (из-за состояния здоровья, в случае отпуска, командировки и наличия других причин, признанных диссертационным советом уважительными). Законодательством Кыргызской Республики также допускается процедура онлайн-голосования. Члены диссертационного совета, участвующих в его заседании в онлайн-режиме, голосуют онлайн.

На наш взгляд, ускоренное развитие цифровых технологий создает соответствующие условия для совершенствования национальной системы аттестации научных работников высшей квалификации в Республике Беларусь. Так, в декабре 2018 года в Республике Беларусь в Белорусском государственном медицинском университете впервые была проведена онлайн-трансляция защиты диссертации. По мнению председателя Высшей аттестационной комиссии Беларуси публичная защита диссертаций начинает переходить в формат абсолютной открытости, а онлайн-трансляция работы советов по защите диссертаций скоро станет обязательным условием открытия и продления их полномочий. Открытость процесса аттестации позволит с помощью видеотрансляций привлечь к процедуре публичной защиты максимально широкий круг специалистов [6, с. 2].

На основе изложенного следует отметить, что процессы цифровизации открывают доступ к новым технологиям и методам проведения научных исследований, расширяя таким образом возможности современного научного поиска.

Цифровые технологии, обеспечивая распространение и предоставление информации о проводимых исследованиях и их результатах, используются в целях организации процесса научной деятельности. Использование информационно-коммуникационных технологий позволяет создать более эффективные механизмы осуществления процедур присуждения ученых степеней.

Оптимизация правового регулирования порядка присуждения ученых степеней на основе использования цифровых технологий, на наш взгляд, является актуальной и для Республики Беларусь.

Полагаем в условиях цифровизации целесообразно в действующее законодательство Республики Беларусь по примеру рассматриваемых стран включить аналогичные положения. Применение информационно-коммуникационных технологий будет способствовать повышению прозрачности и открытости процедур присуждения ученых степеней, предупреждению попыток присвоения авторства (плагиата). В частности, откроются возможности для ознакомления с содержанием текста диссертации и ее научных результатов, а также для участия членов научного сообщества в обсуждении диссертации в дистанционном режиме.

Наряду с этим новые способы коммуникации позволят в случаях, признанных диссертационным советом уважительными, присутствовать на заседании диссертационного совета отдельным его членам и официальным оппонентам в удаленном интерактивном режиме при условии аудио-видеосвязи с участниками заседания.

Использование информационно-коммуникационных технологий даст возможность членам диссертационного совета, участвовавшим в его работе дистанционно, также осуществлять тайное голосование по присуждению ученой степени наряду с другими членами.

Список использованных источников

1. Доронина, Н. Г. Правовое регулирование науки и научной деятельности в условиях цифровых технологий / Н. Г. Доронина, Н. Г. Семилютина, М. А. Царина // Юридическое образование и наука. – 2022. – № 4. – С. 28–35.
2. Глушков, В. М. Кибернетика. Вопросы теории и практики / В. М. Глушков. – М. : Наука, 1986. – 488 с.
3. Цапенко, И. Электронная эпоха науки / И. Цапенко // Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – № 8. – С. 19–32.
4. Журавлёва, Е. Ю. Развитие исследований в области электронной социальной науки / Е. Ю. Журавлева // Социологические исследования. – 2012. – № 7. – С. 99–106.
5. Антопольский, А. Б. Научная информация и электронное пространство знаний : монография / А. Б. Антопольский ; ИНИОН РАН, Фундам. б-ка ; науч. ред. Д. В. Ефременко. – М. : ИНИОН РАН, 2020. – 252 с.
6. Гучок, А. Е. ВАК: плагиату – нет! / А. Е. Гучок // Навука. – 2019. – № 4 (2731). – С. 2.

НЕТТИНГ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О КЛИРИНГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ю. И. Ковалевская

*Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская
наб., 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия, y.kovalevskaya@spbu.ru*

Поскольку на крупных современных организованных рынках количество сделок превышает десятки тысяч в день, то применение неттинга является стандартным процессом, необходимым как организаторам торговли, так и сторонам сделок. Неттинг существенно снижает риски и высвобождает активы контрагентов, оптимизирует расчеты, уменьшает документооборот. Характеризуя неттинг, автор делает вывод об актуальности правового исследования признаков неттинга и выделения его специфики, а также о существовании проблемы согласования специальных понятий финансового права с гражданско-правовой терминологией.

Ключевые слова: неттинг, обязательства, клиринговая деятельность, правовое регулирование

Одним из важных понятий в сфере клиринговой деятельности является неттинг. Согласно Федеральному закону от 7 февраля 2011 г. № 7-ФЗ «О клиринге, клиринговой деятельности и центральном контрагенте» (ред. от 2 июля 2021 г.) (далее – Закон о клиринге) неттинг – это полное или частичное прекращение обязательств, допущенных к клирингу, зачетом и (или) иным способом, установленным правилами клиринга (ст. 2).

Из определения следует, что неттинг не сводится только к зачету. Хотя такие суждения можно встретить в литературе.

Необходимо также отметить, что термин «зачет», используемый применительно к неттингу, не тождественен термину «зачет» по смыслу статьи 410 Гражданского кодекса Российской Федерации, хотя по основной цели также направлен на прекращение обязательства.

Правовой природе и особенностям неттинга исследователи уделяют достаточно большое внимание. Анализируя зарубежное законодательство и международные документы, А. Селивановский отмечает, что в общепринятом значении неттинг – это метод агрегирования, комбинирования, взаимозачета двух и более обязательств [1].

Общую схему неттинга можно представить следующим образом. В процессе неттинга подсчитываются требования или обязательства каждого участника клиринга по всем совершенным им сделкам за определенный период времени. Для этого из суммы всех требований каждого участника клиринга вычитается сумма всех его обязательств. Полученная разность составляет чистое сальдо. По итогам расчета выявляются те участники клиринга, которые являются должниками (нетто-должники), и те участники клиринга, которые являются кредиторами (нетто-кредиторы). Сальдо встречных требований (позиция), определенное в результате многостороннего зачета, позволяет подсчитать, какую сумму должен уплатить или получить каждый участник клиринга. Платеж указанных сумм нетто-должниками в пользу нетто-кредиторов называется урегулированием или ликвидацией позиции.

В специальной литературе выделяют такие виды неттинга, как:

- без участия центрального контрагента (ЦКА) в качестве стороны в расчетах;

- с участием центрального контрагента в качестве стороны в расчетах. Необходимо обратить внимание, что при участии в сделках центрального контрагента урегулирование позиций каждого участника осуществляется против центрального контрагента. Урегулирование позиций всех должников производится путем платежа в пользу центрального контрагента, а урегулирование позиций всех кредиторов – путем получения денежных средств от центрального контрагента [2].

Закон о клиринге закрепляет определение центрального контрагента как юридического лица, которое является одной из сторон заключаемых договоров, обязательства из которых подлежат включению в клиринговый пул, имеет лицензию небанковской кредитной организации на осуществление банковских операций, а также лицензию на осуществление клиринговой деятельности и которому присвоен статус центрального контрагента в соответствии с Законом о клиринге (п. 17 ст. 2).

При этом под клиринговым пулом (формирует клиринговая организация при помощи машинных алгоритмов) понимается совокупность обязательств, допущенных к клирингу и подлежащих полностью прекращению зачетом и (или) иным способом в соответствии с правилами клиринга и (или) исполнением (ст. 2 Закона).

Согласно Принципам для инфраструктуры финансового рынка Комитета по платежам и расчетам Международной организации комиссий по ценным бумагам (CPSS-IOSCO) наиболее распространенными

юридическими механизмами для центрального контрагента (далее – ЦКА) стать контрагентом в сделках являются конструкции «новации» или «открытого предложения». В новации оригинальный контракт между покупателем и продавцом аннулируется при заключении двух новых контрактов, одного между ЦКА и покупателем, другого – между ЦКА и продавцом. Таким образом, ЦКА принимает на себя обязательства по контракту оригинальных сторон друг к другу.

В системе открытого предложения ЦКА расширяет открытое предложение, чтобы действовать как контрагент по отношению к его участникам, и автоматически и немедленно включается в сделку в момент времени, согласованный в условиях покупателем и продавцом либо на бирже, либо в соответствии с внебиржевым соглашением. В системе открытого предложения, если все заранее согласованные условия выполнены, покупатель и продавец никогда не имеют договорных отношений (Приложение D. Принципы для инфраструктур финансового рынка» (апрель 2012 г.)).

В Российской Федерации возможность новации при переводе сделок на централизованный клиринг предусмотрена ч. 12 ст. 4 Закона о клиринге, согласно которой правила клиринга могут предусматривать случаи, в которых обязательство (обязательства), существующее (существующие) между сторонами договора, заключенного не с центральным контрагентом, прекращается (прекращаются) заменой новым обязательством (новыми обязательствами) между каждой из сторон указанного договора либо лицом, действующим по поручению стороны указанного договора, и центральным контрагентом. При этом вновь возникающее (возникающие) обязательство (обязательства) должно (должны) предусматривать тот же предмет и способ исполнения, что и договор, заключенный не с центральным контрагентом.

Новация при переводе таких обязательств на централизованный клиринг представляет собой специфический способ прекращения обязательств и не является новацией по смыслу ст. 414 Гражданского кодекса РФ, так как изменяются стороны обязательств, а предмет и способ исполнения остаются неизменными, что не характерно для новации по Гражданскому кодексу. На эти и другие аспекты своеобразия новации по Закону о клиринге обращает внимание ряд исследователей (например, Е.Г. Хоменко, М.Л. Бакшатов), сравнивая правовые нормы Гражданского кодекса РФ и Закона о клиринге, анализируя судебную практику.

Ещё одним из видов неттинга является ликвидационный неттинг, применяемый при наступлении определенных общеэкономических или зависящих от действий сторон событий, в частности это может быть отзыв лицензии, проведение банкротных процедур в отношении стороны по сделке и иные [1, с. 60].

В самом общем виде ликвидационный неттинг – это сделка под отлагательным условием (как правило, таким «дефолтным» условием является банкротство контрагента), в результате которой должен быть произведен взаиморасчет множества обязательств сторон в рамках множества финансовых контрактов [3, с.83].

На международном уровне важнейшим документом в сфере ликвидационного неттинга являются Принципы УНИДРУА о ликвидационном неттинге.

В документе раскрываются восемь основных положений, отражающих сферу применения и понятие ликвидационного неттинга, определение сторон и условия о ликвидационном неттинге, характеристику формальных требований национального законодательства к условиям о ликвидационном неттинге, неизменности результатов ликвидационного неттинга, в том числе в процедурах несостоятельности финансовых институтов.

В Принципах отражено широкое понимание ликвидационного неттинга. Согласно Принципу 2 условие о ликвидационном неттинге означает «договорное условие, на основании которого, при наступлении заранее определенного события в отношении стороны по договору, обязательства каждой из сторон, покрываемые таким условием, независимо от того, наступил ли срок по таким обязательствам и подлежат ли они исполнению или нет, автоматически или по выбору одной из сторон таких обязательств уменьшаются в размере или такие обязательства заменяются единым обязательством путем новации, прекращения или каким-либо другим способом, представляя совокупную сумму общих обязательств, которая в такой момент подлежит оплате одной стороной в пользу другой стороны».

Следует отметить, что в российском законодательстве и в правилах клиринга больше всего внимания уделено регламентации именно этого вида неттинга.

Так ст. 4.1. Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 30 декабря 2021 г., с изм. от 3 февраля 2022 г.) «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве)

закрепляет особенности определения размера денежных обязательств, возникающих из финансовых договоров.

Эта статья, в частности применительно к клиринговой деятельности, выводит за пределы общих норм о банкротстве обязательства из определенных договоров, заключенных на условиях правил клиринга, констатируя, что обязательства из договоров, заключенных на условиях генерального соглашения (единого договора), которое соответствует примерным условиям договоров, предусмотренным ст. 51.5 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ (ред. от 16 апреля 2022 г.) «О рынке ценных бумаг», и (или) договоров, заключенных на условиях правил организованных торгов и (или) правил клиринга (далее – финансовые договоры), прекращаются в порядке, предусмотренном указанными генеральным соглашением (единым договором), и (или) правилами организованных торгов, и (или) правилами клиринга.

При прекращении обязательств из финансовых договоров осуществляется расчет размера возникающего денежного обязательства (денежных обязательств) (определение нетто-обязательства (нетто-обязательств) в порядке и в срок, предусмотренные генеральным соглашением (единым договором), и (или) правилами организованных торгов, и (или) правилами клиринга.

Описанные правила применяются в отношении только тех договоров, которые заключены до даты назначения временной администрации, или до даты принятия арбитражным судом решения о введении одной из процедур банкротства, или до даты отзыва лицензии на осуществление банковских операций, в зависимости от того, какая дата наступила ранее.

Закон о банкротстве содержит специальное требование к содержанию правил организованных торгов и (или) правил клиринга, которое необходимо соблюдать для того, чтобы имелась возможность применять специальный режим прекращения обязательств из финансовых договоров, заключенных на условиях данных правил. В правилах должен быть закреплен порядок прекращения обязательств в связи с банкротством и определения нетто-обязательства – денежного обязательства, возникающего в связи с таким прекращением – предусматривающий, что:

- прекращаются все обязательства участника клиринга, допущенные к клирингу;
- обязательства прекращаются на дату, определенную правилами клиринга, или на дату, следующую за датой принятия арбитражным судом

решения о признании участника клиринга банкротом и об открытии конкурсного производства, а для кредитной организации на дату, следующую за датой отзыва у нее лицензии на осуществление банковских операций, в зависимости от того, какая из указанных дат наступила ранее;

- нетто-обязательство определяется по всем прекращающимся обязательствам и не включает в себя возмещение убытков в форме упущенной выгоды и взыскание неустоек (штрафов, пеней). При этом размер нетто-обязательства может определяться при прекращении всех обязательств участника клиринга или отдельно при прекращении обязательств из договоров, заключенных за счет участника клиринга, обязательств из договоров, заключенных участником клиринга за счет клиента (клиентов), и обязательств из договоров, заключенных участником клиринга в качестве доверительного управляющего, либо как сумма нетто-обязательств, определенных отдельно по указанным договорам.

В целом, можно отметить, что в Российской Федерации на законодательном уровне наблюдается тенденция развертывания норм о сохранении результатов ликвидационного неттинга, закрепление условий, которым должен отвечать неттинг для выведения его из-под запрета зачета при банкротстве.

Список использованных источников

1. Селивановский, А. Зачет, взаимозачет, неттинг? / А. Селивановский // Хозяйство и право. – 2009. – № 9.
2. Банковское право: учебник для бакалавров. Отв.ред. Л. Г. Ефимова, Д. Г. Алексеева. – М.: Проспект. 2018. – 2-е издание. – С. 296.
3. Вертлиб Ф. О., Шуманов К. С. Принципы осуществления ликвидационного неттинга УНИДРУА и российское законодательство о ликвидационном неттинге: вопросы соответствия / Ф. О. Вертлиб, К. С. Шуманов // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – №7. – С. 83.

МОРАТОРИЙ НА БАНКРОТСТВО ДЛЯ СУБЪЕКТОВ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Е. С. Ковалёнок

*Белорусский государственный экономический университет, г. Минск,
пр-т Партизанский 26а*

В статье анализируется законодательство об экономической несостоятельности (банкротстве) Республики Беларусь, а также рассматривается сущность такой меры поддержки бизнеса в условиях пандемии и санкционного давления, как мораторий на банкротство.

Ключевые слова: индивидуальный предприниматель, юридическое лицо, экономическая несостоятельность, банкротство, мораторий

Экономическая несостоятельность и банкротство в соответствии с законодательством Республики Беларусь – понятия, отражающие явления с одинаковым экономическим содержанием, но с разными правовыми и экономическими последствиями.

Согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 415-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон об экономической несостоятельности (банкротстве)) экономическая несостоятельность – это неплатежеспособность субъекта хозяйствования, имеющая или приобретающая устойчивый характер, признанная решением хозяйственного суда об экономической несостоятельности с санацией должника, а банкротство – это неплатежеспособность субъекта хозяйствования, имеющая или приобретающая устойчивый характер, признанная решением хозяйственного суда о банкротстве с ликвидацией должника – юридического лица, прекращением деятельности должника – индивидуального предпринимателя.

В соответствии с ч. 1 ст. 24 и ч. 4 ст. 57 Гражданского кодекса экономически несостоятельными (банкротами) могут быть признаны:

- индивидуальный предприниматель;
- юридическое лицо.

Правом на подачу экономического суд заявления об экономической несостоятельности (банкротстве) должника в соответствии со ст. 8 Закона об экономической несостоятельности (банкротстве) обладают: должник; кредитор; прокурор; представитель работников должника (в связи с неисполнением обязательств, вытекающих из трудовых и связанных с

ними отношений); орган государственного управления по делам об экономической несостоятельности (банкротстве) в отношении градообразующих или приравненных к ним, а также государственных организаций; налоговые, таможенные и другие уполномоченные на то государственные органы, если кредиторами по денежным обязательствам является Республика Беларусь (ее административно-территориальная единица) или не исполнена обязанность по уплате обязательных платежей; иные лица, которым в соответствии с Законом об экономической несостоятельности (банкротстве) предоставлено право на подачу заявления об экономической несостоятельности (банкротстве) должника в связи с неисполнением денежных обязательств.

Известно, что законодательство трансформируется с учетом внешних факторов, влияющих на общественные отношения. Так, пандемия Covid-19, о которой широко заговорили в начале 2020 г., а также санкционные меры, принимаемые иностранными государствами, совершающими недружественные действия в отношении Республики Беларусь, стали причинами многочисленных преобразований в общественных отношениях, в том числе связанных с банкротством субъектов хозяйственной деятельности. В настоящий момент, на фоне введения санкций, падения рубля, закрытия бирж, обвала акций компаний у многих организаций и предпринимателей есть риски обанкротиться. Причем, риски есть у всех субъектов хозяйственной деятельности, в том числе у крупного бизнеса, например, у авиационных и туристических компаний, а также у производства с иностранными комплектующими.

Многие предприниматели оказались неготовыми к режиму ожидания до улучшения ситуации в мире, что не удивительно, учитывая особенности существования малого бизнеса, который ввиду небольших объемов производства не может себе позволить заложить резервные средства «на черный день».

В качестве решения сложившейся проблемы и спасения малого бизнеса, особенно в части пострадавшего сектора, видится актуальным вопрос введения моратория на возбуждение дел о банкротстве. Особенностью моратория является то, что в период его действия приостанавливаются обязанности должника и иных лиц обращаться в суд с заявлением о признании себя банкротом в случаях, предусмотренных законом.

Следует отметить, что похожие антикризисные меры введены во многих странах, таких как США, Австралия, Великобритания, Германия,

Испания, Люксембург, Франция, Чехия и Россия. Закон Федеративной Республики Германия, например, не стал жестоко замораживать требования кредиторов. В основу лег отработанный на практике принцип добросовестности, через призму которого должны оцениваться любые платежи должника, совершенные в период действия моратория.

В соответствии с вышеизложенным считаем целесообразным внести в Закон Республики Беларусь «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» изменения и дополнения.

Дополнить его статьей 12.1. «Мораторий на обращение в суд по делам о банкротстве», изложив в следующей редакции:

«1. Для обеспечения стабильности экономики в исключительных случаях (при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера, существенном изменении курса белорусского рубля и подобных обстоятельствах) Правительство Республики Беларусь вправе ввести мораторий на обращение в суд по делам о банкротстве, инициированное кредиторами (далее для целей настоящей статьи – мораторий), на срок, устанавливаемый Правительством Республики Беларусь.

Мораторий – приостановление исполнения должником денежных обязательств и уплаты обязательных платежей, возникших после введения моратория.

В акте Правительства Республики Беларусь о введении моратория могут быть указаны отдельные виды экономической деятельности, а также отдельные категории лиц и (или) перечень лиц, пострадавших в результате обстоятельств, послуживших основанием для введения моратория, на которых распространяется действие моратория.

Любое лицо, на которое распространяется действие моратория, вправе заявить об отказе от применения в отношении его моратория, внося сведения об этом в Единый государственный регистр юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. После опубликования заявления об отказе лица от применения в отношении его моратория действие моратория не распространяется на такое лицо, в отношении его самого и его кредиторов ограничения прав и обязанностей, предусмотренные пунктами 2 и 3 настоящей статьи, не применяются.

Срок действия моратория может быть продлен по решению Правительства Республики Беларусь, если не отпали обстоятельства, послужившие основанием для его введения.

2. Заявления кредиторов о признании должника банкротом в отношении лиц, на которых распространяется действие моратория,

поданные в экономический суд в период действия моратория, а также поданные до даты введения моратория, вопрос о принятии которых не был решен экономическим судом к дате введения моратория, подлежат возвращению экономическим судом.

3. На срок действия моратория в отношении должников, на которых он распространяется:

1) приостанавливаются обязанности должника и иных лиц, предусмотренные п. 2 ст. 9 и ст. 12 настоящего Закона;

2) не допускается обращение взыскания на заложенное имущество, в том числе во внесудебном порядке;

3) приостанавливается исполнительное производство по имущественным взысканиям по требованиям, возникшим до введения моратория (при этом не снимаются аресты на имущество должника и иные ограничения в части распоряжения имуществом должника, наложенные в ходе исполнительного производства)».

Подводя итог следует отметить, что в настоящее время наибольшую актуальность для обеспечения экономической безопасности страны приобретают повышение конкурентоспособности производимой продукции и оказываемых услуг, ускоренное развитие высокотехнологичных секторов и обеспечение минимизации импортозависимости путем создания и развития импортозамещающих производств. Учитывая социальную функцию государства, которая в современном обществе опирается на механизмы рыночной экономики, необходимо давать дополнительные инструменты и возможности для восстановления платежеспособности субъектов хозяйственной деятельности. Мораторий, как антикризисная мера, в данном случае поможет преодолеть финансовые трудности и наладить бизнес.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А. И. Коверец, М. Ю. Макарова

*УО ФПБ «Международный университет «МИТСО», ул. Казинца, 21/3,
220099, г. Минск, Беларусь*

Целью исследования является выявление основных тенденций правового регулирования инвестиционной деятельности в Республике Беларусь. На основе анализа инвестиционного законодательства Республики Беларусь определены важнейшие направления и приоритеты его совершенствования. Предложены некоторые правовые механизмы по совершенствованию белорусского инвестиционного законодательства в современных экономических условиях.

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционное законодательство, защита прав инвестора, инвестор, предоставление льгот и преференций, инвестиционная деятельность.

В настоящее время создание условий для привлечения инвесторов является одним из приоритетных направлений экономической политики государства. Актуальным становится исследование правовых инструментов с учетом сформировавшихся тенденций переориентации экономических ресурсов государства на раскрытие внутреннего потенциала страны, в том числе через совершенствование механизмом реализации инвестиционных проектов.

Развитие экономических отношений ставит задачу систематизации законодательства Республики Беларусь, затрагивающего вопросы осуществления инвестиционной деятельности, с целью создания благоприятных условий для привлечения частных инвестиций в решение общественно значимых задач. В рамках такой систематизации большое внимание уделяется формированию инвестиционного законодательства, отвечающего потребностям, как частных субъектов инвестиционной деятельности, так и общества в целом.

Можно выделить несколько тенденций совершенствования инвестиционного законодательства, направленных на привлечение инвестиций:

1. совершенствование общих правовых условий осуществления инвестиций и механизмов защиты прав инвесторов;
2. правовая регламентация альтернативных способов осуществления инвестиций, в том числе для привлечения инвестиций в высокие технологии;
3. актуализация условий реализации инвестиционных проектов, в том числе для стимулирования вложения инвестиций в белорусскую экономику.

Первая тенденция совершенствования инвестиционного белорусского законодательства связана с усовершенствованием положений Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З «Об инвестициях» (далее – Закон «Об инвестициях»). Данный Закон содержит условия гарантий и защиты инвесторов при осуществлении инвестиционной деятельности на территории Республики Беларусь.

12 июля 2022 г. в силу вступили положения обновленного Закона Республики Беларусь от 5 января 2022 г. № 149-З «Об изменении Закона Республики Беларусь «Об инвестициях». Изменения в инвестиционном законодательстве направлены на повышение защиты имущественных прав инвесторов, в том числе путем введения «стабилизационной оговорки», ограничения в части предъявления к инвестору требований, возникающих при осуществлении инвестиций, когда такие требования не связаны с противоправными действиями инвестора и др.

В соответствии со ст. 11¹ Закона «Об инвестициях» закрепляется гарантия от неблагоприятного изменения налогового законодательства для инвесторов, реализующих на территории Республики Беларусь инвестиционные проекты на основании инвестиционного договора. Указанная гарантия предусматривает отсылочную норму к инвестиционному законодательству, регулирующему вопросы заключения инвестиционных договоров с Республикой Беларусь, т.е. Декрету Президента Республики Беларусь от 6 августа 2009 г. № 10 «О создании дополнительных условий для инвестиционной деятельности в Республике Беларусь».

Однако, законодателем не регламентированы условия применения данной льготы («стабилизационной оговорки») для инвесторов. Целесообразным видится период действия указанной льготы ограничить сроком действия инвестиционного договора, но не более пяти лет от даты регистрации инвестиционного договора в Государственном реестре инвестиционных договоров с Республикой Беларусь. Выбор указанного

период основан на анализе условий действия стабилизационной оговорки в законодательстве отдельных государствах-членах Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) и средним сроком реализации инвестиционных проектов.

Распространение указанной гарантии только на сферу налогообложения обусловлено абз. 3 пп. 6.5 п. 6 Директивы Президента Республики Беларусь от 31 августа 2015 г. № 5 «О развитии двусторонних отношений Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой», в соответствии с которым определено обеспечить сохранение наилучшего правового режима для резидентов Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень» (по сравнению с другими льготными режимами ведения коммерческой деятельности в Республике Беларусь и в государствах-членах ЕАЭС. Объем стабилизационной оговорки, обналиченный только налоговым законодательством, установленный для инвестиционных договоров, не может быть больше, чем в данном индустриальном парке.

Одной из ключевых проблем обеспечения надлежащего уровня защиты имущественных прав и законных интересов инвесторов являются незаконные действия должностных лиц. Ярким примером указанному является судебное разбирательство против ОДО «Ревитар Инвест», построившего в г. Минске ряд объектов на ст. метро «Восток», «Каменная Горка». Минским городским исполнительным комитетом принят ряд решений, которые отменили все предыдущие решения относительно предоставления ОДО «Ревитар Инвест» земельных участков, в связи с нецелевым использованием земельных участков, и разрешений на строительство объектов. Как следствие, исполнительный комитет потребовал от юридического лица возместить рыночную стоимость возведенных с нарушениями объектов. После невыполнения указанных решений к ОДО «Ревитар Инвест» было предъявлено требование о сносе построенных объектов. В результате выявленных по истечению незначительного времени (10-15 лет) незаконных действий должностных лиц Минского городского исполнительного комитета, добросовестный инвестор мог потерять почти 4,5 миллиона долларов [1].

В данном контексте вновь введенная ст. 12² Закона «Об инвестициях», устанавливающая ограничение в части предъявления со стороны Республики Беларусь к инвестору требований, возникающих при осуществлении инвестиций, выступает ключевым механизмом защиты инвестора от недобросовестных действий должностных лиц.

Предусматривается, что соответствующие требования не могут быть предъявлены по истечении трех лет с даты наступления обстоятельства, с которым они связаны и (или) из которого они вытекают.

Кроме того, внесены изменения в ч. 3 ст. 11 Закона «Об инвестициях» путем замены слова «или» словами «и (или)», что обеспечивает возможность выбора иностранным инвестором валюты, в которой будет выплачена компенсация при национализации или реквизиции имущества (белорусские рубли, иностранная валюта) и создает возможность выплаты такой компенсации частично в нескольких валютах.

Закон «Об инвестициях» дополняется ст. 12¹, определяющей условия компенсации стоимости имущества, являющегося инвестициями или образуемого в результате осуществления инвестиций. Данная статья устанавливает гарантии прав инвесторов при национализации или реквизиции имущества, определяет условия полноты и своевременности компенсационных выплат, закрепляет возможность инвестора определить валюту, в которой будет выплачена компенсация. При этом такое право предоставляется как иностранному, так и национальному инвестору, что соответствует принципу равенства инвесторов.

Следует учитывать, что инвестор (как иностранный, так и национальный) привлекает инвестиции в Республику Беларусь не только в белорусских рублях, но и в иностранной валюте, о чем свидетельствует сложившаяся практика. И такое привлечение средств (в виде кредитов, займов, в том числе от учредителей национального инвестора) представляется обоснованным ввиду ограниченности в ряде случаев национальных ресурсов на инвестиции, необходимости привнесения инноваций, уже внедренных за рубежом.

Таким образом, учитывая последние изменения Закона «Об инвестициях», хоть и не обеспечивает полную гарантию защиты прав инвесторов, но создает действенные механизмы, позволяющие обеспечить дополнительную правовую защиту прав инвесторов и инвестируемых ими средств.

Вторым важным направлением совершенствования законодательства, регламентирующего осуществление инвестиций, является создание правовой среды для венчурного финансирования, краудфандинга, развития фондового рынка. В Республике Беларусь отсутствуют специальные нормы, регулирующие общественные отношения в сфере венчурного финансирования и краудфандинга. Во всем массиве отечественного законодательства термины «венчурное финансирование» и

«краудфандинг» встречаются в отдельных актах, имеющих программный характер. Несмотря на отсутствие правового регулирования упомянутых институтов, данные способы привлечения финансирования не противоречат действующему законодательству. В абз. 7 ст. 4 Закона «Об инвестициях» закреплено, что на территории Республики Беларусь инвестиции могут осуществляться любыми способами, кроме запрещенных законодательными актами Республики Беларусь. В свою очередь, прямые запреты на рассматриваемые общественные отношения в положениях действующего законодательства не предусмотрены.

Участники гражданского оборота, использующие в качестве альтернативных способов осуществления инвестиций инструменты венчурного финансирования и краудфандинга, руководствуются общими нормами гражданского законодательства об обязательствах и договорах, которые применяются ими прямо или по аналогии. Следует признать, что предусмотренные действующим законодательством договорные модели не в полной мере отражают специфику взаимоотношения сторон в рамках таких общественных отношений.

Правоотношения соискателей инвестиций и инвесторов на основании действующего гражданского законодательства возможно оформить при помощи договора купли-продажи доли (акций) уставного фонда хозяйственного общества. Такая схема взаимоотношения сторон является теоретически возможной, однако, неудобной с практической точки зрения ввиду необходимости соблюдения ряда требований законодательства. На практике затруднения при документальном оформлении указанной договорной модели взаимоотношений сторон возникнут по следующим причинам:

ограниченное число участников хозяйственного общества;

оформление сделки купли-продажи доли (акций) в уставном фонде соискателя инвестиций сопровождается большим количеством корпоративных процедур (предоставление преимущественного право участникам общества и самому обществу провести общее собрание и другие);

необходимость государственной регистрации изменений в устав хозяйственного общества.

Процедуры привлечения инвестиций с использованием инструментов рынка ценных бумаг законодательно урегулированы в Законе Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 231-З «О рынке ценных бумаг». Принятие Закона Республики Беларусь от 18 июля 2022 г. № 197-З «Об изменении

законов по вопросам рынка ценных бумаг», в том числе направлено на оптимизацию процедур эмиссии ценных бумаг, а также на изменение подходов к определению деятельности по организации торговли ценными бумагами (оптимизируется состав документов для регистрации ценных бумаг, расширяется круг потенциальных организаторов торговли ценными бумагами, которым будет необходимо выполнять требования законодательства о ценных бумагах). Положения данного закона повышают степень защищенности интересов инвесторов в ценные бумаги как по существующим, так и по новым инструментам, что является одной из ключевых задач на пути формирования устойчивого доверия инвесторов к национальной юрисдикции.

Таким образом, внедрение указанных правовых механизмов обеспечит физическим и юридическим лицам дополнительные возможности получения доступных ресурсов на коммерческие и общепользные цели. Кроме того, предполагается улучшение доступа страны к внутреннему и внешнему финансированию, росту притока инвестиций, организуются условия для обеспечения доступа к альтернативным источникам финансирования.

Третье направление связано с созданием и актуализацией условий для реализации инвестиционных проектов. В целях закрепления новых подходов по реализации инвестиционных проектов с применением льгот и (или) преференций Министерством экономики Республики Беларусь разработан проект Закона Республики Беларусь «О содействии и стимулировании реализации инвестиционных проектов в Республике Беларусь (далее – проект Закона) [2].

Проектом Закона предусматривается введения особого правового режима инвестиционных договоров, предусматривающих реализацию инвестором инвестиционного проекта по организации производства новой или усовершенствованной продукции на территории Республики Беларусь, а также устанавливающих предельный объем этого товара, реализуемого в рамках государственных закупок с применением процедуры закупки из одного источника.

Видится, что данный механизм внедряется в законодательство Республики Беларусь с учетом практики использования специального инвестиционного контракта предусмотренного ст. 16 Федерального закона Российской Федерации от 31 декабря 2014 г. «О промышленной политике в Российской Федерации». Такие контракты могут заключаться на срок до десяти лет в целях создания или модернизации и (или) освоения

производства промышленной продукции на территории Российской Федерации. Соответственно, установление механизма специальных инвестиционных договоров укладывается в рамки существующих институций инвестиционных договоров, импортозамещения, производства инновационной продукции, государственных закупок.

Предполагается, что указанный проект Закона должен выступить «единым» актом, сконцентрировав в себе все необходимые инвесторам льготы и преференции, что позволит избежать принятия отдельных актов Президента Республики Беларусь с целью предоставления более широкого перечня льгот, чем предусмотрено действующим законодательством. Предлагаемые механизмы позволят упростить условия реализации инвестиционных проектов на территории Республики Беларусь, обеспечив качественное взаимодействие инвесторов с органами власти. Указанные подходы будут способствовать оптимизации сроков ожидания инвестиционных результатов, стимулированию создания новых производств и, как следствие, развитию экономики регионов и страны в целом.

В целях кардинального увеличения объема привлечения иностранных инвестиций предлагается, в части гарантированной защиты прав и законных интересов инвесторов, предусмотреть в законопроекте главу «Ответственность и гарантии Республики Беларусь».

Таким образом, одним из ключевых факторов устойчивого развития экономики в долгосрочном периоде является стабильная динамика инвестиций, успешная реализация окупаемых проектов, отвечающим приоритетным задачам социально-экономического развития Республики Беларусь. При этом в условиях ограниченности финансовых ресурсов особую актуальность приобретают повышение эффективности использования заемных средств, а также различных видов государственной поддержки, широкого вовлечения как иностранных, так и национальных инвесторов в реализацию инвестиционных проектов.

Развитие системы правового регулирования осуществления инвестиций в Республике Беларусь должно быть направлено, с одной стороны, на раскрепощение деловой инициативы и привлечение инвесторов, как национальных, так и иностранных, а с другой стороны, – на обеспечение экономической безопасности государства, в том числе путем установления четких и однозначных нормативных предписаний.

Список использованных источников

1. «Ревитар» проиграл суд по 2 зданиям возле метро «Каменная Горка». Сможет ли инвестор избежать сноса? [Электронный ресурс] // Недвижимость на REALT.BY. – Режим доступа: <https://realt.by/news/article/24352/>. – Дата доступа: 07.10.2022.

2. Новые подходы к поддержке инвесторов: от малого до крупного проекта [Электронный ресурс] // Министерство экономики Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://economy.gov.by/ru/news-ru/view/novye-podkhody-k-podderzhke-investorov-ot-malogo-do-krupnogo-proekta-46772-2022/>. – Дата доступа: 07.10.2022.

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ В РЕАЛИЗАЦИИ ЗАДАЧ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ (РАБОТ, УСЛУГ) В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

М. В. Колосова

*Белорусский государственный экономический университет,
пр-т Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь,
margaritkaalay@gmail.com*

А. А. Цыбульская

*Белорусский государственный экономический университет,
пр-т Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь,
tsybulskaya.nastasya@mail.ru*

В Республике Беларусь важнейшую роль в совершенствовании системы закупок товаров (работ, услуг), осуществлении их в соответствии с требованиями законодательства играет государственный контроль. Государственный контроль, являясь функцией государственного управления, в сфере закупок товаров (работ, услуг) имеет свои особенности, что обусловлено его целью и задачами. В качестве одного из способов реализации задач государственного контроля в сфере закупок товаров (работ, услуг) предлагается рассматривать осуществление процедур закупок товаров (работ, услуг) в электронном формате, посредством использования информационных систем.

Ключевые слова: государственные закупки, закупки за счет собственных средств, электронная торговая площадка, государственный

контроль, цели государственного контроля, задачи государственного контроля.

С учетом положений законодательства Республики Беларусь в сфере закупок товаров (работ, услуг), в частности Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 419-З «О государственных закупках товаров (работ, услуг)», целью государственного контроля в сфере закупок товаров (работ, услуг), является удовлетворение государственно-значимых потребностей и обеспечение проведения закупок товаров (работ, услуг) в соответствии с действующим законодательством, а также содействие:

- эффективному расходованию бюджетных средств и (или) средств государственных внебюджетных фондов;
- гласности и прозрачности при осуществлении государственных закупок;
- справедливому и беспристрастному отношению к потенциальным поставщикам (подрядчикам, исполнителям);
- профессионализму при осуществлении государственных закупок;
- развитию конкуренции;
- предотвращению коррупции.

Для достижения соответствующих целей в качестве задач государственного контроля можем отметить: выявление, устранение и предупреждение нарушений законодательства в сфере закупок товаров (работ, услуг); оказание в ходе контроля и по его результатам практической помощи, повышение исполнительской дисциплины, ответственности; оценку качества и своевременности исполнения решений (указаний, поручений, приказов, распоряжений, предписаний).

Одним из способов реализации задач государственного контроля является проведение закупок товаров (работ, услуг) посредством использования информационных систем.

Изначально цифровизация системы закупок товаров (работ, услуг) связана с подписанием правительствами Республики Беларусь, Российской Федерации и Республики Казахстан Соглашения о государственных (муниципальных) закупках, которое было ратифицировано Законом Республики Беларусь от 28 декабря 2010 г. № 211-З «О ратификации Соглашения о государственных (муниципальных) закупках». Дальнейшее развитие электронного формата закупок товаров (работ, услуг) связано с Договором о Евразийском экономическом союзе (вместе с Приложениями 1 – 33) (Подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.).

Появляется понятие электронной формы (формата) закупок, также определяется, что понимается под электронной торговой площадкой. С этого времени поднимается вопрос о переходе на заключение договоров (контрактов) о закупках в электронном формате (форме).

В настоящее время в Республике Беларусь процедуры запроса ценовых предложений, электронные аукционы, открытые конкурсы осуществляются на электронной торговой площадке информационного республиканского унитарного предприятия «Национальный центр маркетинга и конъюнктуры цен», электронной торговой площадке открытого акционерного общества «Белорусская универсальная товарная биржа», данные электронные торговые площадки определены полномочным органом в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 15 июня 2019 г. № 395 «О реализации Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О государственных закупках товаров (работ, услуг)» (вместе с «Положением о порядке аккредитации на электронной торговой площадке»).

Помимо этого, при проведении закупок за счет собственных средств, в соответствии с требованиями постановления Совета Министров Республики Беларусь от 15 марта 2012 г. № 229 «О совершенствовании отношений в области закупок товаров (работ, услуг) за счет собственных средств» приглашение к участию в любом виде конкурентных процедур закупок размещается в открытом доступе в информационной системе «Тендеры». В данной системе также размещается порядок закупок товаров (работ, услуг) за счет собственных средств, в том числе изменения в него, всеми организациями, на которых такое требование распространяется.

Электронные формы процедур закупок имеют свои преимущества, которые тесно связаны с целями и задачами государственного контроля, в частности это:

1. достижение максимальной конкуренции среди возможных поставщиков (подрядчиков, исполнителей) за счет упрощения системы подачи участниками предложений вне зависимости от территориальной удаленности от заказчика;
2. минимизация коррупционных рисков и картельных сговоров между участниками и заказчиками за счет реализации механизмов конфиденциальности состава участников, а также содержания их предложений;

3. открытость и прозрачность процедуры закупки. Размещение всей информации в открытом доступе на каждом этапе проведения закупки (приглашение к участию в закупке, протоколы заседания комиссий по вопросам открытия поступивших предложений, их оценке, а также выбору победителя, сообщение о результате процедуры закупки, сведения о заключенном договоре). Так каждый имеет возможность контролировать ход процедуры.

4. частичный переход на электронный документооборот и как следствие уменьшение «бумажной» работы.

Помимо вышеизложенного, использование электронных торговых площадок способствует осуществлению государственного контроля на любом из этапов проведения процедур (это предварительный, текущий и последующий контроль).

С учетом того, что использование при проведении процедур закупок товаров (работ, услуг) таких информационных систем, как электронные площадки, является не правом, а обязанностью, можем сделать вывод об их значимой роли в реализации задач государственного контроля в сфере закупок товаров (работ, услуг). Также в качестве приоритетного направления совершенствования системы закупок товаров (работ, услуг) видится дальнейшее всестороннее развитие функционала электронных торговых площадок, что будет способствовать максимальному переходу к открытым и доступным закупкам товаров (работ, услуг).

ФИСКАЛИСТИКА И ЮРИДИЧЕСКАЯ КВАЛИМЕТРИЯ КАК ОСНОВА ДОКТРИНЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРАВА

Ю. Г. Конаневич

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220006,
г. Минск, Беларусь, konanewitsch@yahoo.com*

Множество областей научного знания переживает коренную ломку собственной доктринальной основы, обусловленную сменой технологических укладов и экономической формации, процессами экономической и социальной глобализации, сочетающимися с серьезными геополитическими потрясениями, влекущими за собою необходимость серьезного реформирования системы общественных отношений. Хозяйственные правоотношения являются как раз тем массивом

общественных отношений, которые претерпевают наиболее существенные изменения. В связи с этим становится как никогда актуальным формирование качественной доктринальной основы хозяйственного права. И в современных условиях одну из главных ролей в этом процессе играет фискалистика и юридическая квалиметрия.

Ключевые слова: фискалистика, фискальное право, фискальное регулирование, юридическая квалиметрия, квалиметрическое право, квалиметрические нормы, хозяйственное право

Ни для кого не является секретом, что на данный конкретный момент времени доктрина хозяйственного права фактически формируется с нуля: сложившаяся в рамках советской правовой науки доктринальная основа хозяйственного права устарела, а к тому же в значительной степени была просто «растрочена» и «размыта» под вывеской предпринимательского права. Безусловным достижением белорусской правовой науки является то, что именно белорусские ученые и педагогические работники сумели сохранить саму идею существования хозяйственного права [1]. И особая заслуга в этом деле принадлежит педагогическим работникам юридического факультета Белорусского государственного университета и В.К. Сидорчуку лично. Однако самое главное состоит в том, в настоящее время именно благодаря юридическому факультету Белорусского государственного университета хозяйственное право (и прежде всего, научной школе хозяйственного права юридического факультета) переживает свое второе рождение. Причем данное утверждение актуально не только для Республики Беларусь, но и в целом для постсоветского пространства, так как с нашей точки зрения, целостную картину хозяйственного права как самостоятельной отрасли права и основе хозяйственно-правового цикла отраслей права удалось сформировать именно белорусским специалистам.

Второе рождение хозяйственного права открыло новые горизонты в деле формирования его доктринальной основы. Причем в рамках ее формирования удалось выявить целый комплекс закономерностей и специфических особенностей функционирования системы общественных отношений, системы права и правовой системы в целом, позволивших не только выдвинуть идею существования сразу двух направлений научного знания, но и фактически сформировать их предпосылки для разработки их доктринальной основы.

Таковыми направлениями научного знания являются фискалистика [2, 4; 3; 4; 5; 6; 7] и юридическая квалиметрия [7; 8; 9; 10; 11; 12].

Под фискалистикой следует понимать отрасль правовой науки междисциплинарного характера, предметом исследования которой являются закономерности и принципы функционирования казны, а также ее правовое регулирование. При этом необходимо понимать, что это наука, которая строится не на основе какой-то конкретной отрасли права или цикла отраслей права (как например, цивилистика). Фискалистика – это область научного знания, представляющая собою симбиоз научного знания из целого комплекса естественных и гуманитарных наук, в основе которого находится право как инструмент систематизации, структурирования и воплощения полученного обобщенного знания в совокупность правил поведения. И если быть точным, то в основе фискалистики находится две отрасли права:

–главенствующей отраслью права для фискалистики является фискальное право;

–дополняет нормы фискального права право национальной экономической безопасности (пруденциальное право).

Иными словами, предметом фискалистики являются законы и принципы функционирования казны и ее использования для обеспечения выполнения функций, возложенных на государство, воплощенные в:

1. Правовую доктрину, правовые нормы и содержание правоприменительной деятельности.
2. Доктрину политической науки.
3. Доктрину экономической науки.
4. Доктрину социологии и социальной психологии.
5. Доктрину различных естественных наук, научное знание которых необходимо к использованию для целей надлежащего регулирования фискальных отношений.

Фактически речь идет о том, что фискалистика – это новаторский формат правовой доктрины, в котором право изучается не просто как совокупность правовых норм и фактических знаний о применении этих норм на практике. В фискалистике право рассматривается как «живой организм», функционирующий не сам по себе, а под влиянием всех возможных внешних факторов, его окружающих.

Можно сказать, что фискалистика – это своего рода «общая теория фискальных правоотношений».

Систему фискалистики составляет ряд отраслей научного знания:

1. В первую очередь, это фискальное право, выступающее в качестве основы фискалистики и области научного знания, задающей вектор развития всей фискалистики в целом.

2. Пруденциальная фискалистика – область научного, сконцентрированная вокруг доктрины права национальной экономической безопасности (пруденциального права).

3. Политическая фискалистика – область научного знания, предметом исследований которой является влияние фискальных отношений и фискальной политики на внутреннюю и внешнюю политику государства и влияние политики государства в целом на фискальные правоотношения и фискальную политику.

4. Экономическая фискалистика – область научного знания, предметом изучения которой является определение характера и содержания влияния экономических законов и принципов на фискальные правоотношения и фискальную политику и их взаимная зависимость от складывающейся политической, экономической и социальной конъюнктуры.

5. Легальная экономическая лоббистика, предметом изучения которой в том числе является страновой маркетинг.

6. Фискальная социология – область научного знания, предметом изучения которой является определение характера и содержания влияния фискальной политики государства на систему общественных отношений.

Объектом изучения в фискалистике являются фискальные отношения – совокупность общественных отношений, складывающихся по поводу обеспечения функционирования казны и управления государством публичной и частной фискальной нагрузкой [5; 6].

В контексте формирования доктрины хозяйственного права фискалистика имеет определяющее значение для определения правовой природы общественных отношений, складывающихся по поводу осуществления фискальной хозяйственной деятельности (государственного предпринимательства) [3; 13; 14], осуществления государственной монополии, публично-частного партнерства [15] и др.

Юридическая квалиметрия – наука, предметом изучения которой является нормативное содержание качества в различных сферах общественных отношений [8]. Иными словами, объектами изучения в рамках юридической квалиметрии являются качество в праве и качество права как такового.

При этом под качеством в праве следует понимать объективно сформированную и закрепленную в нормах национального, наднационального и международного права систему измерения качества и характеристик качества, обеспечивающую минимальные стандарты формирования и протекания социальных процессов, производства, распределения и потребления самых разнообразных благ общесоциального, экономического и политического характера [8].

В свою очередь, под качеством права следует понимать объективное состояние правовой системы и ее субъективное восприятие, формирующее содержательные характеристики социальной сферы, экономической и политической системы государства и внешнее восприятие конкретного государства и общества их резидентами и нерезидентами [8].

В основе юридической квалиметрии находится квалиметрическое право – подотрасль кондиционного права [9], представляющая собою совокупность принципов и правовых норм, определяющих и регулирующих порядок и условия квалиметрического регулирования общественных отношений. Причем особенностью квалиметрического права, как подотрасли кондиционного права, является то, что она фактически дополнительно состоит из обладающих признаками автономности подотраслей. С нашей точки зрения, система квалиметрического права представляет из себя правовую конструкцию, состоящую из следующих подотраслей:

1. Нормотворческой квалиметрии.
2. Управленческой квалиметрии.
3. Производственной квалиметрии.
4. Оценочной квалиметрии.
5. Метрологического права.
6. Международного квалиметрического права.

Актуальность юридической квалиметрии для формирования доктрины хозяйственного права состоит в том, что именно на основе квалиметрических законов права [8] можно сформировать не только качественное научное представление о хозяйственном праве как отрасли права и учебной дисциплине, но и обеспечить качество хозяйственно-правовых норм, концентрируемых в самых разнообразных источниках (а не только непосредственно в хозяйственном законодательстве).

Список использованных источников

1. Хозяйственное право : учебник / В. К. Сидорчук. – Минск : Республиканский институт профессионального образования, 2018. – 311 с.
2. Бондаренко, Н. Л. Фискалистика / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, Е. Н. Гладкая // Страновой маркетинг : монография / Н. Л. Бондаренко [и др.] ; под ред. Н. Л. Бондаренко. – Минск : Ковчег, 2022. – С. 358–417.
3. Конаневич, Ю. Г. Фискальное право : монография / Ю. Г. Конаневич. – Минск : Ковчег, 2018. – 236 с.
4. Бондаренко, Н. Л. Казна как объект государственного управления и комплексный правовой институт / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, Е. Н. Гладкая // Проблемы управления. – 2022. – № 1. – С. 81–86.
5. Бондаренко, Н. Л. Фискальное регулирование и фискальное право : проблемы идентификации и институционализации / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, Е. Н. Гладкая // Право.by. – 2022. – № 1. – С. 46-51.
6. Бондаренко, Н. Л. Фискальное право и перспективы его институционализации в системе права / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич // Российский правовой журнал. – 2021. – № 4 (9). – С. 34–49.
7. Бондаренко, Н. Л. Институционализация новых отраслей научного знания в контексте совершенствования юридического образования / Н. Л. Бондаренко, А. В. Шидловский // Право.by. – 2022. – № 5. – С. 117–124.
8. Бондаренко, Н. Л. Юридическая квалиметрия как новая отрасль правового научного знания / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич // Право.by. – 2022. – № 5. – С. 117–124.
9. Бондаренко, Н. Л. Кондиционное право как самостоятельная отрасль права и как элемент механизма пруденциального регулирования / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, Ю. А. Хилинская // Российский правовой журнал. – 2021. – № 2 (7). – С. 60–77.
10. Бондаренко, Н. Л. Понятие кондиционного права и его место в системе отраслей права / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, Ю. А. Хилинская // Третьи цивилистические чтения памяти профессора М. Г. Прониной : сб. материалов, Минск, 18 марта 2021 г. / Акад. упр. при Президенте Республики Беларусь. – Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2021.
11. Бондаренко, Н. Л. Социальное назначение и межотраслевые связи экологического, хозяйственного и кондиционного права / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич // Традиции и перспективы развития науки экологического, природоресурсного и аграрного права. Сборник статей по

материалам круглого стола, приуроченного к юбилею кафедры экологического и аграрного права БГУ. Редколлегия: Т.И. Макарова (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Белорусский государственный университет, 2021. – С. 39–42.

12. Бондаренко, Н. Л. Проблема институционализации кондиционных отношений / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран: матер. X Межд. науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 1 октября 2021 г.) / отв. ред. А. М. Бычкова, Н. В. Кешикова. – Т. 2. – Иркутск : Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2021. – 187 с. – С. 52–57.

13. Бондаренко, Н. Л. Новая концепция преподавания учебной дисциплины «Основы предпринимательской деятельности» как ответ на потребности практики / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич // Теоретико-прикладные перспективы правового обеспечения развития экономики: материалы междунар. науч.-практ. круглого стола, Минск, 21 октября 2021 г. В 2 ч. / Белорус. гос. ун-т ; рекол.: Н. Л. Бондаренко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2021 – Ч. 1. – С. 165–170.

14. Бондаренко, Н. Л. Методологический подход к пониманию предпринимательства и предпринимательской деятельности и определению методики преподавания учебных дисциплин, формирующих знания о них / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич // Актуальные проблемы гражданского права. – 2022. – № 1 (19). – С. 9–23.

15. Бондаренко, Н. Л. Социальное предпринимательство: проблемы идентификации и институционализации / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, М. С. Бондаренко // Юстиция Беларуси. – 2022. – № 6. – С. 54–62.

ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРАВА

О. М. Куницкая

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, volhakun@mail.ru*

В статье на основе анализа и обобщения теоретических положений выявляются признаки института права, отражающие его сущность, а также основания классификации институтов права и их

структурирование. Указывается на необходимость выявления сущностных свойств понятия «институт инвестиционного права» как структурного элемента системы инвестиционного права. Обозначаются спорные моменты и задачи разрешения проблем формирования институтов права и становления отраслей права.

Обоснована необходимость разрешения проблемы о месте инвестиционного права как правового образования в системе права Республики Беларусь через доказанность наличия или отсутствия институтов инвестиционного права, характер которых влияет на характер самой отрасли права.

Ключевые слова: инвестиционное право, институт инвестиционного права, нормы инвестиционного права, отрасль права, отрасль законодательства.

Пока происходит постоянное развитие общественных отношений, не утратит своей актуальности потребность правового регулирования появляющихся, усложняющихся, дифференцирующихся и интегрирующихся общественных отношений. По мере того как идут указанные процессы, законодателем предпринимаются попытки устранения неполноты, несогласованности и противоречий правового регулирования соответствующих общественных отношений. Появляются акты законодательства, необходимые для регулирования общественных отношений, с учетом тех целей и задач, которые ставятся перед правовым регулированием на текущем этапе времени. Подвижность системы права становится обычным явлением.

Кроме отраслей права, упорядочивающих однородные общественные отношения, реально существует регламентация комплексных, разнородных социальных отношений в соответствующих жизненно-важных сферах, нуждающихся в правовом регулировании. Единый правовой классификатор Республики Беларусь, ежегодные планы подготовки законопроектов предусматривают, наряду с упорядочением однородных отношений, также упорядочение отношений комплексных. С.Г. Дробязко предлагает в характере комплекса взаимосвязанных разнородных общественных отношений усматривать не «пограничность», «смежность», «совмещенность», а природу именно сферы – экономическую, экологическую, жилищную и соответствующую иную [1, с. 12].

В современных условиях для определения оптимального механизма

правового регулирования инвестиционных отношений необходимы соответствующие теоретические исследования. Вопросы системы инвестиционного права составляют фундаментальную часть теории инвестиционного права, разрешение которых имеет не только теоретическую, но и, несомненно, практическую значимость, поскольку юридическая доктрина призвана предопределять задачи нормотворческой деятельности с конечной целью функционирования определенной отрасли права, и права вообще, как единого целого.

Нормы права как первичные элементы системы права в процессе законодательной деятельности объединяются в более сложные формирования системы права – в правовые институты [2, с. 430].

Как отмечал Н.В. Сильченко реально существующие отрасли права складываются из разного количества, набора (разного уровня) входящих в них структурных единиц. У одних отраслей права есть подотрасли права, у других они отсутствуют. У одних отраслей есть субинституты, у других их нет. Отдельные, «рядом расположенные», отрасли права имеют пограничные комплексные институты. И только, пожалуй, абсолютно у всех отраслей права имеются институты [3, с. 57]. В ситуации, когда отрасль права разделяется на подотрасли и институты права, мы вынуждены найти в этом роде общественных отношений корреспондирующий соответствующей подотрасли права вид общественных отношений, институту права – подвид каких-то общественных отношений, субинституту права, если таковой в отраслях права имеется, – отдельное общественное отношение. Если же отрасль права знает деление только на институты права, то требуется найти в определенном роде общественных отношении соответствующие виды общественных отношений, а субинститутам – подвиды общественных отношений [3, с. 58].

Обращаясь к трудам теоретиков права, занимающихся в той или иной степени вопросами наполнения структурных элементов системы права, можно вычленить определенные признаки исследуемого понятия. Во-первых, в основу определения «институт права» закладываются такие родовые понятия как «группа правовых норм» или «обособленная группа норм», а также «совокупность норм» или «система норм» [4, с. 54; 5, с. 67; 6, с. 55; 7, с. 42; 8, с. 14]. При этом особо выделяется то, что данные нормы находятся во взаимосвязи [9, с. 193], являются однопорядковыми [2, с. 430]. Во-вторых, указывается, что в большинстве случаев, указанные нормы регулируют отдельные виды однородных общественных

отношений. В-третьих, отдельными авторами отмечается, что указанная группа (совокупность, система) норм входит в определенную отрасль права [7, с. 42], или регулируют общественные отношения в рамках предмета данной отрасли [5, с. 67; 8, с. 14] или сгруппировались внутри отрасли права, и подчеркивается невозможность автономного функционирования правового института [10, с. 227].

С точки зрения процессов дифференциации и интеграции правовых норм в рамках отрасли права, правовые институты отражают процесс дифференциации, а отрасль права – процесс интеграции правовых норм [10, с. 230].

Логично предположить, что если сами общественные отношения, подлежащие регулированию юридическими нормами, тяготеют друг к другу и стремятся объединиться, то и указанные нормы будут также объединяться, формируя правовые институты.

Следует согласиться с мнением, что правовые нормы не действуют изолированно, что они функционируют в пределах того или иного института и что юридическое содержание индивидуальной правовой нормы может быть определено именно в системе правового института. Благодаря наличию стройной системы связанных в группу между собой внутренним содержанием правовых норм, в процессе воздействия права на общественные отношения обеспечивается достижение желаемого результата [11, с. 29].

По мнению некоторых ученых в области общей теории права, «говорить о сложившейся отрасли права можно в том случае, если она имеет полный (достаточный) набор правовых институтов, позволяющий в рамках данной отрасли осуществлять правовое регулирование соответствующего вида общественных отношений. Речь идет о наличии общих и специальных правовых институтов [10, с. 226].

Также уточняется, что не все возможные отрасли права в настоящее время имеют необходимую структуру, нужное количество правовых институтов. Причиной такого положения является сложность обоснования наличия собственного метода правового регулирования. При этом наличие предмета правового регулирования доказываемая достаточно легко, также как и необходимость в правовом регулировании соответствующего вида общественных отношений (в пример приводятся образовательные отношения, опосредуемые совокупностью правовых институтов, составляющих отрасль образовательного права) [10, с. 226]. Надо заметить, что пока не решен вопрос о значении предмета и метода в построении

институтов отраслей права, и уж тем более в той мере, в какой они применяются для разграничения отраслей права.

При проведении классификации правовые институты подразделяются по предметно-отраслевому признаку на отраслевые и смешанные. Отраслевые институты состоят из норм одной отрасли права (институты являются уголовно-правовыми, гражданско-правовыми, гражданско-процессуальным, трудовыми, семейными и т. д.).

Нормы, не составляющие единый правовой институт, и входящие в соответствующие правовые институты различных отраслей права группируются в смешанные правовые институты.

Логично, что основной общий критерий классификации – это отраслевая принадлежность правовых институтов и состоит он в том, что сколько отраслей – столько и отраслевых институтов. По этому же признаку они подразделяются на материальные и процессуальные.

Простой институт, как правило, небольшой и не содержит в себе никаких других подразделений. Сложный или комплексный, будучи относительно крупным, имеет в своем составе более мелкие самостоятельные образования, называемые субинститутами. Например, институт поставки в гражданском праве включает в себя институт штрафа, неустойки, ответственности.

Правовой институт опосредует схожие видовые отношения. При этом они могут регулировать общественные взаимосвязи разной степени общности. Это определяет возможность разделения правовых институтов на общие и специальные. Общие институты регулируют отдельные стороны общественных отношений, составляющих предмет правового регулирования отрасли права. Они относятся ко всем видовым отношениям, составляющим данный предмет.

Особое место среди общих правовых институтов занимает институт, закрепляющий цели и задачи правового регулирования отдельной отрасли права. Он необходим, поскольку объясняет необходимость соответствующего правового регулирования общественных отношений, показывает его значение, ориентирует на достижение планируемого результата.

Специальные правовые институты представляют собой группы правовых норм, единство которых обусловлено особенностями, присущими общественным отношениям, регламентируемым данной отраслью права и требующим специального, отличного от схожих с ними отношений регулирования.

А. В. Белицкая предлагает выделить в учебной дисциплине «Инвестиционное право» общие положения, включив в нее основные понятия инвестиционного права (инвестиции, инвестиционная деятельность, инвестиционное право, объекты инвестирования, инвестиционный риск, инвестиционный проект), источники инвестиционного права, виды инвестиций и инвестиционной деятельности, субъекты инвестиционной деятельности, государственное регулирование инвестиционной деятельности, особенности способов защиты прав субъектов инвестиционной деятельности. Также, по ее мнению, в учебных целях можно выделить особенную часть (особые экономические зоны, как особый режим инвестирования, правовой режим иностранных инвестиций в Российской Федерации, правовые формы инвестиционной деятельности: договорные, корпоративные и иные) и специальную часть (правовое регулирование инвестиционной деятельности в отдельных сферах экономики: капитального строительства, недропользования, инноваций) [12, с. 22].

И. З. Фархутдинов, В. А. Трапезников рассматривают инвестиционное право как отрасль права, изучая отдельные институты общей и особенной частей этой отрасли. Исследуются история инвестиционного законодательства России, правовая природа основных понятий инвестиционного права, вопросы антимонопольного регулирования в инвестиционной деятельности и контрактные формы инвестиций – лизинг, концессия, соглашение о разделе продукции, франчайзинг. Рассматриваются особенности страхования инвестиций, коллективные формы инвестиций, особенности инвестирования в жилищном строительстве, правовое регулирование инвестиций на рынке ценных бумаг, инновационный проект [13, с. 3–6].

С. П. Мороз считает, что общую часть инвестиционного права как комплексной (вторичной) отрасли права составляют институты, отражающие сущность той или иной отрасли права, ее основополагающие идеи и начала, тогда как особенную часть образуют институты, показывающие специфические особенности отдельно взятой отрасли права. В частности, общая часть инвестиционного права включает следующие правовые институты, раскрывающие ее сущность как комплексной (вторичной) отрасли права: инвестиции (понятие и виды); правовой режим инвестиций; гарантии инвестиций; инвестиционные риски; инвестиционные правоотношения (субъекты, объекты и содержание); инвестиционная деятельность (понятие, признаки и виды);

государственное регулирование инвестиционной деятельности; ответственность за нарушение инвестиционного законодательства. Наряду с этим в общей части инвестиционного права находят свое выражение предмет и метод правового регулирования инвестиционного права, принципы инвестиционного права, функции и источники инвестиционного права, соотношение инвестиционного права со смежными отраслями права, система инвестиционного законодательства и другие важные для всей отрасли права вопросы [14, с. 21].

Институты особенной части призваны регулировать отдельные аспекты или виды отношений. Поэтому особенную часть инвестиционного права составляют такие правовые институты, как: правовое регулирование инвестиций в сфере недропользования; правовое регулирование инвестиций на рынке ценных бумаг; правовое регулирование инвестиций в банковской сфере; правовое регулирование иностранных инвестиций; международно-правовое регулирование иностранных инвестиций; инвестиционный проект (разработка и реализация); инвестиционный договор (понятие и особенности); инвестиционные договоры и их система (инвестиционные договоры в сфере недропользования (концессионные соглашения, соглашения о разделе продукции и сервисные контракты); внешнеэкономический инвестиционный договор; договор государственного займа; договор банковского займа; договор лизинга; инвестиционные сделки на рынке ценных бумаг; защита прав инвесторов и разрешение инвестиционных споров.

Наряду с этим в систему инвестиционного права входят: институт правового регулирования бюджетных инвестиций; институты бюджетных инвестиционных проектов и инвестиционных программ; институт бюджетного кредитования; институт государственного заимствования и долга, а также институты правового регулирования инвестиций в некоммерческой сфере (образования, науки и т.п.) [14, с. 21–24].

По нашему мнению, указанные подходы подлежат дополнительному осмыслению, поскольку могут быть оправданным для структурирования учебной дисциплины, однако не совсем подходят к процессам научных исследований.

Приведенные и исследованные общие определения «института права» требует некоторой модификации применительно к отраслевым особенностям, которые, безусловно несут существенный характер и должны найти отражение в формулировке понятия «инвестиционно-правовой институт» или «института инвестиционного права». Необходимо

выявить сущностные свойства института инвестиционного права, а именно общность образующих его норм, существующих в единстве и неразрывности связей. Нужно определить, насколько данные связи являются устойчивыми, объективными, закономерными, чтобы образовать целостность. На помощь может прийти понимание процессов зарождения институтов права. Если путь их возникновения связан с возникновением каких-либо новых общественных отношений и их правового регулирования, то появляются новые институты, которые нужно отнести к имеющейся самостоятельной отрасли права или этого не делать ввиду другого рода указанных общественных отношений. Тогда перед нами возможно формирование новой отрасли права. Либо просто произошла интеграция норм из различных отраслей права и формирующийся институт права приобретает межотраслевой характер.

Необоснованным представляется как расширение, так и сужение границ данного понятия. Оно должно иметь конкретное содержательное наполнение и находиться в рамках того правового явления, которое является структурным элементом системы инвестиционного права.

Требуемой разрешенной проблемой является вопрос о месте инвестиционного права как правового образования в системе права Республики Беларусь. Как нам представляется, доказанность наличия институтов инвестиционного права или их отсутствие поможет решить указанный вопрос. Правовой институт – первая и наиболее важная ступень в формировании отрасли, где правовые нормы группируются, не случайно, а по юридическому содержанию конкретных общественных отношений.

Очевидно, что проблема расположения правовых норм по институтам и отраслям права имеет особое теоретическое и практическое значение, поскольку с ее решением создаются предпосылки для создания стройной, логически непротиворечивой системы инвестиционного законодательства, а также для его систематизации.

Развитие отраслей права, совершенствование законодательства должно проходить через развитие правовых институтов.

Список использованных источников

1. Дробязко, С. Г. Отрасли права и отрасли законодательства в правовой системе Республики Беларусь и их соотношение / С. Г. Дробязко // Право в современном белорусском обществе: сб. науч. тр. / Национальный центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь.; ред. кол.: В.И. Семенков (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Право и

экономика, 2010. – Вып. 5. – С. 11–22

2. Нерсисянц, В. С. Общая теория права и государства: учебник для вузов / В. С. Нерсисянц. – М. : Норма, 2021. – 560 с.

3. Сильченко, Н. В. О критериях отраслей права / Н. В. Сильченко // Право и демократия: сб. науч. тр. Вып. 13. – Минск: БГУ, 2002. – С. 54–66.

4. Иоффе, О. С. Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права) / О. С. Иоффе // Ученые записки ВНИИСЗ. – 1968. – Вып. 14. – С. 45–60.

5. Якушев, В. С. О понятии правового института / В. С. Якушев // Правоведение. – 1970. – № 6. – С. 61–67.

6. Осипов, Ю. К. Понятие институтов гражданского процессуального права / Ю. К. Осипов // Правоведение. – 1973. – № 1. – С. 54–65.

7. Тихомиров, Ю. А. Государственные институты и закон / Ю. А. Тихомиров // Советское государство и право. – 1980. – № 10. – С.39–40.

8. Чиркин, В. Е. О системном анализе социалистических государственно-правовых отношений / В. Е. Чиркин // Правоведение. – 1982. – № 3. – С. 8–16.

9. Вишневский, А. Ф. Общая теория государства и права: учеб. / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбатов, В. А. Кучинский. – Минск: Акад. МВД, 2013. – 479 с.

10. Система права: история, современность, перспективы: монография / Т. Н. Радько, Д. М. Азми, А. А. Головина [и др.]; под ред. Т. Н. Радько. – М.: Проспект, 2018. – 256 с.

11. Джалилова, Е. А. Проблемы определения понятия института и сущности права / Е. А. Джалилова // Вестн. Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. – 2018. – Т.1. – № 2. – С. 22–31.

12. Белицкая, А. В. О месте и роли инвестиционного права в системе российского права А.В. Белицкая // Предпринимательское право. – 2012. – № 2. – С. 20-24.

13. Фархутдинов, И. З. Инвестиционное право: учеб. и практикум / И. З. Фархутдинов, В. А. Трапезников. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2018. – 273 с.

14. Мороз, С. П. Инвестиционное право Республики Казахстан: науч. изд. / С. П. Мороз. – Алматы: НИИ частного права КазГЮУ, 2006. – 509 с.

КОНЦЕПЦИЯ НОТАРИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОБЩЕСТВ С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

В. П. Ладыгина

*Пермский государственный национальный исследовательский
университет, ул. Букирева, 15, 614990, г. Пермь, Россия, vitanot@bk.ru*

Концепция нотариального контроля за деятельностью обществ с ограниченной ответственностью, последовательно создаваемая российским законодателем через принятие соответствующих новелл и внедряемая с 2008 г., имеет как сторонников, так и противников. С одной стороны, нотариальное удостоверение все новых видов сделок влечет для их участников слишком обременительные расходы, а с другой – создает эффективный механизм защиты интересов неограниченного круга лиц.

Ключевые слова: нотариальный контроль, общество с ограниченной ответственностью, нотариус, нотариальное удостоверение сделок

Хозяйственная деятельность обществ с ограниченной ответственностью – это наиболее массовый сегмент российского бизнеса. Так, по состоянию на 1 августа 2022 г. в Российской Федерации зарегистрированы 3 194 255 юридических лиц, из которых 2 518 729 – общества с ограниченной ответственностью (далее – ООО). Неудивительно в этой связи столь повышенный интерес отечественного законодателя к хозяйственной деятельности именно этого вида коммерческих юридических лиц. Нотариальный контроль за деятельностью ООО, с одной стороны, обеспечивает гарантийный механизм для потенциальных инвесторов, желающих осуществить вложение в бизнес, функционирующей на базе ООО, а, с другой стороны, создает эффект предсказуемости, в котором заинтересованы третьи лица, вступающие в те или иные правоотношения с соответствующим ООО. Неудивительно, что для решения этих задач выбран институт нотариата, который славится своим известным частно-публичным статусом, обеспечивающим уникальность фигуры нотариуса в частноправовых отношениях.

Считается, что российская концепция нотариального контроля за деятельностью ООО берет свое начало с 2008 г., что связано с принятием Федерального закона от 30 декабря 2008 г. № 312-ФЗ «О внесении

изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», в результате позитивации которого обращение к нотариусу стало сопряжено с отчуждательными сделками с долями в уставном капитале ООО (в том числе залог долей в уставном капитале ООО). По замечанию М. Н. Илюшиной, такое законодательное решение было детерминировано «насущными потребностями стабилизации экономических отношений» [1, с. 117], а с точки зрения Г. Г. Черемных – «принятием мер противодействия корпоративным захватам таких обществ» [2, с. 4].

Следующим последовательным шагом на пути создания концепции нотариального контроля за деятельностью ООО стало принятие Федерального закона от 30 марта 2015 г. № 67-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения достоверности сведений, представляемых при государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее – Закон № 67-ФЗ). Этот нормативно-правовой акт дополнил перечень нотариальных действий за счет удостоверения оферты о предстоящей продаже доли в уставном капитале ООО третьему лицу, удостоверения заявления участника общества о выходе из общества, а также удостоверения заявления о принудительном выкупе обществом доли или части доли в уставном капитале общества. По поводу последней новеллы Д. Галанцев в свое время замечал, что она необходима для «создания дополнительных алгоритмов обхода нотариального контроля» [3, с. 5]. Очевидно, что новеллы Закона № 67-ФЗ, некоторые из которых на сегодняшний день утратили силу, нацелены на обеспечение стабильности субъектного состава ООО.

С 2021 г. факт принятия решения общего собрания участников общества об увеличении уставного капитала и состав участников общества, присутствовавших при принятии указанного решения, факт принятия решения единственным участником общества об увеличении уставного капитала должны быть подтверждены путем нотариального удостоверения. При этом по этому поводу ВС РФ дополнительно разъяснил: неустойчивое решение очного собрания участников ООО ничтожно.

Наиболее «свежей» новеллой, принятой в духе нотариального контроля стала позитивация договора конвертируемого займа и сопряженные с ней изменения нотариального законодательства. Так, в Основных законодательствах РФ о нотариате (далее – Основы) с 2021 г.

появилось новое нотариальное действие – нотариальные действия в связи с увеличением уставного капитала ООО во исполнение договора конвертируемого займа. Эти действия обозначены как в ст. 35 Основ, так и в специальной главе XX.5 Основ. Суть нотариальных действий сводится к организационно-контрольным мероприятиям, направленным на увеличение уставного капитала ООО во исполнение сделки, основанием возникновения которой является конвертируемый заем. Отметим, что позитивация конвертируемого займа – давно ожидаемое законодательное решение. Оно обусловлено потребностью в дополнительных инвестиционных инструментах и созданием инвестиционной аттракции в отечественном правовом пространстве в целом. Конвертируемый заем – это широко распространенная в зарубежных странах инвестиционная практика. Смысл соответствующей сделки заключается в следующем: инвестор, обладающий свободными финансовыми средствами и имеющий намерение увеличить свои ресурсы, предоставляет заем юридическому лицу (в России им может быть либо ООО, либо АО), которое обязуется по истечении предусмотренного договором времени вернуть по выбору займодавца либо заемные денежные средства и проценты на них, либо долю в соответствующем юридическом лице. Нотариальное сопровождение сделки по конвертируемому займу требуется только в том случае, если заемщиком выступает ООО: в этом случае требуется обращение к нотариусу как на стадии вступления в договорные обязательства для нотариального удостоверения соответствующей сделки, так и на стадии их исполнения в момент совершения выбора займодавцем. Подчеркнем, что нотариус «сопровождает» обязательства, возникшие из конвертируемого займа, только в том случае, если займодавец делает выбор в пользу получения доли в ООО. Если же выбор сделан в пользу возврата заемных денежных средств и процентов на них, то нотариальное сопровождение соответствующих отношений не требуется.

По мнению Н. Г. Фроловского, обязательная нотариальная форма для сделки, основанием возникновения которой является конвертируемый заем, является седьмым шагом «законодателя по установлению нотариального контроля над корпоративными обязательствами в ООО» [4, с. 29]. Разделяя мнение Н. Г. Фроловского, добавим, что участие нотариуса в отношениях, опосредованных конвертируемым займом, многофункционально. С одной стороны, нотариус стоит на страже интересов инвестора, защита которых была чуть ли не основной идеей принятия соответствующего корпуса норм. С другой стороны, нотариус

контролирует обязательства ООО, обусловленные изменением его уставного капитала и, как следствие, субъектного состава.

Есть ли у нотариального контроля за деятельностью ООО альтернативы? Конечно, есть. Об этой альтернативе – институте регистраторов – есть немало научных изысканий. С одной стороны, этот институт зарекомендовал себя с положительной стороны в иностранных юрисдикциях, что является дополнительным аргументом в пользу его экстраполяции на отношения с участием ООО в РФ. С другой стороны, указанный институт свойственен другой организационно-правовой форме юридических лиц – акционерным обществам.

Однако, на наш взгляд, такие перспективы не отвечают потребностям российской экономики. Во-первых, постановка защищенности прав и интересов участников корпорации в зависимости от профессионализма и добросовестности регистраторов, как специфического посредника в соответствующих отношениях, не совсем удачна и ставит на повестку вопрос о гарантийных механизмах. Во-вторых, учреждение института регистраторов применительно к деятельности ООО неизбежно стирает ту необходимую грань между ООО и АО, которая исторически присуща российскому корпоративному праву. Эта грань позволяет разграничивать объединение лиц и объединение капиталов. Перечеркнув эту грань, отечественный законодатель фактически объявит «конец эпохи ООО». С учетом особенностей российской экономики и сложившихся в России бизнес-моделей, чаще всего организованных в ООО, статуирование института регистраторов вряд ли ожидаемо.

Важно учитывать профессионализм и безусловную добросовестность нотариусов, которые уникальны для корпоративных отношений, сложившихся в России. Именно поэтому мы считаем отечественную концепцию нотариального контроля за деятельностью ООО весьма удачным шагом законодателя на пути обеспечения стабильности имущественного оборота и инвестиционной привлекательности российской правовой системы в целом.

Список использованных источников

1. Илюшина, М. Н. Сделки, направленные на отчуждение долей в уставном капитале ООО: новое в правовом регулировании / М. Н. Илюшина // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2009. – № 6. – С. 114–118.

2. Черемных, Г. Г. Новое законодательство в свете правоприменительной нотариальной практики: плюсы и минусы / Г. Г. Черемных // Нотариус. – 2009. – № 2. С. 2–10.

3. Галанцев, Д. Нотариальный контроль за оборотом долей ООО / Д. Галанцев // ЭЖ-Юрист. – 2015. – № 50. – С. 1 – 5.

4. Фроловский, Н. Г. Особенности статике договора конвертируемого займа в корпоративных обязательствах / Н. Г. Фроловский // Гражданское право. – 2021. – № 5. – С. 28–30.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ЗАЩИТЫ ПРАВ КРЕДИТОРА В ДЕНЕЖНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ С ВАЛЮТНЫМ ЭКВИВАЛЕНТОМ

П. О. Лободин

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, pavel.labodzin@tut.by*

Гражданское законодательство Республики Беларусь позволяет выражать обязательства в иностранной валюте при условии использования белорусского рубля в качестве валюты платежа. Субъекты гражданского права в своей деятельности активно применяют правовые конструкции, в которых используется валютный эквивалент взаиморасчетов. Однако существуют определенные недостатки в подходах к судебной защите нарушенных прав кредиторов в таких обязательствах.

Ключевые слова: валютный эквивалент, денежное обязательство, защита прав кредитора, возбуждение гражданского дела, гражданский процесс

Риск изменения валютных курсов является важным фактором при планировании и осуществлении экономической деятельности в условиях малой открытой экономики. В гражданском обороте Республики Беларусь получили широкое распространение сделки, где подлежащая уплате сумма в белорусских рублях привязана к определенной сумме в иностранной валюте. Однако существуют определенные недостатки в подходах к судебной защите прав кредиторов, чьи интересы были нарушены в таких обязательствах. В частности, является противоречивой практика судов

общей юрисдикции по вопросу о возбуждении судебных дел по искам о взыскании суммы задолженности в привязке к валютному эквиваленту.

Согласно ч. 2 п. 1 ст. 298 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) в денежном обязательстве может быть предусмотрено, что оно подлежит оплате в белорусских рублях в сумме, эквивалентной определенной сумме в иностранной валюте или в условных денежных единицах («специальных правах заимствования» и др.). В этом случае подлежащая оплате в рублях сумма определяется по официальному курсу соответствующей валюты или условных денежных единиц на день платежа, если иной курс или иная дата его определения не установлены законодательством или соглашением сторон.

Из указанного следует, что нормы материального права прямо позволяют субъектам гражданских правоотношений выражать обязательства в иностранной валюте при условии использования белорусского рубля в качестве валюты платежа.

Заметим, что в стране взят курс на дедолларизацию экономики, расширение использования белорусского рубля в расчетах и сбережениях и законодателем предпринимаются последовательные меры по ограничению случаев, когда совершение таких сделок допускается. В частности, в силу положений ст. 4 Закона Республики Беларусь от 18 июля 2022 г. № 197-З «Об изменении законов по вопросам рынка ценных бумаг» временно приостановлено право арендодателя определять в договоре размер арендной платы за пользование имуществом в сумме, эквивалентной определенной сумме в иностранной валюте. В соответствии с п. 2 ст. 3 Закона Республики Беларусь от 30 июня 2020 г. № 36-З «Об изменении законов по вопросам валютного регулирования и валютного контроля» введена новая норма в Закон Республики Беларусь от 05 января г. 2015 № 231-З «О рынке ценных бумаг», согласно которой номинальная стоимость облигаций, условиями эмиссии которых предусмотрено их размещение на территории Республики Беларусь, за исключением государственных облигаций и облигаций Национального банка Республики Беларусь, должна быть выражена в официальной денежной единице Республики Беларусь. Вместе с тем правовые конструкции, в которых используется валютный эквивалент взаиморасчетов, все еще активно применяются субъектами в тех сферах, где это допускается законодательством.

Важно понимать, что отрасли права находятся в неразрывной взаимосвязи, процессуальные нормы тесно взаимодействуют с нормами

материального права, устанавливают четкие механизмы реализации последних. Как верно отметил С. А. Комаров, нормы права должны соответствовать экономическому базису общества, они взаимосвязаны, взаимообусловлены друг другом. При этом право должно не только соответствовать экономическому положению, не просто быть его выражением, но и быть внутренне согласованным выражением, которое не опровергало бы само себя в силу внутренних противоречий [1, с. 304].

Несмотря на то, что гражданское право дает «зеленый свет» (хотя и с некоторыми ограничениями) договорной конструкции, в которой во взаиморасчетах сторон применяется валютный эквивалент, гражданское процессуальное законодательство и практика его применения не позволяют говорить о существовании полноценной процессуальной формы реализации такой конструкции. В случае неисполнения (ненадлежащего исполнения) должниками платежных обязательств по таким договорам кредиторы при возбуждении гражданских дел в судах сталкиваются с препятствиями, которые связаны с необходимостью соблюдения процессуальных правил оформления искового заявления (ст. 243 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК)). Так, в судебной практике распространены случаи оставления судьями исковых заявлений без движения, если требования заявлены истцом в белорусских рублях в привязке к иностранной валюте. Подателю документов предлагается заявить требования без использования валютного эквивалента, указать цену иска в белорусских рублях. Приведем пример из судебной практики.

Между ООО «В», Республика Беларусь (Заказчик) и ООО «Ф», Республика Беларусь (Подрядчик) заключен договор на разработку программного обеспечения, в соответствии с которым Подрядчик обязуется выполнить работы по анализу, проектированию и разработке программного обеспечения информационных систем, а Заказчик обязуется принять результат работ и уплатить за него установленную цену.

Валютой обязательств является доллар США, а валютой платежа — белорусский рубль.

Как установлено договором, оплата работ производится в белорусских рублях по курсу Национального Банка Республики Беларусь на дату оплаты.

Выполненные Подрядчиком работы оплачены лишь частично, имеется задолженность в сумме, эквивалентной 10 872,50 долларов США.

Претензия ООО «Ф» оставлена без удовлетворения.

ООО «Ф» обратилось в судебную коллегия по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь с исковым заявлением, в котором просило суд взыскать с ООО «В» сумму долга в белорусских рублях, эквивалентную 10 872,50 долларов США, на дату исполнения решения суда.

Определением судьи от 25.11.2021 исковое заявление ООО «Ф» оставлено без движения со ссылкой на ч. 1 ст. 243 ГПК, ст. ст. 141, 298 ГК. Подателю документов предложено указать, какую именно сумму в белорусских рублях он просит взыскать с ответчика на дату подачи искового заявления, а также определить в белорусских рублях цену иска.

Определение обжалованию (опротестованию) в апелляционном порядке не подлежит [2].

Из приведенного примера следует, что, несмотря на наличие валютного эквивалента во взаиморасчетах сторон, суды не позволяют истцу облечь данную конструкцию в процессуальную форму, предлагая подателю документов заявить требования в белорусских рублях на дату обращения в суд. Полагаем, что такой подход является не совсем верным по следующим причинам.

Во-первых, в таком случае ограничивается действие нормы материального права, позволяющей вносить в договоры валютный эквивалент взаиморасчетов.

Во-вторых, право истца на увеличение размера исковых требований в ходе производства по делу не позволяет говорить о полной защите его имущественных прав – в случае удовлетворения исковых требований в итоговом судебном постановлении будет зафиксирована сумма в белорусских рублях без указания валютного эквивалента. При этом предусмотренный гражданским процессуальным законодательством институт индексации долга (ст. 318-2 ГПК) не является равноценным аналогом описанной конструкции договорного права.

В-третьих, судья не вправе разрешать вопросы материального права на стадии возбуждения гражданского дела.

По нашему мнению, исковые заявления по таким спорам не должны оставаться без движения по вышеуказанным основаниям. Гражданские дела по таким спорам подлежат возбуждению, если подателем документов соблюдены иные требования к содержанию искового заявления, а также отсутствуют основания для отказа в возбуждении дела.

Необходимо отметить, что наряду с вышеописанным подходом в судебной практике зачастую встречаются случаи, когда судьи

нижестоящих звеньев судебной системы возбуждают гражданские дела по искам о взыскании задолженности в привязке к определенной сумме в иностранной валюте. Наряду с этим существует вариативность в формулировании резолютивной части решений по такой категории споров. Так, некоторые суды указывают суммы, подлежащие взысканию, в белорусских рублях, определяя курс иностранной валюты на дату вынесения решения. В иных случаях присуждаются суммы в иностранной валюте с указанием на необходимость проведения расчетов по курсу иностранной валюты на дату исполнения решения суда. На наш взгляд, обозначенная проблема в подходах к составлению итогового судебного постановления заслуживает самостоятельного исследования.

Таким образом, на данном этапе нельзя утверждать, что судебная практика имеет единый подход к вопросу о возбуждении гражданских дел по спорам о взыскании сумм задолженности в привязке к валютному эквиваленту. С учетом существования нормы материального права, позволяющей субъектам гражданских правоотношений выражать обязательства в иностранной валюте, указанный вопрос должен быть разрешен положительно на уровне разъяснений высшей судебной инстанции либо путем включения соответствующих положений в новый Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Комаров, С. А. Общая теория государства и права: Учебник / С. А. Комаров. – 7-е изд., испр. и доп. – СПб. : Питер, 2008. – 512 с.
2. Архив Верховного Суда Республики Беларусь за 2021 г. – Дело № 1ИГИП21152.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕЖИМЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

С. С. Лосев

*Национальный центр законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь, ул. Берсона, 1а, 220030, г. Минск, Беларусь,
sergei_losev@list.ru*

Исследуются актуальные проблемы определения правового режима результатов деятельности систем искусственного интеллекта, идентичных

результатам интеллектуальной деятельности человека. Автор приходит к выводу о возможности охраны создаваемых искусственным интеллектом результатов, идентичных произведениям науки, литературы и искусства, в качестве самостоятельного объекта смежных прав с признанием ограниченного исключительного права на такие результаты за лицом, использовавшим систему искусственного интеллекта, а также отмечает как не имеющий однозначного решения вопрос о патентной охране технических решений, генерируемых искусственным интеллектом.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, исключительные права, системы искусственного интеллекта, объекты права интеллектуальной собственности.

Проблема применения систем искусственного интеллекта становится одной из наиболее обсуждаемой среди специалистов, занимающихся правом интеллектуальной собственности. Суть проблемы можно определить следующим образом: системы искусственного интеллекта (компьютерные программы, в которые заложен алгоритм самообучения) в состоянии создавать результаты, внешне не отличимые от результатов интеллектуальной деятельности человека. Это порождает вопросы о возможности признания таких результатов объектами интеллектуальной собственности, а в случае признания – вопросы авторства и принадлежности исключительного права на них. Также периодически возникает дискуссия о возможной правосубъектности самих систем (юнитов) искусственного интеллекта.

Безусловно, формат данной статьи не позволяет рассмотреть весь спектр вопросов, связанных с влиянием технологий искусственного интеллекта на право интеллектуальной собственности. Поэтому мы остановимся на наиболее значимых из них.

Американский правовед Тимоти Батлер еще в 1982 г. писал, что суды в случае установления факта создания произведения в результате деятельности не человека, а искусственного интеллекта, имеют в своем распоряжении несколько альтернативных путей решения проблемы: 1) полностью отказаться от наделения искусственного интеллекта авторскими правами; 2) наделить авторскими правами систему искусственного интеллекта либо распределить эти права между системой и человеком; 3) распределить авторские права между правообладателем базового программного обеспечения и владельцем компьютера; 4) создать вымышленного автора – человека и передать его авторские права

правообладателю базового программного обеспечения или владельцу компьютера [1].

По мнению экспертов можно говорить о том, что ведущие страны мира уже перешли к новому этапу формирования инновационного общества – построению экономики, базирующейся преимущественно на генерации и повсеместном использовании саморазвивающихся программ (искусственного интеллекта) [2, с. 321]. Соответственно, проблема определения правового режима результатов, порождаемых системами искусственного интеллекта, становится критически значимой, при этом она носит глобальный характер и активно обсуждается на международном уровне [3].

Основную проблему, связанную с искусственным интеллектом, можно определить следующим образом: результаты, создаваемые системами искусственного интеллекта, в настоящее время «выпадают» из сферы правового регулирования, поскольку отсутствие автора – физического лица, творческим трудом которого созданы эти результаты, как обязательного элемента, необходимого для предоставления правовой охраны результатам интеллектуальной деятельности, препятствует предоставлению правовой охраны результатам, создаваемым системой искусственного интеллекта, как результатам интеллектуальной деятельности [4, с. 9–10].

Сложность проблемы породило множество мнений о возможных путях ее решения. Как отмечает А. И. Балашова, «... палитра позиций ученых достаточно широка: от предложений признать искусственный интеллект новым объектом права или даже самостоятельным субъектом права, в связи с чем подчеркивается необходимость в силу специфичности данного объекта (субъекта) разработать качественно новое *sui generis* правовое регулирование, до утверждений о том, что все необходимые категории и правовые режимы уже имеются в существующем законодательстве, поэтому необходимость в дополнительном правовом регулировании искусственного интеллекта отсутствует» [5, с. 90]. Приведем мнения отдельных ученых.

По мнению В. Н. Синельниковой, полученные искусственным интеллектом результаты следует признавать охраняемыми объектами интеллектуальной собственности, на которые отсутствует право авторства; каждый такой объект должен иметь автоматически присваиваемый идентификационный номер, позволяющий, во-первых, определить каким искусственным интеллектом он создан, во-вторых, установить

разработчика саморазвивающейся программы, обладающего исключительным правом не только на эту программу, но и на объект, ею созданный [2, с. 327]. Этот же ученый в соавторстве с О. В. Ревинским исходит из того, что компьютерные программы или иные инновационные технологии являются лишь инструментом получения новых результатов, права на которые должны принадлежать разработчикам программ и (или) создателям соответствующего оборудования [6, с. 26].

Ю. С. Харитоновна полагает, что результаты, созданные автономным искусственным интеллектом, не признаны сегодня в качестве объектов исключительных прав, но на них могут быть установлены иные субъективные (имущественные) права как на объекты, обладающие ценностью и участвующие в обороте [7, с. 52–64].

Е. П. Сесицкий предлагает включить результаты, созданные системами искусственного интеллекта, в перечень объектов гражданских прав в статусе «приравненных к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности» с признанием в отношении них исключительных прав без предоставления кому-либо права авторства и других личных неимущественных прав на них. При этом, по мнению данного исследователя, первоначальным обладателем исключительных прав на результаты, создаваемые системами искусственного интеллекта, следует определить собственника системы искусственного интеллекта либо ее арендатора (в случае предоставления системы во временное пользование) на момент создания результата [4, с. 10].

Как отмечает В. Б. Наумов применительно к сфере авторского права и смежных прав, в целом можно выделить несколько подходов к охране объектов, созданных искусственным интеллектом: 1) признание неохранным правом интеллектуальной собственности объектом; 2) признание произведениями, перешедшими в общественное достояние; 3) охрана в качестве информации; 4) охрана авторским правом / смежными правами [8, с. 535].

Уже есть примеры законодательных решений, согласно которым произведения, созданные искусственным интеллектом, приравниваются к произведениям, созданным человеком, и охраняются авторским правом. Например, в Законе Великобритании об авторском праве, дизайне и патентных правах 1988 г. предусматривается отдельная категория произведений, созданных с помощью компьютера; такие произведения генерируются компьютером и охраняются авторским правом, хотя ни один человек в данном случае не является непосредственным автором, а работа

возникает без непосредственного приложения усилий человеком. Законодательство Новой Зеландии также допускает теоретическую возможность охраны авторским правом произведений, созданных искусственным интеллектом; при этом автором такого произведения может потенциально считаться компания, которой принадлежит технология создания произведений [8, с. 535–536]. Альтернативной является модель, предложенная в Японии в Стратегической программе интеллектуальной собственности (*Intellectual Property Strategic Programme*), – она предполагает предоставлять авторско-правовую охрану только некоторым объектам, обладающим особой коммерческой ценностью.

По мнению В. Б. Наумова из уже существующих моделей охраны наиболее адекватной является охрана объектов, созданных искусственным интеллектом, в качестве объектов смежных прав. При таком подходе решается проблема соблюдения экономических интересов правообладателей, но охрана в целом остается ограниченной, поскольку объекты не приравниваются к полноценным произведениям в системе авторского права. Кроме того, такой подход позволяет выделить объекты, создаваемые искусственным интеллектом, в отдельную категорию [8, с. 535].

А. И. Балашова, анализируя проблематику охраны результатов деятельности искусственного интеллекта, тождественных понятию «произведение», также обращается к мировой законодательной практике по данному вопросу. Как отмечает данный автор, в юрисдикциях нескольких стран общего права – Новой Зеландии, Соединенном Королевстве, Ирландии, Гонконге, Южной Африке и Индии – установлен специальный режим для произведений, созданных программами для ЭВМ; при этом авторство на такие работы принадлежит лицу, которым приняты меры, необходимые для создания произведения, либо лицу, которое является инициатором создания такого произведения. Срок охраны таких произведений не привязывается к периоду жизни физического лица, как это принято в авторском праве.

В целом, по мнению зарубежных правоведов, признание авторства на созданное компьютером произведение – это юридическая фикция, которая отступает от общего правила об определении в качестве автора того, кто создал произведение [5, с. 95].

Применительно к российскому праву А. И. Балашова предлагает в качестве ближайшего аналога охраны результатов деятельности систем

искусственного интеллекта рассмотреть такой объект смежных прав, как фонограмму: исключительное право на фонограмму возникает у лица, взявшего на себя инициативу и ответственность за первую запись звуков исполнения или других звуков либо отображений этих звуков; при этом личность того, кто непосредственно произвел такую запись, не имеет значения. Не имеет принципиального значения и вопрос о праве собственности на звукозаписывающее оборудование, на котором произведена запись. Также следует отметить, что законодатель не предъявляет требования о наличии творческого вклада в создание фонограммы. С учетом названных обстоятельств А. И. Балашова приходит к выводу о том, что определение правообладателя фонограммы вполне коррелируется с определением инициатора создания компьютерно-сгенерированных произведений, а правовой режим фонограммы вполне применим для таких произведений [5, с. 96].

Рассматривая вопрос о возможности патентования изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, созданных искусственным интеллектом, по мнению А. И. Балашовой следует обратить внимание на специфику субъектного состава в патентных отношениях, – патентное право значительно в большей степени, чем авторское право, характеризуется несовпадением автора и правообладателя (патентообладателя) в одном лице.

В литературе и различных статистических источниках неоднократно отмечается, что более 80% изобретений во всем мире являются служебными. Перечень личных неимущественных прав авторов в патентном праве значительно уже такового в авторском праве. Сроки действия исключительных прав на патентуемые объекты не связаны с продолжительностью жизни авторов данных результатов интеллектуальной деятельности. Данные обстоятельства, по мнению А. И. Балашовой, дают основания полагать, что патентно-правовой режим охраны может быть распространен на результаты деятельности искусственного интеллекта, сопоставимые с объектами патентного права, при сохранении в качестве фигуры патентообладателя физического, юридического лица или публично-правового образования [5, с. 96–97].

30 июля 2021 г. Федеральным судом Австралии было принято первое в мире решение о признании искусственного интеллекта автором изобретения. Инженер Стивен Талер, специалист по искусственному интеллекту, заявил, что созданный им искусственный интеллект под названием DABUS (*Device for the Autonomous Bootstrapping of Unified*

Sentience – устройство автоматической самонастройки единого сознания) автономно генерирует патентоспособные изобретения, и подал заявки на выдачу патентов на созданные DABUS изобретения (аварийный маяк и контейнер для еды) в патентное ведомство Великобритании в рамках Договора о патентной кооперации (РСТ), указав в графе «автор изобретения» на искусственный интеллект. Получив решения об отказе в выдаче патентов, С. Талер обжаловал их в судебном порядке, однако это не принесло успеха ни в США, ни в Великобритании. В отличие от США и Великобритании, в Австралии нет законодательного определения понятия «изобретатель». С. Талер утверждал, что он может быть включен в категорию лиц, «получающих право собственности» от изобретателя.

Мотивируя свое решение, австралийский суд отметил следующее. Во-первых, система искусственного интеллекта может быть изобретателем для целей Закона. Изобретатель – это отглагольное существительное; действующим может быть человек или вещь, которая изобретает. Во-вторых, только физическое или юридическое лицо может быть владельцем, управляющим или патентообладателем. Это в полной мере относится и к изобретателю, который является человеком. Но было бы заблуждением утверждать, что изобретателем может быть только человек. Изобретателем может быть система искусственного интеллекта, но она не может быть владельцем, управляющим или патентообладателем патентоспособного изобретения» [130, с. 97]. Данное решение было в последующем отменено судом апелляционной инстанции, однако уже сам факт его вынесения стал знаковым, заставляющим задуматься о правовом режиме технических решений, генерируемых искусственным интеллектом, и формально соответствующих критериям патентоспособности.

Следует сказать о том, что данный вопрос на сегодняшний день не имеет четкого решения в правовой науке. По мнению П. К. Морхата возможны следующие решения в сфере патентно-правовой охраны изобретения, созданного при фактически и юридически существенном участии юнита искусственного интеллекта или созданного им автономно: 1) патентно-правовая охрана изобретения в общем порядке и на общих основаниях с персональным закреплением прав (возможный вариант – за владельцем компьютерной системы; 2) патентно-правовая охрана в общем порядке и на общих условиях, но более короткий срок; 3) патентно-правовая охрана такого изобретения с передачей полномочий по управлению правами на него специально создаваемому государственному

фонду; 4) гибридная модель, совмещающая указанные выше варианты [9, с. 24–25].

В заключение можно сделать вывод о том, что вопрос о правовом режиме результатов деятельности систем искусственного интеллекта, формально соответствующим требованиям охраноспособности в качестве объектов интеллектуальной собственности, как представляется, в настоящее время не имеет однозначного решения. Реальностью является то, что системы искусственного интеллекта в настоящее время способны создавать результаты, схожие с результатами творческой деятельности человека. Как следствие, происходит подрыв основ современного права интеллектуальной собственности, основывающегося на таких понятиях как «автор» и «творческая деятельность».

Результатам деятельности систем искусственного интеллекта, соответствующих понятию произведения науки, литературы или искусства, возможно предоставление охраны в качестве нового объекта смежных прав, в отношении которого не признаются личные неимущественные права (в первую очередь – право авторства). Тем самым будет обеспечен экономический интерес владельца компьютерной системы, создавшей такой результат, и при этом исключен конфликт с авторским правом на аналогичный результат, созданный творчеством человека.

Решение о правовом статусе технических решений, создаваемых системами искусственного интеллекта и соответствующих понятию изобретения, как представляется, пока не очевидно. Признание определенного технического решения изобретением по определению требует определения авторства.

В этой связи заслуживает внимания предложение включить результаты, созданные системами искусственного интеллекта, в перечень объектов гражданских прав в статусе «приравненных к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности» с признанием в отношении них исключительных прав без предоставления кому-либо права авторства и других личных неимущественных прав на них; при этом первоначальным обладателем исключительных прав на результаты, создаваемые системами искусственного интеллекта, следует определить собственника системы искусственного интеллекта либо ее арендатора (в случае предоставления системы во временное пользование) на момент создания результата [4, с. 10].

Список использованных источников

1. Butler T. L. Can a computer be an author – Copyright aspects of artificial intelligence // *Hastings communications and entertainment law journal*. – San Francisco, 1982. – Vol. 4, N 4. – P. 707–747. – Mode of access: https://repository.uchastings.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1097&context=hastings_comm_ent_law_journal – Date of access: 10.10.2022
2. Синельникова, В. Н. Правовой режим результатов интеллектуальной деятельности, созданных саморазвивающимися программами / В. Н. Синельникова // *Пермский юридический альманах*. – 2019. – № 2. – С. 320–328.
3. Дискуссия ВОИС по вопросам интеллектуальной собственности и искусственного интеллекта [Электронный ресурс] / Всемирная организация интеллектуальной собственности. – Режим доступа: https://www.wipo.int/about-ip/ru/artificial_intelligence/conversation.html. – Дата доступа: 29.08.2022.
4. Сесицкий, Е. П. Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. П. Сесицкий ; Федеральное гос. бюджетное образоват. учреждение высшего образования «Российская государственная академия интеллектуальной собственности» (РГАИС). – М., 2019. – 27 с.
5. Балашова, А. И. Искусственный интеллект в авторском и патентном праве: объекты, субъектный состав правоотношений, сроки правовой охраны / А. И. Балашова // *Журнал Суда по интеллектуальным правам*. – 2022. – № 2(36). – С. 90–98.
6. Синельникова, В. Н. Права на результаты искусственного интеллекта / В. Н. Синельникова, О. В. Ревинский // *Копирайт: Вестник Российской академии интеллектуальной собственности и Российского авторского общества*. – 2017. – № 4. – С. 17–27.
7. Харитонов, Ю. С. К вопросу об охраноспособности результата деятельности искусственного интеллекта / Ю. С. Харитонов // *Право будущего: интеллектуальная собственность, инновации, Интернет*. – 2018. – № 1. – С. 52–64.
8. Наумов, В. Б. К вопросу о правовом статусе «творчества» искусственного интеллекта / В. Б. Наумов, Е. В. Тытюк // *Правоведение*. – 2018. – Т. 63. – № 3. – С. 531–540.
9. Морхат, П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые

проблемы : автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук : 12.00.03 / П. М. Морхат ; Рос. гос. академия интеллектуальной собственности. – М., 2018. – 48 с.

СУБСТИТУТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПО АГЕНТСКОМУ ДОГОВОРУ: ПЕРСПЕКТИВЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Ю. О. Лысаковская

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, ул. Московская, 17, 220089, г. Минск, Беларусь, julia.lysakovskaya@drc.by

Субститутивная ответственность возникает, когда одно лицо несет ответственность за деликт другого. Право признает данную ответственность объективной формой ответственности. Данный институт известен в национальном праве как субсидиарная ответственность, которая возникает в силу взаимосвязи между фактическим правонарушителем и лицом, которое несет субсидиарную ответственность. Автор ставит перед собой задачу определить, возникает ли субсидиарная ответственность между принципалом и агентом по агентскому договору в системе общего права, а также определить перспективы институализации субсидиарной ответственности принципала в белорусской правовой системе.

Ключевые слова: агентский договор, агентские отношения, субсидиарная ответственность, субститутивная ответственность, деликт, хозяйственный кодекс.

При всей своей популярности и распространенности тематика агентских правоотношений является относительно слабо изученной в национальной правовой науке. В силу нашего научного интереса к институту агентских правоотношений [1; 2], субсидиарная ответственность принципала за действия агента требует детального рассмотрения.

Вопросы возникновения ответственности принципала (или обязанности по возмещению вреда) за вред, причиненный третьему лицу деятельностью агента, впервые были поставлены англосаксонскими правоведами.

Доктрина субсидиарной ответственности лежит в основе деликтного права common law: представляет собой не правонарушение, а норму ответственности, которая возлагает на ответчика ответственность за

правонарушения, совершенные другим лицом (*vicarious liability, subsidiary liability, secondary liability*). По своей правовой природе данный вид ответственности является вторичной ответственностью. Классическим примером является ситуация между нанимателем и работником: наниматель несет вторичную ответственность за правонарушения своих работников при условии, что они совершены в ходе осуществления трудовой функции причинителем вреда. При таких обстоятельствах ответственность возлагается на нанимателя не в силу его собственного противоправного деяния, а в силу его взаимоотношений с причинителем вреда. Таким образом, любое исследование субсидиарной ответственности не может не учитывать ее роль в определении того, кто в конечном итоге несет бремя выплаты компенсации [3].

Так, Патрик Селим Атия (P. S. Atya) считает, что субсидиарная ответственность по общему правилу возникает вне зависимости от обстоятельств в отношении «хозяин-слуга» [4], в иных случаях субсидиарная ответственность возникает только в определенных исключительных обстоятельствах [4].

В силу правовой природы агентского договора отношения его сторон, с определенной долей условности, можно характеризовать как отношения «хозяин – слуга», в этой связи возникает вопрос, о том, может ли принципал нести субсидиарную ответственность за несанкционированные или неправомерные действия своего агента. Для ответа на данный вопрос прежде всего необходимо определить, что понимается под термином «агент» в юридическом смысле. Как отмечает P.S. Atya, определение термина «агент» является труднодостижимым, если не невозможным [4].

Даль Понт (Dal Pont) вызывает три типа агентов:

те, которые могут *создавать правоотношения* от имени принципала с третьей стороной;

те, которые могут *влиять на правоотношения* принципала от имени третьей стороны; и

лицо, которое уполномочено *действовать от имени* принципала [5].

По мнению Боустеда (Bowstead), агентирование — это *фидуциарные отношения*, которые существуют между двумя лицами, одно из которых прямо или косвенно соглашается, что другое должно действовать от его имени, чтобы повлиять на его отношения с третьими лицами, и а также иные лица, которые аналогичным образом дают согласие на такие действия. Тот, от имени которого должен быть совершен акт или действия, называется принципалом, тот, кто должен действовать, называется

агентом. Любое другое лицо, помимо принципала и агента, может называться третьей стороной [6].

В 2000-х годах судебная практика пошла вразрез с доктриной англосаксонского права. Так, в решениях Верховного суда Австралии по делу *Scott v Davis* (2000) [7] и делу *Hollis v Vabu* (2001) [8] вместо традиционного подхода, основанного на деликтном праве, различиях между работниками и независимыми подрядчиками, для установления ответственности принципала суд использовал нормы права об агентских отношениях. Так, суд определил, что термин «агент» используется для обозначения лица, наделенного полномочиями или правоспособностью создавать своими действиями правоотношения между принципалом и третьими лицами. В обоих случаях суд установил, что принципал несет субсидиарную ответственность за действия своего агента [7, 8].

Указанное определение суда наиболее близко к первому типу агентов согласно Даль Понту. Очевидно, чем шире определение термина «агент», тем больше почвы для возможных выводов о субсидиарной ответственности принципала за действия агента.

Как указал лорд Уилберфорс в деле *Morgans v Launchbury* [9], использование термина «агент» в данном случае «является просто концепцией, смысл и цель которой — сказать «несет субсидиарную ответственность», и что любое выражение отражает оценочное суждение вышестоящего есть закон, говорящий о том, что собственник должен платить» [9].

В деле *Scott v Davis* лорд Уилберфорс отметил, что описание лица как агента иного лица является *признанием наличия субсидиарной ответственности*, а не обоснование такого вывода. Тем не менее, некоторые судьи ссылаются на агентирование как на критерий, определяющий наличие ответственности по аналогии с трудовыми отношениями. В таком случае суду следует быть более конкретным в отношении того, что имеется в виду [7].

Таким образом, анализ указанных выше судебных решений позволяет сделать вывод, что термин «агентство» используется для констатации факта, что отношения, влекущие возникновение субсидиарной ответственности, были установлены, а не для того, чтобы установить факт существования отношений между принципалом и агентом.

Согласно отечественной доктрине права объективная ответственность может наступать и без наличия вины, например, за причинение вреда гражданам - потребителям вследствие недостатков товара, работы или

услуги (ст. 964, 965 Гражданского кодекса Республики Беларусь); за вред, причиненный лицу деятельностью, которая создает повышенную опасность для окружающих (ст. 948 Гражданского кодекса Республики Беларусь); за причинение морального вреда (ст. 969 Гражданского кодекса Республики Беларусь).

В силу отсутствия института агентского договора в праве Республики Беларусь при практическом применении агентских отношений во многих сферах, и на основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Необходимость институализации агентских отношений в национальной правовой системе актуальна и давно назрела.

2. Представляется целесообразным кодифицировать законодательство Республики Беларусь о хозяйственной деятельности и включить в хозяйственный кодекс главу «Агентские отношения».

3. Необходимо закрепить в хозяйственном кодексе Республики Беларусь норму о субсидиарной ответственности принципала за причинение вреда агентом третьим лицам (деликты агента) при исполнении последним агентского соглашения, с правом потерпевшего лица предъявить требований о возмещении вреда и к агенту, и к принципалу.

Список использованных источников

1. Лысаковская, Ю. О. Правовое регулирование агентирования: компаративный анализ законодательства Республики Беларусь и некоторых стран общего и континентального права / Ю. О. Лысаковская // Российский правовой журнал. – 2021. – № 1(6). — С. 75 – 80.

2. Лысаковская, Ю. О. Агентский договор: особенности правового регулирования в Республике Беларусь и зарубежных правовых системах / Третьи цивилистические чтения памяти профессора М. Г. Прониной [Электронный ресурс] / Ю. О. Лысаковская : сборник статей / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь; под общ. ред. Н. Л. Бондаренко [и др.]. – Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь. – С. 131–134.

3. *Giliker, P.* What is vicarious liability? In *Vicarious Liability in Tort: A Comparative Perspective* [Electronic resource] : Cambridge Studies in International and Comparative Law. Cambridge: Cambridge University Press. – 2010. – pp. 1-20. – Mode of access : <https://www.cambridge.org/core/books/abs/vicarious-liability-in-tort/what-is->

vicarious-liability/0A9745E929A46D577EB8A36CE61DF006. –
doi:10.1017/CBO9780511779008.002.

4. Atiyah, P. S. An Introduction to the Law of Contract Clarendon law series, 5. – Clarendon Press, 1995. – 479 p.

5. Dal Pont, G. E. Law of Agency. - LexisNexis Butterworths, 2013. – 711 p.

6. Peter Watts, Reynolds, F.M.B. Bowstead and Reynolds on Agency. - Twenty-first edition. - Thomson Reuters, trading as Sweet & Maxwell. – 2018. – 812 p.

7. Scott v Davis [2000] HCA 52; 204 CLR 333; 175 ALR 217; 74 ALJR 1410 (5 October 2000) [Electronic resource] : High Court of Australia. 5th October, 2000. - Mode of access : Scott v Davis [2000] HCA 52; 204 CLR 333; 175 ALR 217; 74 ALJR 1410 (5 October 2000) (austlii.edu.au).

8. Hollis v Vabu Pty Ltd [2001] HCA 44; 207 CLR 21; 75 ALJR 1356; 106 IR 80; 181 ALR 263 (9 August 2001) [Electronic resource] : High Court of Australia. 5th October, 2000. - Mode of access : <http://classic.austlii.edu.au/au/cases/cth/HCA/2001/44.html>.

9. Launchbury v Morgans [1972] UKHL 5 (09 May 1972) [Electronic resource] : United Kingdom House of Lords Decisions. - Mode of access : Launchbury v Morgans [1972] UKHL 5 (09 May 1972) (bailii.org).

НУЖЕН ЛИ ЗАКОН О НАЦИОНАЛИЗАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ?

В. Д. Мазаев

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», 109028, г. Москва, Покровский бульвар, 11
vmazaev9@mail.ru*

В Российской Федерации предусмотрен, но до сих пор не принят закон о национализации. В статье обосновываются причины его принятия, в том числе, фактически сложившиеся реальные общественные отношения в этой сфере, требование конкретизации конституционных гарантий права собственности, необходимость большей правовой определенности в решении этих вопросов. Также предлагаются некоторые положения для разработки концепции закона о национализации.

Ключевые слова: национализация, экономическая модель, конституция, право собственности.

Необходимость принятия закона. Потребность в принятии Закона о национализации назрела давно. Она обуславливается рядом причин. Во-первых, российская конституционная модель экономики закрепляет, прежде всего, рыночные принципы экономического развития (признание и правовая защита различных форм собственности, свобода экономической деятельности, защита здоровой конкуренции и др.), социально-экономические права граждан, принцип социального государства, публично-правовые институты регулирования экономической деятельности, компетенцию уполномоченных органов по управлению экономикой. Гарантия защиты права собственности является важнейшим элементом этой конституционной модели. В п. 3 ст. 35 Конституции РФ закрепляется, что «никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения». Содержание этой конституционной гарантии в законодательстве обеспечено не полностью. Одно из оснований принудительного отчуждения частной собственности закреплено в ч. 2 ст. 235 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), в которой под национализацией понимается возмездное обращение в государственную собственность имущества, находящегося в собственности граждан и юридических лиц. В данной статье предусматривается принятие специального закона о национализации. В Республике Беларусь в ст. 44 Конституции Республики Беларусь закрепляется возможность и гарантии от произвольного и несправедливого отчуждения частного имущества, а в ст. 245 Гражданского кодекса Республики Беларусь закрепляется понятие национализации как «Обращение имущества, находящегося в собственности граждан и юридических лиц, в государственную собственность путем его национализации допускается только на основании принятого в соответствии с Конституцией закона о порядке и условиях национализации этого имущества и со своевременной и полной компенсацией лицу, имущество которого национализировано, стоимости этого имущества и других убытков, причиняемых его изъятием. Во-вторых, правовой институт национализации в форме специального закона должен конкретизировать конституционную гарантию защиты права

частной собственности. В-третьих, конституционная природа национализации, ее политико-экономическая сущность состоит в преобладании общественного, публичного интереса над частным в случаях необходимости решения задач общественного блага, обеспечения государственных нужд. Национализация может использоваться для перераспределения собственности для стабилизации экономического развития, для поддержки отдельных отраслей производства, социальной устойчивости и т.д. В-четвертых, в условиях реальной экономической войны против России используются различные методы давления, в том числе, аресты счетов и активов, имущества, угрозы применения актов национализации (в том числе, в форме экспроприации). Для защиты экономических интересов государства, а также частных лиц – граждан России от недружественных действий иностранных органов государственной власти необходимо применение аналогичных правовых институтов, установление адекватных механизмов законного лишения права собственности недружественных иностранных государств и их граждан. В-пятых, национализация в условиях рыночной экономики является существенной правовой гарантией прав собственников в отношениях с государством от необоснованных притязаний и несправедливой компенсации за потерю имущества. В-шестых, в России имеются как фактические общественные отношения, так и определенная нормативная база в сфере национализации. Так, российский законодатель закрепил родственные для национализации разновидности отчуждения имущества для государственных нужд – выкуп земельного участка для государственных и муниципальных нужд (ст. 279 ГК РФ), отчуждение недвижимого имущества в связи с изъятием участка (ст. 239 ГК РФ). В целях реализации крупных федеральных проектов в России пошли по пути принятия законов, упрощающих процедуру и условия изъятия частной собственности в собственность государства, например, Федеральный закон от 07 июня 2013 г. № 108-ФЗ «О подготовке и проведении в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка конфедераций FIFA 2017 года».

В-седьмых, в России имеются закон и нормативно-правовой акт о национализации имущества, но они приняты новыми субъектами России в рамках переходного периода имплементации правовых систем Республики Крым и г. Севастополя в правовую систему Российской Федерации. Конституционность их полномочий на урегулирование вопросов национализации в переходный период подтвердил Конституционный Суд

РФ в своем постановлении от 7 ноября 2017 г. № 26-П по делу о проверке конституционности положений абзаца первого ч. 2 ст. 2, абзаца третьего ч. 1 и ч. 3 ст. 2-1 Закона Республики Крым «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым». Данная ситуация (принятие нормативных актов по вопросам национализации субъектами Федерации) была не бесспорная, т.к. полномочия по гражданскому законодательству отнесены ст. 71 Конституции РФ к исключительному ведению Федерации. Та же проблема может возникнуть у только что вошедших в состав России субъектов (ДНР, ЛНР, Херсонская, Запорожская области). В это связи тем более актуальным является вопрос о принятии базового федерального закона о национализации.

Таким образом, в России имеются все формальные и фактические показатели необходимости принятия закона о национализации. В Государственной Думе ФС РФ за 25 лет не раз были попытки принять закон о национализации. По всей видимости, парламентарии не смогли преодолеть так называемые конституционные страхи, связанные с прошлыми образами советской экспроприации. Кстати, белорусские парламентарии также озадачены этой проблемой.

Некоторые условия принятия закона.

1. Разработка и уточнение понятийного ряда. Некое политическое сдерживание принятия закона о национализации обусловило отставание доктринальной разработки понятия «национализации». На сегодняшний день оно не имеет достаточно конкретного правового содержания, не разработаны ее признаки, нет ясного представления о ее основаниях и процедуре. Например, каковы цели и пределы национализации, что подразумевается под национализируемым имуществом, кто и в какой форме принимает решения о национализации?

2. Использование национализации как исключительного способа отчуждения имущества у частных лиц. На этот способ в полной мере должны распространяться конституционные условия ст. 35 Конституции РФ: 1) только на основании закона; 2) только на условиях предварительного и равноценного возмещения стоимости и убытков этого отчуждения; 3) только при участии суда. Стоит заметить, что в США нет закона о национализации, но решения об отчуждении частной собственности в пользу публичных интересов смело осуществляют суды общей юрисдикции .

3. В концепции проекта закона о национализации должны быть предусмотрены следующие реперные точки: а) сутью конституционной национализации должен быть определенный компромисс между потребностями государства и частным интересом; б) в качестве приоритетных оснований национализации должны закрепляться не только государственные нужды, но общественное благо, общественные интересы (тем более, что в новых поправках к Конституции РФ закрепили понятие экономической солидарности); в) закон о национализации должен представлять федеральный рамочный закон общего характера (принципы, критерии, уполномоченные органы, этапы, прав участников и др.), а каждый акт национализации оформляться специальным федеральным законом; г) законодательное закрепление критериев справедливого возмещения и возможности обжаловать решения исполнительных органов по условиям и порядку национализации; д) решение вопроса о наделении субъектов Федерации правом на национализацию (установление пределов и критериев).

Выводы:

Актуальность принятия закона о национализации возросла с учетом сегодняшней геополитической ситуации. Нужно преодолеть политические страхи и принять такой закон. В качестве позитивных результатов принятие этого акта удовлетворит потребности: 1) в более гибкой экономической политике особенно в условиях экономической войны; 2) урегулирования уже имеющихся общественных отношений в этой сфере; 3) формального требования ст. 35 Конституции РФ и ГК РФ; 4) повышения защиты интересов частных собственников в случаях реализации общественных потребностей за счет их имущества.

Список использованных источников

1. Мазаев, В. Д. Национализация в экономической политике субъектов Российской Федерации (конституционно-правовой аспект) / В. Д. Мазаев // Журнал российского права. – 2020. – № 1. С. 22–32.
2. Бондаренко, Н. Л. Традиционные и новые формы экспроприации собственности в Республики Беларусь / Н. Л. Бондаренко // Предпринимательское право. – 2014. – № 1. – С. 63–69.
3. Коновалов, А. И. Национализация имущества. Проблемы правового регулирования : монография / А. И. Коновалов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2012. – 176 с.

4. Сырунина, Т. Конституционные гарантии права собственности при изъятии имущества для публичных нужд: экономический анализ (на примере судебной практики США) / Т. Сырунина // Сравнительное конституционное обозрение. – 2009. – № 5. – С. 29–31.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТРОИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Е. В. Максименко

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
MAKSIMENKA@bsu.by*

В статье рассмотрены особенности правового регулирования строительной деятельности в современных условиях фундаментальных технологических изменений и новых требований к строительным объектам и строительству. Обозначены основные аспекты влияния государства на развитие строительной отрасли, отмечается необходимость эффективного соотношения публично-правового и частноправового в нормах, касающихся строительной деятельности в современных условиях. Рассматривается повышение эффективности регулирования договорных отношений в области строительства.

Ключевые слова: строительная деятельность, правовое регулирование, технологическое развитие.

В настоящее время развитие общественных отношений обусловлено фундаментальными технологическими изменениями, связанными с инновационным развитием, повышением роли человеческого капитала, усилением глобальной конкуренции, что определяет необходимость соответствующего развития законодательства.

Эти процессы непосредственно затрагивают сферу строительства. Использование биотехнологий, информатики, нано-технологий, новые подходы к ресурсосбережению и альтернативной энергетике создают вызовы для строительной отрасли, а изменяющиеся технологические условия определяют задачи для правового регулирования.

Строительство во все времена было трудоемким и сложным производственным процессом, который имеет множество проблем, в том числе при взаимодействии его участников: инвесторов, заказчиков, строителей, проектировщиков, контрольно-надзорных органов и других.

Состояние строительной отрасли непосредственно влияет на развитие всех других экономических отраслей, а также на жизнь населения, поэтому сложно найти аналогичную сферу с таким уровнем государственного контроля и таким значительным количеством регулирующих актов.

Государственное воздействие и контроль обусловлены как опасностью самого процесса строительства и потенциальными угрозами для конечных потребителей, так и вопросами, связанными с оборотом земли, архитектурной и функциональной целостностью городской среды. Государство в процессе регулирования строительства должно обеспечивать как общественные, так и индивидуальные интересы.

На эффективность функционирования организаций строительного комплекса государство воздействует через административные и экономические методы регулирования. К числу административных методов можно отнести разработку и реализацию нормативных правовых актов, которые способствуют развитию отрасли, контроль со стороны государства за соблюдением обязательных правил и др. Экономическими методами регулирования являются налоговая, финансовая, инвестиционная, таможенная политики и др.

Строительство имеет особое социальное значение, поскольку должно обеспечить благоприятные условия проживания и безопасную среду жизнедеятельности людей, поэтому его участники должны руководствоваться не только целью извлечения прибыли в своих интересах, но и достижением определенного общественного результата.

Современный этап развития общества характеризуется увеличением требований, предъявляемых к создаваемым объектам строительства. Помимо надежности и долговечности актуальными являются обеспечение комфорта, эффективное потребление ресурсов (экологичность), охрана природы и техническая безопасность.

В этой связи строительная отрасль должна ориентироваться на экологические аспекты и охрану природы. Соответственно, технологии проектирования и строительства должны основываться на более экологических инструментах, оказывающих меньшее воздействие на окружающую среду за счет эффективного энергопотребления и положительно влияющих на здоровье населения, поскольку многие страны

на законодательном уровне принимают соответствующие нормативные правовые акты в данном направлении.

Современное строительство ставит перед застройщиками задачу возвести объект в сжатые сроки, сохранив экосистему вокруг него.

Практика современного градостроительства экономически развитых стран, столкнувшихся с недостаточностью учета исключительно производственных аспектов при планировании использования городских земель, основывается на повышении роли природоресурсных, экологических и социальных факторов в жизни современного города, их приоритете над интересами промышленности [1].

Строительная отрасль на современном этапе должна быть конкурентоспособной, создающей безопасную и комфортную среду для человека, соответствующей стандартам качества и эффективности.

Сложность строительной деятельности определяет и сложность ее правового регулирования, которое зависит не только от вида возводимого объекта и его масштаба, но и от этапа строительной деятельности. Таких этапов в строительстве достаточно. Это проектирование, получение разрешительной документации, оформление земельных правоотношений, осуществление инженерных изысканий, строительных работ, сдачи-приемки и ввода возведенного объекта в эксплуатацию. Каждый из этапов строительной деятельности регламентируется рядом нормативных актов, которые имеют определенную специфику. Кроме того, строительное законодательство регулирует деятельность всех участников строительного процесса: инвесторов, заказчиков, проектировщиков, самих строителей – подрядчиков и субподрядчиков.

В строительном законодательстве присутствует большой объем нормативного материала, в котором правовые нормы находятся в тесном взаимодействии с нормами технического характера.

В строительной деятельности правовые нормы регулируют отношения как с юридически равными субъектами, так и управленческие отношения, в которых отсутствует равенство. Правовое регулирование строительной деятельности в той или иной форме осуществляется нормами различных отраслей частного и публичного права, с существенным преобладанием норм публичного права. Акты законодательства, регламентирующие сферу строительства по своей юридической природе представляют единый комплекс, объединенный прочными межотраслевыми связями. Эта сфера регламентирована

гражданским, административным, финансовым, валютным, налоговым законодательством.

В данной сфере эффективность правового регулирования определяется достижением баланса публично-правового и частноправового регулирования в целях защиты конституционных прав субъектов строительной деятельности на осуществление предпринимательской деятельности, охраны жизни и здоровья граждан, а также прав и законных интересов других лиц. [2].

Таким образом, законодательство о строительной деятельности носит комплексный характер, так как деятельность в указанной сфере порождает не только гражданско-правовые, но и административно-правовые отношения. Наличие в данной сфере множества актов требует выработки единых правил, регулирующих различные аспекты строительной деятельности.

Публично-правовые механизмы должны учитывать интересы организаций строительного комплекса, но в рамках политики государства и общества. Задачей государства является обеспечение комфортной для развития среды с ответственностью его участников.

Исследование теоретических и практических проблем правового регулирования строительной деятельности, прежде всего, обуславливается необходимостью обеспечения гармонизации частных и публичных интересов ее участников [1].

Правовой статус участников строительства определяется по двум направлениям правового регулирования. Во-первых, он установлен едиными правовыми нормами и представляет собой единый правовой статус для инвесторов, заказчиков и подрядчиков, во-вторых, он определяется индивидуально для участников условиями конкретных договоров.

В этой связи, одним из направлений совершенствования правового регулирования отношений в строительной сфере представляется создание удобных и гибких договорно-правовых средств обеспечения взаимодействия субъектов.

Конструкции гражданско-правовых договоров строительного подряда и иных связанных с ним договоров содержат наиболее общие алгоритмы решения задач в строительной деятельности, не предусматривают правовых форм для регулирования отношений при существенных изменениях обстоятельств, вызванных глобальными событиями, не отражают многообразия инвестиционных схем в

строительстве, не содержат сбалансированный механизм поддержания интересов заказчика, подрядчика и иных субъектов длительного жизненного цикла строительного проекта [3].

Как отмечает Е.Б.Козлова, исследование и концептуальная систематизация договорных форм, опосредующих процесс создания недвижимого имущества, и влияние такой систематизации на систему гражданско-правовых договоров в целом в современных условиях приобретает особую значимость [4, с. 5].

Одним из способов повышения эффективности гражданско-правового договорного регулирования отношений в области строительства выступает применение типовых договорных конструкций. Примером применения в предпринимательской практике типовых договорных конструкций могут являться международные типовые контракты Международной федерации инженеров-консультантов (FIDIC). Типовые контракты FIDIC представляют собой результат обобщения и систематизации многолетнего опыта правоотношений в строительстве, отражают практически весь спектр договорных конструкций, затрагивая вопросы, которые могут возникнуть в процессе строительства. FIDIC не только обобщает лучший опыт, проверенный на практике большого числа строительных проектов по всему миру, но и следит за тенденциями и событиями в отрасли.

В современных условиях активное применение BIM-моделирования позволяет сократить срок и стоимость строительных проектов, повысить точность принимаемых решений, тем самым обеспечив инвестиционную привлекательность строительной отрасли. Одновременно для участников проекта возникает необходимость договорного оформления отношений сторон при использовании технологии BIM-моделирования и урегулирования юридических вопросов, связанных с распределением проектных рисков. В этой связи необходимость значительной проработки регламентации BIM в заключаемых договорах и строительном законодательстве приобретает особую значимость и актуальность.

Основной задачей правового регулирования строительства всегда являлось создание норм, обеспечивающих безопасность и качество строительства, однако на современном этапе особую актуальность приобретает формирование оптимальной стоимости проектов.

Совершенствование правового регулирования строительной деятельности в современных условиях представляет собой создание комплекса правовых инструментов, в котором задачей государства будет

являться обеспечение правовых и экономических стимулов для субъектов строительных отношений с долей ограничений, позволяющей гарантировать безопасность и качество строительства и расширение механизма договорных возможностей участников строительной деятельности, позволяющего обеспечить их интересы.

Список использованных источников

1. Аракельян, Н. В. Правовое регулирование градостроительной деятельности : гражданско-правовой аспект : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.03 / Н. В. Аракельян. – Краснодар, 2010. – 199 л.
2. Фархутдинов, Р. Д. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в строительстве и его эффективность в условиях саморегулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Р. Д. Фархутдинов. – М., 2013. – 29 с.
3. Ялилов, А. Д. Гражданско-правовые договоры как регуляторы отношений в области строительства / А. Д. Ялилов // Вестник экономики, права и социологии. – 2022. – № 1. – С.112-117.
4. Козлова, Е. Б. Развитие системы договорных моделей, опосредующих создание объектов недвижимого имущества в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Е. Б. Козлова. – М., 2014. – 42 с.

О ПРОБЛЕМАХ УПРАВЛЕНИЯ АКЦИЯМИ БАНКОВ, ПРИНАДЛЕЖАЩИХ ГОСУДАРСТВУ

А. Е. Мандрик

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220006,
г. Минск, Беларусь, annamatus@mail.ru*

Проблемы управления акциями банков, принадлежащих государству, недостаточно изучены в Республике Беларусь. Автором проведено исследование о порядке перечисления банками в бюджет части прибыли (дохода), осуществления деятельности по изменению категорий акций, и в результате выработаны предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: акционерное общество, банк, акционеры, акции, дивиденды.

Банковский кодекс Республики Беларусь (далее – БК) определил, что банк создается в форме акционерного общества в порядке, установленном БК и иным законодательством Республики Беларусь, и должен иметь не менее двух учредителей. Акционерами банка могут являться физические и юридические лица, Республика Беларусь и административно-территориальные единицы.

Стоит отметить, что банковским законодательством установлено, что учредители, акционеры и иные бенефициарные собственники банка (за исключением государственных органов, юридических лиц и граждан, выступающих от имени Республики Беларусь или ее административно-территориальных единиц), которые владеют или будут владеть акциями банка в размере, равном либо превышающем пять процентов, должны соответствовать требованиям, установленным Инструкцией о государственной регистрации банков и небанковских кредитно-финансовых организаций и лицензировании банковской деятельности, утвержденной постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 7 декабря 2012 г. № 640.

Государство, как указано выше, может выступать в роли частноправового субъекта в отношениях с банками, являясь их акционерами. Однако Республика Беларусь в первую очередь является публично-правовым образованием.

В статье 71 Закона Республики Беларусь от 9 декабря 1992 г. № 2020-XII «О хозяйственных обществах» (далее – Закон о хозобществах) определено, что акционеры – владельцы простых (обыкновенных) акций имеют право на получение части прибыли акционерного общества в виде дивидендов. Акционеры – владельцы привилегированных акций имеют право на получение части прибыли акционерного общества в виде фиксированных размеров дивидендов в срок, определенный уставом акционерного общества для выплаты дивидендов по привилегированным акциям.

Государство являясь акционером обладает той же совокупностью имущественных и неимущественных прав, обязанностей и иных элементов правового статуса, как и иные акционеры. Однако государство как публичное образование может иметь особый интерес, не совпадающий с интересами отдельных акционеров.

В силу своего публично-правового статуса государство принимает нормативные правовые акты. Так, в целях реализации наиболее важных

экономических и социальных проектов государства издан Указ Президента Республики Беларусь от 28 декабря 2005 г. № 637 «О порядке исчисления в бюджет части прибыли государственных унитарных предприятий, государственных объединений, являющихся коммерческими организациями, а также доходов от находящихся в республиканской и коммунальной собственности акций (долей в уставных фондах) хозяйственных обществ и об образовании государственного целевого бюджетного фонда национального развития» (далее – Указ № 637).

Данным Указом определён порядок уплаты платежей:

в республиканский бюджет, бюджеты первичного, базового и областного уровней (далее – бюджет) часть прибыли (дохода) хозяйственными обществами, в отношении которых Республика Беларусь и (или) административно-территориальная единица, обладающая акциями (долями в уставных фондах) или иным, не противоречащим законодательству образом, может определять решения, принимаемые этими хозяйственными обществами (далее, если не определено иное, – хозяйственные общества), за исключением случаев, установленных законодательными актами;

Национальному банку часть прибыли, начисленную в порядке ее распределения на акции Национального банка в уставном фонде этих хозяйственных обществ;

в государственный целевой бюджетный фонд национального развития.

Следует отметить, что законодатель не определил какие хозяйственные общества следует относить к «хозяйственным обществам в отношении которых Республика Беларусь и (или) административно-территориальная единица, обладающая акциями (долями в уставных фондах) может определять решения, принимаемые этими хозяйственными обществами».

Статья 79 Закона о хозобществах установила, что к исключительной компетенции общего собрания акционеров кроме вопросов, отнесенных частью первой статьи 34 указанного Закона и уставом акционерного общества к исключительной компетенции общего собрания участников хозяйственного общества, относятся принятие и утверждение решения об объявлении и выплате дивидендов за первый квартал, полугодие и девять месяцев на основании данных его промежуточной бухгалтерской (финансовой) отчетности, а по результатам года – на основании данных годовой бухгалтерской (финансовой) отчетности.

В соответствии с частью второй статьи 45 Закона о хозяйственных обществах решения общего собрания участников хозяйственного общества принимаются простым большинством голосов (более пятидесяти процентов) лиц, принявших участие в этом собрании, за исключением случаев, предусмотренных указанным Законом и уставом хозяйственного общества, когда для принятия решений по отдельным вопросам требуется квалифицированное большинство от числа голосов указанных лиц или от общего количества голосов участников хозяйственного общества либо когда решение указанными лицами или всеми участниками хозяйственного общества принимается единогласно.

Принимая во внимание указанные выше нормы под «хозяйственными обществами в отношении которых Республика Беларусь и (или) административно-территориальная единица, обладающая акциями (долями в уставных фондах) может определять решения, принимаемые этими хозяйственными обществами» следует рассматривать хозяйственные общества, в уставных фондах которых более 50% простых (обыкновенных) акций (долей) находятся в собственности Республики Беларусь и (или) ее административно-территориальных единиц.

Соответственно, банки у которых в собственности государства находится 50% и более акций уставного фонда, производят перечисления части прибыли (дохода) в бюджет или Национальному банку.

В этой связи в целях формирования единообразной практики предлагаем дополнить подпункт 1.1 пункта 1 Указа № 637 частью второй следующего содержания:

«Хозяйственными обществами в отношении которых Республика Беларусь и (или) административно-территориальная единица, обладающая акциями (долями в уставных фондах) может определять решения, принимаемые этими хозяйственными обществами следует понимать хозяйственные общества, в уставных фондах которых более 50 процентов акций (долей) находятся в собственности Республики Беларусь и (или) ее административно-территориальных единиц.»

Подпунктом 1.2 пункта 1 Указа № 637 указано, что часть прибыли (дохода), подлежащая перечислению в бюджет хозяйственными обществами исчисляется от разницы между прибылью, полученной от осуществления всех видов деятельности, включая разницу между иными доходами и расходами, и суммой, указанной в данном подпункте.

Банки перечисляют в бюджет часть прибыли (дохода) в размере двадцати процентов. При этом указанная часть прибыли (дохода) является

минимальной обязательной частью дивидендов на доли Республики Беларусь и административно-территориальных единиц в уставных фондах хозяйственных обществ.

Стоит обратить внимание, что Указ № 637 возложил обязанность на акционерные общества выплачивать дивиденды государству, а также определил минимальный размер дивидендов, приходящихся на долю государства. Однако возникает вопрос в отношении иных акционеров, подлежат ли выплаты дивидендов иным акционерам?

Согласно статье 72 Закона о хозобществах акционерное общество вправе между акционерами – владельцами простых (обыкновенных) акций, а между акционерами – владельцами привилегированных акций обязано распределять часть прибыли, остающейся в его распоряжении после уплаты налогов и иных обязательных платежей, посредством выплаты дивидендов, за исключением случаев, установленных частью статьи 72 указанного Закона.

Также согласно части второй пункта 29 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 31 октября 2011 г. № 20 «О некоторых вопросах рассмотрения дел с участием коммерческих организаций и их учредителей (участников)» при отсутствии решения общего собрания акционеров (участников ООО (ОДО) об объявлении и выплате дивидендов (о распределении прибыли и ее выплате) оснований для их выплаты, требования их выплаты, удовлетворения иска о взыскании дивидендов (прибыли) не имеется.

Законодатель определил, что акционерные общества, в частности банки с долей государства в уставном фонде более 50 % обязаны перечислять часть прибыли в бюджет или Национальному банку, за исключением случаев, установленных частью статьи 72 Закона о хозобществах, однако корреспондирующая обязанность направления части прибыли на выплату дивидендов по простым (обыкновенным акциям) отсутствует. При этом, как правило, владельцами простых (обыкновенных) акций в банке с долей государства в уставном фонде являются физические лица. Полагаем, что такой подход ставит в неравное положение акционеров при реализации ими права на участие в распределении прибыли.

В этой связи в целях недопустимости нарушения прав акционеров на участие в распределении прибыли и повышении доверия к государству, а также для установления единообразия в правоприменительной практике

предлагаем дополнить подпункт 1.1 пункта 1 Указа № 637 частью третьей следующего содержания:

«Хозяйственные общества обязаны распределять часть прибыли (дохода), посредством выплаты дивидендов, между акционерами – владельцами простых (обыкновенных) акций;».

По общему правилу в силу статьи 70 Закона о хозобществах акционерное общество вправе эмитировать акции двух категорий: простые (обыкновенные) и привилегированные. При этом объем прав на участие в управлении банком и гарантией получения части прибыли отличается в зависимости от категорий акций, принадлежащих акционеру.

Доля привилегированных акций всех типов в общем объеме уставного фонда акционерного общества не должна превышать двадцати пяти процентов.

Однако в деятельности банков возникает ситуация, когда изменяется категория выпущенных акций. Изменение категории акций предполагает, что вместо акций одной категории на счета «депо» зачисляются дополнительно зарегистрированные акции другой категории с другим государственным регистрационным номером. Иными словами, происходит обмен одних акций с одной категорией (которые в последующем аннулируются) на акции другой категории (которые для этого регистрируются). Акционер вместо одних акций получает другие акции, в которых меняется только категория.

В Инструкции о некоторых вопросах эмиссии и государственной регистрации эмиссионных ценных бумаг, утвержденная постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 31 августа 2016 г. № 78, определено, что изменения в Государственный реестр ценных бумаг осуществляются путем внесения в него соответствующих сведений в случае, в том числе, изменения категории акций. Внесение изменений в Государственный реестр ценных бумаг в случае изменения категории акций осуществляется после внесения эмитентом изменений в устав и их государственной регистрации.

Вместе с тем требований к порядку осуществления деятельности по изменению категории акций в указанном выше акте или ином нормативном правовом акте не определено. Кроме того, в законодательстве не определено, необходимо ли обязательно получать согласие акционера на изменение категории его акций. Следует отметить, что отдельные банки применяя процедуру изменения категории акций, определяют ее порядок уставом и локальным правовым актом.

В этой связи в целях устранения имеющего пробела в правовом регулировании, а также в целях обеспечения полноты правового регулирования указанных выше общественных отношений полагаем необходимым внести изменения в Инструкцию о некоторых вопросах эмиссии и государственной регистрации эмиссионных ценных бумаг, утвержденную постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 31 августа 2016 г. № 78, предусмотрев соответствующий порядок изменения категорий акций.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГЛИРОВАНИИ БИЗНЕС-ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В. В. Манкевич

*Институт бизнеса Белорусского государственного университета,
ул. Обойная, 7, 220004, г. Минск, Беларусь, mankevich@sbmt.by*

И. П. Манкевич

*Белорусский государственный экономический университет,
пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь, unibel@mail.ru*

Проанализированы правовые основы бизнес-образования и особенности правового статуса бизнес-школы в системе образования Республики Беларусь.

Ключевые слова: образование, бизнес-образование, бизнес-школа, правовое регулирование

Развитие инновационной экономики, высокая конкуренция на внутреннем и международном рынке, новая цифровая реальность формируют ситуацию, в которой коммерческого успеха могут достичь компании, обладающие конкурентными преимуществами. Важным фактором при этом становится уровень высшего профессионального образования, которое должно гибко реагировать на запросы экономики и соответствовать ее требованиям. Особую актуальность приобретает бизнес-образование, являющееся инновационным способом подготовки специалистов и ориентированное на получение теоретических знаний и практических навыков, необходимых для работы в сфере бизнеса.

Бизнес-образование, занимая важное место в системе непрерывного образования, в широком смысле рассматривается как «любые формы профессионального образования в области менеджмента, финансов, маркетинга, логистики, управления человеческими ресурсами и в других областях бизнеса, подготавливающие специалистов для участия в управлении и ведения других специализированных функций в хозяйствующих организациях, которые действуют в условиях рынка и ставят своей главной целью получение прибыли, а также положительного социального эффекта» [1, с. 23]. Бизнес-образование действует по трем направлениям: передача знаний; выработка умений (навыков); формирование личностных качеств, жизненной позиции и мировоззрения у обучающегося [2].

В Республике Беларусь формируются правовые основы бизнес-образования [3, с. 581]. Так, Концепция развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 ноября 2021 г. № 683 (далее – Концепция), определяет систему образования важнейшим институтом развития инновационной экономики, основой построения которой являются высококвалифицированные кадры в различных сферах и отраслях экономики. Рассматривая бизнес-образование как важное конкурентное преимущество учреждений образования, Концепция определяет его как «обучение, направленное на усвоение знаний, умений и навыков, необходимых для выполнения функций управления в коммерческих организациях».

Кодекс Республики Беларусь об Образовании в редакции Закона Республики Беларусь от 14 января 2022 г. № 154-З (далее – Кодекс) формирует новые направления построения эффективной системы бизнес-образования, одним из важнейших субъектов которого являются бизнес-школы.

Впервые определение понятия «бизнес-школа» было дано в Концепции формирования и развития системы бизнес-образования в Республике Беларусь, утвержденной Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 августа 2015 г. № 734, согласно которой «бизнес-школа – коммерческая организация, осуществляющая реализацию образовательных программ повышения квалификации руководящих работников и специалистов по направлению образования «Управление»». Кодекс закрепляет понятие «бизнес-школа» в п. 3 ст. 252. Однако, бизнес-школа в Кодексе не регламентируется в качестве самостоятельного вида

учреждения образования, как например, школа, академия, институт или университет. Бизнес-школы Кодекс соотносит с «иными организациями, которым в соответствии с законодательством предоставлено право осуществлять образовательную деятельность». Это своеобразный правовой статус, которым могут быть наделены организации, осуществляющие образовательную деятельность, но не относящиеся к учреждениям образования.

Виды образовательных программ, которые вправе осуществлять иные организации, осуществляющие образовательную деятельность, ограничены только программами дополнительного образования взрослых. В частности, это программы повышения квалификации, стажировки и специальной подготовки руководящих работников и специалистов, программы профессиональной подготовки и переподготовки рабочих (служащих) и ряд других образовательных программ. При этом следует заметить, что иные организации, осуществляющие образовательную деятельность, по общему правилу не наделены правом осуществлять программы переподготовки руководящих работников и специалистов, имеющих высшее образование, что следует из п. 1 ст. 252 Кодекса.

Правовые положения п. 3 ст. 252 Кодекса находят конкретизацию в Постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 30 августа 2022 г. № 559 «О предоставлении статуса бизнес-школы» (далее – Постановление № 559), утвердившем Положение о порядке и условиях предоставления статуса бизнес-школы иным организациям, которым в соответствии с законодательством предоставлено право осуществлять образовательную деятельность, из числа коммерческих организаций. При этом, предоставление статуса бизнес-школы коммерческим организациям осуществляется на основании заявления, поданного в Министерство экономики, по установленной форме, при соответствии коммерческой организации ряду обязательных условий:

- осуществление образовательной деятельности на день подачи заявления;

- наличие практического опыта в реализации образовательной программы обучающих курсов (проведение лекториев, тематических семинаров, практикумов, тренингов, офицерских курсов и иных видов обучающих курсов) по вопросу об организации и управлении бизнесом не менее двух лет;

- наличие практического опыта в реализации образовательной программы повышения квалификации руководящих работников

и специалистов по профилю образования «Бизнес, управление и право», направлению образования «Бизнес и управление» не менее одного года;

– наличие рекомендации одной из профессиональных ассоциаций участников рынка бизнес-образования, члены которой входят в состав Республиканского совета по развитию системы бизнес-образования, созданного в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 15 июня 2017 г. № 456 «О Республиканском совете по развитию системы бизнес-образования», о целесообразности предоставления коммерческой организации статуса бизнес-школы.

Дискуссионным положением Постановления № 559 является, на наш взгляд, требование к организации, претендующей на получение статуса бизнес-школы, о получении рекомендации одной из профессиональных ассоциаций участников рынка бизнес-образования «о целесообразности предоставления коммерческой организации статуса бизнес-школы». Условие «целесообразности» в значительной степени «размывает» правовые основы создания бизнес-школ, поскольку носит оценочный характер, базирующийся в большей степени на субъективном мнении оценивающего. Критерии оценки целесообразности неопределенны, и они в меньшей мере имеют правовую основу, что порождает риски необоснованного отказа в предоставлении организации статуса бизнес-школы при полном соответствии иным правовым требованиям, которые могут быть объективно определены (в частности, реализация образовательных программ не менее одного года). Условие целесообразности раскрывает широкие возможности для дискреции уполномоченных субъектов и структур в принятии решения о предоставлении статуса бизнес-школы, а также может порождать коррупционные риски.

Представляет также интерес п. 10 Постановления № 559, в соответствии с которым «после получения свидетельства (бизнес-школы) коммерческая организация вправе обратиться в установленном законодательством об образовании порядке для открытия подготовки по специальности и получения специального разрешения (лицензии) на право осуществления образовательной деятельности по реализации образовательной программы переподготовки руководящих работников и специалистов, имеющих высшее образование, направленной на формирование знаний, умений, навыков и компетенций, необходимых для выполнения функций управления в коммерческих организациях».

С одной стороны, лицензирование деятельности обосновано повышенным уровнем требований к организации образовательного процесса по программам переподготовки руководящих работников и специалистов, имеющих высшее образование. Однако, норма п. 10 Постановления № 559 устанавливает «право, но не обязанность» организации, наделенной статусом бизнес-школы на получение лицензии. Следует заметить, что в данном вопросе Постановление № 559 расширительно трактует положения п. 3 ст. 252 Кодекса, в котором прямо закреплено, что право на реализацию программы переподготовки предоставляется с момента наделения организации статусом бизнес-школы, а не с получением в установленном порядке лицензии. Законодательные требования по лицензированию образовательной деятельности установлены Главой 33 Положения о лицензировании отдельных видов деятельности, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 01 сентября 2010 г. № 450, и они едины для любой организации, претендующей на данный вид деятельности.

Наряду с требованиями лицензирования остается открытым вопрос о необходимости государственной аккредитации бизнес-школ по реализуемой специальности переподготовки, дающей право на выдачу документа об образовании государственного образца (п. 4 ст. 28 Кодекса). Действующее законодательство об образовании не предусматривает особого порядка государственной аккредитации бизнес-школ, не заменяет данный порядок и наделение организации статусом бизнес-школы.

Таким образом, анализ положений п. 3 ст. 252 Кодекса, Постановления № 559 и иных нормативных правовых актов в сфере образования свидетельствует о неполном правовом регулировании отношений по предоставлению организациям статуса бизнес-школы, а также об отсутствии однозначного понимания тех особенностей и преимуществ, которые приобретет организация, наделяемая статусом бизнес-школы в сфере реализации образовательных программ (программы переподготовки руководящих работников и специалистов, имеющих высшее образование, направленной на формирование знаний, умений, навыков и компетенций, необходимых для выполнения функций управления в коммерческих организациях, а также образовательных программ повышения квалификации руководящих работников и специалистов по профилю образования «Бизнес, управление и право», направлению образования «Бизнес и управление»).

Список использованных источников

1. Анисимова, С. В. Бизнес-школа как предпринимательская структура в системе профессионального образования России / С. В. Анисимова // Проблемы экономики и юридической практики. – 2017. – № 2. – С. 22–25.
2. Викеев, С. В. Перспективы развития рынка бизнес-образования / С. В. Викеев // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – Москва, 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/perspektivy-razvitiya-rynka-biznes-obrazovaniya> (дата обращения 31.10.2022).
3. Манкевич, И. П. О правовом статусе бизнес-школы в системе образования Республики Беларусь / И. П. Манкевич, В. В. Манкевич // Бизнес. Образование. Экономика : Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 7–8 апр. 2022 г. : сб. ст. / редкол.: В. В. Манкевич [и др.]. – Минск : Институт бизнеса БГУ, 2022. – С. 579–582.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ОТ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ В ЕАЭС

Н. Г. Маскаева

*БИП-Университет права и социально-информационных технологий,
ул. Короля, 3, 220004, г. Минск, Беларусь,
maskayeva_nat@mail.ru*

В современных экономических условиях борьба хозяйствующих субъектов (субъектов рынка) государств-членов ЕАЭС за потребительский спрос все чаще осуществляется с использованием недобросовестных приемов и оказывает или может оказать негативное влияние на конкуренцию на трансграничных рынках на территориях двух и более государств-членов, что свидетельствует об актуальности проблемы повышения эффективности пресечения недобросовестной конкуренции правовыми средствами в рамках данного интеграционного образования. Это не представляется возможным без урегулирования в Договоре о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. вопросов гражданско-правовой защиты от такой недобросовестной конкуренции. В этой связи, а также по результатам анализа законодательства государств-членов ЕАЭС в рассматриваемой сфере предлагается закрепить в Договоре о ЕАЭС

перечень способов данной защиты, условия и порядок их применения. В целях максимального восстановления прав, нарушенных в результате указанной недобросовестной конкуренции, также следует предусмотреть в данном Договоре возможность в случае ее осуществления возмещения убытков, если их размер не может быть установлен с разумной степенью достоверности, и компенсации нематериального вреда, причиненного деловой репутации юридического лица-конкурента.

Ключевые слова: недобросовестная конкуренция, гражданско-правовые способы защиты от недобросовестной конкуренции, общие правила конкуренции, защита конкуренции на трансграничных рынках.

Одним из важнейших принципов функционирования ЕАЭС является соблюдение принципов рыночной экономики и добросовестной конкуренции (ст. 3 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (далее – Договор о ЕАЭС). В настоящее время реализация данного принципа осуществляется в данном интеграционном образовании посредством трех политик:

единой – в отношении защиты конкуренции на трансграничных рынках, отличающейся наличием унифицированного правового регулирования в данной сфере – общих правил конкуренции (ст. 76 Договора о ЕАЭС), Протокол об общих принципах и правилах конкуренции (приложение № 19 к Договору о ЕАЭС);

согласованной – в отношении защиты конкуренции на национальных рынках, характеризующейся закреплением общих принципов и правил конкуренции (ст. 75 – 76 Договора о ЕАЭС), которые могут быть развиты в законодательстве государств-членов;

скоординированной – в отношении действий хозяйствующих субъектов (субъектов рынка) третьих стран, если такие действия могут оказать негативное влияние на состояние конкуренции на товарных рынках государств-членов (п. 4 ст. 74 Договора о ЕАЭС), предполагающей установления общих подходов, в том числе одобренных в органах Союза, и направленность их на достижение целей Союза (п. 1 Консультативного заключения Суда Евразийского экономического союза от 4 апреля 2017 г. [1]).

Понятие недобросовестной конкуренции (подп. 14) п. 2 Протокола об общих принципах и правилах конкуренции) и перечень ее форм (п. 2 ст. 76 Договора о ЕАЭС) применяются в целях реализации **как единой** (пресечение Евразийской экономической комиссией (далее – ЕЭК)

недобросовестной конкуренции, совершаемой хозяйствующими субъектами (субъектами рынка) государств-членов ЕАЭС, а также физическими лицами и некоммерческими организациями государств-членов, не осуществляющими предпринимательскую деятельность, оказывающей или способной оказать негативное влияние на конкуренцию на трансграничных рынках на территориях двух и более государств-членов, за исключением финансовых рынков (далее – недобросовестная конкуренция на трансграничных рынках)), **так и согласованной политики** (пресечение «иной» недобросовестной конкуренции национальными органами государств-членов ЕАЭС). В последнем случае данные понятия и перечень служат в качестве «минимального стандарта»: государства-члены ЕАЭС могут «расширять» в национальном законодательстве данное понятие и перечень для отнесения к недобросовестной конкуренции и, соответственно, пресечения иных действий (бездействия).

Также в рамках первой политики Договором о ЕАЭС закреплены административно-правовые способы пресечения ЕЭК недобросовестной конкуренции на трансграничных рынках (п. 10 – 21 Протокола об общих принципах и правилах конкуренции).

Регулирование вопросов гражданско-правовой защиты недобросовестной конкуренции как на трансграничных, так и на национальных рынках отнесено к компетенции государств-членов ЕАЭС.

На сегодняшний день специальные нормативные правовые акты, регулирующие отношения в сфере конкуренции, включая борьбу с недобросовестной конкуренцией, приняты в Республике Армения (Закон от 6 ноября 2000 г. «О защите экономической конкуренции», далее – Закон РА, Республике Беларусь (Закон от 12 декабря 2013 г. «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции», далее – Закон Республики Беларусь), Кыргызской Республике (Закон от 22 июля 2011 г. «О конкуренции», далее – Закон КР), Российской Федерации (Федеральный закон от 26 июля 2006 г. «О защите конкуренции», далее – Закон РФ). В Республике Казахстан соответствующие аспекты урегулированы в Предпринимательском кодексе от 29 октября 2015 г., далее – Предпринимательский кодекс РК. При этом упомянутые акты законодательства Армении, Казахстана, Кыргызстана и России содержат нормы, напрямую регламентирующие гражданско-правовую защиту от нарушений антимонопольного законодательства, в том числе от недобросовестной конкуренции (ст. 38 Закона РА, подп. 2) п. 2 ст. 226

Предпринимательского кодекса РК, ст. 16 Закона КР, п. 3 ст. 37 Закона РФ). В них упоминается, как правило, лишь возмещение убытков (исключение – п. 3 ст. 37 Закона РФ, позволяющий лицам, права и интересы которых нарушены в результате нарушения антимонопольного законодательства, также обращаться в суды с исками о восстановлении нарушенных прав и возмещении вреда, причиненного имуществу). Закон Республики Беларусь подобных норм не содержит, закрепляя отсылочную норму (ст. 48), согласно которой нарушение антимонопольного законодательства влечет **ответственность** в соответствии с законодательными актами.

На наш взгляд, оба подхода обладают недостатками и создают правовую неопределенность в отношении возможности применения либо иных, помимо упомянутых в соответствующих нормах, способов гражданско-правовой защиты (первый подход), либо мер, не обладающих признаками гражданско-правовой ответственности (второй подход). Лишь комплексное толкование данных и иных нормативных правовых актов рассматриваемых государств-членов ЕАЭС позволяет ответить на данные вопросы утвердительно.

Исходя из указанных норм всех упомянутых актов законодательства применение мер гражданско-правовой ответственности за недобросовестную конкуренцию и (или) данной ответственности и защиты от недобросовестной конкуренции возможно только при нарушении национальных норм конкурентного права, в связи с чем остается открытым вопрос о возможности их применения в случае нарушения установленных Договором о ЕАЭС общих правил конкуренции [2, с. 368].

Законодательство рассматриваемых государств не предусматривает специальных способов гражданско-правовой защиты от недобросовестной конкуренции – возможно применение универсальных способов защиты гражданских прав, учитывающих специфику данного правонарушения (восстановление положения, существовавшего до нарушения права, пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, возмещение убытков, самозащита и др. (ст. 14 Гражданского кодекса Республики Армения от 5 мая 1998 г. (далее – ГК РА, ст. 11 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. (далее – ГК Республики Беларусь, ст. 11 Гражданского кодекса Кыргызской Республики (Ч. 1) от 8 мая 1996 г. (далее – ГК КР), ст. 9 Гражданского кодекс Республики Казахстан (Общ. ч.) от 27 декабря 1994 г. (далее – ГК РК), ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (Ч. 1) от 30

ноября 1994 г. (далее – ГК РФ), а в случае, если недобросовестная конкуренция одновременно нарушает иные права, например, исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, либо право на честь, достоинство и деловую репутацию, – применение также специальных способов защиты от данных правонарушений:

компенсации за нарушение исключительных прав (п. д) ст. 43 Закона Республики Армения от 8 декабря 1999 г. «Об авторском праве и смежных правах», п. 6) ст. 49 Закона Кыргызской Республики от 14 января 1998 г. «Об авторском праве и смежных правах», п. 2 ст. 56 Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. «Об авторском праве и смежных правах», п. 3 ст. 29 Закона Республики Беларусь от 5 февраля 1993 г. «О товарных знаках и знаках обслуживания», п. 6 ст. 1032, п. 6 ст. 1037 Гражданского кодекса Республики Казахстан (Особ. Ч.) от 1 июля 1999 г., п. 6) ст. 49 Закона Республики Казахстан от 10 июня 1996 г. «Об авторском праве и смежных правах», п. 6 ст. 12 Закона Республики Казахстан от 26 июля 1999 г. «О товарных знаках, знаках обслуживания, географических указаниях и наименованиях мест происхождения товаров», п. 3 ст. 1252 Гражданского кодекса Российской Федерации (Ч. 4) от 18 декабря 2006 г.) и др.);

опровержения (п. 1–3, 5–6, 10–11 ст. 152 ГК РФ, ст. 43–45 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. «О средствах массовой информации», п. 1–6 ст. 143 ГК РК, ст. 19 Закона Республики Казахстан от 23 июля 1999 г. «О средствах массовой информации», подп. 1) п. 8 ст. 1087.1 ГК РА, ст. 8 Закона Республики Армения от 13 декабря 2003 г. «О массовой информации», п. 1–2, 7 ст. 153 ГК Республики Беларусь, ст. 42–44 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. «О средствах массовой информации», п. 1 ст. 18 ГК КР, ст. 17 Закона Кыргызской Республики от 2 июля 1992 г. «О средствах массовой информации»);

компенсации морального/нематериального вреда (п. 5 ст. 153 ГК Республики Беларусь, п. 9 ст. 152 ГК РФ, подп. 2) п. 8 ст. 1087.1 ГК РА, п. 6 ст. 143 ГК РК, ст. 16, п. 5 ст. 18 ГК КР) и др.

Анализ законодательства государств-членов ЕАЭС в рассматриваемой сфере приводит к выводу о том, что оно применительно ко многим случаям недобросовестной конкуренции не позволяет в полной мере реализацию принципа обеспечения восстановления нарушенных прав. Так, национальные законодатели не учитывают специфику данного правонарушения, выражающуюся, наряду прочего, в том, что зачастую

размер причиненных недобросовестной конкуренцией убытков не может быть истцом точно определен (например, в случае дискредитации, поскольку «...деловая репутация представляет собой разновидность нематериального блага и определение ее материального эквивалента в любом случае имеет оценочный характер») [3, с. 145]. Исключением является лишь законодательство Российской Федерации, которое прямо устанавливает, что суд не может отказать в удовлетворении требования кредитора о возмещении убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства, только на том основании, что размер убытков не может быть установлен с разумной степенью достоверности, и что в этом случае размер подлежащих возмещению убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению обязательства (п. 5 ст. 393 ГК РФ). Кроме того, лишь законодательство Республики Армения (подп. 2) п. 8 ст. 1087.1 ГК РА) и Кыргызской Республики (п. 5 ст. 18 ГК КР) содержит нормы, прямо предусматривающие возможность возмещения нематериального вреда, причиненного деловой репутацией юридического лица, в том числе в случае распространения конкурентом в его отношении не соответствующих действительности порочащих сведений. В Российской Федерации в связи с участием государства в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., а также с учетом правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в определении от 4 декабря 2003 г. № 508-О (Суд указал, что «...отсутствие прямого указания в законе на способ защиты деловой репутации юридических лиц не лишает их права предъявлять требования о компенсации убытков, в том числе нематериальных, причиненных умалением деловой репутации, или нематериального вреда, имеющего свое собственное содержание (отличное от содержания морального вреда, причиненного гражданину), которое вытекает из существа нарушенного нематериального права и характера последствий этого нарушения...данный вывод основан на положении статьи 45 (часть 2) Конституции Российской Федерации, в соответствии с которым каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом....» [4]) суды зачастую удовлетворяли требования о возмещении данного вреда [5; 6]. Вместе с тем после прекращения данного участия (с 16 сентября 2022 г.) сохранение этого подхода представляется сомнительным.

На наш взгляд, отсутствие в ЕАЭС в настоящее время унификации вопросов гражданско-правовой защиты от недобросовестной конкуренции на трансграничных рынках, а также недостатки национально-правового регулирования в этой сфере снижают эффективность борьбы с данным правонарушением, что в конечном итоге негативно влияет как на интересы отдельных лиц, так и на общественные интересы и интересы государств-членов в силу многоплановости причиняемого недобросовестной конкуренцией вреда. В этой связи Договор о ЕАЭС, полагаем, должен содержать перечень способов данной защиты, а также условия и порядок их применения. В целях максимального восстановления прав, нарушенных в результате недобросовестной конкуренции на трансграничных рынках, полагаем необходимым в Договоре о ЕАЭС предусмотреть возможность в случае ее осуществления возмещения убытков, если их размер не может быть установлен с разумной степенью достоверности, а также компенсации нематериального вреда, причиненного деловой репутации юридического лица-конкурента.

Список использованных источников

1. Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 04.04.2017 № СЕ-2-1/1-17-БК «О разъяснении положений статей 74, 75, 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_214982/bf8c893e32d4b671f38201bfe9b1375c8d123062/. – Дата доступа: 13.10.2022.

2. Маскаева, Н. Г. Защита от нарушений конкурентного права: возможности для возмещения убытков в ЕАЭС и ЕС / Н. Г. Маскаева, Е. В. Бабкина // Правоведение. – 2019. – Т. 63, №3. – С. 361–380.

3. Егорова, М. А. К вопросу о связи частноправовых убытков с нарушением антимонопольного законодательства / М. А. Егорова, А. Ю. Кинев // Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом : сб. науч. ст. III Междунар. науч.-практ. конф. / Юстицинформ ; под общ. ред. С. Д. Могилевского, М. А. Егоровой. – М., 2016. – С. 270–291.

4. Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 508-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шлафмана Владимира Аркадьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 7 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный

ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_46958/. – Дата доступа: 13.10.2022.

5. Решение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 9 апреля 2015 г. по делу № А56-81334/2014 [Электронный ресурс] // Электронное правосудие. – Режим доступа: <https://ras.arbitr.ru/>. – Дата доступа: 13.10.2022.

6. Решение Арбитражного суда Саратовской области от 21 апреля 2017 г. по делу №А57-17709/2016 [Электронный ресурс] // Электронное правосудие. – Режим доступа: <https://ras.arbitr.ru/>. – Дата доступа: 13.10.2022.

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В РОССИИ

Д. Е. Морозов

*Волжский филиал Международный юридический институт
ул. Большевицкая, 7 г. Волжский, Россия. denis.morozov554576@gmail.com*

В статье рассматривается правовой режим иностранных инвестиций, действующий на территории России. Отмечено, что в юридической доктрине на данный момент отсутствует единое мнение относительно того, каким образом должны регулироваться иностранные инвестиции в экономику государства, хотя многие исследователи и высказываются в поддержку режима наибольшего благоприятствования для иностранных инвестиций в соответствии с положениями ГАТТ.

Ключевые слова: правовой режим, иностранные инвестиции, наибольшее благоприятствование.

Для развития экономики государство привлекает не только собственные средства, но и деньги иностранных инвесторов – это позволяет не только получить финансирование для строительства объектов инфраструктуры или реализации различных проектов в науке, образовании, промышленности, но и наладить новые внешнеэкономические связи, реформировать рынок.

Вопросы, связанные с установлением правового режима для иностранных капиталовложений, являются дискуссионными во многих странах мира – по сей день отсутствует единый подход к их

регулированию. В наиболее общем понимании это – сочетание условий, преференций и гарантий для иностранных инвесторов [1, с. 134].

Государства, привлекающие иностранные инвестиции для развития собственной экономики, используют при их регулировании разнообразные правовые режимы, из-за чего в юридической доктрине правовой режим иностранных инвестиций принято подразделять на три основных разновидности:

- наибольшее благоприятствование;
- преференциальный (особый);
- договорной.

В рамках настоящей статьи необходимо раскрыть особенности правового режима иностранных инвестиций, действующего на территории России. Начать рассмотрение данного вопроса стоит с рассмотрения того, каким образом иностранные инвестиции регулируются в данной стране.

Исследователи указывают, что единого мнения относительно того, какой правовой режим предоставляется в России иностранным инвесторам, нет. Часть авторов утверждает, что в России придерживаются национального режима для иностранных инвесторов, еще часть указывает на то, что наиболее перспективным в этой отрасли является режим наибольшего благоприятствования, толкование которого закреплено в Генеральном соглашении по тарифам и торговле (ГАТТ).

В первой статье указанного соглашения говорится о том, что государство, получающее привилегии и благоприятствование в отношении своих товаров от других стран, обязано устанавливать аналогичный режим на своей территории для товаров этих стран и иных сторон соглашения. Однако, как указывают исследователи, ГАТТ не указывает на то, можно ли одновременно сочетать все существующие виды правового режима иностранных инвестиций [1, с. 135].

В России, тем временем, одновременно действуют два правовых режима в отношении иностранных инвестиций. В соответствии с действующим российским законодательством принято различать три основных правовых формы осуществления иностранных инвестиций на территории страны:

- создание компаний с привлечением иностранных капиталовложений;
- открытие представительств зарубежных компаний на российской территории;
- осуществление инвестиционной деятельности по договору.

Каждая из перечисленных форм, как указывают исследователи, имеет собственные отличия, которые проявляются не только в особенностях хозяйственной деятельности, которую ведет инвестор, но и в нормативном правовом регулировании – для каждой формы осуществления иностранных инвестиций в России предусмотрен отдельный правовой акт [2, с. 124].

Правовое регулирование в области иностранных инвестиций в России осуществляется посредством следующих нормативных актов:

- федеральный закон «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации»;
- федеральный закон «Об инвестициях, осуществляемых в форме капитальных вложений».

Общие вопросы регистрации компании с привлечением иностранного капитала, открытия представительств зарубежных компаний на территории России урегулированы Гражданским кодексом Российской Федерации и федеральным законом «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».

При этом в России не исключается привлечение иностранного капитала на договорной основе. Соглашения данного рода получили название двусторонних инвестиционных договоров. Относительно недавно Россия отказалась от применения типовой формы двустороннего инвестиционного договора, поскольку та не учитывала особенности рынка государств, с которыми заключалось соглашение о сотрудничестве – теперь его наполнение может корректироваться в зависимости от особенностей рынка конкретного региона и страны.

При этом действующее в России правовое регулирование иностранных инвестиций, осуществляемых на договорной основе, не исключает возможности инвестора или государства при возникновении спора, прямо связанного с инвестиционным соглашением, обратиться в международный инвестиционный арбитраж для его решения – для этого в двустороннем инвестиционном соглашении предусматривается арбитражная оговорка.

Однако для того, чтобы государственно-частное партнерство с привлечением иностранного инвестора признавалось не только в России, но и на международном уровне, заключенные в рамках такого партнерства сделки должны иметь следующие признаки:

- долгосрочность;
- наличие инвестиционных рисков;

– целевой и коммерческий характер [2, с. 124].

Споры, возникшие между государством и иностранным инвестором, разрешаются в национальном или международном арбитраже.

Основным механизмом для разрешения инвестиционных споров при этом становится арбитраж МЦУИС – органа, основанного после создания Вашингтонской конвенции по урегулированию инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами от 1965 г. Россия присоединилась к конвенции еще в 1992 г., но по сей день ее не ратифицировала, что ограничивает применение возможностей арбитража МЦУИС [3, с. 220].

Сам механизм инвестиционного арбитража МЦУИС несовершенен – в практике существуют случаи, когда спор между государством и иностранным инвестором рассматривается там, хотя одна из сторон не дала на это письменного согласия, в основу рассмотрения спора ложатся международные договора, имеющие к инвестициям лишь опосредованное отношение, а само решение, принимаемое арбитрами, носит политизированный характер. Яркий пример – «дело ЮКОСА».

В заключение можно отметить, что в России на данный момент не сложилось единого правового режима для урегулирования вопросов, связанных с иностранными инвестициями как особой разновидностью хозяйственной деятельности (одновременно применяется несколько правовых режимов – национальный и международный), но законодательство в данной области развивается, что можно заметить по отказу от применения единого инвестиционного соглашения для всех иностранных инвесторов. В настоящее время правовой режим иностранных инвестиций в России совершенствуется, ведутся работы по созданию универсального механизма для урегулирования споров между государством и иностранными инвесторами.

Список использованных источников

1. Яннова, Е. В. Правовой режим и защита иностранных инвестиций / Е. В. Яннова, Р. Г. Ахмедьянова, Г. Р. Бикташева // Интерактивная наука. – 2021. – № 5 (60). – С. 134–135.

2. Старцева, А.А. Правовой режим иностранных инвестиций / А. А. Старцева, З. И. Исмаилова, А. Г. Гафарова // Интерактивная наука. – 2021. – № 5 (60). – С. 124–125.

3. Лаврухин, А. А. Соотношение международного и национального законодательства в установлении правового режима

иностранных инвестиций / А. А. Лаврухин // Актуальные вопросы права, экономики и управления : сб. статей XXVI Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2020. – С. 219–222.

ПОНЯТИЕ ВНЕШНИХ ИНВЕСТИЦИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А. А. Прибытко

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220006,
г. Минск, Беларусь, taliks@tut.by*

Законодательное регулирование инвестиционной деятельности является одним из существенных факторов развития инвестиционной активности.

При этом следует отметить, что многие термины, которые используются в законодательстве при регулировании инвестиций, не имеют четких дефиниций, также как в юридической литературе могут существовать споры, касательно природы тех или иных институтов. Понятие «внешние инвестиции» имеет важное значение для регулирования института инвестиций. Детальное правовое регулирование данного института способствует привлечению инвестиций из-за рубежа и является важнейшим фактором развития государства.

Ключевые слова: инвестиции, внешние инвестиции, регулирование инвестиционной деятельности, валютное законодательство.

На современном этапе развития, все большую роль приобретает возможность привлечения инвестиций от иностранных источников. При этом, уровень развития экономики позволяет рассматривать в качестве инвестиций не только вещи или денежные средства, но также имущественные права, в том числе на объекты интеллектуальной собственности [1].

Очевидна проблема определения характера инвестиций и, как следствие, проблема структурирования и категориального наполнения нормативных правовых актов, регулирующих инвестиции, их налогообложение, систему поддержки государством инвестиционных проектов и другие проблемы [2].

Целью данной статьи является определение дефиниции термина «внешние инвестиции» для последующего рассмотрения вопроса о целесообразности введения данного термина в законодательство Республики Беларусь для положительных изменений в конъюнктуре инвестиций.

В первую очередь, по мнению автора, следует остановиться на дефиниции наиболее распространенного термина «инвестиции».

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З (ред. от 05 января 2022 г.) «Об инвестициях» ст. 1 под инвестициями понимается «имущество и иные объекты гражданских прав, принадлежащие инвестору на праве собственности, ином законном основании, позволяющем ему распоряжаться ими, вкладываемые инвестором на территории Республики Беларусь способами, предусмотренными настоящим Законом, в целях получения прибыли (доходов) и (или) достижения иного значимого социально-экономического результата, в иных целях, не связанных с личным, семейным, домашним и иным подобным использованием...».

В юридической литературе на протяжении длительного времени определение инвестиций варьировалось, отличаясь определенными классифицирующими факторами [3]. При этом, нельзя не согласиться с утверждением А. В. Майфата, который отмечает, что понятие инвестиции прежде всего имеет экономические корни [4], тем самым природа явления предполагает не статичное, а динамичное положение.

По мнению С. Корнеевой инвестиции как экономико-правовая категория характеризуются единством трех элементов:

- 1) инвестируемые средства, в роли которых может выступать имущество, а также неимущественные права, имеющие денежную оценку;
- 2) процесс вложения инвестируемых средств в объект какой-либо деятельности, при этом момент вложения (то есть вовлечения инвестируемых средств в инвестиционный процесс) определяется моментом заключения соответствующего гражданско-правового договора, оформляющего инвестиционные вложения;
- 3) цель инвестирования, а именно получение прибыли и (или) достижение иного полезного эффекта имущественного характера.

В свою очередь, Н. Д. Гуськова, И. Н. Краковская, Ю. Ю. Слушкина, В. И. Маколова рассматривают инвестиции как разновидность ресурсов (ценностей), вкладываемых в объекты предпринимательской и других

видов деятельности в целях получения прибыли (дохода) и (или) получения положительного эффекта [5, с. 26].

Соответственно, под инвестициями, по мнению автора, понимаются все объекты гражданских прав, имеющие ценность и способность к экономическому обороту, принадлежащие лицу, осуществляющему предпринимательскую или иную социально значимую деятельность, на законном основании, позволяющем ему распоряжаться данным объектом гражданских прав для извлечения выгоды или достижения иного социально значимого результата, не связанного с ведением личного, семейного хозяйства.

Рассмотрим применение термина «внешние инвестиции» в законодательстве Республики Беларусь. Несмотря на отсутствие в национальных нормативных правовых актах дефиниции данного термина, он используется законодателем, например, в Постановлении Министерства экономики Республики Беларусь № 45/14, а также Постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 28 марта 2011 г. № 384 (ред. от 12 июня 2015 г.).

Соответственно, термин «внешние инвестиции» используется в отсутствие четкого определения. Представляется, что под внешними инвестициями понимаются инвестиции, поступившие не из внутренних источников (источников, не принадлежащих резидентам Республики Беларусь).

В научной литературе зачастую «внешние инвестиции» отождествляют с «иностранными инвестициями» [6].

Термин «внешние инвестиции» предполагает наличие «внешней» составляющей и с точки зрения системогенеза профессиональной деятельности, представляет собой упорядоченную и целенаправленную совокупность отдельных (юридических) действий, основанных на законных основаниях [7, с. 38].

В доктрине гражданского права традиционно [8, с. 161] выделяли следующие основные признаки внешнеэкономической деятельности и, соответственно, внешних инвестиций как одного из ее проявлений: (1) сопряженность с перемещением объекта из-за рубежа; (2) принадлежность контрагентов к хозяйственной сфере различных государств при обязательном участии национального субъекта хозяйствования.

В настоящее время цивилисты с определенной долей условности обозначили четыре основных направления (квалифицирующих признака) в определении внешней составляющей [9, с. 6–7]:

1) ввоз объектов гражданских прав из-за пределов таможенной территории, то есть их фактическое перемещение через таможенную границу соответствующего государства;

2) определяющим признаком является различная национальная (государственная) принадлежность (резидентность) ее контрагентов [10, с. 363];

3) квалифицирующим признаком обозначен со ссылкой на международно-правовые акты фактор нахождения места деятельности (коммерческих предприятий) сторон в разных государствах.

4) понятие конструируется посредством указания на их публично-правовые характеристики. Порядок инвестирования с привлечением иностранного контрагента находит свое отражение в актах государственного регулирования.

По мнению автора, данные признаки, равно как и указание на публично-правовые характеристики, являются потенциальным последствием идентификации конкретных инвестиций в качестве внешних, предопределяющих их содержание и особенности реализации, но не квалифицирующими признаками.

Таким образом, можно выделить следующие основные признаки, наличие которых и (или) их совокупности могут повлечь квалификацию осуществляемой субъектом инвестиционной деятельности в качестве внешнеэкономической и, соответственно, сопряженной с внешними инвестициями: сопряженность инвестиций с юридически значимым перемещением объектов гражданских прав за пределы таможенной территории соответствующего государства, различная национальная (государственная) принадлежность (резидентность) контрагентов по инвестициям, нахождение коммерческих предприятий (места деятельности) контрагентов в разных государствах.

Представляется, что внешние инвестиций обусловлены перемещением объектов гражданских прав через пределы таможенной границы соответствующего государства. Зачастую такое перемещение является разовым, в отсутствие длительного или системного характера, в отличие от деятельности, которая полностью реализует свою задачу через несколько экономических этапов. Как правило, такое привлечение реализуется посредством привлечения заемного финансирования в виде

предоставления денежных средств, либо посредством предоставления оборудования или предоставления доступа к технологиям.

Соответственно, «внешние инвестиции», по мнению автора, можно определить как все объекты гражданских прав, имеющие ценность и способность к экономическому обороту, переданные на таможенную территорию соответствующего государства и принадлежащие лицу, имеющему отличное от объекта и (или) субъекта получения инвестиций резидентство, на вещном или ином праве, позволяющем ему распоряжаться данным объектом гражданских прав для извлечения выгоды и (или) достижения иного социально значимого результата, не связанного с ведением личного, семейного хозяйства.

Список использованных источников

1. Вильдт, Е. Ю. Развитие рынка интеллектуальной собственности в условиях цифровой трансформации экономики / Е. Ю. Вильдт, К. Г. Войтович // Цифровая трансформация – шаг в будущее : материалы I международной науч.-практич. конф. молодых ученых, г. Минск, 22 февраля 2021 г. // БГУ, Экономический фак., каф. цифровой экономики ; редкол. : И. А. Карачун (отв. ред.), К. С. Разуванова, М. С. Шебалин. – Минск : БГУ, 2021. – С. 30–35.

2. Третьякова, Е. В. Прямые иностранные инвестиции: оценка привлечения в Республику Беларусь / Е. В. Третьякова // Вестник ГГТУ им. П. О. Сухого. – 2017. – № 4. – С. 75–83.

3. Юань, В. Развитие трансграничной электронной торговли в Китае и ее возможности в реализации проекта «Один пояс – один путь» / В. Юань // Журнал Белорусского государственного университета. Экономика. – 2019. – № 2. – С. 68–78.

4. Цегельник, О. В. Инвестиционных договор с государством (Республикой Беларусь или административно-территориальной единицей) / О. В. Цегельник // Промышленно-торговое право. – 2006. – № 3. – С. 58–72

5. Адамич, Т. С. Теоретический анализ подходов к понятию инвестиции / Т. С. Адамович // Современные хозяйственные отношения : перспективы правового регулирования и проблемы соотношения интересов государства, общества и бизнеса : материалы междунар. науч.-практ. круглого стола, г. Минск, 15 окт. 2020 г. // Белорус. гос. ун-т ; рекол. : В. С. Каменков (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2020. – С. 3–6.

6. Пырх, И. И. К вопросу о модернизации инвестиционного

законодательства в Республике Беларусь / И. И. Пырх, О. М. Куницкая // Финансовое право в условиях цифровизации экономики : материалы междунар. науч.-практ. круглого стола, г. Минск, 13 нояб. 2020 г. // Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. С. Каменков (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2020. – С. 118-123.

7. Иншакова, А. О. Вопросы квалификации внешнеэкономической сделки и правовая специфика некоторых ее видов / А. О. Иншакова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – №2 (27). – 2015. – С. 37 – 45.

8. Мельников, С. Г. Правовая характеристика внешнеторговых сделок / С. Г. Мельников // Юриспруденция. – №4. – 2010. – С. 159 – 163.

9. Канашевский, В. А. Внешнеэкономические сделки: материально-правовое и коллизионное регулирование / В. А. Канашевский. – М. : Волтерс Клувер, 2008. – 608 с.

10. Международное частное право : учеб. / Л. П. Ануфриева [и др.] ; отв. ред. Г. К. Дмитриева. – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – 688 с.

СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫЕ СОГЛАШЕНИЯ КАК СПОСОБ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ

А. Ф. Пьянкова

*Пермский государственный национальный исследовательский
университет (ПГНИУ), 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15 e-mail:
pyankova-af@yandex.ru*

В семейном праве отсутствует понятие «злоупотребление правом», однако в судебной практике оно используется. В статье изучены кейсы, в которых брачный договор, соглашение о разделе имущества, соглашение об уплате алиментов квалифицированы как злоупотребление правом. В таких ситуациях непросто обеспечить баланс интересов кредиторов и членов семьи. Сделан вывод, что баланс интересов может быть обеспечен с помощью ситуационного метода семейно-правового регулирования.

Ключевые слова: брачный договор, соглашение о разделе имущества, соглашение об уплате алиментов, баланс интересов.

Семейный кодекс РФ (далее – СК РФ) не содержит легального определения понятия «злоупотребление правом». Некоторые исследователи полагают, что злоупотребление правом в семейных отношениях и есть осуществление прав в противоречии с их назначением. Это косвенно подтверждается правовой конструкцией п. 2 ст. 7 СК РФ, который гласит, что семейные права охраняются законом, за исключением случаев, если они осуществляются в противоречии с назначением этих прав. В гражданском праве также нередко рассматривают злоупотребление правом как осуществление права в противоречии с его назначением. Особенно такая конструкция была популярна в советское время. В Гражданском кодексе (далее – ГК) РСФСР осуществление права в противоречии с его социально-хозяйственным назначением было под запретом. В действующем гражданском праве эта конструкция не используется, а вот в СК РФ осталась.

СК РФ допускает субсидиарное применение гражданского законодательства к семейным отношениям, постольку мы можем применить к ним ст. 10 ГК РФ. Согласно этой статье под злоупотреблением правом понимается осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав

При этом А. А. Кислый обращает внимание на то, что в ГК РФ использована конструкция «отказ в защите права» как санкция за злоупотребление правом, а в СК РФ – отказ в охране права [1, с. 93]. Представляется, что здесь кроется не глубокая мысль законодателя, а всё же недостаток юридической техники.

В гражданском праве часто ставится знак равенства между недобросовестным поведением и злоупотреблением правом (Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 ГК РФ: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25 ноября 2008 г. № 127). В то же время существует недобросовестное поведение, которое не может быть квалифицировано как злоупотребление правом. Например, может быть недобросовестным поведение в связи с неисполнением обязанностей.

Ссылки на п. 2 ст. 7 СК РФ в литературе и судебной практике весьма немногочисленны. Зато конструкция «злоупотребление правом» используется в СК РФ применительно лишь к злоупотреблению родительскими правами:

Ребенок имеет право на защиту от злоупотреблений со стороны родителей (лиц, их заменяющих); при злоупотреблении родительскими правами, ребенок вправе самостоятельно обращаться за их защитой в орган опеки и попечительства, а по достижении возраста четырнадцати лет в суд (п. 2 ст. 56 СК РФ);

Злоупотребление родительскими правами как основание для их лишения (ст. 69 СК РФ) или отмены усыновления (ст. 141 СК РФ);

Право на защиту от злоупотреблений со стороны опекуна / попечителя (ст. 148 СК РФ).

Как видно, упоминаний о злоупотреблении правом в контексте заключения соглашений СК РФ не содержит. Это и понятно, так как, во-первых, на все случаи жизни норм не напишешь, кодексы не для этого созданы, во-вторых, как правило, злоупотребление правом с использованием семейно-правовых соглашений выходит за рамки именно семейного права.

Какие же примеры можно найти в правоприменительной практике?

1. Брачный договор.

Интересный кейс рассмотрен Тюменским областным судом 05 октября 2016 г. (дело № 33–8151/2016). В 2004 г. между супругами был заключен брачный договор, в соответствии с условиями которого стороны определили, что нажитое ими в браке общее совместное имущество нежилое помещение и транспортное средство, являются исключительной собственностью супруги. Стороны договорились также, что недвижимое имущество будет регистрироваться в течении брака только на имя того из супругов, на чье имя оформлен договор. В отношении такого имущества будет действовать режим раздельной собственности. После прекращения брака в 2016 году между этими же супругами заключено соглашение о разделе совместно нажитого имущества, в соответствии с которым пятикомнатная квартира переходит в личную собственность супруги. Стороны отошли от начала равенства долей супругов в общем имуществе без обязанности возместить компенсацию за переданное имущество.

Суд указал, что супруги вправе по своему усмотрению изменить режим общей совместной собственности имущества, нажитого в браке (или его части), как на основании брачного договора, так и на основании любого иного соглашения (договора), не противоречащего нормам действующего законодательства. В соответствии со ст. 421 ГК РФ стороны договора вольны определять свои права и обязанности так, как считают нужным, если их воля не нарушает важные принципы права и

конституционные ценности, а также баланс интересов сторон. Так, указание в соглашении о том, что спорная квартира принадлежит единственно супруге, и оно передается ей без всякой компенсации, нарушает принцип равенства долей супругов, согласно которому в случае, если одному из супругов передается имущество, стоимость которого превышает причитающуюся ему долю, другому супругу может быть присуждена соответствующая денежная или иная компенсация (ч. 3 ст. 28 СК РФ в редакции, действующей на момент заключения соглашения). Таким образом, условия упомянутого соглашения не соответствуют требованиям семейного и гражданского законодательства, составлены в нарушение ст. 38, 39 СК РФ, в них не определены доли супругов в общем имуществе и не определен размер компенсации.

Кроме того, при заключении брачного договора и соглашения о разделе имущества супруги не уведомили своих кредиторов. Такие действия супругов направлены на злоупотребление правом. Заключая указанное соглашение, супруги преследовали цель отличную от цели, обычно преследуемой при совершении соответствующего вида сделок, то есть действия супруга-должника не были добросовестными, а значит, с учетом положений ст. 10 ГК РФ, суд обоснованно применил меры, обеспечивающие защиту интересов добросовестной стороны, то есть признал условия соглашения о разделе совместно нажитого имущества супругов и брачного договора не наступившими (п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса РФ») [2, с. 210].

2. Соглашения об уплате алиментов

В Информационном письме Свердловского областного суда указано: «На практике довольно часто соглашения об уплате алиментов признаются недействительными не по требованию стороны соглашения, а по искам кредиторов обоих или одного из супругов, права которых нарушаются указанным соглашением, обосновывающих свои требования мнимостью соглашения, злоупотреблением правом (ст. ст. 10, 170 ГК РФ, п. 2 ст. 7 СК РФ)» (Информационное письмо об актуальных вопросах рассмотрения споров об алиментах (утверждено президиумом Свердловского областного суда 23 октября 2019 г.)).

В делах о банкротстве могут оспариваться соглашения об уплате алиментов.

Согласно п. 1 Постановления Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы 3.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» под сделками, которые могут оспариваться по правилам главы III.1 этого Закона, понимаются в том числе действия, направленные на исполнение обязательств и обязанностей, возникающих в соответствии с семейным законодательством. Поэтому соглашение об уплате алиментов вполне может быть оспорено как подозрительная сделка на основании ст. 61.2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве). При этом задача оспаривания упрощается, как правило, тем, что стороны соглашения являются заинтересованными лицами, так как входят в одну группу лиц (п. 7 ч. 1 ст. 9 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции», п. 1 ст. 19 Закона о банкротстве). В то же время цель причинения вреда имущественным правам кредиторов предполагается, если на момент совершения сделки должник отвечал признаку неплатежеспособности или недостаточности имущества и сделка была совершена безвозмездно или в отношении заинтересованного лица (п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве).

В рамках одного из дел о банкротстве оспаривалось соглашение об уплате алиментов на несовершеннолетнего ребенка в размере 80% дохода должника. Суд согласился с доводами конкурсного управляющего о том, что при совершении оспариваемой сделки допущено злоупотребление правом, а именно: имело место недобросовестное поведение, направленное на искусственное увеличение кредиторской задолженности, и приобретение права преобладающего контроля за процедурой банкротства, что повлекло нарушение баланса интересов должника и иных кредиторов. Однако суд признал сделку недействительной лишь в части, превышающей 25% доходов должника, ссылаясь на положения ст. 38 Конституции РФ, а также на то, что действующее семейное законодательство не устанавливает запрет на заключение соглашения об алиментах при наличии признаков неплатежеспособности (см. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 27 октября 2014 г. по делу № А79-2594/2013, Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 26 июня 2014 г. по делу № А79-2594/2013).

Таким образом, суд, с одной стороны, защитил интересы несовершеннолетнего, которые в семейном праве имеют приоритет перед всеми другими интересами, с другой стороны, – обеспечил интересы

кредиторов, сузив в данной ситуации действие принципа свободы договора.

3. Судебное расторжение брака и раздел имущества.

Ситуации, когда супруги договорились действовать вопреки законным интересам кредиторов, сложны и многообразны. Поскольку судебная практика об оспаривании брачных договоров и соглашений о разделе имущества в делах о банкротстве уже фактически сложилась, постольку супруги переходят к использованию других схем.

Так, не исключен судебный раздел имущества во вред интересам кредиторов. Здесь может быть два пути:

- заключение мирового соглашения;
- фактическое признание иска.

Вот что случилось в одном споре, рассмотренном в Пермском крае.

Гражданка С. была привлечена к субсидиарной ответственности как руководитель обанкротившегося ТСЖ. После этого она расторгла брак со своим супругом, супруг обратился в суд с требованием о разделе имущества. При этом он просил передать в его единоличную собственность огромный загородный коттедж в элитном посёлке, а супруге оставить долю в праве собственности на квартиру и предметы домашней обстановки. Ответчица возражала по некоторым второстепенным вопросам, но по поводу коттеджа не возражала. Хотя при этом стороны заявили, что у них неприязненные отношения и они не могут проживать вместе.

Заявление супругом С. иска по рассматриваемому делу, а также фактическое признание исковых требований бывшей супругой является формой злоупотребления правом в целях уклонения от исполнения обязательств перед конкурсными кредиторами ТСЖ (ст. 10 ГК РФ). При этом стороны по делу, заведомо зная о наличии долга и законном интересе конкурсного управляющего, не привлекли его к участию в данном деле; не поставили суд в известность о том, что на коттедж наложен арест. Интересы кредиторов в данной ситуации должны превалировать, так как в браке имеют место фидуциарные отношения. Бывший супруг С. должен был знать о действиях бывшей супруги по недобросовестному выведению активов ТСЖ (Решение Ленинского районного суда г. Перми от 28 сентября 2021 г. по делу №2-1885/2021).

В. А. Шаламов [2, с. 212] также обращает внимание на возможные злоупотребления в процессе по разделу имущества. Суды принимают меры к защите прав добросовестного супруга в делах о разделе совместного

имущества супругов, когда искусственно увеличивая свою долю при разделе имущества, один из супругов просит разделить долги, которые возникли из договоров займов с близкими родственниками накануне расторжения брака.

В то же время кредиторы при любом раскладе не могут ставить под вопрос решение супругов о расторжении брака. Вот какая показательная позиция изложена в одном из постановлений ФАС Уральского округа.

Оспаривалось решение суда о разводе. По мнению кредиторов, фактически целью подачи заявления о расторжении брака являлось намерение не исполнять обязательства перед кредиторами за счет совместно нажитого имущества супругов; мировой суд принял формальное решение о разводе супругов; бывшие супруги продолжали совместную жизнь, вели общее хозяйство, совместно воспитывали ребенка, родили еще одного ребенка. Кредиторы настаивали, что супруги использовали право на развод не по назначению, преследовали совершенно иные цели – сокрытие совместно нажитого имущества и нанесение ущерба кредиторам, фиктивное расторжение брака является мнимой сделкой; просили суд применить ч. 2 ст. 7 СК РФ, ст. 10 ГК РФ.

Однако суд не согласился с таким выводами. По мнению Арбитражного суда Уральского округа, доводы кредитора о совместном ведении ими хозяйства, совместном проживании носят предположительный характер, учитывая, что состояние в браке является личным неимущественным правом гражданина, право на расторжение брака является субъективным правом, назначением которого является прекращение брачных правоотношений, когда дальнейшее сохранение семьи невозможно. При этом расторжение брака не препятствует в последующем поддерживать дружеские отношения между бывшими супругами, а совместное воспитание детей является обязанностью каждого из родителей, и наличие доверительных отношений между бывшими супругами не презюмирует злоупотребление правами (Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 27 июля 2020 г. № Ф09-7304/18 по делу № А60-46823/2016).

Таким образом, в этих делах сложно обеспечить баланс интересов супругов и третьих лиц. С одной стороны мы имеем личные неимущественные права супругов и свободу договора, с другой – права кредиторов. Законодатель дал лишь необходимые ориентиры; задача правоприменителей, вооружившись ситуационным методом семейно-

правового регулирования, в каждой конкретной ситуации обеспечить баланс интересов.

Список использованных источников

1. Кислый, А. А. Злоупотребление правом в семейных отношениях и способы защиты [Электронный ресурс] / А. А. Кислый // Молодой ученый. – 2020. – № 7 (297). – С. 93–96. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/297/67360/>. – Дата доступа: 19.06.2022.

2. Шаламов, В. А. Добросовестность и злоупотребление правом супругов при разделе общего имущества / В. А. Шаламов // Молодой ученый. – 2018. – № 2 (188). – С. 209–213. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/188/47820/>. – Дата доступа: 19.06.2022.

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ И НЕДОСТАТКАХ ИНСТИТУТА МЕДИАЦИИ В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

П. Ю. Розон

Институт управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, ул. Московская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь, polinochka.rozon@mail.ru

Т. М. Халецкая

Институт управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, ул. Московская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь, Tania80@rambler.ru

Рассмотрены особенности института медиации в семейном праве Республики Беларусь, совокупность которых позволяет выделить перспективы института и его недостатки, лежащие в основе внесудебной практики белорусского государства; внесены рекомендации, позволяющие повысить авторитет и значимость процедуры медиации в гражданском обществе Республики Беларусь.

Ключевые слова: медиация; медиатор; семейные правоотношения; преимущества медиации; недостатки медиации.

Медиация – альтернативный традиционному судебному способ урегулирования споров. Данный вид деятельности представляет собой

переговоры конфликтующих сторон с участием лица, придерживающегося нейтралитета, – медиатора. Иными словами, медиация призвана разрешить правовой спор в случае, когда стороны не могут найти взаимовыгодное решение при наличии шанса предотвратить обращение в судебные органы.

Для национальной системы права медиация стала новым социально-правовым явлением разрешения споров, что создало необходимость проведения подготовки ряда мероприятий законодательного и организационно-технического характера.

Начиная с 2010 г. в Республике Беларусь осуществлялась работа по ознакомлению государственных органов и граждан с процедурой медиации как способом урегулирования юридических конфликтов. Республика Беларусь официально закрепила медиативную деятельность, приняв в 2013 г. Закон «О медиации», которым официально было разрешено использовать данную посредническую технологию при урегулировании споров в хозяйственной, гражданской, семейной, трудовой деятельности. Данным законом впервые определено легальное толкование медиации как переговоров сторон с участием медиатора в целях урегулирования спора участников путем выработки взаимоприемлемого соглашения по предмету конфликта. В названном Законе установлены правила и принципы проведения медиации, уточнены требования к кандидатуре медиатора, обозначены этические нормы при проведении беседы медиатора с клиентами. Область применения рассматриваемого Закона определена спорами, возникающими из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности, а также спорами, возникающих из трудовых и семейных правоотношений [1].

Основная часть. Основные преимущества процедуры медиации, как альтернативного способа разрешения споров, в подавляющем большинстве случаев, в юридической науке не оспариваются и признаются исследователями [2, с. 174]. К таким преимуществам следует относить гибкость самой процедуры, диспозитивная правовая природа, а также возможность сохранения нормальных фактических взаимоотношений между сторонами спорного правоотношения. Указанные преимущества приобретают особую актуальность в отдельных сферах, семейные правоотношения в этой связи не являются исключением.

Споры, возникающие из семейных правоотношений, как отмечают, некоторые авторы, обладают повышенным социальным значением,

поскольку в данных правоотношения разрешаются вопросы, связанные с семьей, а также в отдельных случаях с несовершеннолетними детьми [3, с. 202].

Учитывая, что одной из особенностей процедуры медиации является взаимодействие медиатора со сторонами спорного правоотношения до формального начала разбирательства, медиатор имеет возможность предрешать развитие социально значимых аспектов в рамках семейных правоотношений. Данный факт налагает на медиатора повышенный уровень ответственности за свои действия в рамках семейных правоотношений. Как следует из содержания положений Закона «О медиации» от 12 июля 2013 г. № 58-З (далее – Закон), данную процедуру вправе осуществлять физические лица, имеющие высшее юридическое или иное высшее образование, прошедшие подготовку в сфере медиации, либо имеющие опыт работы в качестве примирителя в соответствии с процессуальным законодательством, получившие свидетельство медиатора [1].

Исходя из анализа законодательства о медиации, в семейных спорах в качестве медиатора может выступать не только лицо, обладающее высшим юридическим образованием, но и лицо, обладающее иным уровнем профессионального образования [8]. Данный факт, способен существенным образом подорвать доверие граждан к институту медиации в сфере семейных правоотношений. Поскольку от некомпетентных действий медиатора могут пострадать участники семейных правоотношений, которые к нему обратились.

На наш взгляд, с целью повышения уровня доверия к процедуре медиации в сфере семейных правоотношений, необходимо внести изменения в Закон и закрепить следующие требования к медиаторам в сфере семейных правоотношений. Представляется целесообразным допуск к спорам, возникающим из семейно-правовых отношений лишь профессиональных медиаторов, у которых имеется высшее юридическое образование.

Деятельность медиатора в рамках спорных правоотношений до судебного разбирательства направлено на минимизацию конфронтации между противоположными сторонами спорного правоотношения, после достижения данной цели медиатор предпринимает меры, направленные на выработку совместных компромиссных решений, которые в необходимой степени отвечали бы интересам участникам спора и которые в последующем бы определили содержание медиативного соглашения. Так,

статья 13 Кодекса о браке и семье (далее – КоБС) предусматривает возможность применение услуг медиатора при наличии споров между супругами (бывшими супругами) [4].

На наш взгляд, исходя из анализа содержания сущности и правовой природы процедуры медиации, а также исходя из специфики правоотношений в семейно-правовой сфере, представляется целесообразным решением законодательно регламентировать обязательный досудебный порядок урегулирования споров, возникающих из семейных правоотношений, посредством применения процедуры медиации.

Отдельные авторы отмечают, что применение альтернативных способов разрешения споров в семейно-правовой сфере актуально с практической точки зрения при бракоразводных процессах [4, с. 110]. Так, при применении процедуры медиации в таких ситуациях, медиатор имеет возможность рекомендовать супругам совместно принять меры, которые могут способствовать разрешению спорных правовых аспектов, а также сохранить семейные отношения. КоБС в ст. 35-1, 36 предусматривает применение медиативных процедур при расторжении брака, что существенно упрощает бракоразводный процесс [4].

Применение процедуры медиации в семейно-правовой сфере также актуально и при разрешении вопросов, связанных с разделом имущества супругов. В отличие от процедуры медиации, судья, в рамках судебного разбирательства не имеет возможности применения персонального подхода к каждой из сторон бракоразводного процесса с целью объективного и справедливого определения долей.

При проведении процедуры медиации в рассматриваемых ситуациях, медиатор вправе способствовать супругам в вопросах определения долей исходя из объективных потребностей и правовых интересов каждого из супругов, с целью минимизации как правовых, так и неправовых негативных аспектов, которые возникают после бракоразводного процесса.

Однако, несмотря на преимущества применения медиации в семейно-правовой сфере, рассматриваемый институт альтернативных способов урегулирования споров, на сегодняшний день, имеет ряд существенных недостатков, в том числе, в вопросах, связанных с применением процедуры медиации в семейных спорах.

Исходя из анализа правоприменительных аспектов, а также нормативной базы, регламентирующей процедуру медиации, представляется возможным выделить следующие проблемные аспекты рассматриваемого правового института, которые непосредственным

образом влияют на правоприменительную практику медиативных процедуры в сфере семейных правоотношений.

Институт медиации, несмотря на свои преимущества, недостаточно популярен среди граждан в силу низкой осведомленности о соответствующих возможностях последнего. Как отмечают отдельные исследователи, государственная политика развития процедуры медиации в отечественной системе является непоследовательной [5, с. 18].

Несмотря на создание нормативной базы данного правового института, не было реализовано действенных мер государственной поддержки, направленных на популяризацию процедуры медиации среди граждан. Данная проблема актуальна и для семейно-правовой сферы, подавляющее число участников соответствующих правоотношений не осведомлены о возможностях применения медиативных процедур применительно к их спорному правоотношению.

Также негативно сказывается на интеграции института медиации в отечественной правовой системе и то, что фактически, после принятия Закона, развитие медиативных процедур не приобрело масштабный характер. Ключевые аспекты института медиации так и не получили своей исчерпывающей правовой регламентации в нормах как процессуального, так и материального права.

Заключение. На основании вышеизложенного следует, что институт медиации в отечественной правовой системе обладает существенным потенциалом для своего развития, в том числе и в сфере семейных правоотношений, однако, на сегодняшний день, данный потенциал реализован не в полной мере, что существенно сказывается на авторитете института в глазах гражданского общества государства. На наш взгляд, предложенные в данном исследовании законодательные решения отдельных проблем института медиации способствуют его развитию и интеграции в отечественную правовую систему.

Список использованных источников

1. О медиации : Закон Респ. Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-З: [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 26 июня 2013 г. : одобр. Советом Респ. 28 июня 2013 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 12.07.2013 г. № 58-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

2. Калашникова, С. И. Медиация в сфере гражданской юстиции : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / С. И. Калашникова. – Екатеринбург, 2010. – 258 с
3. Кощенко, Н. В. Медиация в семейном праве / Н. В. Кощенко // Вестник уникальных институтов экономики и права. – 2017. – № 2. – С. 201–205.
4. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19 мая 2022 г. № 171-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
5. Трофимец, И. А. Медиация и расторжение брака / И. А. Трофимец // Российский судья. – 2014. – № 10. – С. 17–19.

ЕДИНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГРАЖДАН РОССИИ И БЕЛАРУСИ

Н. Е. Савенко

*Южно-Уральский государственный университет (НИУ), пр. Ленина, 76,
454080, г. Челябинск, Россия, ne_amelina@mail.ru*

В статье рассмотрены аспекты обеспечения единого экономического пространства на территориях России и Беларуси в части реализации прав граждан на осуществление экономической деятельности. Акцентируется, что интеграционные процессы играют важную роль для развития экономик «союзных» стран. Основываясь на задекларированном в Договоре о ЕАЭС 2014 г. положении о едином экономическом пространстве, содержанием которого являются сходные и однотипные механизмы регулирования экономики, основанные на применении гармонизированных или унифицированных правовых норм, автором проведено сопоставление действующих норм названных государств, регулирующих различные формы экономической деятельности граждан. В связи с чем, показаны различия правовых норм России и Беларуси, что дает основание сделать вывод о недостаточной «унифицированности» правовых норм, регулирующих экономическую деятельность граждан. Также показано, что более благоприятным для граждан России и Беларуси является действующий взаимный режим осуществления трудовой

деятельности (для граждан РФ – на территории Беларуси и наоборот). Относительно иных форм экономической деятельности граждан (индивидуальное предпринимательство, самозанятость, ремесленничество и др.) законодатели названных государств по-разному устанавливают возможности реализации данных прав граждан на территории союзного государства.

Ключевые слова: единое экономическое пространство, экономическая деятельность граждан, трудовая деятельность, трудовая миграция, самозанятость, налогообложение самозанятых граждан, Российская Федерация, Республика Беларусь.

В 2014 г. был утвержден Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС) в целях достижения сбалансированного развития экономики государств-членов, в том числе в целях обеспечения свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики (на основании Договора о Евразийском экономическом союзе, подписанном в г. Астане 29.05.2014 г. (далее – Договор о ЕАЭС). Российская Федерация и Республика Беларусь являются членами ЕАЭС.

Значение интеграции и всех сопутствующих ей экономических, политических, правовых и социальных процессов, трудно переоценить. Главное видится в создании положительного социального эффекта, который заключается в качественном повышении жизненного уровня населения, расширении возможностей граждан для реализации человеческого потенциала (человеческого капитала) на территориях дружественных государств. В научной литературе экономистами [1] и юристами [2, 3] также подчеркивается важность и значимость взаимодействия государств по вопросам хозяйственной и экономической деятельности, в том числе экономической деятельности граждан.

Согласно Договору о ЕАЭС единое экономическое пространство – это пространство территорий государств-членов, на котором функционируют сходные и однотипные механизмы регулирования экономики, основанные на рыночных принципах и применении гармонизированных или унифицированных правовых норм, и существует единая инфраструктура. Исходя из обозначенного понятия, представляется, что у государств-членов должны быть максимально сходными механизмы регулирования экономики, в части нормативно-

правовой базы. Иными словами, должно быть общее экономико-правовое регулирование общественных отношений участников ЕАЭС.

Обращаясь к теме экономической деятельности граждан России и Беларуси в заданном ракурсе интеграционных процессов по обеспечению свободы движения капитала и рабочей силы, полагаем, что обсуждению подлежат два аспекта. Во-первых, анализ правовых актов названных государств, регулирующих экономическую деятельность граждан в различных ее формах (индивидуальная предпринимательская деятельность, самозанятость, трудовая деятельность), в ходе которого необходимо выявить интеграционные сходства и различия. Во-вторых, анализ правовых актов, опускаящих осуществление экономической деятельности граждан России на территории Беларуси и наоборот.

Для реализации поставленных задач, сразу оговоримся, что под экономической деятельностью граждан нами понимается общепольная деятельность граждан, направленная на реализацию своих потребностей и потребностей общества в целом посредством участия в производстве, распределении, обмене и потреблении материальных и духовных благ. Экономическая деятельность граждан может носить самостоятельный характер в формах самозанятости и предпринимательства, а также зависимый характер – в форме трудовой деятельности.

Что касается экономической деятельности граждан в форме трудовой деятельности, то в России она регулируется Трудовым кодексом Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 25 февраля 2022 г.), принятым на основе общепризнанных принципов и норм международного права (Декларация Международной организации труда «Об основополагающих принципах и правах в сфере труда» – принята в г. Женева 18 июня 1998 г.) и в соответствии с Конституцией РФ, принятой в 1993 г. (с изменениями от 20 июля 2020 г.), основными принципами которых являются свобода труда, запрещение принудительного труда, защита от безработицы.

В Республике Беларусь трудовая деятельность регулируется также Трудовым кодексом от 26 июля 1999 г. № 296-З (в ред. от 30 июня 2022 г. № 183-З), согласно которому Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства о труде (ст. 8). Объем статьи не позволит нам провести более полное сравнение указанных нормативных актов, отметим лишь то, что в некоторых положениях кодексы отличаются

объемом и глубиной содержания. Главное, что данные кодексы основаны на международных нормах права.

Относительно такой формы экономической деятельности граждан, как индивидуальная предпринимательская деятельность, отметим, что законодатели России и Беларуси по-разному подходят к ее определению и субъектному составу. Например, согласно ст. 2 Гражданского кодекса РФ (Часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 25 февраля 2022 г. № 20-ФЗ) (далее – ГК РФ) под предпринимательской деятельностью понимается самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, должны быть зарегистрированы в этом качестве в установленном законом порядке, если иное не предусмотрено ГК РФ. При этом, в ст. 23 ГК РФ относительно граждан ГК РФ закреплено право осуществлять отдельные виды предпринимательской деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей. Исходя из этого, такую деятельность в России стали называть самозанятостью, а лиц ее осуществляющих – самозанятыми гражданами, о которых будет сказано отдельно.

Согласно ст. 1 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 07 декабря 1998 г. № 218-3 (ред. от 18 июля 2022 г.) (далее – ГК Республики Беларусь), определяющей предмет гражданского законодательства, под предпринимательской деятельностью понимается самостоятельная деятельность юридических и физических лиц, осуществляемая ими в гражданском обороте от своего имени, на свой риск и под свою имущественную ответственность и направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи вещей, произведенных, переработанных или приобретенных указанными лицами для продажи, а также от выполнения работ или оказания услуг, если эти работы или услуги предназначаются для реализации другим лицам и не используются для собственного потребления. Таким образом, белорусский законодатель в отличие от российского в понятии предпринимательской деятельности уточняет цель использования реализуемых работ и услуг как результатов предпринимательской деятельности, а именно, не для собственного потребления.

Кроме того, обращает на себя внимание Декрет Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2017 г. № 7 «О развитии

предпринимательства», в котором довольно подробно регламентированы разноплановые вопросы. Например, в названном документе объединены такие положения как перечень видов экономической деятельности, которые можно осуществлять в уведомительном порядке; требования пожарной безопасности к содержанию и эксплуатации капитальных строений для хозяйственной деятельности; санитарно-эпидемиологические требования к таким зданиям; общие требования в области охраны окружающей среды и ветеринарии.

Вместе с тем, главное отличие в регулировании предпринимательской деятельности граждан в России и Беларуси заключается в том, что белорусский законодатель особым образом наряду с предпринимательской деятельностью граждан выделяет ремесленную деятельность и деятельность, не относящуюся к предпринимательской. Так, согласно ст. 1 ГК Республики Беларусь ремесленная деятельность – это деятельность физических лиц по изготовлению и реализации товаров, выполнению работ, оказанию услуг с применением ручного труда и инструмента, в том числе электрического, осуществляемая самостоятельно, без привлечения иных физических лиц по трудовым и (или) гражданско-правовым договорам и направленная на удовлетворение бытовых потребностей граждан. В той же норме ГК Республики Беларусь определено, что не относятся к предпринимательской деятельности такие виды деятельности как ремесленная деятельность; деятельность граждан по ведению личных подсобных хозяйств, по производству, переработке и реализации произведенной ими сельскохозяйственной продукции; адвокатская деятельность; нотариальная деятельность; деятельность по оказанию услуг в сфере агротуризма; а также осуществляемые физическими лицами самостоятельно без привлечения иных физических лиц по трудовым и (или) гражданско-правовым договорам такие виды деятельности: реализация на торговых местах на рынках произведений живописи, графики, продукции растениеводства и пчеловодства; изготовленных этими физическими лицами хлебобулочных и кондитерских изделий, готовой кулинарной продукции, реализация лекарственных растений, ягод, грибов, орехов, другой дикорастущей продукции; выпас скота; репетиторство; чистка и уборка жилых помещений; уход за взрослыми и детьми, стирка и глажение постельного белья; майнинг, приобретение, отчуждение цифровых знаков (токенов), а также много других видов занятий, не являющихся предпринимательской деятельностью.

В дополнение к этим положениям был принят Указ Президента Республики Беларусь от 19 ноября 2017 г. № 337 «О регулировании деятельности физических лиц», в преамбуле которого определено, что данный правовой акт принят в целях стимулирования деловой активности, создания условий для самозанятости граждан путем расширения перечня видов деятельности, не относящихся к предпринимательской, и максимального вовлечения трудоспособного населения в экономику страны. По сути, вышеприведенный перечень видов деятельности является перечнем видов деятельности для самозанятых граждан, которые не являются субъектами индивидуальной предпринимательской деятельности. Белорусские ученые по-разному оценивают проводимые реформы своего государства. Относительно предпринимательства, например, В. Н. Кулаков отмечает, что реформы Беларуси в сфере предпринимательства с 2005 г. следует расценивать как эффективные [4, с. 131]. Вместе с тем, оценки статуса самозанятых лиц и их деятельности не так однозначны. Например, Н. Л. Бондаренко указывает, что в законодательстве Республики Беларусь наблюдается пробел в части определения правового положения самозанятых лиц и правовых режимов осуществляемых ими видов деятельности [5, с. 23]. Также И. В. Пантелеева указывает на отсутствие четких критериев статуса самозанятых лиц [6, с. 70–74].

В России же деятельность самозанятых лиц менее отрегулирована по сравнению с законодательством Республики Беларусь. С 2019 г. действует специальный Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (далее – Закон № 422-ФЗ). Названный закон был принят в развитие положений ст. ст. 2, 23 ГК РФ о праве граждан заниматься отдельными видами предпринимательской деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей. Однако четкого перечня видов деятельности для данной категории граждан до настоящего времени не утверждено. Российские ученые различным образом оценивают статус самозанятых: как предпринимателей [7], как зависимых занятых [8].

Таким образом, законодатели России и Беларуси по-разному регулируют такие виды самостоятельной экономической деятельности граждан как индивидуальное предпринимательство и самозанятость. Это свидетельствует о том, что единое экономическое пространство, предполагающее «унифицированное» законодательство в части

регулирования экономической деятельности граждан, не в полной мере унифицировано.

Относительно второго аспекта исследования в рамках интеграционных процессов, – анализ правовых актов, устанавливающих правовой режим осуществления экономической деятельности граждан России на территории Беларуси и наоборот, следует отметить главное. Несмотря на различия во внутреннем национальном регулировании некоторых видов экономической деятельности граждан в России и Беларуси, граждане данных государств благоприятным образом реализуют свои права на труд, предпринимательство, ремесленничество (самозанятость) на их территории дружественного государства.

В первую очередь, следует отметить, что реализации указанных прав предшествует благоприятный режим передвижения, выбора места пребывания и жительства на территориях названных государств в рамках Соглашения между РФ и Республикой Беларусь об обеспечении равных прав граждан РФ и Республики Беларусь на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства на территориях государств – участников Союзного государства, заключенного в г. Санкт-Петербурге 24 января 2006 г. (в ред. от 03 марта 2015 г.).

Относительно трудовой деятельности, отметим, что согласно Решению Высшего Совета Сообщества Беларуси и России от 22 июня 1996 г. № 4 «О равных правах граждан на трудоустройство, оплату труда и предоставление других социально-трудовых гарантий» граждане государства выезда, осуществляющие трудовую деятельность на территории государства трудоустройства, имеют равные права с гражданами государства трудоустройства в оплате труда, режиме рабочего времени и времени отдыха, охране и условиях труда и других вопросах трудовых отношений.

В отношении осуществления индивидуальной предпринимательской деятельности гражданам Республики Беларусь на территории России никаких особых требований не установлено кроме необходимости легализации своего проживания в России (получение вида на жительство либо разрешение на временное проживание). Более того, национальный режим самозанятости, действующий в России, также распространяется и на белорусских граждан согласно Закону № 422-ФЗ о налоге на профессиональный доход. Таким образом, Россия расположена к тому, чтобы граждане Республики Беларусь осуществляли экономическую деятельность на ее территории.

Для граждан России также предусмотрена возможность осуществлять экономическую деятельность в форме индивидуального предпринимательства при условии получения разрешения на постоянное проживание в Республике Беларусь. Однако ремесленной деятельностью в Республике Беларусь вправе заниматься только граждане этой страны (п. 1 Указа президента Республики Беларусь от 09 октября 2017 г. № 364 «Об осуществлении физическими лицами ремесленной деятельности»).

Подводя итог настоящему исследованию, необходимо отдать дань дружественным отношениям союзных государств, основанным на многовековой истории, воплощенной в синергии культурных и экономических ценностей. Представляется, что интеграционные процессы в области экономической деятельности граждан положительным образом влияют на реализацию экономических прав граждан дружественных стран, повышению конкурентоспособности трудовой и профессиональной силы и человеческого потенциала. Более того, эффективность экономического развития государств также зависит и от установления правовых режимов осуществления отдельных видов экономической деятельности с учетом интеграционных тенденций и принятых договоренностей между странами.

Список использованных источников

1. Истомин, А. В. Малое предпринимательство в странах содружества независимых государств и его роль в международной интеграции / А. В. Истомин // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2011. – № 4 (97). – С. 68–73.
2. Правовое регулирование социально-трудовых отношений с иностранными гражданами: междисциплинарный подход: монография / И. В. Войтковская, А. В. Гребенщиков, Е. Н. Доброхотова [и др.] ; под общ. ред. Е. Б. Хохлова, Е. В. Сыченко. – М. : Юстицинформ, 2019. – 320 с.
3. Михалева, Т. Н. Евразийская интеграция в действии: формирование стратегии хозяйственной деятельности с учетом права ЕАЭС / Т. Н. Михалева // Теоретико-прикладные перспективы правового обеспечения развития экономики : материалы международного научно-практического круглого стола, Минск, 21 октября 2021 г. : в 2 т. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : Н. Л. Бондаренко (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2021. – С. 47–53.

4. Кулаков, В. Н. Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь / В. Н. Кулаков // Сборник научных трудов «Проблемы экономики». – 2019. – № 1(28). – С. 122–132.

5. Бондаренко, Н. Л. Правовой статус самозанятых лиц / Н. Л. Бондаренко // Юстиция Беларуси. – 2021. – № 7 (232). – С. 23–27.

6. Пантелеева, Н. В. К вопросу о субъектах хозяйственного права в условиях развития хозяйственной (предпринимательской) деятельности / Н. В. Пантелеева // Теоретико-прикладные перспективы научного обеспечения современного развития экономики : материалы междунар. круглого стола, Минск, 23 мая 2019 г. / Белорус. гос. ун-т, юридический фак., каф. финансового права и правового регулирования хозяйственной деятельности, Академия управления при президенте Республики Беларусь, Институт управленческих кадров, фак. управления, каф. гражданского и хозяйственного права ; редкол. : В. С. Каменкова, Н. Л. Бондаренко. – Минск, 2019. – С. 70–74.

7. Ершова, И. В. Самозанятость: к вопросу о правовой квалификации / И. В. Ершова, Е. В. Трофимова // Право и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России : монография : в 4 т. ; под. ред. С. Д. Могилевский (отв. ред) [и др.]. – М. : Проспект, 2020. – Т. 1. – С.78–85.

8. Зайцева, Л. В. Экономически зависимые самозанятые: различия национальных подходов к определению правового статуса / Л. В. Зайцева // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 446. – С. 212–222.

ДОГОВОРЫ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА УСТАНОВЛЕНИЕ ПРАВООТНОШЕНИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОРГОВОГО ПОСРЕДНИЧЕСТВА: ОСОБЕННОСТИ ДИЛЕРСКОГО (ДИСТРИБЬЮТОРСКОГО) ДОГОВОРА

А. В. Сасс

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220006,
г. Минск, Беларусь, anthony.sass@yandex.by*

В статье изложены результаты исследования, посвященного правовому регулированию отношений, возникающих между коммерческими организациями при реализации и продвижении товара производителя на внешних товарных рынках (международное торговое

посредничество). Автором обозначена проблема типологии гражданско-правовых договоров, направленных на установление правоотношений международного торгового посредничества.

Ключевые слова: международное торговое посредничество, гражданско-правовой договор, дистрибуция.

Одной из важнейших задач производителя товара является развитие и повышение эффективности механизмов торговли данным товаром, ведущие к увеличению прибыли. При этом следует понимать, что, когда речь заходит о международной, в частности экспортной, торговле, дополнительным «обременяющим элементом» для производителя становится необходимость изучения иностранного товарного рынка и существующих на нем механизмов торговли.

В научной литературе применительно к вопросу повышения эффективности механизмов экспортной торговли сегодня отмечается все возрастающая роль специальных субъектов – коммерческих организаций, содействующих производителям в продвижении и реализации их товаров на внешних рынках.

Интересно мнение Н. В. Кузнецовой, которая, исследуя систему субъектов коммерческого (торгового) права, справедливо отмечает, что «в юридической литературе не сложилась единая терминология в отношении субъектов, чья деятельность способствует реализации и продвижению товаров на рынке.

Их называют лицами, содействующими торговле; лицами, оказывающими сопутствующие купле-продаже услуги; субъектами, содействующими продвижению товаров на рынке; вспомогательным звеном торговли и др.» [1, с. 110].

Вместе с тем, полагаем, что наиболее удачным именованием обозначенных субъектов является термин «торговые посредники», а точнее, поскольку названные субъекты содействуют продвижению и реализации товаров производителя преимущественно на внешних рынках – «международные торговые посредники».

Возрастающая роль международного торгового посредничества понятна: посредник всегда осуществляет свою деятельность в рамках конкретного товарного рынка, следовательно, хорошо знает этот рынок и понимает существующие условия ведения торговли, в то время как для производителя углубленное изучение особенностей каждого рынка, на

котором осуществляется сбыт его товаров, является задачей весьма дорогостоящей и трудновыполнимой.

Таким образом, экономическая природа международного торгового посредничества выражается в его направленности на оптимизацию торговых отношений и повышение их эффективности путем содействия, оказываемого торговым посредником производителю, применительно к продвижению и непосредственному сбыту товаров производителя на внешних рынках. При этом, взаимодействие производителя и торгового посредника происходит посредством построения и в рамках т.н. «сбытовой» или же «товарно-сбытовой» сети [2, с. 193].

В то же время, юридическая природа международного торгового посредничества не так однозначна.

Так, известно, что источником возникновения гражданско-правового обязательства, опосредующего отношения международного торгового посредничества, является гражданско-правовой договор [3, с. 223].

Но что это за договор?

Представляется, что ряд авторов, исследующих данный вопрос в своих работах, подходят к ответу на него несколько узко, предлагая сводить существующее многообразие форм взаимодействия между производителем (продавцом) и международным торговым посредником к понятию дистрибьюторского договора. Примечательно при этом, что понятие этого договора является «собирательным», ведь он не поименован ни в законодательстве Республики Беларусь, ни в законодательстве Российской Федерации, ни в законодательстве других стран-участниц ЕАЭС.

Вместе с тем, международная коммерческая практика и научная литература позволяют заключить, что «базовые» экономические отношения международного торгового посредничества, в зависимости от присущей им внутренней специфики, могут обретать форму правоотношений (в виде гражданско-правовых обязательств) посредством следующих договоров:

- агентский договор (договор комиссии, договор поручения, договор консигнации);
- дистрибьюторский (дилерский) договор;
- договор франчайзинга (договор коммерческой концессии);
- договор «случайного» посредничества [4].

Здесь следует обозначить, что в ряде случаев многообразие договорных конструкций объясняется существующими особенностями

законодательства отдельных стран, в то время как в действительности существенных различий между ними обнаружить не удастся.

Косвенное подтверждение данного тезиса можно встретить в трудах профессора Я. И. Функа, который, изучая одну из форм торгового посредничества, описанную Международной торговой палатой в Типовом коммерческом агентском контракте, отмечает, что «данная форма в праве Российской Федерации, Республики Беларусь и иных государств осуществляется на основе договоров комиссии, коммерческого представительства (поручения), агентского договора, договора консигнации» [5, с. 2].

На наш взгляд, аналогичным образом ситуация складывается применительно к следующим «договорным парам»: договор франчайзинга и договор коммерческой концессии, договор дилерства и договор дистрибьюции.

Вместе с тем, каждому из представленных выше четырех «договорных блоков» действительно корреспондирует определенная разновидность отношений торгового посредничества, а значит эти договоры наделены отличительными особенностями по отношению друг к другу.

Так, например, «агентская форма» посредничества предполагает, что одна сторона, действуя в рамках данного другой стороной («принципалом») поручения, обязуется содействовать деловой активности принципала в форме совершения конкретных действий – от имени принципала и за определенное вознаграждение либо от своего имени и за определенное вознаграждение.

В то же время анализ отношений торгового посредничества, обличенных в форму дистрибьюторского (дилерского) договора позволяет заключить, что в данном случае торговый посредник уже не является агентом другой стороны («производителя») в традиционном юридическом понимании этого термина – «лицо, действующее в рамках поручения и не принимающее на себя финансовые риски»; но является лицом, содействующим деловой активности производителя в форме реализации на определенной территории (как правило, определенном внешнем рынке) его товаров, но от своего имени, за свой счет, на свой риск, следовательно он: а) приобретает право собственности на указанные товары и

б) осуществляет ряд мероприятий по продвижению указанных товаров на обозначенной территории в целях повышения их конкурентоспособности и увеличения собственной прибыли.

Дистрибьюторский (дилерский) договор также отличается и от договора франчайзинга соответствующего вида – договора сбытового франчайзинга, согласно которому торговый посредник (франчайзи) оказывает аналогичное содействие производителю (правообладателю, франчайзеру), но с получением от производителя (правообладателя, франчайзера) лицензионного комплекса, то есть определенного перечня лицензий, в том числе лицензии на товарный знак или знак обслуживания; следовательно, такой посредник реализует товары пусть и от своего имени, но под «торговой маркой» производителя (правообладателя).

На основании изложенного предлагается обозначить следующее.

Экономические отношения международного торгового посредничества могут обретать правовую форму посредством различных договоров, каждый из которых призван учесть и максимально полно отразить специфику той или иной формы взаимодействия производителя (продавца) и международного торгового посредника. Представляется, что в своей совокупности данные договоры могут быть именованы договорами, направленными на установление правоотношений международного торгового посредничества (или же иным аналогичным образом).

Особое внимание в научной литературе уже традиционно уделяется одной из разновидностей таких договоров – дилерскому (дистрибьюторскому) договору. Представляется, что повышенное внимание в данном случае вызвано определенной неполнотой правового регулирования (применительно к законодательству стран-участниц ЕАЭС), поскольку данный договор, в отличие от иных рассмотренных нами ранее, не поименован в законодательстве ни одной из стран-участниц ЕАЭС. Вместе с тем, этот договор безусловно имеет ряд особенностей, отличающих его от иных договоров, направленных на установление правоотношений международного торгового посредничества. Иными словами, он лучше подходит для надлежащего правового урегулирования экономических отношений дистрибуции нежели, например, агентский договор.

Более того, многими авторами отмечается широкое практическое применение данной договорной формы в торговой практике субъектов хозяйствования, пусть она и представляет собой, по сути, непоименованный договор; отмечается и наличие ряда противоречий, вызванных отсутствием специального правового регулирования

дистрибьюторских (дилерских) договоров, нашедших свое отражение в судебной практике [2, с. 194 ; 6, с. 18].

В этой связи дальнейшее доктринальное изучение данного договора и его особенностей, а также последующее закрепление данного договора в законодательстве стран-участниц ЕАЭС, в том числе законодательстве Республики Беларусь, наряду с иными договорами, направленными на установление правоотношений международного торгового посредничества, видится закономерным и необходимым. Представляется, что такое действие станет необходимым шагом на пути к созданию единообразной и прозрачной практики в сфере торговых отношений между субъектами хозяйствования, а вслед за ней – и судебной практики в соответствующей области.

Список использованных источников

1. Кузнецова, Н. В. О субъектах коммерческого (торгового) права / Н. В. Кузнецова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) : сб. науч. тр. / Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина ; гл. ред. Ю. Г. Шпаковский. – Москва, 2020. – № 7(71) – С. 105–112.
2. Степанчикова, Ю. С. Дистрибьюторский договор как форма построения товарно-сбытовой сети за рубежом: правовая природа, вопросы терминологии, практика применения / Ю. С. Степанчикова // Актуальные проблемы международного публичного и международного частного права : сб. науч. тр. Вып. 3 / Белорус. гос. ун-т ; сост. : Е. В. Бабкина, А. Е. Вашкевич. – Минск, 2011. – С. 193–205.
3. Сасс, А. В. К вопросу о классификации обязательства, опосредующего отношения международного торгового посредничества / А. В. Сасс // Актуальные проблемы гражданского права : сб. науч. тр. / Междунар. ун-т «МИТСО» ; гл. ред. Н. Л. Бондаренко. – Минск, 2022. – № 1(19). – С. 219–233.
4. ICC Model Contracts & clauses [Electronic resource]. – Mode of access: <https://iccwbo.org/resources-for-business/model-contracts-clauses/>. – Date of access: 08.10.2022.
5. Функ, Я. И. Право международной торговли: договоры международной купли-продажи товаров и международного торгового посредничества : в 3 кн. / Я. И. Функ. – Минск : Дикта, 2005. – Кн. 3 : Международное торговое посредничество. – 296 с.

6. Мозгов, М. В. Квалификация и правовое регулирование дистрибьюторских договоров: предложения по изменению законодательства / М. В. Мозгов // Арбитражная практика. – 2009. – № 10. – С. 15–18.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА КАК ОБЪЕКТИВНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

У. В. Селявко

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220006,
г. Минск, Беларусь, Ulya.Selyavko@bk.ru*

Ю. Г. Конаневич

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220006,
г. Минск, Беларусь, konanewitsch@yahoo.com*

В современной научной и учебной литературе преимущественно отсутствует понимание природы и сущности корпоративных отношений и корпоративного права, а также фактического объема корпоративных правоотношений в общем массиве общественных отношений, что свидетельствует не только об отсутствии у корпоративных отношений доктринальной основы, но и значительных проблемах в их идентификации. Корпоративные отношения зачастую воспринимаются либо как нечто обособленное от хозяйственных правоотношений, либо же как элемент последних, однако ограниченный лишь пределами института корпорации. Последнее обстоятельство усложняет восприятие корпоративных отношений еще и по той причине, что в настоящее время в Республике Беларусь не сложилось доктринального понимания того, что же корпорация есть на самом деле.

Ключевые слова: корпоративное управление, ведомственное управление, корпоративные правоотношения, корпоративное право

Современное общество невозможно представить без интенсивного совершенствования системы общественных отношений и ее технологической основы. В определенной мере можно констатировать, что наблюдается непрерывный процесс ежедневного усложнения системы

взаимодействия между самыми разнообразными субъектами общественных отношений и даже социальными и техногенными системами, в функционирование которых все сильнее проникают элементы искусственного интеллекта. В таких условиях возникает необходимость реформирования свойственной обществу системы управления, в особенности в той ее части, которая идентифицируется как система корпоративного и ведомственного управления субъектами хозяйственной деятельности.

Термины «корпоративное право», «корпоративные отношения» и смежные им категории прочно вошли в научный оборот и активно используются в правовой доктрине на протяжении определенного времени, нередко являясь предметом острых дискуссий среди юристов-практиков и представителей научного сообщества. Между тем рассматриваемые термины все еще игнорируются законодателем в Республике Беларусь, что и обуславливает актуальность выбранной темы.

Следует сказать, что единого выработанного понятия корпоративного права на сегодняшний день не существует. Однако научные разработки и результаты правоприменительной деятельности все же позволяют определить предмет и методологию корпоративного права, а также вполне успешно и однозначно разграничить его природу со смежными отраслями.

Более того, идентификация корпоративного права предполагает «искоренение» целого ряда ошибок в понимании природы рассматриваемых отношений. Это обусловлено тем, что современная доктрина корпоративного права в значительной степени основывается на выводах представителей экономической науки, которые, в свою очередь, были сформированы на основе некорректного перевода англоязычных источников, разработанных преимущественно в рамках англосаксонской правовой семьи. В результате на постсоветском пространстве зародилась идея свойственности корпоративного управления только юридическим лицам корпоративного типа, что не соответствует действительности: система корпоративного управления свойственна не только юридическим лицам унитарного (индивидуального) типа (например, унитарному предприятию или учреждению), но и целому ряду организаций без статуса юридического лица (свидетельством чему являются нормы статей 911 и 912 Гражданского кодекса Республики Беларусь).

Отдельные авторы предлагают рассматривать корпоративное право в качестве системы общеобязательных правил поведения, которые устанавливаются государством либо органами управления корпорациями,

охраняются и обеспечиваются силой корпоративного и государственного принуждения в целях регулирования общественных отношений, связанных с деятельностью корпораций [1, с. 124]. Несмотря на невозможность, по нашему мнению, исходя из содержания представленного определения, четко определить круг общественных отношений, входящих в предмет корпоративного права (это, во-первых), и ошибочность формулировки вследствие некорректного понимания природы корпоративных отношений (во-вторых), рассматриваемый подход относит к числу корпоративных отношений три вида общественных отношений:

1. внутрикорпоративные отношения, возникающие внутри корпорации как единого целого;
2. отношения между корпорацией и государством;
3. отношения корпорации с третьими лицами (например, контрагентами, потребителями).

При этом автор определения не раскрывает, что он понимает под «корпорацией» и игнорирует тот факт, что организации корпоративного типа (корпорации и квазикорпорации) не являются некой исключительной разновидностью организаций, монопольно обладающими правом на корпоративное управление. Более того, в государственных институциональных единицах, не являющихся товаропроизводителями (Постановление Национального статистического комитета Республики Беларусь от 30 декабря 2015 г. № 219 «Об утверждении статистического классификатора СК 00.007-2015 «Институциональные единицы по секторам экономики»), которые в принципе невозможно идентифицировать в качестве корпорации, также присутствует система корпоративных отношений. Только именуется эта система корпоративных отношений ведомственным управлением.

Соответственно, корпоративные правоотношения – это правоотношения, складывающиеся по поводу управления деятельностью организации. Причем любой организации – со статусом или без статуса юридического лица, организации корпоративного или индивидуального (унитарного) типа. Научное сообщество, законодатель и правоприменители в Республике Беларусь данный факт не только признали, но и закрепили. К примеру, природа корпоративных отношений и их содержание в истинном значении нашли отражение в Республике Беларусь в паспорте специальности «12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное

право», в типовой учебной программе по учебной дисциплине «Хозяйственное право», утвержденной в Республике Беларусь в 2022 году.

Необходимо отметить, что множество существующих источников по корпоративному праву и корпоративным отношениям также игнорируют сей факт. Так, В.А. Белов определяет корпоративные правоотношения как отношения, направленные на организацию и осуществление деятельности по совместному достижению общих целей – союзной или корпоративной деятельности [2, с. 51–52]. При этом словосочетание «корпоративная деятельность» можно соотнести с реальной действительностью, однако установить, что именно понимает В.А. Белов под «союзной деятельностью» не представляется возможным. Предполагаем, что имеет место результат некорректного перевода англоязычной литературы по корпоративному праву, в которой констатируется объединительная и организующая функция при осуществлении управления деятельностью субъекта хозяйственной деятельности.

На наш взгляд, предметом корпоративного права является система принятия и юридического оформления внутриорганизационных решений и совершаемых субъектами рассматриваемых отношений юридически значимых и фактических действий, обусловленных целями и задачами функционирования соответствующей организации (как частноправовой, так и публично-правовой).

Декларируемый нами методологический подход позволяет одновременно объединить две объективно существующие позиции в понимании корпоративных отношений и сформировать представление об истинном состоянии и содержании системы корпоративного и ведомственного управления.

Первая основана на идее отнесения к корпоративным отношениям системы социальных связей в пределах организации, который выходит за пределы корпоративного права, так как такие связи могут иметь иную природу (например, быть основанными на внешнем управлении организацией в рамках санации); вторая позиция – на идее отнесения к корпоративным отношениям лишь отношений между участниками (собственниками имущества, членами и т.п.) такой организации (что существенным образом сужает реальный объем корпоративных отношений).

Более того, принимая во внимание вышеизложенное, мы берем на себя смелость идентифицировать корпоративное право, как самостоятельную отрасль права в хозяйственно-правовом цикле отраслей

права, и считаем, что корпоративное право остро нуждается в институционализации и формировании целостной доктринальной основы.

Так, корпоративное право представляет собой самостоятельную отрасль права – совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, связанные с системой принятия и юридического оформления внутриорганизационных решений и совершаемых субъектами рассматриваемых отношений юридически значимых и фактических действий, обусловленных целями и задачами функционирования соответствующей организации.

Немаловажное значение имеет и тот факт, что именно в рамках белорусской правовой науки сформировалось корректное восприятие системы корпоративных отношений и природы корпоративного права [3]. Однако на пути институционализации корпоративного права необходимо преодолеть еще множество препятствий концептуального характера.

В этой связи требуется особо подчеркнуть необходимость проведения комплексных научных исследований по проблематике корпоративного права, позволяющих выработать нашу собственную – национальную правовую доктрину корпоративных отношений – и исключить из практики целый комплекс заблуждений относительно их природы.

Список использованных источников

1. Белорусская юридическая энциклопедия : в 4 т. / редкол. : С .А. Балашенко [и др.]. – Минск: ГИУСТ БГУ. – Т. 2 : К – О. – 2009. – 583 с.
2. Корпоративное право : актуальные проблемы теории и практики / В. А. Белов [и др.]; под общ. ред. В. А. Белова. – М. : Юрайт, 2009. – 552 с.
3. Конаневич, Ю. Г. Корпоративные отношения в системе правовых отношений / Ю. Г. Конаневич, Н. Л. Бондаренко // Государственное регулирование экономики и повышение эффективности деятельности субъектов хозяйствования = State Regulation of the Economy and Enhancing the Performance Efficiency of Business Entities : сборник материалов XVI Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 23–24 апр. 2020 г. / редкол.: Г. В. Пальчик (пред.) [и др.] ; Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. – Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2020. – 197 с.

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРАВА

Д. В. Семашко

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь, ул.
Московская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь, d.v.semashko@gmail.com*

Правовая природа инвестиционного права характеризуется двойственностью, вызванной взаимодействием внутри его институтов частного и публичного права. В качестве критериев отнесения инвестиционного права к той или иной отрасли выступают интереса, функциональной направленности норм, характера отношений между субъектами, субъекта создания норм, юрисдикции.

Ключевые слова: инвестиционное право, частное право, публичное право, критерии разграничения.

Существующая дискуссия касательно правовой природы инвестиционного права происходит в нескольких плоскостях. В одной из них речь идет об отнесении к праву частному или публичному, несмотря на все чаще встречающийся вопрос об актуальности данного подхода в условиях постоянно развивающейся системы взаимоотношений различных систем и сфер деятельности человечества.

Подход, при котором частное право противопоставляется публичному праву и является одной из самых древних дихотомий в праве, предложенных в Древнем Риме. Широко известно высказывание Ульпиана о том, что частное право служит пользе и интересам конкретного лица, в чем проявляется связь с жизнью отдельно взятого человека [1, с. 12]. В свою очередь публичное право тесно связано с государством, в отличие от частного, служит пользе общего, а не частного интереса, и преследует цель удовлетворения общественных интересов в виде общего блага.

По сути своей гражданское право является стержневой отраслью частного права, регулирующей отношения, возникающие, изменяющиеся, прекращающиеся и охраняемые по воле частных лиц, в то время как в публичном праве правоотношения развиваются преимущественно по воле публичных акторов.

Безусловно, отрасли частного и публичного права тесно переплетены, и как указывалось выше, данное деление в условиях постоянно меняющегося мира в некоторых случаях может показаться весьма условным. Еще с XIX века в правовой доктрине укореняется так называемый «симбиотический» подход, нивелирующий догму Ульпиана, и декларирующий искусственность разделения публичного и частного права в силу его взаимопроникновения и дополнения одних норм другими.

В качестве практической цели разграничения частного и публичного права цивилисты определяют то, в какой мере участники соответствующих правоотношений могут проявлять автономию воли и влиять на формирование собственного правового статуса [1, с. 13].

Исходя из данного подхода, место инвестиционного права в системе права является крайне дискуссионным, исходя из того, что, как таковая, жесткая граница между частным и публичным правом отсутствует, а принципы и методы регулирования со временем перетекают из одной области в другую, что приводит к образованию комплексных сфер (комплексное регулирование помогает быстро преодолеть лакуны в правовом регулировании, что является безусловным плюсом в правоприменительной практике). К таким сложным сферам правоотношений и относятся правовое регулирование инвестиций.

Для определения места инвестиционного права в системе права целесообразно соотнести его с критериями разграничения частного и публичного права, существующих в правовой науке, таких как критерий интереса, функциональной направленности норм, характера отношений между субъектами, субъекта создания норм, юрисдикции.

Так, по критерию интереса нормы инвестиционного права призваны защищать как интересы частного лица – инвестора, так и интересы общества и государства в целом. Касательно функциональной направленности норм исторически инвестиционное право в первую очередь было направлено на защиту вещных прав инвестора, с одной стороны, однако позволяло государству-реципиенту защищать свои права посредством возражений на требования частного субъекта. Специфика отношений между субъектами в инвестиционном праве такова, что в каждом правоотношении присутствует частный и публичный элемент. То же касается и субъектов создания норм: в случае определения в качестве источника нормы договора субъектами являются частное лицо и государство, а в случае, когда источником является наднациональный межгосударственный акт, – государства как договаривающиеся стороны, которые определяют основы правопорядка в конкретных инвестиционных правоотношениях для своих резидентов. Что касается критерия юрисдикции, то судебная практика по инвестиционным спорам с участием иностранных лиц указывает на то, что защита прав осуществляется по инициативе как частного, так и публичного субъекта, причем в случае с частными иностранными инвесторами одним из способов защиты является

обращение в международный арбитраж, в случае, когда соответствующая защита не была предоставлена на национальном уровне.

Таким образом, исходя из критериев разграничения частного и публичного права, нормы, входящие в предмет инвестиционного права состоят из норм, находящихся на стыке частной и публичной сферой.

Уяснение предмета исследования инвестиционного права позволяет его категоризацию и отграничение от массива других правовых норм, а, возможно, выделение в отдельную подотрасль или отрасль права. Следует отметить, что развитие правовой науки на постсоветском пространстве пришло к противоречивости предмета как отличительной характеристики отрасли права, возникшей в силу преобразований системы права после переворота 1917 г.

В теории права принят подход, согласно которому выделение отрасли права возможно по различным основаниям. В то же время отрасли преимущественно выделяются на основании двух основных кумулятивных критериев: предмета правового регулирования и метода правового регулирования. При этом предмет отрасли должен обладать отличительными признаками, несхожими с отношениями, которые регулируются в рамках иной отрасли. К двум названным основаниям классификации добавляют функции, которые выполняет та или иная отрасль права в общей системе права. Используются и иные критерии. При этом «основой отрасли может быть не любая группа общественных отношений, а такая, которая обуславливает специфику правового воздействия» [2, с. 17]. Следует отметить, что с развитием правоотношений растет число комплексных отраслей права, что в современном мире подчеркивает растущее межотраслевое взаимодействие и взаимопроникновение правовых конструкций из одной отрасли в другую.

В то же время, современные цивилисты подчеркивают важность именно метода правового регулирования, что возвращает нас к классической правовой дихотомии, предложенной римским правом.

Вместе с тем существует мнение, что инвестиционные отношения могут быть объединены в единую группу только условно. Поскольку совокупность таких правоотношений презюмируется номинальной, нет и предмета регулирования инвестиционного права и, следовательно, инвестиционное право не может быть признано в качестве самостоятельной отрасли права. А. В. Майфат особо отмечает, что «не покидает ощущение, что некоторые авторы при моделировании

инвестиционного права включают в его предмет все отношения, при регулировании которых законодатель употребляет термины «инвестор», «инвестиции» и производные этих терминов, что, конечно же, категорически недопустимо [3, с. 41].

Соглашаясь с подходом, при котором игнорируется смысловая наполненность правовых норм, окончательная оценка инвестиционного права как потенциальной отрасли должна предваряться исследованием иных критериев отграничения правовых норм. В связи с этим, учитывая ограниченность применения предмета как единственного критерия определения границ инвестиционного права необходимо уяснить, имеется ли специальный метод регулирования инвестиционных отношений.

По мнению В. Н. Лисицы, регулирование инвестиционной деятельности осуществляется с использованием различных методов в зависимости от вида отношений между субъектами правоотношения. Учитывая вышеизложенный анализ отнесения инвестиционного права к смешанной частной и публичной сфере регулирования, вывод об отсутствии собственного (самостоятельного) метода инвестиционного права представляется обоснованным. При этом, использование метода гражданско-правового регулирования, характеризующегося как правонаделительный, сочетается с публично-правовым (императивным) методом [4, с. 38].

Такой подход повторяет выводы о соотношении критериев частного и публичного права при оценке правового регулирования инвестиционных правоотношений. Это также не дает однозначного ответа о возможности выделения инвестиционного права в обособленную отрасль.

Как видится, указанная классификация имеет своими недостатками статичность и невозможность охватить межотраслевые правоотношения, а также отношения, эволюционировавшие благодаря развитию межотраслевого взаимодействия, как можно это проследить на примере международного инвестиционного права.

В науке предпринимались попытки провести границу между частным и публичным правом в сфере инвестиционных отношений. Так, с точки зрения А. Г. Богатырева, существо частнопрового регулирования состоит в определении организационно-правовых форм субъектов инвестиционных отношений, а публично-правового регулирования – в обеспечении правовых гарантий и защиты со стороны государства (в отношениях «власти-подчинения») [5, с. 24, 31]. Н. Г. Доронина полагает, что нормы публичного права регулируют отношения государства с

частным инвестором в связи с допуском иностранных инвестиций, а также в связи с осуществлением государственного контроля за деятельностью инвестора на национальном рынке в рамках законодательства о конкуренции [6, с. 37]. По мнению Я. О. Золоевой, нормы публичного права касаются, например, допуска иностранных инвесторов, а нормы гражданского права определяют порядок регулирования различных форм инвестиций, инвестиционной деятельности как части рыночных отношений [7, с. 18].

На наш взгляд, такое разграничение сферы действия гражданского (частного) и административного (публичного) права является неполным. Гражданское право и Гражданский кодекс Республики Беларусь содержит нормы частного и публично-правового характера, и регулирует любые имущественные и личные неимущественные отношения инвесторов с другими участниками гражданского оборота, основанные на юридическом равенстве сторон. Оно устанавливает и гарантии в этой сфере. Наличие административного или иного властного подчинения одной стороны другой указывает на сферу административного (финансового) права, в рамках которой государство создает ряд других гарантий инвестиционной деятельности и устанавливает меры государственной поддержки инвесторов.

Список использованных источников

1. Основы цивилистики : учеб. пособие / Р. Х. Абдрашитов [и др.] ; под ред. А. В. Егорова и Э. А. Евстигнеева. – Москва : Ассоциация выпускников РШЧП, 2020. – 259 с.
2. Цивилистические записки : межвуз. сб. науч. тр. : вып. 2 / Урал. гос. юрид. акад., Рос. шк. част. права, Урал. отд-ние ; редкол. : С. С. Алексеев [и др.] – М., Екатеринбург : Статут, Изд-во Ин-та част. права, 2002. – 511 с.
3. Майфат, А. В. Инвестирование: способы, риски, субъекты : монография / А. В. Майфат. – М. : Статут, 2020. – 176 с.
4. Лисица, В. Н. Инвестиционное право : учеб. / В. Н. Лисица. – Новосибирск : ННИГУ, 2015. – 568 с.
5. Богатырев, А. Г. Инвестиционное право / А. Г. Богатырев ; под ред. Л. И. Рябова. – М. : Рос. право, 1992. – 272 с.
6. Доронина, Н. Г. Правовое регулирование иностранных инвестиций в России и за рубежом / Н. Г. Доронина, Н. Г. Семилютина. – М. : Финстатинформ, 1993. – 128 с.

7. Золоева, Я. О. Концессионные и иные договоры с иностранными инвесторами в области добычи полезных ископаемых : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Я. О. Золоева ; ИЗИСП. – М., 2003. – 38 с. УДК 347.73.

ВИРТУАЛЬНАЯ ВАЛЮТА КАК ОБЪЕКТ ИНВЕСТИРОВАНИЯ

А. А. Силивончик

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220006,
г. Минск, Беларусь, angelina.silivonchuk@mail.ru*

До недавних пор виртуальные валюты использовались исключительно в личных целях, например в рамках компьютерных игр за виртуальную валюту можно было улучшить качества своего персонажа, в социальной сети, купить виртуальный подарок другому пользователю. Сейчас ситуация изменилась: виртуальные валюты стали также способом получения дохода. В настоящей статье исследуется вопрос возможности признания виртуальной валюты объектом инвестирования. В результате исследования автор приходит к выводу о том, что не все виртуальные валюты могут признаваться объектом инвестирования, а также о том, что в данном вопросе важно разграничивать понятия «инвестиции» и «предпринимательская деятельность».

Ключевые слова: виртуальная валюта, криптовалюта, игровая валюта, инвестиции, денежные средства

На сегодняшний день существует действительно большое количество виртуальных валют: валюты социальных сетей, игровые валюты, криптовалюты и так далее. При этом на наш взгляд наиболее оправданной классификацией является разделение их на виртуальные валюты закрытого типа (иными словами, те, которые не имеют связи с реальной экономикой), виртуальные валюты с движением денежных средств в одном направлении (то есть те, которые можно приобрести за фиатные денежные средства, но нельзя обменять на них обратно) и виртуальные валюты с двусторонним движением денежных средств (конвертируемые виртуальные валюты) [1, с. 104].

Можно ли отнести виртуальные валюты к инвестициям?

Исходя из определения понятия «инвестиции», которое содержится в ч. 1 ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об инвестициях» от 12 июля 2013 г. № 53-З (далее – Закон об инвестициях), чтобы отнести тот или иной объект к инвестициям на территории Республики Беларусь он должен соответствовать нескольким критериям: «(1) быть имуществом и иным объектом гражданских прав, (2) принадлежать инвестору на праве собственности, ином законном основании, позволяющем ему распоряжаться объектом, (3) вклад должен производиться инвестором на территории Республики Беларусь, (4) вклад должен быть осуществлен способами, предусмотренными Законом об инвестициях, (5) вклад должен осуществляться в целях получения прибыли (доходов) и (или) достижения иного значимого социально-экономического результата, в иных целях, не связанных с личным, семейным, домашним и иным подобным использованием».

Стоит отметить, что каждый вид виртуальной валюты связан с чередой рассуждений и дискуссий о том, к какому же виду объектов гражданских прав, их относить. Тем не менее, исследователи в большинстве своем сходятся на том, что место в данном перечне им все-таки есть. Тем более, что ст. 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) устанавливает неисчерпывающий перечень таких объектов, что позволяет как отнести виртуальную валюту уже к поименованным в ГК объектом, так и к новым.

Более того, исходя из всех имеющихся исследований на данную тему можно сделать вывод о том, что главный критерий, которому должна соответствовать виртуальная валюта при ее отнесении к объектам гражданских прав является то, что она должна представлять из себя благо (ценность), способное удовлетворять потребности человека и иметь возможность быть достаточно определенным, чтобы ее идентифицировать и обособить от иных объектов [2, с. 358].

Например, Я. А. Перепелкина в своей работе «Виртуальное игровое имущество: перспективы правового регулирования» отмечает, что «игровое имущество обладает ценностью, поскольку пользователь прикладывает усилия или тратит реальные деньги на его приобретение» [3, с. 45].

Однако даже, если препятствий при отнесении виртуальной валюты к объектам гражданских прав нет и, соответственно, она может обладать ценностью и принадлежать своему владельцу на законных основаниях это

не означает, что любая виртуальная валюта может быть объектом инвестирования.

Виртуальные валюты закрытого типа не могут рассматриваться, как вложение с точки зрения инвестирования, поскольку они не имеют никакой связи с реальной экономикой. Соответственно, кроме своих сил и времени потенциальный обладатель ничего не может вложить в такую валюту. Также, как и наоборот, вложения данной виртуальной валюты, например, в иные виртуальные объекты не смогут привести к получению прибыли (доходов) и (или) к иному значимому социально-экономическому результату. В данном случае, речь идет скорее об иных целях, связанных с личным использованием. Например, компьютерные офлайн-игры в рамках которых виртуальная валюта добывается, а не приобретается в процессе игры за выполнение различных заданий и т.д. Соответственно, данная виртуальная валюта не может рассматриваться, как инвестирование.

Виртуальные валюты с односторонним движением денежных средств также не может рассматриваться, как вложение с точки зрения инвестирования, поскольку, они хоть и связаны с реальной экономикой, преследуют иные цели. Например, активные пользователи социальных сетей часто приобретают виртуальную валюту той или иной онлайн-платформы, которой пользуются с целью покупки виртуальных объектов внутри нее. Другим примером являются некоторые виртуальные валюты онлайн-игр. В данном случае, также, подразумеваются, что виртуальная валюта приобретается для покупок внутри компьютерной игры, например, с целью улучшения своего персонажа, иными словами, для личного использования. Следовательно, в данном случае не подразумевается какой-то иной цели кроме, как связанной личной.

Таким образом, несмотря на то, что ст. 4 Закона об инвестициях предусматривает неисчерпывающий перечень способов осуществления инвестирования на территории Республики Беларусь, оставляя при этом лишь одну важную оговорку: «способы должны быть незапрещенными законодательными актами» в вопросе инвестирования также важно концентрироваться на цели вложения.

Виртуальные валюты с двусторонним движением денежных средств (конвертируемые виртуальные валюты).

Поскольку, в некоторых случаях разработчики онлайн-игр разрешают передавать виртуальные объекты, в том числе, виртуальную валюту, то зачастую вокруг такой игры начинают выстраиваться настоящие торгово-рыночные отношения, где виртуальная валюта конвертируются в реальные

денежные средства и обратно. В глобальной компьютерной сети Интернет даже существуют онлайн-площадки для купли-продажи виртуальной валюты онлайн-игр, где можно найти виртуальные валюты таких игр, как «Aion», «EVE online», «GTA 5», «Steam», «World of Tanks» и другие.

Однако в данном контексте стоит отметить, что не всегда термин «конвертируемая или виртуальная валюта с двусторонним движением денежных средств» означает, что виртуальная валюта обладает официальной конвертируемостью. К примеру, группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) (англ. Financial Action Task Force on Money Laundering — FATF) отмечала, что «даже если по условиям, установленным администратором, неконвертируемая валюта официально может быть передана только в пределах конкретной виртуальной среды и не является конвертируемой, возможно возникновение неофициального вторичного черного рынка, который предоставляет возможность обмена «неконвертируемой» виртуальной валюты на фиатную или другую виртуальную валюту. Как правило, администратор применяет санкции (включая прекращение членства и/или конфискацию оставшейся виртуальной валюты) к тем, кто пытается создать или использовать вторичный рынок вопреки правилам валюты» [4]. Таким образом, развитие мощного вторичного черного рынка конкретной неконвертируемой виртуальной валюты может на практике превратить ее в конвертируемую виртуальную валюту, что приводит нас к тому, что неконвертируемость конкретной виртуальной валюты не обязательно является статичной.

Однако опять же, в данном контексте, важно понимать разницу между инвестированием и предпринимательской деятельностью. Так как в силу того, что и та и другая сфера связана с риском и имеет практически неограниченное количество способов достижения поставленных целей зачастую данные способы получения благ путают.

Так, исходя из различных исследований в данной области [5, с. 27–31] можно прийти к выводу о том, что в отличие от предпринимательской деятельности, которая, по смыслу п. 1 ст. 1 ГК, является активной деятельностью, направленной на систематическое получение прибыли, инвестирование скорее носит пассивный характер. Как следствие, прибыли от такой деятельности может и не быть вовсе, поскольку ее получение скорее связано с наступлением или не наступлением определенных независимых от инвестора обстоятельств. Ввиду чего такая деятельность

имеет значительно больший риск, чем риск присущий предпринимательской деятельности

Также важным моментом является то, что предпринимательская деятельность преследует исключительно цель получения прибыли в то время, как инвестирование может иметь различные цели, в том числе, достижения иного значимого социально-экономического результата.

В настоящее время, конвертируемые игровые валюты стали настолько сильной экономической средой, что активные пользователи онлайн-игр начали объединяться, чтобы заработать игровую валюту и продать ее на соответствующих онлайн-площадках. Тем не менее, даже если отбросить вопрос законности такой деятельности, что заслуживает отдельного исследования, данные действия скорее подпадают, как раз, под понятие предпринимательской деятельности, чем под понятия инвестирования. Так как связаны с осуществлением активных действий, направленных на систематическое получение прибыли.

Таким образом, на сегодняшний день, единственным законным способом инвестирования в виртуальную валюту остается инвестирование в криптовалюту, о чем свидетельствует следующее.

Во-первых, исходя из Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. №8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет №8) все криптовалюты являются токенами, что исходит из определения данного термина в п. 12 приложения 1 к Декрету №8: «Цифровой знак (токен) – запись в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе, которая удостоверяет наличие у владельца цифрового знака (токена) прав на объекты гражданских прав и (или) является криптовалютой».

В свою очередь, п. 4 приложения 1 Декрета №8 дает следующее определение криптовалютам: «Криптовалюта – биткоин, иной цифровой знак (токен), используемый в международном обороте в качестве универсального средства обмена».

Тут стоит отметить, что, несмотря на закрепление определений терминов «токен» и «криптовалюта» в законодательстве, как и в случаях с другими виртуальными валютами, в отношении них идут споры о том, к какому же виду объектов гражданских прав они относятся, однако исследователи все-таки сходятся на том, что место в данном перечне, как для токенов, так и для криптовалют есть [6, с. 45–48; 7, с. 21–23; 8, с. 114].

Соответственно, криптовалюта может быть объектом гражданских прав, может принадлежать своему владельцу на законных основаниях и, соответственно, может быть объектом инвестирования.

Также, стоит отметить, что инвестирование в токены (криптовалюту), в свою очередь, является не просто законным, но и законодательно определенным.

Так, подп. 2.1. п. 2 Декрета №8 позволяет юридическим лицам владеть токенами и криптовалютами и, с учетом особенностей, установленных Декретом №8, проводить ряд операций с ними: «создавать, размещать, хранить, приобретать, отчуждать и совершать иные сделки». Подп. 2.2. п. 2 Декрета №8 также позволяет физическим лицам владеть токенами и криптовалютами и, с учетом особенностей, установленных Декретом №8, проводить такие операции, как «майнинг, хранение, обмен токенов на иные токены, приобретение, отчуждение за белорусские рубли, иностранную валюту, электронные деньги, а также дарение и завещание».

Таким образом, исходя из представленных норм, можно однозначно сказать, что криптовалюта может быть объектом инвестирования. Например, данную виртуальную валюту можно приобрести с целью выжидания изменения ее курса и, как следствие, получения прибыли (дохода). При этом, инвестор не может совершить какие-либо активные действия для улучшения ситуации на рынке таких «валют» и повышения их курса, что приводит к тому, что никакой связи с предпринимательской деятельностью такие действия не имеют, а носят именно характер инвестирования.

Таким образом, криптовалюта может быть объектом инвестирования в случаях и в силу того, что «(1) она является объектом гражданских прав на территории Республики Беларусь; (2) она принадлежит инвестору на законном основании; (3) вкладывается на территории Республики Беларусь; (4) вкладывается способами, предусмотренными Законом об инвестициях, а именно, «иными способами, кроме запрещенных законодательными актами»; (5) вкладывается в целях получения прибыли (доходов) и (или) достижения иного значимого социально-экономического результата, в иных целях, не связанных с личным, семейным, домашним и иным подобным использованием».

Касательно последнего пункта стоит отметить, что у такой виртуальной валюты, как криптовалюта, в принципе, инвестирование является ключевой целью. Связано это со следующим.

Во-первых, вложения в криптовалюту не преследуют каких-то конкретных бытовых целей, как, например, виртуальная валюта социальных сетей или онлайн-игр.

Во-вторых, обычное хранение криптовалюты в целях сохранения своих сбережений зачастую невыгодно его владельцам из-за высокой волатильности (изменчивости ее цены).

В-третьих, криптовалюта не признается законным средством платежа (не только на территории Республики Беларусь, но и на территории большинства стран мира), а использование ее в качестве «универсального средства обмена» не получило на сегодняшний день столь масштабного распространения. Так, например, обмен автомобиля на криптовалюту на территории Республики Беларусь скорее резонансный случай, чем обыденная сделка. По крайней мере, на сегодняшний день.

Следовательно, основной целью приобретения криптовалюты является, как раз инвестирование с целью приумножения своего капитала. Об этом, также свидетельствуют замечания специализированного учреждения ООН «Международного валютного фонда», который отмечает, что: «криптовалюта не является валютой, а представляет собой актив, инвестирование в который отличается высокими рисками» [9]. Также, схожим образом высказываются некоторые исследователи, например, В. А. Петров [10, с. 40–43], Д. З. Сафаревич [11, с. 38–44] и другие.

На основании всего вышеизложенного автор приходит к выводу о том, что виртуальные валюты могут являться объектами гражданских прав. Однако это не означает, что все виртуальные валюты могут быть объектом инвестирования. Использование некоторых из них возможно исключительно в личных целях, использование других больше подпадают под понятие предпринимательской деятельности. В то время, как единственным законным способом инвестирования в виртуальную валюту остается инвестирование в криптовалюту. В частности, об этом свидетельствует, то, что она отвечает критериям понятия «инвестиции» в рамках Закона об инвестициях, а также то, что она практически не пригодна для иных целей.

Список использованных источников

1. Силивончик, А. А. Понятие и сущность термина «виртуальная валюта» / А. А. Силивончик // Известия Гомельского государственного

университета имени Ф. Скорины. Сер.: Социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 2 (131). – С. 100–104.

2. Комментарий к Гражданскому кодексу Республики Беларусь с приложением актов законодательства и судебной практики (постатейный) : в 3 кн. / Отв. ред. В.Ф. Чигир. – Минск : Амалфея, 2005. – Кн. 1. Разд. I. Общие положения. Разд. II. Право собственности и другие вещные права. – 1040 с.

3. Перепелкина, Я. А. Виртуальное игровое имущество: перспективы правового регулирования / Я. А. Перепёлкина // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2020. – № 3 (29). – С. 45–59.

4. Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://eurasiangroup.org/files/FATF_docs/Virtualnye_valyuty_FATF_2014.pdf
– Дата доступа: 01.10.2022.

5. Куницкая, Е. В. Различия инвестиционной и предпринимательской деятельности через категорию интереса и риска / Е. В. Куницкая // Юридическая наука. – 2021. – № 1. – С. 27–31.

6. Салей, И. В. Токен: понятие и правовая природа / И. В. Салей, А. Н. Артемьев, С. М. Негареш // Промышленно-торговое право. – 2018. – № 2. – С. 45–48.

7. Хилюта, В. В. Криптовалюта и токен – новые объекты гражданских прав / В. В. Хилюта // Промышленно-торговое право. – 2018. – № 3. – С. 21–23.

8. Василевская, Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права / Л. Ю. Василевская // Актуальные проблемы рос. права. – 2019. – № 5. – С. 111–118.

9. Трансформация финансового права в новых экономических условиях : монография / колл. авт. ; под ред. С. В. Запольского. – М. : Кнорус, 2021. – 280 с.

10. Перов, В. А. Криптовалюта в национальной правовой системе Российской Федерации: пути совершенствования законодательства / В. А. Петров // Имущественные отношения в РФ. – 2020. – №7 (226). – С. 40–43

11. Сафаревич, Д. З. ICO: мировой опыт и белорусские реалии / Д. З. Сафаревич // Экономика. Финансы. Управление : производственно-практический журнал. – 2020. – № 3. – С. 38–44.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТРЕТЕЙСКИМ СУДОМ СВОЕЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА РАССМОТРЕНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОГО СПОРА: О ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСАХ

В. П. Скобелев

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Беларусь, s_v_p@tut.by*

В статье показано, что третейские (арбитражные) суды, функционирующие на основании белорусского законодательства о третейском (арбитражном) разбирательстве, потенциально могут являться органами по разрешению инвестиционных споров. Вместе с тем в Законе Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. №301-З «О третейских судах» не совсем удачно урегулированы вопросы, касающиеся определения третейским судом своей компетенции на рассмотрение спора. Обосновано, что проблема может быть решена за счет заимствования в указанный Закон подходов, реализованных в Законе Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. №279-З «О международном арбитражном (третейском) суде».

Ключевые слова: инвестиционный спор; стороны спора; третейский суд; арбитражный суд; компетенция третейского суда на рассмотрение спора.

Действующее законодательство позволяет отнести к числу механизмов защиты имущественных прав инвесторов третейское (арбитражное) разбирательство. Так, ст. 13 «Разрешение споров между инвестором и Республикой Беларусь» Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. №53-З «Об инвестициях» (далее – Закон об инвестициях) гласит:

«Споры между инвестором и Республикой Беларусь, возникающие при осуществлении инвестиций, разрешаются в досудебном порядке путем проведения переговоров, если иное не установлено законодательными актами Республики Беларусь.

Споры между инвестором и Республикой Беларусь, не урегулированные в досудебном порядке путем проведения переговоров в течение шести месяцев со дня получения письменного предложения об их урегулировании, разрешаются в судебном порядке в соответствии с законодательством Республики Беларусь.

Если споры, не относящиеся к исключительной компетенции судов Республики Беларусь, возникшие между иностранным инвестором и Республикой Беларусь, не урегулированы в досудебном порядке путем проведения переговоров в течение шести месяцев со дня получения письменного предложения об их урегулировании в досудебном порядке, то такие споры по выбору инвестора могут разрешаться также:

в арбитражном суде, учреждаемом для разрешения каждого конкретного спора согласно Арбитражному регламенту Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ), если стороны спора не согласятся на иное;

в Международном центре по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС) в случае, если этот иностранный инвестор является гражданином или юридическим лицом государства – участника Конвенции по урегулированию инвестиционных споров между государствами и физическими и юридическими лицами других государств от 18 марта 1965 года.

В случае, если международным договором Республики Беларусь и (или) договором, заключенным между инвестором и Республикой Беларусь, установлено иное в отношении разрешения споров между инвестором и Республикой Беларусь, возникающих при осуществлении инвестиций, то применяются положения этих международного договора Республики Беларусь и (или) договора, заключенного между инвестором и Республикой Беларусь.

В отношении споров, вытекающих из концессий или проектов государственно-частного партнерства, допускается установление особенностей их рассмотрения в соответствии с законодательством о концессиях или о государственно-частном партнерстве».

В ст. 35 «Разрешение споров, возникающих при исполнении, изменении и прекращении концессионного договора» Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. №63-З «О концессиях» (далее – Закон о концессиях) содержатся положения, аналогичные тем, что закреплены в ст. 13 Закона об инвестициях:

«Споры между сторонами концессионного договора, возникающие при исполнении, изменении и прекращении концессионного договора (далее – споры между сторонами), разрешаются в досудебном порядке путем проведения переговоров, если иное не установлено законодательными актами и (или) концессионным договором.

Споры между сторонами, не урегулированные в досудебном порядке путем проведения переговоров в течение трех месяцев со дня получения письменного предложения об их урегулировании, разрешаются в судебном порядке в соответствии с законодательством.

Если споры между сторонами, не относящиеся к исключительной компетенции судов Республики Беларусь, не урегулированы в досудебном порядке путем проведения переговоров, то такие споры по выбору концессионера могут разрешаться также:

в арбитражном суде, учреждаемом для разрешения каждого конкретного спора согласно Арбитражному регламенту Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ), если стороны спора не согласятся на иное;

в Международном центре по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС) в случае, если этот концессионер является иностранным инвестором и гражданином или юридическим лицом государства – участника Конвенции по урегулированию инвестиционных споров между государствами и физическими и юридическими лицами других государств от 18 марта 1965 года.

В случае, если международным договором Республики Беларусь и (или) концессионным договором установлено иное в отношении разрешения споров между сторонами, то применяются положения этого международного договора Республики Беларусь и (или) концессионного договора».

Далее, в ст. 39 «Разрешение споров» Закона Республики Беларусь от 30 декабря 2015 г. №345-З «О государственно-частном партнерстве» (далее – Закон о партнерстве) предусмотрено:

«1. Споры между государственным и частным партнерами, возникающие при исполнении соглашения о государственно-частном партнерстве, разрешаются путем проведения переговоров, если иное не установлено законодательными актами Республики Беларусь.

2. Споры между государственным и частным партнерами, не урегулированные путем проведения переговоров в течение шести месяцев со дня получения письменного предложения об их урегулировании, разрешаются в судебном порядке.

3. В случае, если международным договором Республики Беларусь и (или) соглашением о государственно-частном партнерстве установлено иное в отношении разрешения споров между государственным и частным партнерами, применяются положения этих международного договора

Республики Беларусь и (или) соглашения о государственно-частном партнерстве».

Как видно, абз.2 ч.3 ст. 13 Закона об инвестициях, абз.2 ч.3 ст. 35 Закона о концессиях допускают возможность рассмотрения инвестиционных споров в арбитражном суде, учреждаемом для разрешения каждого конкретного спора (или арбитражном суде *ad hoc*) согласно Арбитражному регламенту ЮНСИТРАЛ. Очевидно, что если такой арбитражный суд *ad hoc* будет учрежден и функционировать на территории Республики Беларусь, то его деятельность будет подчиняться, помимо Арбитражного регламента ЮНСИТРАЛ, также и Закону Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. №279-З «О международном арбитражном (третейском) суде» (далее – Закон о МАС).

Думается, что рассмотрение указанных споров возможно и в институциональном арбитражном суде, созданном в соответствии с Законом о МАС, если, как это указано в ч.4 ст. 13 Закона об инвестициях и ч.4 ст. 35 Закона о концессиях, данный институциональный арбитражный суд будет назван в международном договоре Республики Беларусь либо в договоре, заключенном между инвестором и Республикой Беларусь, или в концессионном договоре в качества органа для разрешения споров. Кроме того, абз.2 ч.3 ст. 13 Закона об инвестициях, абз.2 ч.3 ст. 35 Закона о концессиях содержат оговорку «если стороны спора не согласятся на иное», которая, на наш взгляд, подразумевает в том числе возможность достижения сторонами договоренности о передаче спора в институциональный арбитражный суд согласно Закону о МАС.

Представляется, что в силу положений ч. 4 ст. 13 Закона об инвестициях, ч. 4 ст. 35 Закона о концессиях и оговорки, содержащейся в абз. 2 ч. 3 ст. 13 Закона об инвестициях, абз. 2 ч. 3 ст. 35 Закона о концессиях, компетенцией по рассмотрению соответствующих споров могут обладать также третейские суды (как *ad hoc*, так и институциональные), действующие на основании Закона Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. №301-З «О третейских судах» (далее – Закон о ТС).

Поскольку п. 3 ст. 39 Закона о партнерстве, имеет редакцию, сходную с ч. 4 ст. 13 Закона об инвестициях и ч. 4 ст. 35 Закона о концессиях, разрешение споров между государственным и частным партнерами тоже не исключается по правилам, предусмотренным Законом о МАС и Законом о ТС. Причем в пользу потенциальной применимости к данным спорам Закона о МАС и Закона о ТС свидетельствует также историческое

толкование ст. 39 Закона о партнерстве: до того, как данная статья была изложена в новой редакции Законом Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. №134-З «О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам государственно-частного партнерства», она имела текст, почти идентичный со ст. 13 Закона об инвестициях и ст. 35 Закона о концессиях.

Наконец, норма общего плана о возможности защиты гражданских прав в третейском суде закреплена в п. 1 ст. 10 ГК: «Защиту нарушенных или оспоренных гражданских прав осуществляют суд общей юрисдикции, третейский суд (далее – суд) в соответствии с подведомственностью, установленной процессуальным законодательством, а в предусмотренных законодательством случаях – в соответствии с договором».

Таким образом, инвестиционные споры могут (по крайней мере, потенциально) разрешаться по правилам Закона о МАС и Закона о ТС. Важнейшим условием рассмотрения третейский (арбитражным) судом спора является наличие у третейского (арбитражного) суда компетенции на его рассмотрение, которая обуславливается наличие действительного и исполнимого третейского (арбитражного) соглашения. Вопросы установления третейским (арбитражным) судом своей компетенции на рассмотрение спора регламентированы в ст. 25 «Принятие решения о компетенции третейского суда» Закона о ТС и ст. 22 «Право на вынесение постановления о компетенции состава международного арбитражного суда» Закона о МАС. При этом стоит заметить, что в ст. 25 Закона о ТС данный опрос урегулирован гораздо мене удачно, нежели в ст. 22 Закона о МАС.

В ст. 25 Закона о ТС закреплены следующие положения:

«Третейский суд, приняв исковое заявление, в течение пяти дней со дня принятия искового заявления направляет копию этого заявления ответчику, убеждается в наличии и действительности третейского соглашения, изучает представленные истцом документы и иные материалы, самостоятельно с учетом положений настоящего Закона и иных актов законодательства принимает решение о наличии или об отсутствии у него компетенции на разрешение конкретного спора.

Третейский суд вправе отложить на срок до семи дней рассмотрение вопроса относительно наличия у него соответствующей компетенции.

При принятии решения о наличии у третейского суда компетенции на разрешение конкретного спора третейским судом выносится определение в соответствии с частью первой статьи 26 настоящего Закона.

При принятии решения об отсутствии у третейского суда компетенции на разрешение конкретного спора третейским судом выносятся определение об отказе в разрешении спора, копии которого направляются сторонам. При этом истцу возвращаются его исковое заявление и приложенные к нему документы и иные материалы».

Во-первых, субъектом разрешения вопроса о наличии (отсутствии) компетенции на рассмотрение спора ст. 25 Закона о ТС называет третейский суд в целом. Поскольку ст. 1 Закона о ТС определяет третейский суд как организацию («третейским судом является организация, не входящая в судебную систему Республики Беларусь, создаваемая для разрешения споров в виде постоянно действующего третейского суда или третейского суда, образуемого по соглашению сторон для разрешения конкретного спора (далее - третейский суд для разрешения конкретного спора)), то, значит, правом разрешать вопрос о компетенции наделяются также органы управления институционального третейского суда, в частности, его председатель. Между тем, по нашему убеждению, субъектом разрешения названного вопроса может выступать только состав третейского суда, уполномоченный на разрешение спора. Именно такой смысл вытекает из выработанного в теории и практике третейского разбирательства (в том числе международного коммерческого арбитража) принципа «компетенции-компетенции» [1, с. 360–361]. Не случайно поэтому в тексте ст. 22 Закона о МАС субъектом, имеющим право принимать решение о компетенции, назван состав международного арбитражного суда, а не сам международный арбитражный суд

Мы допускаем, что на стадии возбуждения дела, когда состав третейского суда еще не сформирован и имеет место явное нарушение компетенции, соответствующий вопрос целесообразно и допустимо относить к ведению председателя третейского суда (например, подобное правило закреплено в п. 1 ст. 11 Регламента Международного арбитражного суда при БелТПП, утвержденного постановлением Президиума Белорусской торгово-промышленной палаты от 17 марта 2011 г. – «если состав суда не сформирован, вопрос о компетенции МАС решает Председатель МАС»). Однако реализовать подобную идею не позволяет сам Закон о ТС, поскольку исходит из того, что состав третейского суда должен быть сформирован к моменту возбуждения дела, т.е. к тому моменту, когда и необходимо решать вопрос о компетенции [2, с. 121–123].

Во-вторых, не совсем понятно, какие именно вопросы (критерии) должны исследоваться составом третейского суда при решении вопроса о своей компетенции. Поскольку при принятии решения об отсутствии компетенции на разрешение спора третейский суд возвращает истцу исковое заявление (ч. 4 ст. 25 Закона о ТС), а основания для возвращения искового заявления предусмотрены ч.1 ст. 27 Закона о ТС, напрашивается вывод, что ч. 1 ст. 27 Закона о ТС перечисляет (иллюстрирует) конкретные случаи отсутствия компетенции у состава третейского суда. Собственно, в пользу этого говорит и тот факт, что упомянутые в ч. 1 ст. 27 Закона о ТС обстоятельства не названы в ч. 1 ст. 42 Закона о ТС в качестве оснований к прекращению третейского разбирательства: очевидно, по мысли законодателя, они охватываются следующим обобщенным основанием для прекращения третейского производства – «принятия третейским судом решения об отсутствии у него компетенции на разрешение конкретного спора и вынесения им определения об отказе в разрешении спора» (абз.4 ч. 1 ст. 42 ТС).

В принципе, с таким подходом возможно согласиться, поскольку состав третейского суда не вправе (или, другими словами, не компетентен) рассматривать дело при наличии любого из названных в ч. 1 ст. 27 Закона о ТС обстоятельств (при отсутствии третейского соглашения или его недействительности, затрагивании спором прав посторонних лиц, обращении истца в ненадлежащий суд, отсутствии полномочий у представителя и пр.). Попутно заметим, что абз. 7 ч.1 ст. 27 Закона о ТС требует совершенствования: препятствием для третейского разбирательства должно быть нахождение тождественного спора не только в третейском, но и в государственном суде. Но обозначенный подход тогда следует именовать широким, поскольку традиционно вопрос о компетенции третейского суда предполагает обсуждение лишь следующих моментов: во-первых, наличия, действительности и исполнимости третейского соглашения, во-вторых, соответствия передаваемого на рассмотрение третейского суда спора условиям третейского соглашения. Особенно четко эти моменты видны из содержания ч. 1, 3 ст. 22 Закона о МАС: «состав международного арбитражного суда может сам вынести постановление о своей компетенции, в том числе по любым возражениям относительно наличия или действительности арбитражного соглашения» (ч. 1 ст. 22 Закона о МАС); «заявление о том, что состав международного арбитражного суда превышает пределы своей компетенции, должно быть сделано сразу после того, как вопрос, который, по мнению стороны,

выходит за эти пределы, будет поставлен в ходе разбирательства дела» (ч.3 ст. 22 Закона о МАС).

В-третьих, ст. 25 Закона о ТС (равно как и иные его нормы) не закрепляет правило об автономности третейского соглашения, хотя это правило имеет давнюю историю [3, с. 159–160], большое практическое значение и отражено в ч. 1 ст. 22 Закона о МАС. Суть правила в следующем: третейская оговорка, являющаяся частью материально-правового договора, должна рассматриваться как соглашение, не зависящее от всех других условий данного договора, при этом вынесение составом третейского суда решения о недействительности договора само по себе не влечет недействительности третейской оговорки (от себя добавим – равно как и наоборот). Иными словами, третейская оговорка и материально-правовой договор должны квалифицироваться как автономные друг от друга явления. Ввиду формального отсутствия подобного правила в Законе о ТС его будет весьма проблематично воплощать на практике.

В-четвертых, не урегулирован вопрос о праве сторон (прежде всего ответчика) инициировать и участвовать в решении вопроса о компетенции состава третейского суда. На первый взгляд, такая возможность у сторон отсутствует, поскольку ч.1 ст. 25 Закона о ТС говорит о принятии третейским судом решения о компетенции «самостоятельно» и в очень короткий срок после принятия искового заявления – «в течение пяти дней», а ч. 1 ст. 26 Закона о ТС предусматривает получение письменного отзыва ответчика на исковое заявление только после возбуждения дела. В то же время сделанный вывод не совсем однозначен, т.к. копия искового заявления в течение пяти дней после его принятия подлежит направлению ответчику (ч. 1 ст. 25 Закона о ТС) и рассмотрение вопроса о компетенции третейский суд вправе (по каким причинам – не сказано) отложить на срок до семи дней (ч. 2 ст. 25 Закона о ТС). Таким образом, определенности в регулировании нет. Для сравнения, ст. 22 Закона о МАС непосредственно закрепляет право сторон спора возражать против компетенции международного арбитражного суда.

В-пятых, не ясно, вправе ли состав третейского суда разрешать вопрос о своей компетенции на более поздней стадии третейского разбирательства, нежели возбуждение дела. Косвенно в пользу этого свидетельствует уже упомянутая норма абз. 4 ч. 1 ст. 42 Закона о ТС (третейский суд прекращает третейское разбирательство, если признает отсутствие у себя компетенции на разрешение спора). Однако прямых

предписаний на данный счет в Законе о ТС нет, хотя потребность в них существует: ведь на стадии возбуждения дела третейский суд может ошибиться при разрешении названного вопроса, и, кроме того, способен превысить пределы своей компетенции уже в ходе разбирательства дела. Например, из контекст правил ст. 22 Закона о МАС вытекает, что вопрос о компетенции международного арбитражного суда может обсуждаться на стадии подготовки дела, этапе его рассмотрения в судебном заседании и даже в ходе вынесения решения арбитражного суда.

В-шестых, если мы допускаем, что после возбуждения дела вопрос о компетенции третейского суда может быть поднят по инициативе сторон, то для такого инициирования, по образцу Закона о МАС, должны быть предусмотрены предельные сроки. Например, в отношении ответчика – «не позднее представления возражений по иску» (см. ч. 2 ст. 22 Закона о МАС), в отношении любой из сторон, если состав третейского суда при рассмотрении дела превышает пределы своей компетенции, – «сразу после того, как вопрос, который, по мнению стороны, выходит за эти пределы, будет поставлен в ходе разбирательства дела» (см. ч. 3 ст. 22 Закона о МАС).

В-седьмых, полагаем, что целесообразно урегулировать возможность оспаривания решения третейского суда о признании им своей компетенции на рассмотрение спора. Так, ч. 5 ст. 22 Закона о МАС позволяет обжаловать соответствующее решение в президиум институционального международного арбитражного суда. Поскольку Закон о ТС не предусматривает образования в институциональном третейском суде президиума, то органом, уполномоченным на рассмотрение названного вопроса, может стать председатель третейского суда или, что еще более желательно [4, с. 65–66], государственный суд (при обязательном условии регламентации в ГПК и ХПК соответствующей процедуры).

Таким образом, проведенное исследование показывает, что инвестиционные споры потенциально могут рассматриваться третейскими (арбитражными) судами, функционирующими на основании Закона о МАС и Закона о ТС. Вместе с тем правовое регулирование в Законе о ТС вопросов, связанных с определением третейским судом своей компетенции на рассмотрение спора, страдает рядом изъянов. Преодолеть их возможно за счет заимствования в Закон о ТС соответствующих правил Закона о МАС.

Список использованных источников

1. Международный коммерческий арбитраж : учеб. / С. А. Абесадзе [и др.] ; науч. ред. : О. Ю. Скворцов, М. Ю. Савранский, Г. В. Севастьянов. – СПб. : АНО «Ред. журн. «Третейский суд»; М.: Статут, 2018. – 965 с.
2. Скобелев, В. П. Третейское разбирательство как механизм защиты имущественных прав инвесторов: о нерешенных проблемах / В. П. Скобелев // Теоретико-прикладные перспективы правового обеспечения развития экономики : материалы междунар. науч.-практ. круглого стола, Минск, 21 окт. 2021 г. : в 2 ч. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : Н. Л. Бондаренко (гл. ред.) [и др.]. – Ч. 2. – Минск : БГУ, 2021. – С. 117–123.
3. Курочкин, С. А. Третейское разбирательство гражданских дел в Российской Федерации: теория и практика / С. А. Курочкин. – М. : Волтерс Клувер, 2007. – 272 с.
4. Скобелев, В. П. О нерешенных проблемах третейского разбирательства споров / В. П. Скобелев // Право.by. – 2021. – №6. – С. 63–69.

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. Л. Талалаева

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220006,
г. Минск, Беларусь, annatalalayeva@gmail.com*

Описывается проблематика закрепления принципа свободы хозяйственной деятельности. Автор приходит к выводу о необходимости глубокого научного исследования вопросов отражения принципа свободы хозяйственной деятельности и его содержания. Рассматриваются причины необходимости закрепления принципа свободы хозяйственной деятельности на законодательном уровне.

Ключевые слова: свобода хозяйственной деятельности; принцип свободы хозяйственной деятельности; хозяйственное право.

Как отмечает Н. Л. Бондаренко, качество законодательства и эффективность правоприменительной практики во многом зависят от того, насколько правильно определены принципы, которые лежат в основе

правового регулирования [1, с. 303]. Усиление эффективности законодательства связано с созданием системного единства в регулировании хозяйственных отношений [2, с. 42].

В условиях очевидной тенденции расширения и углубления взаимодействия частного и публичного права Н. Л. Бондаренко определяет хозяйственное право в качестве комплексной отрасли права, которая регулирует отношения смешанного частно-публичного характера [3, с. 192; 4, с. 15]. Среди принципов хозяйственного права первым и одним из самых основных можно выделить именно принцип свободы хозяйственной деятельности.

В законодательстве Республики Беларусь принцип свободы хозяйственной деятельности не закреплен. Вместе с тем данный принцип следует из положений Конституции Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 года, 17 октября 2004 года и 27 февраля 2022 года) (далее по тексту – «Конституция Республики Беларусь»), а также принцип свободы хозяйственной деятельности выделяется в научной литературе, посвященной проблематике хозяйственного права.

Актуальность исследования необходимости закрепления принципа свободы хозяйственной обусловлена выделяемой в научной литературе тенденцией дифференциации законодательства. В частности, среди прочего, в юридической литературе выделяется структура воздействия на экономические отношения, которая может быть представлена нормативными правовыми актами, сгруппированными в зависимости от решаемых задач (законы, устанавливающие правовое положение субъектов хозяйственной деятельности; законы, устанавливающие требования к осуществлению хозяйственной деятельности и т. д.) [5, с. 51-52]. При этом необходимо учитывать, что принцип свободы хозяйственной деятельности является двигателем социальной и экономической интеграции, на чем делает акцент ряд зарубежных ученых при исследовании истории создания и отдельных положений Хартии Европейского союза об основных правах («Charter of Fundamental Rights of the European Union») о свободе хозяйственной деятельности [6, с. 1867]. В связи с этим необходимость закрепления принципа свободы хозяйственной деятельности, в том числе его содержания, требует глубокого научного исследования вместе с проработкой вопросов закрепления данного принципа как на национальном уровне, так и на наднациональном уровне.

Принцип свободы хозяйственной деятельности берет свое начало в ст. 13 Конституции Республики Беларусь, согласно которой государство предоставляет всем равные права для осуществления хозяйственной и иной деятельности, кроме запрещенной законом, и гарантируют равную охрану и равные условия для развития всех форм собственности. Также согласно данной статье Конституции Республики Беларусь, государство гарантирует равные возможности свободного использования способностей и собственности для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности [3, с. 193].

В научной литературе отмечается важность положений о свободе хозяйственной деятельности, закрепленных на конституционном уровне, с чем нельзя не согласиться в силу приведенных ниже причин.

Во-первых, закрепление свободы хозяйственной деятельности на конституционном уровне можно рассматривать в качестве правовой предпосылки для государственного регулирования экономики.

Так, С. Н. Шишкин в качестве одной из правовых предпосылок государственного регулирования экономики определяет норму Конституции Российской Федерации, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. (далее по тексту – «Конституция Российской Федерации»), о свободе экономической деятельности, о запрете монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции (ст. 34 Конституции Российской Федерации) [2, с. 35–36].

Во-вторых, закрепление свободы хозяйственной деятельности в конституции можно рассматривать в качестве фундамента правового обеспечения государственного регулирования экономики [2, с. 36].

Иными словами, гарантирование всем равных возможностей свободного использования способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, а также другие положения, закрепленные на уровне конституции, могут предопределять государственное регулирование экономики и составлять фундамент правового обеспечения данного регулирования [2, с. 36].

В-третьих, принцип свободы хозяйственной деятельности можно рассматривать в качестве одного из элементов системы критериев определения границ правового регулирования экономических отношений.

Как отмечает О. Г. Станкевич, принцип свободы предпринимательской (экономической) деятельности относится к конституционному принципу, который может служить критерием ограничения правового регулирования экономических отношений [7, с. 89]. Так, в Решении от 22 июня 2010 г. № Р-462/2010 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О поддержке малого и среднего предпринимательства» Конституционный Суд Республики Беларусь отметил, что государственное регулирование экономики и предпринимательской деятельности, направленное на создание в Республике Беларусь благоприятных условий для хозяйственной деятельности предпринимателей и обеспечения оптимизации вмешательства государства в регулирование экономических отношений, основывается на конституционных нормах и принципах предоставления всем равных прав для осуществления хозяйственной и иной деятельности, гарантий равных возможностей свободного использования способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности; возможности ограничения прав и свобод только законом в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья, прав и свобод других лиц [7, с. 90].

Несмотря на то, что в научной литературе не всегда проводится разграничение между принципом свободы хозяйственной (экономической) деятельности и принципом свободы предпринимательской деятельности, видим возможным согласиться с позицией, озвученной Н. Л. Бондаренко, согласно которой принцип свободы хозяйственной деятельности шире принципа свободы предпринимательской деятельности.

Во-первых, это следует из понятия хозяйственной деятельности, которое шире понятия предпринимательской деятельности.

Ю. Г. Конаневич определяет хозяйственную деятельность в качестве универсальной категорией, свойственной всем субъектам общественных отношений и иным институциональным единицам [8, с. 324]. Так, хозяйственная деятельность может осуществляться:

- как с целью получения дохода, так и без (например, для получения социально-экономического эффекта);
- как с целью обеспечения выхода субъекта на рынок, так и без (например, с целью семейного потребления);

– как для производства материальных и нематериальных выгод, так и для осуществления административно-хозяйственных функций в рамках государственного управления [3, с. 194].

Во-вторых, это следует из ст. 1 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З.

Так, принцип свободы хозяйственной деятельности включает не только право предпринимателя начинать и вести свою деятельность в любой организационно-правовой форме, в любой выбранной им сфере предпринимательства, с использованием любых видов собственности, но и права физических лиц осуществлять иные виды хозяйственной деятельности [3, с. 194]. В частности, самозанятость является формой реализации именно принципа свободы хозяйственной деятельности, так как самозанятость может выступать в качестве способа получения дохода от занятия непредпринимательской хозяйственной деятельностью.

Соответственно, принимая во внимание, что вопрос детального исследования данных принципов путем их сопоставления остается актуальным, видим возможным отметить, что принцип свободы хозяйственной деятельности является более широким, чем принцип свободы предпринимательской деятельности. При этом свободу хозяйственной деятельности можно рассматривать в качестве предпосылки государственного регулирования экономики, фундамента правового обеспечения данного регулирования, а также в качестве одного из элементов системы критериев при формировании пределов правового регулирования.

В то же время отраслевые принципы должны представлять собой конкретизацию конституционных принципов, а также конституционных положений применительно к конкретной отрасли права, хозяйственному праву [9, с. 20].

Таким образом, принцип свободы хозяйственной деятельности может рассматриваться в качестве инструмента усиления общих положений о свободе хозяйственной деятельности в условиях дифференциации правового регулирования хозяйственной деятельности. При этом перед юридической наукой стоит задача выработки предложений по вариантам закрепления данного принципа, в том числе по формированию полного содержания принципа свободы хозяйственной деятельности и по вариантам его отражения.

Список использованных источников

1. Бондаренко, Н. Л. Принципы хозяйственного права Республики Беларусь / Н. Л. Бондаренко // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы : сб. научных статей : в 2 т. / В. Л. Гурский [и др.] ; под ред. В. Л. Гурского. – Т. 2. – Минск : Право и экономика, 2021. – С. 303–307.
2. Шишкин, С. Н. Предпринимательско-правовые (хозяйственно-правовые) основы государственного регулирования экономики / С. Н. Шишкин. – Москва; Берлин : Инфотропик Медиа, 2011. – VII, 319 с.
3. Бандарэнка, Н. Л. Канстытуцыйная прырода прынцыпаў заканадаўства Рэспублікі Беларусь аб гаспадарчай дзейнасці / Н. Л. Бандарэнка // Веснік Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь. – 2020. – № 4. – С. 191–202.
4. Коршунов, Н. М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики : монография / Н. М. Коршунов. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2020. – 240 с.
5. Правовое регулирование экономической деятельности: единство и дифференциация : монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. А. Мохов. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2019. – 464 с.
6. Usai, A. The Freedom to Conduct a Business in the EU, its Limitations and its Role in the European Legal Order: A New Engine for Deeper and Stronger Economic, Social, and Political Integration / A. Usai // *Germ. Law J.* – 2013. – Vol. 14, No. 9. – P. 1867–1888.
7. Станкевич, О. Г. Государственное регулирование экономических отношений и конституционные критерии его пределов / О. Г. Станкевич // Сборник научных статей «Динамика правоустановления и правореализации в сфере публично-правовых отношений» / Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь. – Минск : ИВЦ Минфина, 2019. – Вып. 2 – 2020. – С. 84–96.
8. Конаневич, Ю. Г. Хозяйственная деятельность: понятие, структура и правовая природа / Ю. Г. Конаневич // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы : сб. научных статей : в 2 т. / В. Л. Гурский [и др.] ; под ред. В. Л. Гурского. – Т. 2. – Минск : Право и экономика, 2021. – С. 323–327.
9. Бондаренко, Н. Л. Корреляция принципов социального правового государства и гражданско-правовых принципов / Н. Л. Бондаренко // Актуальные проблемы науки XXI века: сборник научных статей молодых ученых. – 2012. – № 1(1). – С. 17–20.

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ВЗЫСКАНИЯ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Т. В. Телятицкая

*Белорусский государственный экономический университет, пр.
Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь, tvt@bseu.by*

Изучение административно-деликтного законодательства зарубежных государств имеет важное методологическое значение для науки административного права и совершенствования правоохранительной деятельности, так как становление Республики Беларусь как правового государства требует поиска новых направлений в борьбе с административными правонарушениями.

Проблематика правовой регламентации ответственности за административные правонарушения в сфере экономики остается малоисследованной. В большинстве случаев рассматриваются лишь теоретические и прикладные проблемы предупреждения административных правонарушений в отдельных отраслях и сферах (налоговой, транспортной, экологической и иных). Однако эффективность административно-правового воздействия на субъектов хозяйствования, допускающих нарушения законодательства, во многом зависит от конкретных санкций, применяемых к ним. Поэтому представляется важным изучение мер административного воздействия, применяемых к юридическим лицам в зарубежных странах с целью возможного заимствования.

Ключевые слова: административные взыскания, правонарушения, юридические лица

Вступление в силу с 1 марта 2021 г. нового административно-деликтного законодательства актуализировало проблему эффективности предусмотренных в нем санкций.

Для повышения эффективности административной ответственности особую значимость приобретают цели наложения административного взыскания, которые следует рассматривать как конечный результат, к которому стремится государство, применяя к виновному лицу конкретную санкцию.

В соответствии с ч. 2 ст. 4.1 КоАП Республики Беларусь 2021 г., административная ответственность имеет своей целью воспитание

физического лица, совершившего административное правонарушение, а также предупреждение совершения новых правонарушений как лицом, его совершившим, так и другими физическими или юридическими лицами.

Высокий уровень административных правонарушений, тенденция к их росту свидетельствуют о необходимости поиска более эффективных мер административного воздействия, в том числе оптимизации системы и пределов административных взысканий.

В этой связи представляет интерес зарубежный опыт борьбы с административными правонарушениями.

Поскольку тема данного исследования ограничена правонарушениями в сфере экономики, то, соответственно, здесь будут затронуты вопросы административной ответственности юридических лиц в зарубежных странах именно за такого рода правонарушения с целью возможного заимствования позитивного опыта.

В отличие от административно-деликтного законодательства Республики Беларусь, носящего очевидную предупредительную направленность, законодательство России и ряда иных стран имеет карательный уклон. Даже в КоАП РФ употребляется термин «наказание» вместо ранее существовавшего (и сохранившегося в законодательстве Республики Беларусь) термина «взыскание». Российские ученые подчеркивают, что такое название мер административной ответственности «удачно раскрывает их карательное содержание и предназначение, а также близость к мерам уголовной ответственности» [1, с. 175]. Тем самым акцентируется внимание на более опасном характере административной противоправности, устанавливается определенная дистанция между мерами административной и дисциплинарной ответственности. Однако, как представляется, в таком случает сужается дистанция между административными и уголовными наказаниями, что нельзя признать оправданным. Все-таки административная ответственность по своей тяжести ближе к дисциплинарной, чем к уголовной. Поэтому подход белорусского законодателя вполне оправдан. Что же касается большинства зарубежных стран, то они используют универсальный термин – санкции. В любом случае бесспорным является то, что «именно в административных наказаниях заключен основной принудительный потенциал, выражающийся в личных имущественных, а также организационных отношениях» [2, с. 33].

Не вдаваясь в дискуссию насчет терминологии, отметим, что КоАП Республики Беларусь за правонарушения в сфере экономики

предусматривает следующие виды административных взысканий: штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, конфискация и взыскание стоимости.

Законодательство же зарубежных стран в этом плане несколько разнообразнее, хотя штраф предусмотрен везде и практически за все виды административных правонарушений. Другое дело – что есть достаточно интересные подходы в вопросах определения суммы штрафа, а также и выбора альтернативных санкций.

Так, в соответствии со ст. 66, 67 Директивы 2013/36/ЕС от 26 июня 2013 г. Европейского парламента и Совета ЕС «О доступе к осуществлению деятельности кредитными организациями и пруденциальном надзоре за кредитными организациями и инвестиционными компаниями, вносящая изменения в Директиву 2002/87/ЕС и отменяющая Директивы 2006/48/ЕС и 2006/49/ЕС», предусмотрены следующие санкции за правонарушения в экономической сфере: публичное заявление, в котором указывается название компании и сущность нарушения; приказ, требующий от ответственных лиц прекратить противоправную деятельность и в последующем воздерживаться от нее; временный запрет члену органа управления организацией или иному физическому лицу, которое несет ответственность за нарушение, выполнять управленческие функции в данной организации; административные денежные санкции в размере до 10% об общего ежегодного чистого товарооборота предприятия за предыдущий хозяйственный год, включая валовый доход; административные денежные санкции, превышающие до двух раз размер выгоды, полученной в результате нарушения, если такая выгода может быть определена; приостановление осуществления прав голоса акционера ответственного за нарушение.

На основе названной и ряда иных общеевропейских директив, отдельные государства предусмотрели свои меры борьбы с правонарушениями в сфере экономики, как правило, более строгие.

Например, в Германии в 2013 г. органом финансового надзора было издано отдельное Руководство по установлению штрафов, призванное обеспечить единообразное применений санкций и предусматривающее, что в случае нарушения могут быть наложены штрафы, исчисляемые из оборота компании. В зависимости от нарушения, штрафы могут составлять до 15 млн евро или 15 % оборота группы компаний (в зависимости от того, какой способ расчета даст больший размер штрафа).

В большинстве стран в законодательстве устанавливаются минимальные и максимальные пределы штрафов, существенно разнящиеся между собой. Так, в Литве минимальный размер штрафа на юридическое лицо за отдельные правонарушения составляет 38 евро, в Хорватии – 650 евро, а в Черногории - 100 000. Максимальный размер штрафа варьируется от 21 000 евро в Молдове до 32 млн. евро в Латвии.

Следует отметить, что угроза большого штрафа поощряет, в свою очередь, возможные сделки о мере наказания. Например, в ФРГ, в случае заключения соглашения с предприятием, производство по делу прекращается, если корпорация выразит готовность к «взаимным уступкам», т.е. к заглаживанию вреда либо денежным инвестициям в определенные программы [3, с. 31].

Заслуживают внимания также наказания, лишаящие субъектов хозяйствования определенных прав или ограничивающие их субъективные права. Это, например, приостановление некоторых прав (Нидерланды, Финляндия); лишение предоставленных льгот (например, субсидий или налоговых преимуществ); запрет определенной деятельности (участия в публичных заявках на подряд, выпуска конкретных товаров, заключения контрактов, рекламной деятельности, – Польша, Финляндия); регулирование организации и выпуска продукции (Нидерланды); смещение директора (ЕС); конфискация (Нидерланды, Финляндия); принудительная продажа компании (Япония); закрытие всего предприятия или его некоторых отделов (ЕС, США); публикация судебного решения (США, Финляндия, Нидерланды) и др.

Практически во всех странах, предусматривающих юридическую ответственность юридических лиц, существует также ликвидация (аннулирование регистрации) юридического лица.

В современных условиях особый интерес представляет такая неизвестная нашему законодательству санкция, как публикация судебного решения. Здесь лучше действует такой принцип, как честная конкуренция, общество становится более информированным и соответственно корпорация больше заботится о сохранении своей репутации в средствах массовой информации. Безусловно, в СМИ информация может быть подана по-разному, да и порой сложно предвидеть возможную реакцию потребителей на разоблачение тайной деятельности компании. Однако во многих случаях сама угроза вынесения вопроса на всеобщее рассмотрение способна помочь достичь по возможности большего следования предписаниям правовых норм.

В любом случае корпоративные санкции, в отличие от индивидуальных, должны иметь превентивную направленность, которая оставляет возможность исправить свое поведение в будущем и привести свою деятельность в полное соответствие с законом.

Список использованных источников

1. Серков, П. П. Административная ответственность: проблемы и пути совершенствования: дис. ... д.ю.н.: 12.00.14 / П. П. Серков. – М., 2010. – 351 с.
2. Административное принуждение в финансово-экономической сфере: состояние и тенденции развития : моногр. / А. В. Куракина [и др.]. – М. : РУСАЙНС, 2021. – 210 с.
3. Heine G. Vollzugdefizite, Programmangel oder Uberstrapazierung: Umweltsrafrecht im Rechtsstaat, 1995.

ОБЪЕКТЫ СПОРТИВНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

М. Г. Тхарёва

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220006,
г. Минск, Беларусь, tharevamarina@gmail.com*

Исследуется происхождение понятия «инфраструктура» и теоретические подходы к определению данной категории. Рассматривается содержание понятия социальной инфраструктуры и ее взаимодействия со сферой физической культурой и спорта. Предлагается выделение понятия «объекты спортивной инфраструктуры». Представлена авторская трактовка понятия «объекты спортивной инфраструктуры».

Ключевые слова: спортивная инфраструктура, физкультурно-спортивные сооружения, физическая культура, спорт, объекты инфраструктуры, государственно-частное партнерство.

Физическая культура и спорт являются одной из ключевых сфер, на которую направлены интересы государства. Данная сфера выполняет в обществе множество функций и охватывает все возрастные категории населения. Развитие физической культуры и спорта является одной из составляющих социальной политики государства, способствующей

укреплению и активности общества, ввиду чего государством предпринимаются меры по стимулированию и поддержанию спортивного движения среди населения страны. Это выражается, в том числе, в интенсивном росте и модернизации инфраструктуры в сфере физической культуры и спорта, что можно отметить на примере их реализации в Республике Беларусь.

Термин «инфраструктура» был впервые введен и использован западными экономистами. В настоящее время в законодательстве Республики Беларусь и в научной литературе в целом отсутствует единое общепринятое определение данного понятия. Обращаясь к информации международного этимологического словаря, можно отметить, что понятие «инфраструктура» происходит от лат. «infra» – под, ниже и «structure» – строение, расположение. Первоначально данное понятие использовалось в военной сфере, предполагая установки и сооружения, которые формируют основу для любой операции или системы, и начиная с 1875 г. использовалось во французской научной литературе [1]. С течением времени понятие стало совершенствоваться, отдельные авторы, преимущественно экономисты, предлагали собственные аргументированные варианты. Например, известный американский экономист П. Самуэльсон определяет инфраструктуру в качестве «крупных капиталовложений, предпринимаемых исключительно государством и закладывающих предпосылки для успешного развития частного сектора» [2, с. 324]. Основатель «западногерманской школы» Р. Йохимсен полагает, что «инфраструктура – это сумма материальных институциональных и персональных сооружений и условий, которые находятся в распоряжении хозяйственных единиц и обеспечивают получение равного дохода на равные вклады факторов» [3, с. 107]. В. П. Красовский отмечает, что «инфраструктура – это сфера деятельности человека, «совокупность отраслей» предприятий, обеспечивающих выполнение определенных функций в процессе общественного производства» [4, с. 48]. В 40-е г.г. XX в. британский экономист Х. Зингер использовал близкое по значению к инфраструктуре понятие – *social overhead capital* – «накладной капитал». Он выдвинул концепцию «сбалансированного роста посредством несбалансированных инвестиций», где достижение высоких экономических показателей обеспечивается путем формирования собственной социальной и производственной инфраструктуры [5, с. 410]. В марксистской политической экономии инфраструктуре отводилась второстепенная роль, где объекты

инфраструктуры считались внешними материальными условиями обеспечения производства [6, с. 6]. А. Н. Азрилиян определяет инфраструктуру как комплекс производственных и непроизводственных отраслей. Б. А. Райзберг и Л. Ш. Лозовский – как совокупность отраслей, предприятий и организаций, входящих в эти отрасли видов их деятельности [7, с. 33].

При анализе точек зрения, содержащихся в научной литературе, можно заметить, что многие ученые экономисты определяют инфраструктуру как совокупность общих условий, направленных на обеспечение развития предпринимательства в отраслях экономики и удовлетворение основных потребностей населения. Тот или иной вариант понятия инфраструктуры основывается на соответствии общим требованиям социально-экономической системы, предъявляемым к понятию инфраструктуры: наличие материально-вещественного содержания, стоимостной характеристики, совокупности внутренних функций, общих для всех объектов инфраструктуры, институциональное содержание [6, с. 8].

Несмотря на отсутствие в законодательстве толкования понятия инфраструктуры, в нормативных правовых актах используются отдельные ее категории, зависящие от определенной сферы. Так, Закон Республики Беларусь от 05 июля 2004 г. № 300-З «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Беларусь» (далее – Закон № 300-З) включает в себя понятия инженерная, производственная, социальная, транспортная инфраструктура. Указанные категории как правило включают в себя здания, сооружения либо их комплексы того или иного назначения. Например, транспортная инфраструктура – это совокупность коммуникаций водного, воздушного, трубопроводного транспорта и др.; социальная инфраструктура включает в себя направления культуры, искусства, образования, физической культуры и спорта и др.

Государственно-частное партнерство (далее – ГЧП) и инфраструктура тесно связаны между собой. Ввиду медленного развития инфраструктуры в любом государстве как следствие останавливается экономический рост, потребности общества увеличиваются, а государство со своей стороны ввиду недостаточности бюджета не может обеспечить удовлетворение этих потребностей. Одним из современных решений данной проблемы выступает ГЧП, благодаря которому часть функций государства в отраслях, традиционно находящихся в государственной собственности или

в государственном управлении (здравоохранение, образование, физическая культура и спорт, культура, жилищно-коммунальное хозяйство и др.), передается частному партнеру.

ГЧП согласно абз. 3 и 4 п. 1 ст. 1 Закона от 30 декабря 2015 г. № 345-З «О государственно-частном партнерстве» (далее – Закон о ГЧП) – это юридически оформленное на определенный срок взаимовыгодное сотрудничество государственного и частного партнеров в целях объединения ресурсов и распределения рисков, отвечающее целям, задачам и принципам, определенным Законом о ГЧП, осуществляемое в форме соглашения о государственно-частном партнерстве. И одной из основных задач ГЧП является развитие объектов инфраструктуры. Закон о ГЧП также называет сферы, в которых может реализовываться ГЧП, при этом указывая, что ГЧП в данных сферах направлено только на объекты инфраструктуры (ст. 5). Создание, модернизация, техническое обслуживание, эксплуатация последних также выступают предметом соглашения о ГЧП (ст. 24). Привлечение интереса частных партнеров для осуществления инвестиций к решению общественно значимых задач, традиционно возложенных на государство, имеет большое значение. Помимо финансовой стороны частные партнеры могут передать публичной стороне имеющийся предпринимательский опыт эффективного управления.

Эффективность физкультурно-спортивной деятельности в масштабах государства, несомненно, влияет как на экономическую, так и на социальную функции с положительной стороны. С точки зрения реализации экономической функции можно отметить финансирование спорта, расширение объектов инфраструктуры, вовлечение инвесторов в развитие сферы физической культуры и спорта и др. Со стороны социальной функции – предоставление населению широкого выбора специальных мест для занятий физической культурой и спортом, поддержание здорового образа жизни, укрепление здоровья, образование дополнительного способа досуга. Как можно заметить, взаимодействие указанных функций в рамках физической культуры и спорта оказывает положительное влияние на население государства.

Для финансовой поддержки сферы физической культуры и спорта используются различные источники, включая бюджетные средства и инвестиции. Законодательство Республики Беларусь также предоставляет возможность частным партнерам право участия в финансировании данной сферы, что отражено в Законе о ГЧП. Сотрудничество государства и

частных партнеров в сфере физической культуры и спорта ввиду положений Закона о ГЧП может быть реализовано только в отношении соответствующих объектов инфраструктуры.

В Республике Беларусь представлены достаточно многообразные объекты инфраструктуры в сфере физической культуры и спорта. К масштабным объектам можно отнести многопрофильный культурно-спортивный комплекс «Минск-Арена» в г. Минске, строительство которого осуществлялось за счет средств республиканского бюджета и бюджета г. Минска; биатлонную лыжероллерную трассу в г. Чаусы (финансирование – за счет средств областного и городского бюджета); спортивный комплекс «Бобруйск-арена» (источники финансирования – средства республиканского, областного и городского бюджета); Пинскую футбольную академию (финансирование за счет средств инвестора при последующей передаче объекта в коммунальную собственность); крытый футбольный манеж в г. Гомеле (построен за счет средств областного бюджета и Белорусской федерации футбола) и др.

В соответствии с абз. 10 п. 1 ст. 1 ст. 5 Закона о ГЧП под объектами инфраструктуры понимаются объекты инженерной, производственной, социальной, транспортной и иной инфраструктуры. Объекты в сфере физической культуры и спорта относятся к социальной инфраструктуре, как это следует из положений Закона № 300-З. Так, в абз. 40 ч. 1 ст. 1 Закона

№ 300-З указано, что социальная инфраструктура – это комплекс зданий, сооружений социального и бытового назначения, включая здания и сооружения организаций системы образования, культуры, искусства, физической культуры, спорта, здравоохранения, торговые объекты, объекты общественного питания, бытового обслуживания населения, жилищно-коммунального хозяйства и иные объекты, обеспечивающие жизнедеятельность населения.

Законодатель нередко в нормативных правовых актах использует понятие «спортивная инфраструктура», «физкультурно-оздоровительная инфраструктура», «спортивно-массовая инфраструктура», однако нигде не закрепляет толкование указанных понятий и не называет их признаки и отличительные особенности. Например, в гл. 17 Указа Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2018 г. № 506 «О развитии Оршанского района Витебской области», постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 29 декабря 2011 г. № 1760 «О Государственной программе развития футбола в Республике Беларусь на

2011–2015 годы» (приложение 2) идет речь об укреплении и расширении спортивной инфраструктуры. В Указе Президента Республики Беларусь от 13 мая 2021 г. № 186 «О реализации инвестиционного проекта в г. Минске» также отмечается необходимость создания спортивной инфраструктуры. Как указывалось ранее, в то же время комплексы зданий, сооружений социального и бытового назначения, включая здания и сооружения организаций системы физической культуры и спорта законодатель относит к понятию социальной инфраструктуры. В Государственной программе «Физическая культура и спорт» на 2021–2025 годы, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 января 2021 г. № 54, одна из задач (Задача 4) предусматривает совершенствование спортивной, физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой инфраструктуры. Анализ содержания поставленной задачи позволяет сделать вывод, что в ней перечислены физкультурно-спортивные сооружения, включая легкоатлетический манеж, спортивный комплекс, ледовую арену, теннисный корт, игровой зал и др. В то же время действует Инструкция о классификации физкультурно-спортивных сооружений Республики Беларусь и требованиях к их работе, утвержденная постановлением Министерства спорта и туризма Республики Беларусь от 05 сентября 2014 г. № 58, которая содержит классификации физкультурно-спортивных сооружений, подразделяющиеся на соответствующие типы (в зависимости от технического устройства, назначения, места в пространстве, количества объектов, целей использования) и виды (автомобильный трек, база подготовки национальных и сборных команд, велотрек, спортивный зал, стадион, хоккейная коробка и др.). Физкультурно-спортивные сооружения подразделяются также и на категории (высшая, I (первая), II (вторая), III (третья) и IV (четвертая), дифференциация которых зависит от уровня проводимых на их базе спортивных мероприятий. Таким образом, можно отметить, что при использовании понятий спортивная, физкультурно-оздоровительная, спортивно-массовая инфраструктура подразумеваются физкультурно-спортивные сооружения.

Ввиду частого использования в нормативных правовых актах понятия «спортивная инфраструктура», а также за отсутствием его толкования, предлагаем выделить отдельное понятие «объекты спортивной инфраструктуры» и определить их в качестве комплекса физкультурно-спортивных зданий и сооружений социального назначения системы организаций физической культуры и спорта.

Список использованных источников

1. Online Etymology Dictionary [Electronic resource] / Dictionary. – Mode of access: www.etymonline.com. – Date of access: 02.10.2022.
2. Самуэльсон, П. Экономика : учебник: в 2 т. / П. Самуэльсон. – М. : Алгон, 1992. – Т. 2. – 740 с.
3. Убушаева, Б. Г. К вопросу социально-экономической сущности региональной инфраструктуры / Б. Г. Убушаева, Н. Б. Даганова // Вестник университета. – 2013. – № 8. – С. 105–109.
4. Гокжаева, Е. Б. К вопросу об определении термина «инфраструктура» / Е. Б. Гокжаева // Региональная экономика: теория и практика. – 2011. – Вып. 7 (190). – С. 47–51.
5. Подобед, Н. А. / Генезис категории «инфраструктура»: Сущность, подходы и этапы развития / Н. А. Подобед // Научные труды Белорусского государственного экономического университета. Вып. 13 / [редкол.: В.Ю. Шутилин (гл. ред.) и др.] ; М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. экон. ун-т. – Минск : БГЭУ, 2020. – С. 409–416.
6. Бахтин, М. Н. Генезис и развитие понятия «инфраструктура» в работах зарубежных и отечественных исследователей / М. Н. Бахтин, А. Ю. Кособуцкая, И. А. Дядюн // Вестник ВГУ. Серия : Экономика и управление. – 2020. – № 1. – С. 5–10.
7. Горяинова, Л. В. Инфраструктура как объект государственно-частного партнерства / Л. В. Горяинова // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. – 2012. – № 6. – С. 31–35.

ЮРИДИЧЕСКОЕ, ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ БАНКРОТСТВА

Ч. Тяньсин

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220006,
г. Минск, Беларусь, 1079639491@qq.com*

Рассмотрена сущность понятия «банкротство» и предложено авторское определение данного понятия, учитывающее его юридическое, экономическое и социальное содержание. Сделан вывод о том, что в странах с рыночной экономикой можно выделить два аспекта, характеризующих содержание их законодательства о банкротстве, в

частности, прокредиторский и продолжниковый. Выбор каждого из направлений правового регулирования процедуры банкротства органами публичной власти соответствующей страны обычно основывается на доминировании макро– или микрорегулирования экономических отношений.

Ключевые слова: процедура банкротства, должник, кредитор, зарубежный опыт, государственная политика в сфере банкротства.

Институт экономической несостоятельности (банкротства) является одним из правовых институтов, без которого невозможно существование и развитие экономики, основанной на капиталистическом способе производства. Данное обстоятельство подтверждается опытом Республики Беларусь и Китайской Народной Республики. Так, одним из динамично развивающихся законодательств в данных странах является законодательство об экономической несостоятельности (банкротстве). Это объясняется невозможностью существования и развития современной экономики вне действия норм конкурсного права, что требует от законодателя неуклонного их совершенствования, а от юридической науки – поиска новых знаний, способных обеспечить такой нормотворческий процесс.

В мировой практике законодательство о банкротстве развивается по двум принципиально разным моделям. По британской модели банкротство рассматривается как средство возврата долгов кредиторам, предусматривающее ликвидацию должника. Американская модель направлена на недопущение банкротства и заключается в восстановлении его платежеспособности. Однако в последнее время в законодательстве развитых стран наблюдается тенденция сочетания обеих моделей.

Среди основных причин банкротства следует отметить нарушения финансовой устойчивости хозяйствующего субъекта (превышение обязательств над активами), несбалансированность денежных потоков (преобладание отрицательного денежного потока), длительную неплатежеспособность хозяйствующего субъекта, низкую ликвидность его активов.

Проведенный анализ литературы показал, что существуют разные подходы к определению понятия «банкротство». Его результаты позволили констатировать, что процедура банкротства является конечной стадией неудачного функционирования хозяйствующего субъекта. По этой

причине банкротство предложено рассматривать в трех аспектах: юридическом, экономическом и социальном:

1) юридический аспект: признанная экономическим судом неспособность должника погасить все свои долговые обязательства;

2) экономический аспект: неспособность хозяйствующего субъекта платить по своим обязательствам и финансировать основную деятельность;

3) социальный аспект: оздоровление экономики путем ликвидации (прекращения деятельности) убыточных юридических лиц (индивидуальных предпринимателей).

Положительные стороны социального аспекта банкротства проявляются в:

- закрытии нерентабельных производств, что позволяет снизить затраты и повысить эффективность общественного производства;

- высвобождении привлеченных к неконкурентоспособным производствам ресурсов;

- оздоровлении экономики путем ликвидации (прекращения деятельности) неэффективных юридических лиц (индивидуальных предпринимателей).

В то же время, значительное влияние на экономику оказывают недостатки банкротства, а именно:

- потеря значительных средств, вложенных кредиторами в обанкротившиеся юридические лица либо в индивидуальных предпринимателей;

- рост безработицы и обострение социальной напряженности в обществе;

- снижение доходной части бюджета из-за уменьшения налогов;

- понижение общего потенциала экономического развития страны.

Рассматривая банкротство с позиции социальных и экономических интересов, можно констатировать, что ликвидация должников как конечная стадия процедуры банкротства несет в себе как положительное, так и отрицательное содержание. Именно благодаря конкурентной среде на рынке остаются сильные игроки, тогда как субъекты, которые допустили серьезные ошибки в системе менеджмента или не учли угроз кризисной ситуации внутреннего и/или внешнего происхождения, не могут выполнить свои долговые обязательства, а как результат – ликвидируются. Необходимо отметить, что в данном контексте идет речь об экономическом аспекте процедуры банкротства.

Следует обозначить, что в данном случае также присутствует социальный аспект, который заключается в том, что процедура банкротства в большинстве своем заканчивается для должника его ликвидацией, а это влечет увольнение с работы, рост безработицы, провоцирует дополнительные выплаты из бюджета на содержание безработных, а еще и снижение уровня инвестиционной привлекательности.

В целом в странах с рыночной экономикой прослеживаются два аспекта содержания их законодательства о банкротстве, в частности прокредиторский и продолжниковый. Выбор каждого из направлений процедуры банкротства органами публичной власти соответствующей страны обычно базируется в целом на доминировании макро– или микрорегулирования экономических отношений. Однако, большинство, пытаются решить проблему таким образом, чтобы кредитор не понес тотальной потери своих средств, а должник имел возможность сохранить лицо и решить все финансовые проблемы законным способом.

Позиция государства играет значительную роль в решении соответствующим субъектом проблем с выполнением им долговых обязательств. Даже поверхностный анализ Закона КНР «О банкротстве предприятий» позволяет утверждать, что позиция законодателя тяготеет больше к его прокредиторскому содержанию, поскольку в нем наблюдается процессуальная детализация реализации имущества соответствующего должника. Это выражается в отсутствии ряда черт, характерных для продолжикового законодательства о банкротстве: отсутствие излишних требований при подаче заявления о признании должника банкротом; отсутствие излишней множественности процедур, применяемых в деле о банкротстве (например, отсутствуют процедуры, подобные наблюдению и внешнему управлению), что способствует сокращению сроков его рассмотрения; отсутствие особых правил банкротства для отдельных категорий должников (исключения сделаны в отношении юридических лиц государственной формы собственности и финансовых организаций); ряде других особенностей [1, с. 78].

Вместе с тем, по нашему мнению, политика государства по банкротству должна отвечать запросам общества, состоянию экономики, конкурентной среде в ней, а также уровню инвестиционного климата. Именно такое комплексное понимание реалий предпринимательской среды, а также имущественного и финансового положения физических лиц

должно находить свое отражение в комплексе мер правового и организационного характера органов публичной власти.

Белорусское законодательство во многом соблюдает баланс интересов всех участников дела об экономической несостоятельности (банкротстве). По мнению белорусского ученого Ю. Е. Трубина, его следует отнести к умеренно продолжниковому, поскольку оно во многом направлено на реабилитацию должника, сохранение и восстановление его платежеспособности, а не на его ликвидацию как субъекта хозяйственной деятельности. Данное обстоятельство делает белорусскую систему достаточно гибкой, позволяющей в полной мере учесть условия экономической несостоятельности должника применительно к каждому конкретному случаю [2, с. 525].

Среди европейских стран, которым присуще макроэкономическое содержание регуляторного влияния на субъектов рынка, называют Францию, которая по сравнению с другими странами имеет конкурентоспособную экономику, и как результат достаточно высокий уровень ВВП на душу населения (около 40 000 долл. США) [3].

Что касается законодательства Франции о банкротстве, то по своему содержанию оно продолжниковое, а это свидетельствует о том, что оно регламентирует макроэкономический подход в регулировании экономики. Такая позиция французского законодателя ориентирована на разрешение кризисной ситуации, в которой оказался хозяйствующий субъект, содействие выполнению его долговых обязательств перед кредиторами и сохранение рабочих мест.

Значительный правовой опыт в урегулировании споров о банкротстве наработан в Германии. Прежде всего, в его правовом и организационном аспектах. Речь идет о Законе Германии «О несостоятельности». Нормы этого Закона предусматривают банкротство должника при отсутствии ликвидности (неспособность уплатить 90% долгов) и в целях устранения чрезмерной задолженности (объем обязательств должника превышает объем его активов). Для начала дела требуется срок в 2 года минусовой ликвидности. Но в случае неспособности погасить свою задолженность перед кредиторами в будущем, особенно по обязательным платежам, лицо может подать заявку на ликвидацию [4].

Что касается практики решения проблем о неплатежеспособности должника в США, то здесь можно отметить достаточно наработанный механизм, формирование которого было начато со второй половины XVIII века, когда Конституционное Собрание США уполномочило Конгресс на

принятие законодательства, призванного урегулировать отношения должников и кредиторов. Современное законодательство США о банкротстве основывается на Кодексе о банкротстве (1979 г.).

Кодекс о банкротстве является основным нормативным правовым актом США в сфере банкротства. Его основная задача – помочь должнику освободиться от части долгов и не допустить его ликвидации (прекращения деятельности). Согласно Кодексу о банкротстве к должникам могут применяться такие меры, как: реструктуризация долга, погашение долга, ликвидация; меры, предусмотренные специальными нормативными правовыми актами, в отношении страховых и банковских корпораций, строительных и кредитных учреждений, являющихся должниками. Целью Кодекса о банкротстве не ликвидация, а реабилитация, восстановление платежеспособности должника [5, с. 555].

Таким образом, банкротство является неотъемлемой частью экономики любой страны, поскольку позволяет, с одной стороны, «отсеять» неэффективных хозяйствующих субъектов, а с другой – способствует оздоровлению тех субъектов хозяйствования, которые испытывают временные финансовые трудности. Уместно отметить, что для большинства зарубежных стран институт банкротства применяется для восстановления платежеспособности субъектов, а значит для оздоровления и развития экономических отношений в стране. Учитывая, что в каждой стране формируется собственная модель регуляторного влияния на систему отношений между должником и кредитором, использование положительного зарубежного опыта видится крайне перспективным и результативным.

Список использованных источников

1. Стрелкова, И. И. Законодательство Китая о банкротстве : основные этапы эволюции / И. И. Стрелкова // Юридические исследования. – 2017. – № 1. – С. 75–90.
2. Трубина, Ю. Е. Совершенствование института несостоятельности (банкротства) в Республике Беларусь / Ю. Е. Трубина // Наука и техника. – 2016. – Т. 15. – № 6. – С. 521–527.
3. Франция – ВВП на душу населения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://knoema.ru/atlas/%D0%A4%D1%80%D0%>. – Дата доступа: 29.09.2022.

4. Задачи и структура Федерального министерства юстиции и защиты прав потребителей Федеративной Республики Германия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.bmjv.de/SharedDocs/Downloads/DE/Ministerium/Organisationsplan/Infobroschuere_Russisch.pdf?__blob=publicationFile&v=4. – Дата доступа: 29.09.2022.

5. Boshkoff, D.G. Fresh Start, False Start, or Heard Start? / D.G. Boshkoff // *Indiana Law Journal*. – 1995. Vol. 70. Iss. 2. – P. 549–568.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОПТИМИЗАЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ВНЕШНЕЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

К. К. Уржинский

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, ул. Московская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь, dekan1966@mail.ru

В настоящей статье рассмотрены некоторые аспекты правового регулирования общественных отношений в сфере внешней трудовой миграции как одного из факторов устойчивого экономического развития Республики Беларусь. Целью является исследование ряда вопросов, связанных с трудящимися-мигрантами, выявление возможных проблем законодательства Республики Беларусь в области их правового статуса, выработка возможных путей устранения указанных проблем. Освещаются некоторые наиболее актуальные моменты международного сотрудничества и международно-правового регулирования, проводится анализ законодательства Республики Беларусь с учётом норм международного права, формулируется авторская позиция в исследуемом направлении. По итогам сделаны некоторые предложения по оптимизации национальной правовой базы.

Ключевые слова: внешняя трудовая миграция, трудящиеся-мигранты, законодательство Республики Беларусь в сфере внешней трудовой миграции, трудящийся-иммигрант, трудящийся-эмигрант

Актуальность рассматриваемой нами проблематики предопределяется целым рядом обстоятельств. Так, трудовая деятельность физических лиц,

направленная на создание различного рода духовных и материальных ценностей, является одним из главных условий экономической стабильности и безопасности любого государства. Важнейшим же обеспечительным элементом самого организованного трудового процесса, на который делается акцент в международно-правовых актах, является его правовое закрепление. Например, в одном из последних актов Международной организации труда (далее – МОТ) – Декларации столетия МОТ о будущем сферы труда, принятой в 2019 г. на 108 сессии Международной конференции труда по случаю столетия МОТ, указывается в качестве одной из приоритетных задач необходимость сокращения и ликвидации неформального сектора экономики, что подразумевает соответствующее правовое оформление трудовых отношений. Особую роль в данном направлении играют процессы, связанные с привлечением и использованием труда трудящихся-мигрантов. Процессы глобализации, проявляющиеся, в том числе, в усилении трансграничного перемещения человеческих ресурсов, в значительной мере затрагивают интересы и нашего государства, а территориальные перемещения тех или иных групп мигрантов приобретают все более и более активный характер. С одной стороны, трудовая миграция представляет собой положительное общественное явление, так как с её помощью происходит удовлетворение потребностей мировой и национальных экономик, решаются те или иные социальные, экономические и другие задачи. Однако, с другой стороны, трудящиеся-мигранты являются одной из наиболее уязвимых и наименее защищенных категорий лиц наемного труда, а процессы трудовой миграции зачастую связаны с такими негативными явлениями, как незаконная торговля людьми, различные формы принудительного труда и т.д.

Увеличивающиеся масштабы миграции давно стали объектом пристального внимания различных международных организаций. В рамках ООН и её специализированных учреждений (например, таких, как МОТ и др.) неоднократно отмечалось, что миграция носит глобальный характер. В сентябре 2016 г. Генеральная Ассамблея ООН провела заседание, на котором был представлен доклад Генерального секретаря ООН, посвященный миграционным проблемам. В результате была одобрена Нью-Йоркская декларация о беженцах и мигрантах, в которой была предусмотрена необходимость разработки глобального договора о безопасной, упорядоченной и регулируемой миграции. Указанный договор (Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции)

был принят в декабре 2018 г. в Марракеше. Несмотря на то, что этот акт не имеет обязательной юридической силы, статус его весьма велик.

В 1951 г. была основана Международная организация по миграции (далее – МОМ), которая в настоящее время является основным межправительственным учреждением в области миграции. На данный момент МОМ насчитывает более 170 государств-членов. МОМ содействовала разработке и принятию указанного выше договора в сфере миграции. Важно отметить, что сотрудничество с МОМ является одним из приоритетных направлений внешней политики Республики Беларусь. Беларусь участвует в работе МОМ с 1994 г. В 1999 г. было ратифицировано Соглашение о сотрудничестве между Правительством Республики Беларусь и МОМ, а в 2005 г. Республика Беларусь стала полноправным членом этой организации.

Значительное внимание уделяется вопросам миграционных процессов в рамках МОТ. Так, основополагающие принципы миграционной политики были сформулированы в Конвенции МОТ «О трудящихся-мигрантах» (пересмотренной) 1949 г. № 97, Конвенции «О злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения» 1975 г. № 143, а также относящихся к ним Рекомендациям № 86 «О трудящихся-мигрантах (пересмотренная в 1949 году)» (вместе с «Типовым договором о временной и постоянной миграции трудящихся, включая миграцию беженцев и перемещенных лиц») (принята в г. Женеве 01 июля 1949 г.) и № 151 «О трудящихся-мигрантах» (принята в г. Женеве 24 июня 1975 г.). Республика Беларусь не является участницей данных конвенций МОТ и не ратифицировала их. В этой связи следует упомянуть те международно-правовые акты, в которых участвовало наше государство. Это «Конвенция о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей государств - участников Содружества Независимых Государств» (заключена в г. Кишиневе 14 ноября 2008 г.) (данная Конвенция ратифицирована Законом Республики Беларусь от 06 июля 2009 г. № 35-З), а также Договор о Евразийском экономическом союзе (раздел XXVI «Трудовая миграция»).

Наибольший интерес, по нашему мнению представляет Договор о Евразийском экономическом союзе, поскольку в нем понятие трудящегося-мигранта трактуется достаточно широко. Так, согласно ст. 96 Договора о ЕАЭС «трудящийся государства-члена» (по-иному трудящийся-мигрант) – это лицо, являющееся гражданином государства-члена, законно находящееся и на законном основании осуществляющее трудовую

деятельность на территории государства трудоустройства, гражданином которого оно не является и в котором постоянно не проживает. Соответственно под трудовой деятельностью согласно указанной норме понимается деятельность на основании трудового договора или деятельность по выполнению работ (оказанию услуг) на основании гражданско-правового договора, осуществляемая на территории государства трудоустройства в соответствии с законодательством этого государства.

Данная концепция широкого толкования трудовой деятельности применительно к внешней трудовой миграции представляется нам более предпочтительной. В обоснование этой позиции отметим, что ранее в наших трудах мы отмечали, что гражданско-правовые договоры играют значительную роль в правовой адаптации трудовой деятельности физических лиц, а гражданское законодательство гораздо более ориентировано в направлении договорного характера изменений условий соглашения, нежели трудовое, которое фактически подстраивается под производственные, организационные, экономические нужды нанимателя. Так, трудовое законодательство допускает, что в связи с обоснованными производственными, организационными или экономическими причинами наниматель имеет право в порядке, предусмотренном ст. 32 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК), изменить существенные условия труда работника при продолжении им работы по той же квалификации, должности служащего (профессии рабочего), определенными в трудовом договоре. Наниматель обязан предупредить работника об изменении существенных условий труда письменно не позднее, чем за один месяц. Возможны также и иные основания изменения условий труда без согласия работника, например, переводы в порядке производственной необходимости (ст. 33 ТК) и т.п. Все это является подтверждением того, что договорная свобода в трудовом праве перемещается на второй план по сравнению с интересами нанимателя (работодателя), а все условия трудового договора, за исключением трудовой функции могут меняться без согласия работника. Интересно отметить, что в Трудовом кодексе Российской Федерации (далее – ТК РФ) предусмотрен более длительный срок для предупреждения работника об изменении существенных условий труда – два месяца (ст. 74 ТК РФ).

Как известно, изменение условий гражданско-правового договора в соответствии со ст. 420 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) возможно по соглашению сторон, если иное не предусмотрено ГК и

иными актами законодательства или же самим договором. Изменение условий гражданско-правового договора по требованию одной из сторон допускается лишь в сугубо ограниченных случаях, а именно: при существенном нарушении договора другой стороной; в иных случаях, предусмотренных ГК и иными актами законодательства или договором. Существенным признается нарушение договора одной из сторон, влекущее для другой стороны такой ущерб, в результате которого она в значительной степени лишается того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора. Кроме того, согласно ст. 421 ГК изменение (расторжение) гражданско-правового договора возможно в связи с существенным изменением обстоятельств, из которых стороны исходили при его заключении, если иное не предусмотрено договором или не вытекает из его существа. Изменение обстоятельств признается существенным, если они изменились настолько, что, если бы стороны могли это разумно предвидеть, договор вообще не был бы ими заключен или был бы заключен на значительно отличающихся условиях.

Существенным бонусом в пользу гражданско-правового регулирования трудовой деятельности физических лиц является также принятие Указа Президента Республики Беларусь от 06 июля 2005 г. № 314 «О некоторых мерах по защите прав граждан, выполняющих работу по гражданско-правовым и трудовым договорам», в котором установлены серьезные социально-правовые гарантии в отношении таких лиц: например, в качестве существенных условий договоров предусмотрено обязательство заказчика – юридического лица или индивидуального предпринимателя, предоставляющего работу гражданам по гражданско-правовым договорам, по уплате за них в установленном порядке обязательных страховых взносов на государственное социальное страхование в Фонд социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь; обязательство заказчика по уплате страховых взносов по обязательному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, если выполнение работ, оказание услуг, создание объектов интеллектуальной собственности по заключенным им гражданско-правовым договорам с гражданами осуществляется в местах, предоставленных заказчиком [1, с. 639].

Что касается отечественного законодательства в сфере внешней трудовой миграции, то можно констатировать, что оно весьма успешно развивается и принят ряд нормативных правовых актов в данной области.

В соответствии со ст. 323 ТК особенности регулирования труда трудящихся-эмигрантов и трудящихся-иммигрантов устанавливаются законодательством и международными договорами Республики Беларусь. Таким образом, можно отметить, что данная норма ТК, во-первых, носит отсылочный характер, а во-вторых, миграционные процессы подразделяются на два вида: импорт и экспорт рабочей силы, что дает возможность белорусскому законодателю выделить трудящихся-иммигрантов и трудящихся-эмигрантов. В-третьих, это обусловило принятие специального законодательства Республики Беларусь в сфере внешней трудовой миграции, основное место в составе которого занимает Закон Республики Беларусь от 30 декабря 2010 г. № 225-З «О внешней трудовой миграции», сменивший ранее действовавший Закон Республики Беларусь от 17 июня 1998 г. № 169-З «О внешней трудовой миграции».

Согласно ст. 1 указанного Закона, трудящийся-иммигрант – это иностранец, не имеющий разрешения на постоянное проживание в Республике Беларусь, въехавший в Республику Беларусь для трудоустройства и осуществления трудовой деятельности по трудовому договору у нанимателя Республики Беларусь либо осуществляющий такую деятельность в Республике Беларусь.

Под трудящимся-эмигрантом в данной норме понимается гражданин или иностранец, постоянно проживающие в Республике Беларусь и выезжающие (выехавшие) за пределы Республики Беларусь для трудоустройства и осуществления трудовой деятельности у иностранного нанимателя по трудовому договору.

Таким образом, мы видим, что понятие внешней трудовой миграции в специальном законодательстве ограничивается лишь отношениями, основанными на трудовом договоре, что, по-нашему мнению, достаточно и необоснованно лаконично, поскольку потенциально может исключать из поля правовой защиты контингент лиц, работающих по гражданско-правовым договорам, а также не в полной мере согласуется с положениями некоторых международно-правовых стандартов. В этой связи полагаем, что понятие трудящихся-мигрантов, к которым белорусский законодатель относит трудящихся-эмигрантов и трудящихся-иммигрантов, следует расширить, распространив его на лиц, работающих не только на основании трудового договора, но и осуществляющих деятельность по выполнению работ (оказанию услуг) на основании гражданско-правовых договоров.

Резюмируя сказанное, отметим, что оптимизация правового регулирования миграционных потоков рабочей силы является достаточно

важным фактором развития белорусской экономики. Миграционное законодательство Республики Беларусь достаточно активно развивается в позитивном направлении. Однако в целях усиления обеспечения защиты прав и законных интересов максимально возможного количества лиц, участвующих в трудовых миграционных потоках, а также, принимая во внимание то обстоятельство, что в правоприменительной практике гражданско-правовые договоры наряду с трудовыми договорами находят все большее применение как правовая форма привлечения к труду физических лиц, имеются достаточные основания для внесения предложенных нами изменений в действующее миграционное законодательство Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Уржинский, К.К. Вопросы конкуренции применения трудовых и гражданско-правовых договоров с участием физических лиц в современных условиях / К.К. Уржинский // Государство и право в XXI веке: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию юридического факультета Белорусского государственного университета, Минск, 26–27 ноября 2020 г. / Белорус.гос. ун-т; редкол.: Т. Н. Михалева (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2021. – С. 637–640.

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ДОЛИ В УСТАВНОМ ФОНДЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ И ТОВАРИЩЕСТВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ, НАУКЕ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Т. М. Халецкая

*Институт управленческих кадров Академии управления при Президенте
Республики Беларусь, ул. Московская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь,
Tania80@rambler.ru*

В статье рассмотрены основные теоретические подходы к определению правовой природы доли в уставном фонде хозяйственных обществ и товариществ; проанализирован подход законодателя к решению вопроса о правовом режиме доли. Сделан вывод о том, что ни в отечественном законодательстве, ни в доктрине, ни в

правоприменительной практике нет единого мнения о правовой природе доли в уставном фонде хозяйственных обществ и товариществ.

Ключевые слова: хозяйственные общества, хозяйственные товарищества, доля в уставном фонде

Правовая квалификация доли в уставном фонде хозяйственных обществ и товариществ – проблема, не находящая однозначного решения ни в отечественном законодательстве, ни в доктрине гражданского права.

Белорусский законодатель распространяет на отношения, связанные с осуществлением права на долю в уставном фонде хозяйственных обществ и товариществ, преимущественно, правовой режим вещей. Об этом свидетельствуют следующие правовые предписания:

– в ч. 3 ст. 13 Закона Республики Беларусь от 9 декабря 1992 г. № 2020-ХІІ «О хозяйственных обществах» (далее – Закон о хозяйственных обществах) определено, что участниками хозяйственного общества являются (помимо учредителей) лица, получившие право собственности, право хозяйственного ведения или оперативного управления на долю в уставном фонде (акции) хозяйственного общества;

– положениями ч. 1 ст. 97 Закона о хозяйственных обществах участнику общества с ограниченной ответственностью (далее – ООО) предоставлено право продать или иным образом произвести отчуждение своей доли (части доли) в уставном фонде общества одному или нескольким участникам этого общества;

– в ч. 1 ст. 98 Закона о хозяйственных обществах установлено преимущественное право участников ООО на покупку доли (части доли) участника в уставном фонде общества пропорционально размерам своих долей в уставном фонде этого общества;

– согласно правилу, установленному в ч. 7 ст. 98 Закона о хозяйственных обществах, при продаже доли (части доли) участника в уставном фонде ООО с нарушением преимущественного права покупки доли (части доли) любой участник этого общества и (или) само общество вправе в течение трех месяцев с момента, когда они узнали либо должны были узнать о таком нарушении, потребовать в судебном порядке перевода на них прав и обязанностей покупателя.

Содержание указанных норм позволяет утверждать о том, что законодатель признает существование в отношении доли (части доли) в уставном фонде хозяйственного общества или товарищества права

собственности (права хозяйственного ведения или права оперативного управления).

Научный подход, в основе которого лежит признание вещно-правовой природы права на долю (часть доли) в уставном фонде хозяйственных обществ или товариществ имеет место и в цивилистической доктрине. Сторонники указанного подхода, обосновывая тезис «доля есть вещь», в качестве аргумента приводят утверждение о том, что данный объект обладает имущественной ценностью в гражданском (экономическом) обороте. Имущественная ценность доли в уставном фонде общества связана с тем, что ее действительная стоимость может в разы превышать ее номинальную стоимость, поэтому, «вопросы о возможности рассмотрения доли в уставном капитале общества в качестве объекта права собственности, и, следовательно, об обеспечении эффективной юридической собственнической защиты приобретают все большую актуальность» [1, с. 159]. Кроме того, доля (часть доли) обладает таким признаком, как индивидуализация, осуществить которую можно «по размеру, по дате фактической оплаты (приобретения), путем фиксации факта ее принадлежности определенному лицу» [1, с. 159]. Анализируя порядок раздела совместного имущества супругов при расторжении брака, С. Б. Матвийчук и О. В. Шелков относят доли в капитале коммерческих организаций к имуществу, нажитому супругами в период брака [2, с. 204–205].

По утверждению Н. А. Нагорной правоприменительная практика Республики Беларусь чаще всего идет по пути признания вещной природы доли в уставном фонде [3, с. 36].

Однако гражданское законодательство Республики Беларусь содержит и иной подход, основанный на обязательственно-правовой природе права учредителей (участников) хозяйственных обществ на долю в уставном фонде хозяйственных обществ и товариществ:

– в соответствии с правилом, закрепленным в ч. 2 п. 2 ст. 44 Гражданского кодекса (далее – ГК) Республики Беларусь к юридическим лицам, в отношении которых их участники имеют обязательственные права, относятся хозяйственные товарищества и общества, производственные и потребительские кооперативы, крестьянские (фермерские) хозяйства;

– в соответствии со ст. 64 ГК Республики Беларусь участники хозяйственного товарищества и общества имеют право: участвовать в управлении делами товарищества или общества; получать информацию о

деятельности товарищества или общества и знакомиться с его документацией в объеме и порядке, установленных учредительными документами; принимать участие в распределении прибыли; получать в случае ликвидации товарищества или общества часть имущества, оставшегося после расчетов с кредиторами, или его стоимость.

Идея об обязательственно-правовой природе доли в уставном фонде имеет сторонников в научной среде. Например, анализируя природу права на долю в уставном фонде ООО, К. Дроздовская утверждает, что «содержание права на долю в уставном фонде ООО ... создает основу для его правового регулирования в качестве единого субъективного обязательственного гражданского права» [4, с. 3]. Правовая природа уставного капитала позволяет, В. В. Петренко сделать вывод о необходимости «рассматривать его как гражданско-правовое обязательство, в силу которого одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности. ...уставный капитал должен рассматриваться как совокупность двух гражданско-правовых обязательств: 1) обязательства самого общества с ограниченной ответственностью перед его кредиторами, в силу которого закрепление определенного размера уставного капитала дает кредиторам этого общества право требовать от него уплаты по своим обязательствам не менее суммы, указанной в уставе (основанием возникновения указанного обязательства является устав как корпоративная сделка); 2) обязательство учредителей оплатить свою долю в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью (основанием возникновения указанного обязательства является решение о создании общества как корпоративная сделка)» [5, с. 11].

В судебной практике Республики Беларусь также имеют место случаи признания судами обязательственной природы доли в уставном фонде хозяйственных обществ. Например, хозяйственным (экономическим) судом г. Минска рассматривалось дело по иску И. к ООО «Б» о понуждении к совершению действий по государственной регистрации фактически осуществленных изменений состава участников общества. В своем исковом заявлении истица указала, что ее супругу П. как учредителю ООО «Б» принадлежит доля в уставном фонде в размере 4 %. Участниками общества также являются граждане Д. и Г. Данный вклад П. был внесен в период нахождения в браке с истицей. В ходе раздела имущества истица оформила право на 1/2 доли в уставном фонде,

принадлежащей ее супругу П., получив свидетельство о праве собственности. С момента удостоверения данного свидетельства нотариусом у общества возникла обязанность по внесению изменений в учредительные документы. На очередном собрании общества супруг истицы предложил внести изменения и дополнения в учредительные документы общества, однако участники общества Д. и Г. отказались от внесения изменений по мотиву несоответствия изменений законодательству. В результате большинством голосов было принято решение собрания участников об отказе во внесении указанных изменений. В своем исковом заявлении истица указала, что она является правообладателем 1/2 доли, наравне со своим супругом, и своим отказом общество нарушает ее права на соответствующую часть доли. В своем решении суд отказал в иске истице И. ввиду того, что участники общества Д. и Г. согласия на прием в общество нового участника не давали, отказались внести изменения в учредительные документы [6].

В специальной литературе можно встретить и иные мнения о правовой природе доли в уставном фонде. Так, по мнению Е. Тимохиной «доля в уставном капитале ООО относится к категории имущественных прав, связанных с имуществом» [7].

Доля в уставном капитале рассматривается и как право особого рода (*sui generis*). В основе такого подхода лежит, все больше и больше приобретающая актуальность идея о выделении особого вида отношений – корпоративных отношений [8; 9; 10; 11]. По мнению Р. С. Фатхутдинова доля в уставном капитале ООО «представляет собой особое субъективное право (*sui generis*) на участие в деятельности общества, состоящее из неделимого комплекса правомочий участника общества. Особая природа данного субъективного права состоит в сочетании признаков абсолютного и относительного права» [12, с. 78].

Обосновывая особую корпоративную природу доли в уставном капитале ООО, М. Н. Илюшина отмечает, что эту долю следует рассматривать как совокупность имущественных и неимущественных элементов: «При этом попытки разделить указанные элементы на отдельные части ... представляются бесперспективными в научном и практическом плане» [13, с. 296]. По мнению С. М. Ананич, «доля в уставном фонде юридического лица не может рассматриваться исключительно как эквивалент внесенных в уставный фонд средств, поскольку как совокупность неимущественных и имущественных прав и

обязанностей участника, существующих в неразрывном единстве, обладает рядом особых характеристик» [14, с. 276].

Анализируя участие в ООО и совместную собственность супругов, Я. И. Функ указывает на наличие у участника ООО не только имущественных прав и обязанностей, но и личных (например, связанных с управлением делами общества), при этом имущественный элемент в доле участника в обществе «давляет над элементом личным, а поэтому участие в обществе с ограниченной ответственностью не связано исключительно с личностью участника. Вследствие этого «доля участия» (а не имущество общества с ограниченной ответственностью), представляющая собой совокупность прав и обязанностей участников общества (это относится к праву требования по отношению к обществу), находится в общей совместной собственности супругов и может быть разделена между супругами в случае прекращения брака» [15, с. 48]. В отличие от участников ООО, участники общества с дополнительной ответственностью ««общаются» не только имущественно, но и лично, поскольку солидарная ответственность предусматривает в силу своей природы достаточно высокую степень доверия между солидарными должниками» [15, с. 52]. В связи с этим в обществе с дополнительной ответственностью доля представляет собой обязательство, связанное с личностью каждого из участников и, поэтому, разделить ее нельзя [15, с. 53].

Отметим, что аналогичного подхода придерживается и Конституционный Суд Российской Федерации, который в определении от 3 июля 2014 г. № 1564-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки С. Т. на нарушение ее конституционных прав положением пункта 2 ст. 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»» указал, что доля в уставном капитале как объект гражданского оборота не может рассматриваться как набор имущественных прав, поскольку принадлежность доли связывает ее обладателя определенными обязанностями [16].

Признание доли в уставном фонде хозяйственных обществ или товариществ совокупностью имущественных и неимущественных прав и обязанностей их участников, лежит, на наш взгляд, в основе специального правового регулирования отношений, связанных с реализацией права одного из супругов на долю в уставном фонде ООО, обществ с дополнительной ответственностью и товариществ при разделе общего имущества супругов. Так, положениями п. 3-1 ст. 259 ГК Республики

Беларусь предусмотрен двухэтапный порядок раздела доли в уставном фонде соответствующего хозяйственного общества или товарищества:

признание в судебном порядке за одним из супругов права на причитающуюся ему часть доли второго супруга в уставном фонде соответствующего товарищества или общества;

при признании за одним из супругов указанного права он может изъявить желание стать участником общества или потребовать выплаты ему стоимости причитающейся части доли его супруга в уставном фонде или выдачи в натуре имущества на такую стоимость. При этом стать участником соответствующего товарищества или общества супруг, желающий реализовать такое право, может лишь с согласия остальных участников общества или товарищества. Отказ во включении в состав участников соответствующего товарищества или общества влечет обязанность этого товарищества или общества выплатить супругу стоимость причитающейся ему части доли его супруга в уставном фонде либо выдать в натуре имущество на такую стоимость.

Таким образом, анализ белорусского законодательства, доктринальных источников и правоприменительной практики, свидетельствует об отсутствии единого мнения о правовой природе доле в уставном фонде хозяйственных обществ и товариществ.

Список использованных источников

1. Мингазов, Т. А. Правовая квалификация доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью / Т. А. Мингазов // Правовое государство: теория и практика. – № 2. – 2013. – С. 154–159.

2. Матвийчук, С. Б. Определение общего и раздельного имущества супругов при расторжении брака: теория и судебная практика / С. Б. Матвийчук, О. В. Шелков // Семейное право: современные проблемы теории и практики: современные проблемы теории и практики : материалы междунар. круглого стола, Минск, 16–17 окт. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : В. Н. Годунов (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2021. – С. 203–211.

3. Нагорная, Н. А. Правовые последствия прекращения права общей совместной собственности супругов на долю в уставном фонде общества с ограниченной ответственностью / Н. А. Нагорная // Право.by. – 2019. – № 1. – С. 34–39.

4. Дроздовская, К. Право на долю в уставном фонде общества с ограниченной ответственностью : автореф. дис.... канд. юрид. наук : 12.00.03 / К. Дроздовская ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2009. – 25 с.

5. Петренко, И. В. Общество с ограниченной ответственностью как корпоративное юридическое лицо: особенности создания и управления : автореф. дис.... канд. юрид. наук : 12.00.03 / И. В. Петренко ; ФГАОУ ВПО «Южный Федеральный университет». – Краснодар, 2012. – 28 с.

6. Решение хозяйственного суда города Минска от 15 июня 2006 г. (дело № 215–7/05) [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 02.10.2022.

7. Тимохина, Е. Продажа доли в уставном капитале ООО: платить ли НДС? [Электронный ресурс] / Е. Тимохина. – Режим доступа: <http://www.gloffs.com/law44.htm>. – Дата доступа: 09.10.2022.

8. Бондаренко Н. Л. Проблемы реализации преимущественных прав в корпоративных правоотношениях (на примере ЗАО и ООО) / Н. Л. Бондаренко, А. А. Капитанова // Актуальные проблемы гражданского права : сб. науч. трудов. Выпуск (седьмой) / Международный университет «МИТСО» ; редкол. : И. А. Маньковский (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2018. – № 1. – С. 6–18.

9. Бондаренко, Н. Л. Понятие и юридическая сущность корпоративной собственности / Н. Л. Бондаренко // Вторые цивилистические чтения памяти профессора М. Г. Прониной [Электронный ресурс] : сб. статей / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь ; под общ. ред. Н. Л. Бондаренко, Т. М. Халецкой. – Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь. – 2020. – 182 с. – С. 24–27

10. Бондаренко, Н. Л. Правовая сущность корпоративного права и корпоративных отношений / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич // Государственное регулирование экономики и повышение эффективности деятельности субъектов хозяйствования : сборник материалов XVI Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 23-24 апр. 2020 г. / редкол.: Г.В. Пальчик (пред.) [и др.] ; Акад. упр. при Президенте Республики Беларусь, 2020. – 197 с.

11. Бондаренко Н. Л. Имущественные отношения как предмет правового регулирования гражданского и семейного права / Н. Л. Бондаренко, Т. М. Халецкая // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2019. – Т. 16. – № 4. – С. 1–15.

12. Фатхутдинова, Р. С. Уступка доли в уставном капитале ООО: теория и практика / Р. С. Фатхутдинов. – М. : Волтерс Клувер, 2009. – 117 с.

13. Илюшина, М. Н. Права супругов на долю в обществе с ограниченной ответственностью: проблемы перехода и оформления / М. Н. Илюшина // Семейный бизнес в правовом пространстве России / Ю. В. Абрамов [и др.]. – М. : Проспект, 2020. – С. 294–303.

14. Ананич, С. М. Права супругов на долю в уставном фонде хозяйственного общества или товарищества по законодательству Республики Беларусь / С. М. Ананич // Семейный бизнес в правовом пространстве России / Ю. В. Абрамов [и др.]. – М. : Проспект, 2020. – С. 273–284.

15. Функ, Я. И. Брачный договор. Имущественные отношения супругов, их участие в хозяйственных обществах и товариществах: по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь / Я. И. Функ. – Минск : Амалфея, 2003. – 160 с.

16. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 3 июля 2014 г. № 1564-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки С. Т. на нарушение ее конституционных прав положением пункта 2 ст. 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2022.

ПРАВОВОВАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРА МИКРОЗАЙМА

И. В. Цырусъ

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь, ул.
Московская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь, cyrus_irina@mail.ru*

В статье рассмотрена правовая регламентация договора микрозайма в соответствии с действующим законодательством Республики Беларусь, а также определены особенности правовой природы данного договора с учетом практики применения действующих норм о микрозайме.

Ключевые слова: микрозаем, договор микрозайма, договор займа, правовая природа договора микрозайма, заимодавец, заемщик, коммерческая микрофинансовая организация, некоммерческая микрофинансовая организация.

Микрофинансовая деятельность в целом и микрофинансовые организации в частности оказывают влияние на социально-экономическую сторону жизни общества через повышение уровня доступности финансовых услуг гражданам и субъектам малого и среднего предпринимательства. Микрофинансы являются элементом финансовой инфраструктуры государства и должны служить инструментом повышения уровня жизни малообеспеченных слоев населения, а также стимулировать рост предпринимательства. В Беларуси микрофинансовые организации получили легальный статус лишь в 2014 г. Вместе с тем количество предоставленных такими организациями займов показывает устойчивую положительную динамику.

Так, согласно Отчету Национального банка за 2021 г., утвержденному Указом Президента Республики Беларусь от 22 апреля 2022 г. № 149 (далее – Отчет), деятельность микрофинансовых организаций в 2021 г. характеризовалась ростом объемов предоставленных денежных средств и количества заемщиков при незначительном уменьшении количества договоров микрозайма. Сумма предоставленных в 2021 г. микрозаймов составила 186,4 млн рублей, что на 13 млн рублей, или на 7,5 процента, больше, чем в 2020 г. Это свидетельствует о востребованности данного вида финансовых услуг, в связи с чем актуальным видится исследование правовой природы договора микрозайма как основания возникновения правоотношений между субъектами в рамках осуществления микрофинансовой деятельности.

Исследованию договорной конструкции микрозайма посвящены лишь отдельные работы (например, Р. Л. Никулина, А. В. Зенина, Н. А. Седовой), тогда как к вопросу о микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях обращались и российские, и белорусские авторы, а именно: А. Г. Гузнов, Е. Б. Лаутс, Т. Э. Рождественская, А. В. Чирков, Г. Э. Шахназарян, Р. Р. Томкович, Ю. А. Амельченя, О. А. Бакиновская, И. А. Степура и иные.

Одним из основных понятий, закрепляемых п. 1 Указа Президента Республики Беларусь от 23 октября 2019 г. № 394 «О предоставлении и привлечении займов» (далее – Указ № 394) является понятие микрозайма. Микрозаем определяется как заем (займы), предоставленный в течение календарного месяца одному или нескольким заемщикам в сумме, не превышающей 15 000 базовых величин на одного заемщика на день заключения договора. Согласно п. 16 Положения о порядке осуществления

микрофинансовой деятельности, утвержденного Указом № 394 (далее – Положение), микрозаем предоставляется на основании договора микрозайма. В свою очередь под договором микрозайма понимается вид договора займа, по условиям которого одна сторона (заимодавец) передает в собственность другой стороне (заемщику) денежные средства в сумме, не превышающей 15 000 базовых величин на дату заключения договора, а заемщик обязуется возвратить заимодавцу эту сумму с уплатой процентов за фактический срок пользования полученными денежными средствами либо без уплаты процентов.

Нормативное определение договора микрозайма позволяет утверждать, что к правовому регулированию отношений по предоставлению микрозаймов применяются нормы ст.ст. 760–767 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) о договоре займа. Указанное дает основание полагать, что правовая природа указанного договора аналогична природе договора займа. Вместе с тем, особенности правового регулирования договора микрозайма определены специальным нормативным правовым актом, регулирующим микрофинансовую деятельность – Указом № 394, а нормы ГК применяются в части, не урегулированной этим законодательным актом, на что обращает внимание Верховный Суд Республики Беларусь в Постановлении Пленума от 27 июня 2019 г. № 1 «О применении судами законодательства при разрешении споров, возникающих из договоров займа» (далее – Постановление № 1). В этом случае требуется определение особенностей правовой регламентации исследуемой договорной конструкции. Несмотря на общие правовые признаки займа и микрозайма, следует отметить, что правовая природа договора микрозайма имеет ряд специфических черт.

Конструкция нормы п. 2 ст. 760 ГК определяет договор займа как реальный, так как считается заключенным с момента передачи денег, если иное не установлено законодательными актами. Одновременно определение договора микрозайма, данное в п. 16 Положения подтверждает реальную конструкцию данного договора. Проанализировав ряд правил предоставления микрозаймов [1; 2], необходимо отметить, что коммерческие микрофинансовые организации аналогичным образом определяют момент заключения договора микрозайма моментом передачи денежных средств.

Вместе с тем п. 19 Постановление № 1 определяет, что «судам необходимо иметь в виду, что в силу требований п. 1 ст. 402 ГК договор микрозайма может считаться заключенным только при достижении

сторонами соглашения по всем существенным условиям договора». Такая формулировка говорит в пользу консенсуальной модели договора микрозайма. Представляется, что Верховный суд исходил не из фактического содержания правоотношений в сфере предоставления микрозаймов, а распространил на исследуемые отношения правила о кредитном договоре, что является некорректным.

На наш взгляд, так как в соответствии п. 4 ст. 23 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» указы Президента Республики Беларусь имеют большую юридическую силу по отношению к постановлениям Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, необходимо внести изменения в п. 19 Постановления № 1 и привести его в соответствие с нормами Указа № 394 и, соответственно, ГК.

Договор микрозайма не является публичным договором. Заемщику откажут или может быть отказано в предоставлении микрозайма по основаниям, установленным в законодательстве и правилах предоставления микрозаймов конкретной микрофинансовой организации. Таковыми выступают, например, невыполнение условий предоставления микрозаймов, превышение общей суммы обязательств заемщика перед микрофинансовой организацией по договорам микрозаймов на день заключения договора микрозайма размера 15 000 базовых величин, представление недостоверных документов и сведений, определенных условиями и правилами, или непредставление таковых, отсутствие у предполагаемого заемщика полной дееспособности или документов, подтверждающих соответствующий статус, если имеются иные обстоятельства, препятствующие заключению договора. Также микрофинансовые организации могут отказать «в случае отрицательной кредитной истории (по данным Общества и Кредитного регистра Национального банка); – в случае нарушения заемщиком условий договора по ранее выданному ему займу; – по решению работника ломбарда, исходя из оценки предмета залога, возможностей хранения и других факторов» [3].

Договор микрозайма может быть как возмездным так и безвозмездным. Возмездный микрозайм предоставляется коммерческими микрофинансовыми организациями, а безвозмездный – некоммерческими микрофинансовыми организациями для своих членов, что подтверждается п. 30 правил предоставления микрозаймов единственного в Беларуси

потребительского кооператива финансовой взаимопомощи «Столичный клуб» [4].

Отличительной чертой договора микрозайма, заключаемого некоммерческой микрофинансовой организацией, является целевой характер предоставляемых денежных средств – оказание членам этих организаций финансовой помощи при осуществлении предпринимательской деятельности или иных видов деятельности, определенных в п. 9 Положения. В то же время коммерческие микрофинансовые организации предоставляют микрозаймы на потребительские нужды под залог имущества, предназначенного для личного, семейного или домашнего использования.

Особенностью предмета договора микрозайма является то, что таковым могут выступать исключительно денежные средства, выраженные в национальной валюте, а сумма микрозайма, как уже отмечалось выше, не может составлять более 15 000 базовых величин на дату заключения договора на одного заемщика.

Сторонами договора микрозайма являются заимодавец и заемщик. Субъектный состав сторон указанного договора определен в специальном законодательстве.

На стороне заимодавца могут выступать, согласно п. 2 Указа, № 394 коммерческие и некоммерческие микрофинансовые организации, включенные в реестр [5], а также юридические лица, созданные в форме РУП, КУП, а также ОАО, ЗАО, ООО, ОДО, 50 и более процентов акций (долей) в уставном фонде которых находится в собственности Республики Беларусь и (или) ее административно-территориальных единиц, зарегистрированные в сельской местности и включенные в государственный информационный ресурс «Реестр бытовых услуг Республики Беларусь», и осуществляющие скупку драгоценных металлов и драгоценных камней в изделиях и ломе для пополнения Государственного фонда драгоценных металлов и драгоценных камней Республики Беларусь [6]. Также, исходя перечня субъектов микрофинансовой деятельности, изложенного выше, отметим, что индивидуальный предприниматель не вправе осуществлять микрофинансовую деятельность, что представляется абсолютно обоснованным ввиду ее высокорискового характера.

Заемщиком может быть любое физическое или юридическое лицо. Однако некоммерческие микрофинансовые организации вправе заключать договор микрозайма только со своими членами.

Договор микрозайма заключается в письменной форме. Обеспечения исполнения обязательств по микрозайму залогом вещей оформляется микрофинансовой организацией выдачей залогового билета.

В силу односторонне обязывающего характера договора микрозайма, когда обязанности по договору возложены на заемщика, а на займодавца – только права, в большей мере различия в правовом регулировании займа и микрозайма проявляются в совокупности прав и обязанностей, возлагаемых на стороны – в содержании договоров. Вместе с тем «анализ содержания договора микрозайма между тем позволяет сделать вывод о существенно более значительной роли предписаний императивного характера в регулировании прав и обязанностей сторон по договору микрозайма в сравнении с договором займа» [7, с. 102]. Законодатель очень четко прописывает пределы осуществления займодавцем прав, возникающих из договора микрозайма, стесняя возможности последнего в установлении условий соглашения с заемщиком.

Так, п. 17 Положения определяет, что «существенными условиями договора микрозайма помимо существенных условий, установленных в соответствии с законодательством, являются: размер получаемых займодавцем с заемщика процентов в зависимости от срока пользования микрозаймом (дневной (месячной) процентной ставки) и в годовом исчислении (годовой процентной ставки) (при взимании процентов); сумма причитающихся займодавцу процентов и порядок ее определения (при взимании процентов); право заемщика на досрочный возврат по собственной инициативе микрозайма с перерасчетом суммы причитающихся займодавцу процентов исходя из фактического срока пользования денежными средствами (при взимании процентов) и порядок досрочного возврата; указание на наличие у заемщика статуса, дающего ему право на обращение за предоставлением микрозайма, в течение не менее одного календарного месяца до дня обращения за предоставлением микрозайма, а также на цель предоставления микрозайма с учетом требований, предусмотренных в пунктах 9–12 Положения» (для некоммерческих микрофинансовых организаций). В свою очередь Национальный банк также вправе установить дополнительные существенные условия договора микрозайма и требования к оформлению договоров микрозайма и залога (залогового билета).

При этом в соответствии с п. 18 Положения «не допускается включение в договор микрозайма условий: о взимании микрофинансовой организацией с заемщика повышенных процентов за пользование

микрозаймом в случае неисполнения (ненадлежащего исполнения) обязательств по договору микрозайма; о взимании микрофинансовой организацией с заемщика каких-либо дополнительных платежей (комиссионных и иных) за пользование микрозаймом; об уплате процентов в день предоставления денежных средств (заключения договора микрозайма), за исключением случая, когда день предоставления микрозайма совпадает с днем его возврата; об увеличении микрофинансовой организацией в одностороннем порядке размера получаемых заимодавцем с заемщика процентов в зависимости от срока пользования микрозаймом (дневной (месячной) процентной ставки), в годовом исчислении (годовой процентной ставки), размера неустойки (штрафа, пеней) по договору и (или) об изменении срока действия договора; о применении к заемщику неустойки (штрафа, пеней) за досрочный возврат микрозайма (части микрозайма)». Согласно Отчету Национального банка в результате инспекционного контроля за деятельностью некредитных финансовых организаций, осуществляемого в форме выборочных проверок (в 2021 г. проведены у 10 микрофинансовых организаций), было выявлено несоблюдение микрофинансовыми организациями именно ограничений на взимание процентов и неустойки, которые могут быть начислены по договорам микрозайма. Кроме того, п.п. 19–20 Положения нормативно закреплено, что сумма причитающихся микрофинансовой организации процентов, взимаемых по договору микрозайма, не может превышать двукратной суммы микрозайма, предоставленного микрофинансовой организацией, а сумма неустойки (штрафа, пеней) – не может превышать половину суммы микрозайма, предоставленного микрофинансовой организацией заемщику. Со своей стороны регулятор – Национальный банк – вправе устанавливать предельные размеры получаемых заимодавцем с заемщика процентов в годовом исчислении (годовой процентной ставки) по микрозаймам, предоставляемым микрофинансовыми организациями.

Данные обстоятельства свидетельствуют о защите со стороны государства прав заемщика как «слабой стороны» в данном правоотношении, в отличие от обычного договора займа. Причем, по сравнению с законодательством Российской Федерации, нормы Указа № 394 применяются в отношении всех заемщиков – как физических, так и юридических лиц.

Таким образом, анализ правовых предписаний, регулирующих деятельность по предоставлению микрозаймов на основе договора

микрозайма, позволил сделать вывод, что договор микрозайма является особой разновидностью договора займа, правовая специфика которого определена предметом соглашения, установлением максимальной величины денежной суммы микрозайма, субъектным составом и содержанием. Установление механизмов защиты интересов заемщиков по договорам микрозайма особо выделяет данную договорную конструкцию и делает ее в некоторой степени сходной с кредитным договором. В связи с изложенным, по мнению автора, видится целесообразным и обоснованным внести изменения в ГК, исключив ч. 2 п. 1 ст. 760 ГК, и дополнив его статьей 770¹ следующего содержания:

«Статья 770¹. Договор микрозайма

1. По договору микрозайма одна сторона (заимодавец) передает в собственность другой стороне (заемщику) денежные средства в сумме, не превышающей 15 000 базовых величин на дату заключения договора, а заемщик обязуется возвратить заимодавцу эту сумму с уплатой процентов за фактический срок пользования полученными денежными средствами либо без уплаты процентов.

2. К отношениям по договору микрозайма применяются правила настоящей главы с учетом особенностей, установленных актами законодательства.».

Список использованных источников

1. Правила предоставления микрозаймов Обществом с ограниченной ответственностью «СелектПромФинанс» [Электронный ресурс] / Официальный сайт Общества с ограниченной ответственностью «СелектПромФинанс». – Режим доступа: <http://vzaymi.by/wp-content/uploads/2022/01/Pravila-predostavleniya-mikrozajmov-s-izm-01122021.pdf>. – Дата доступа: 10.10.2022.

2. Правила предоставления микрозаймов в МФО ООО «ВамДеньгифинанс» [Электронный ресурс] / Официальный сайт Общества с ограниченной ответственностью «ВамДеньгифинанс». – Режим доступа: <https://vamdengi.by/images/rules-2021-02.pdf>. – Дата доступа: 10.10.2022.

3. Правила предоставления микрозаймов [Электронный ресурс] / Официальный сайт Частного унитарного предприятия по оказанию услуг «Платина-ломбард». – Режим доступа: <https://lombards.by/assets/files/pravila-predostavleniya-mikrozajmov-v-red-ot-27.04.21.pdf>. – Дата доступа: 10.10.2022.

4. Правила предоставления микрозаймов в потребительском кооперативе финансовой взаимопомощи «Столичный клуб» (новая редакция) [Электронный ресурс] / Официальный сайт потребительского кооператива финансовой взаимопомощи «Столичный клуб». – Режим доступа:

http://www.ovk.by/files/2022/Правила_предоставления_микрозаймов.pdf. – Дата доступа: 10.10.2022.

5. Сведения о микрофинансовых организациях, включенных в реестр микрофинансовых организаций, по состоянию на 10.10.2022 [Электронный ресурс] / Национальный банк Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.nbrb.by/finsector/microfinance/register>. – Дата доступа: 10.10.2022.

6. Сведения о юридических лицах, которые вправе осуществлять микрофинансовую деятельность без включения в реестр, по состоянию на 10.10.2022 [Электронный ресурс] / Национальный банк Респ. Беларусь. – Режим доступа: https://www.nbrb.by/finsector/microfinance/without_register. – Дата доступа: 10.10.2022.

7. Никулин, Р. Л. Правовая природа договора микрозайма / Р. Л. Никулин, А. В. Зенин // Вопросы современной науки и практики. Специальный выпуск. – 2013. – № 44. – С. 100 – 106.

ЗАЩИТА ПРАВ ИНВЕСТОРОВ НА РЫНКЕ ФИНАНСОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

Р. В. Чикулаев

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Адвокатская палата Пермского края, ул. Дзержинского, 2, 614990, г. Пермь, Российская Федерация, profur1@ngs.ru

Современное положение инвесторов на рынке финансовых инструментов существенно усугубляется наличием санкций зарубежных государств. Фокусом проблемы явились как юридико-фактические действия (блокировка финансовых активов, санкционные решения Европейского Союза, внеправовые ограничения депозитарных операций международными депозитарно-клиринговыми системами), так и отсутствие специальных защитных механизмов в национальном законодательстве. В подобных условиях актуализируется задача

модернизации юридических механизмов защиты прав и законных интересов национальных инвесторов, включая уточнение базовых легальных дефиниций (финансовые, в том числе внутренние и внешние инструменты). Следует признать объективным замещение тенденций интеграции и конвергенции в праве и экономике противоположными явлениями дезинтеграции и дивергенции.

Ключевые слова: финансовые инструменты, ценные бумаги, рынок, санкции.

Двадцатые годы XXI в. многое изменили в устойчивых представлениях о мировом экономическом пространстве, балансе геополитических интересов, перспективах развития европейских финансовых рынков, национальных правовых системах. Тенденции глобализации, интеграции, комплексного устойчивого развития стали изменяться на свою противоположность под влиянием политико-экономических факторов. Все более стали проявляться признаки дезинтеграции, нарушения хозяйственных связей, фрагментации рынков, дисфункции биржевых и депозитарно-клиринговых систем (включая делистинг и аннулирование финансовых инструментов, разрыв кастодиальных отношений, блокировку расчетно-финансовых операций и т.п.). Такие факторы не только существуют на фоне общемирового финансового кризиса, но и усугубляет его. Невиданные темпы демонстрирует инфляция в Европе и Америке (от нескольких до нескольких десятков процентов в основных «твердых» валютах), скачкообразно снижается курс евро, астрономически вырос необеспеченный объем (более 2 трлн.) долларов США в мировом обороте. Все более обостряются противоречия между интересами панамериканских, европейских и азиатских акторов на основных товарных и фондовых рынках.

В таких условиях явления конвергенции в социальном, политическом и правовом значениях, скорее всего, будут замещаться противоположными тенденциями частичной или полной дивергенции. Так например, А.Д. Сахаров в 1989 г. отмечал: «...Кратко резюмируя, конвергенция – реально происходящий исторический процесс сближения капиталистической и социалистической мировых систем, осуществляющийся в результате встречных плюралистических изменений в экономической, политической, социальной и идеологической сферах. Конвергенция является необходимым условием решения глобальных проблем мира, экологии,

социальной и геополитической справедливости...» [1]. В свою очередь, К.М. Асланов обосновывает мысль о том, что «...ошибочно отрицать факт такой взаимозависимости (конвергенции) российского и иностранного правового опыта...», одновременно уточняя, что «...очень важно определить критерии оптимального обращения к иностранному правовому опыту ... Любое общество является при этом не закрытой, а открытой системой, воспринимающей как положительное, так и отрицательное воздействие извне...» [2, с. 4]. Очевидно, что глобальные события современности вносят существенные коррективы в некоторые теоретические представления, которые сформировались ранее, без учета объективно меняющейся обстановки в мировых политических и экономических системах и механизмах их взаимодействия. Это потребует переосмысления некоторых базовых тезисов, в том числе относительно «свободы» рынка, «либерализации» трансграничных финансовых операций, «глобализации» торгового оборота ценных бумаг, априорной «защищенности» инвесторов и потребителей финансовых услуг на основе декларативных принципов «права справедливости» (Equity) и «спокойного владения» (как английского quiet possession, так и описанного в русском гражданском праве Д. И. Мейером, Е. В. Васьковским, А. Куницыным, К. Н. Анненковым, Г. Ф. Шершеневичем, что подробно исследовано, в частности, А. Б. Бабаевым [3]).

С февраля 2022 г. со стороны Европейского Союза, Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии, ФРГ, Норвегии, Польши, Монако, Мальты, Финляндии, Швейцарии, Латвии, Литвы, Эстонии, Словении, Словакии, Нидерландов, Дании, Болгарии, Японии, ОАЭ, Южной Кореи, а также международных организаций (МОТ, ВТО, ОЭСР, ООН, ПАСЕ и др.) было введено несколько тысяч политических, экономических и финансовых санкций против Российской Федерации [4, 5]. В том числе (и, очевидно, неслучайно) существенное санкционное воздействие было направлено на сферу финансовых рынков, инвестиций и операций, которые играют роль базового механизма ресурсного обеспечения рыночного хозяйства. Характерно, что наиболее уязвимым объектом, «целью» такого воздействия стали не только государственные структуры, но и частные розничные инвесторы – владельцы ценных бумаг, потребители финансовых услуг, участники отношений в сфере трансграничных фондовых рынков.

Национальным законодательством России и ряда дружественных стран предусмотрены как общие принципы организации финансовых

рынков, так и специальные гарантии защиты прав инвесторов (например, Федеральным законом Российской Федерации «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг», Законами Республики Беларусь «Об инвестициях» (в части акций), и «О рынке ценных бумаг» (ст.ст. 67–70)). Несмотря на это, защитные нормы изначально разрабатывались в иных условиях и не предполагали такого развития событий, при котором на геополитическом уровне оказались поставлены под сомнение центральный цивилистический принцип неприкосновенности собственности и базовые владельческие права, что влечет невозможность применения ординарных механизмов посессорной защиты.

Сохраняется проблема дефинитивного свойства, несколько затрудняющая анализ ситуации. Так, при операциях на мировых фондовых рынках используются различные понятия, обозначающие те или иные объекты (ценные бумаги, деривативы, финансовые инструменты, в том числе срочные, производные, биржевые и т.п.) В российском законодательстве легальное определение применяется с 1 января 2010 г. после внесения соответствующих изменений в Федеральный Закон «О рынке ценных бумаг» (подп. 22 п. 1 ч. 1 ст. 2), а именно: «финансовый инструмент – ценная бумага или производный финансовый инструмент». Тем самым, концептуально финансовый инструмент служит родовым понятием, включающим указанные в Законе объекты (ценные бумаги и производные финансовые инструменты), но также предполагающим отнесение к их числу в будущем и иных сходных по природе объектов, отвечающих необходимым признакам (хотя и пока не закрепленных легально), в гражданско-правовом смысле максимально приближенных к имуществу.

Приближенное к российскому законодательство Республики Беларусь упоминает «финансовые инструменты» лишь в национальных стандартах финансовой отчетности (см., например: Постановление Министерства финансов Республики Беларусь от 22 декабря 2018 г. «Об утверждении Национального стандарта бухгалтерского учета и отчетности «Финансовые инструменты»...»), отдавая приоритет термину «ценные бумаги» (в т.ч. «производные»). В числе ценных бумаг выделяются: приватизационные, неэмиссионные и эмиссионные (именные и на предъявителя), акции (простые-обыкновенные, привилегированные), облигации (в т.ч. биржевые и государственные), векселя, чеки, депозитные

и сберегательные сертификаты, банковские сберегательные книжки на предъявителя, коносаменты.

Общим можно признать принцип «признания», предполагающий распространение национального правового режима ценных бумаг на иностранные объекты, служащие предметом выпуска, обращения, инвестиций на зарубежных и глобальных финансовых рынках. Тем самым, наиболее рациональным видится укоренение использования понятия «финансовые инструменты» как более устойчивого, широкого и распространенного, классифицируемого в рассматриваемом аспекте на: внутренние (национальные) и внешние (иностранные).

Начиная с марта 2022 г. российские инвесторы – владельцы иностранных финансовых инструментов были существенно ограничены в своих правах. В основном – в результате фактического (без каких-либо правовых оснований) прекращения междепозитарных «мостовых» отношений между российским центральным депозитарием (Национальный расчетный депозитарий – НРД) и европейскими центральными депозитариями (Euroclear, Clearstream), а также в результате адресных санкций Евросоюза против НРД (решение от 3 июня 2022 г. на основании Регламента ЕС № 269/2014). Как следствие, владельцы таких инструментов утратили возможность получать дивиденды (купонные и др. выплаты), а также распоряжаться ими. По некоторым финансовым инструментам со стороны иностранных эмитентов имело место частичное или полное «погашение» с минимальной компенсацией или без таковой. Такие действия следует признать органически внеправовыми, противоречащими принципам и нормам международного частного и публичного права, национальному законодательству всех цивилизованных стран и праву Европейского Союза. По данным российского информационного ресурса РБК, банковско-депозитарная группа Euroclear за несколько месяцев 2022 г. извлекла выгоду за счет сбережения не выплаченных вовремя российским инвесторам доходов более чем на 100 млн евро. Объем заблокированных выплат составил более 23 млрд евро, количество пострадавших инвесторов – несколько миллионов.

В таких условиях сложно вести речь о конкретно-юридических механизмах защиты прав инвесторов, хотя представляется, что возможность защиты, в том числе судебной, полностью не утрачена. Необходимо исходить из того, что право собственности признается и защищается законом любой страны, лишить собственника его имущества может только суд при наличии законных оснований. Теоретически

возможна конфискация по решению государства, однако в отношении рассматриваемых финансовых инструментов таких решений пока нет, а в истории известен лишь один прецедент – запрет выплат по облигациям Аргентины (Нью-Йорк, Т.Р. Griesa, 2015).

Представляется, что инвесторы могут реализовать свое право на обращение в суды как на территории своей страны, так и за ее пределами. Ответчиками могут быть центральные депозитарии, иные финансовые институты, регуляторы. правительства иностранных государств (юрисдикция – ЕСПЧ). В случае положительного решения национального суда, оно должно быть исполнено за рубежом на основании международных соглашений. Решение, вынесенное иностранным судом, подлежит безусловному исполнению в соответствующей стране согласно ее законодательству. Не исключаются и действия по досудебному урегулированию, включая обращение непосредственно к центральным депозитариям. В числе примеров на настоящий момент можно отметить иск НРД об отмене санкций в Суд Европейского союза в Люксембурге и последовавшее за этим заявление Европейской комиссии о возможности разблокирования финансовых инструментов, учитываемых в междепозитарной системе НРД – Euroclear, запросы НРД в финансовые ведомства Бельгии и Люксембурга о получении генеральных лицензий на совершение операций с заблокированными активами.

Вместе с тем, не теряет актуальности задача тщательной верификации и модернизации национального законодательства о защите прав инвесторов и регулировании финансовых рынков на предмет усиления юридических механизмов применительно к инвесторам-гражданам, дифференцированно по отношению к внутренним и иностранным финансовым инструментам, включая выработку специальных методов защиты гражданских прав (судебной, внесудебной, с государственной поддержкой, с использованием специализированных инвестиционных фондов ограниченных в обороте финансовых активов).

Список использованных источников

1. Сахаров, А. Д. Конвергенция, мирное сосуществование [Электронный ресурс] / А. Д. Сахаров. – Режим доступа: <https://www.sakharov-archive.ru/sakharov/works/konvergencija-mirnoe-sosushhestvovanie>. – Дата доступа: 12.09.2022.

2. Асланов, К. М. Конвергенция российского и германского опыта гражданско-правового регулирования: история, современность и

перспектива : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / К. М. Асланов. – Казань, 2020. – 610 с.

3. Бабаев, А. Б. Система вещных прав : моногр. / А. Б. Бабаев. – М. : Волтерс Клувер, 2006. – 408 с.

4. Путеводитель по санкциям и ограничениям против Российской Федерации (после 22 февраля 2022 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/57750632/#friends>. – Дата доступа: 12.09.2022.

5. Информация о введенных санкциях в отношении Российской Федерации. Торгово-промышленная палата РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://uslugi.tpprf.ru/ru/sanctions_2022. – Дата доступа: 12.09.2022.

ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ КНР

Чэ Сюаньчао,

*Белорусский государственный университет, пр-т Независимости, 4,
Минск, 220030, Республика Беларусь, chexuanchao@gmail.com*

О. М. Куницкая

*Белорусский государственный университет, пр-т Независимости, 4,
Минск, 220030, Республика Беларусь, volhakun@mail.ru*

Статья посвящена общей характеристике нормативных положений о защите иностранных инвестиций в Китайской Народной Республике. На основе анализа норм национального китайского законодательства обозначена система правовых средств защиты иностранных инвестиций.

Выявлено, что принятие основных законов в сфере иностранных инвестиций в КНР стало логическим продолжением государственной политики в инвестиционной сфере. Принятый Закон об иностранных инвестициях устраняет дуализм регламентации организационно-правовых форм и основ деятельности предприятий, реализующих инвестиционную и иную (неинвестиционную) деятельность в Китае, будет способствовать осуществлению деятельности иностранных и национальных инвесторов на равных условиях и созданию более благоприятного инвестиционного климата.

Определено, что в Законе КНР об иностранных инвестициях заложены лишь основы регулирования иностранных инвестиций. В их развитие приняты положения, разъясняющие механизмы защиты и поощрения иностранных инвестиций, заложенные в Административном регламенте реализации данного Закона.

Указывается, что подходы китайского законодателя к содержанию правовых гарантий защиты иностранных инвестиций на национальном уровне должны согласовываться с положениями двусторонних соглашений КНР и зарубежных стран, в том числе с Республикой Беларусь в вопросе закрепления основных государственных гарантий иностранным инвесторам.

Ключевые слова: иностранные инвестиции; инвесторы; защита инвестиций; равные права.

Защита иностранных инвестиций представляет собой важный элемент инвестиционной правовой среды, поэтому положения об этом являются основой любого закона об иностранных инвестициях.

В различных юрисдикциях правила, защищающие инвесторов, исходят из разных источников, включая гражданское право, законы о компаниях, законы о безопасности, законы о банкротстве, законы о поглощениях и законы о конкуренции и др.

В юридической литературе принято выделять несколько уровней оснований закрепления правовых средств защиты иностранных инвестиций в КНР: 1) закрепленные законодательством об иностранных инвестициях; 2) указанные в двусторонних соглашениях; 3) предусмотренные многосторонними соглашениями. В статье исследуется первый из указанных.

Принципиальное значение положений Конституция КНР определяется тем, что права и законные интересы иностранных инвесторов, в каких бы формах не выражались их капиталовложения, находятся под защитой китайских законов (п. 2 ст. 18, п. 1 ст. 32 Конституции Китайской Народной Республики от 4 декабря 1982 г. (в ред. 2018 г.)).

Это означает, что Китай предоставляет правовую защиту интересам и правам иностранных инвесторов на началах соблюдения суверенитета КНР. Такое соблюдение выступает принципиально важной юридической основой для защиты иностранных инвесторов.

Как правило, нормативные правовые акты являются логичным продолжением государственной политики в инвестиционной сфере, о чем свидетельствует принятие основных законов в сфере иностранных инвестиций в КНР.

Закон КНР от 15 марта 2019 г. «Об иностранных инвестициях» (далее – Закон КНР об иностранных инвестициях), введенный в действие с 1 января 2020 года, под иностранными инвестициями понимает инвестиционную деятельность, прямо или косвенно осуществляемую на территории КНР иностранными физическими лицами, предприятиями или иными организациями (далее именуемыми «иностранные инвесторы»), включая следующие ее формы:

1) создание иностранным инвестором самостоятельно или совместно с другими инвесторами на территории КНР предприятий с иностранным участием;

2) приобретение иностранным инвестором акций, долей в уставном капитале, долей в имуществе и иных подобных прав и интересов в китайских предприятиях;

3) инвестирование иностранными инвесторами самостоятельно или совместно с другими инвесторами в новые проекты на территории КНР;

4) осуществляемые иностранными инвесторами на территории КНР инвестиции в иных формах, установленных законодательством, подзаконными актами или решениями Госсовета КНР.

Под предприятием с иностранным участием понимается созданное и зарегистрированное на территории КНР в соответствии с китайским законодательством предприятие, полностью или частично проинвестированное иностранным инвестором.

Одновременно с принятием указанного Закона признаются утратившими силу Закон КНР «О паевых совместных предприятиях», Закон КНР «О предприятиях с иностранным капиталом» и Закон КНР «О контрактных совместных предприятиях». Согласно ст. 31 Закона КНР об иностранных инвестициях в отношении организационно-правовых форм, институциональных основ и стандартов поведения предприятий с иностранными инвестициями действуют положения Закона КНР «О компаниях» от 29 декабря 1993 г. (в ред. 2013 г.) и Закона «О партнерствах» от 23 февраля 1997 г. Так, первые могут создаваться в форме joint stock limited company (акционерная компания с ограниченной ответственностью) или limited liability company (компания с ограниченной ответственностью, в т.ч. компания одного лица или госкомпания); вторые

– в форме общих партнерств (common partnership) и партнерства с ограниченной ответственностью (limited liability partnership).

Таким образом, устранен дуализм регламентации организационно-правовых форм и основ деятельности предприятий, реализующих инвестиционную и иную (неинвестиционную) деятельность в Китае.

Закон КНР об иностранных инвестициях не предусматривает замену перечня доступных организационно-правовых форм иностранного инвестирования и подтверждает возможность создания организационной формы предпринимательской деятельности в виде товарищества. Таким образом, новый закон будет способствовать осуществлению деятельности иностранных и отечественных предприятий на равных условиях и созданию более благоприятного инвестиционного климата.

Указанное проявляется в том, что Закон КНР об иностранных инвестициях устанавливает право предприятий с иностранными инвестициями в равной степени с национальными китайскими предприятиями участвовать в усилиях по разработке стандартов, а также укрепляет раскрытие информации и общественный контроль при их разработке. Обязательные стандарты, выработанные государством, относятся в равной степени к предприятиям с иностранными инвестициями и другим (ст. 15). Кроме того, регламентируется участие предприятий с иностранными инвестициями в деятельности по государственным закупкам на основе добросовестной конкуренции в соответствии с законом. Это означает, что в ходе государственных закупок надлежит обеспечивать равное отношение к продукции (услугам), производимой (предоставляемым) предприятиями с иностранными инвестициями и полностью китайскими (ст. 16). Предприятия с иностранными инвестициями могут привлекать капитал путем публичного выпуска акций, корпоративных облигаций и других ценных бумаг в соответствии с законом, а также другими средствами (ст. 17). В литературе отмечается позитивный характер указанных положений [1, с. 24].

Важным положением всей инвестиционной политики Китая, получившим закрепление в ст. 3 и 28 Закона КНР об иностранных инвестициях является разделение отраслей для размещения иностранных инвестиций на три группы, согласно которым сферы, инвестиционная деятельность в которых: 1) поощряется (современное производство, высокие технологии, энергосбережение, альтернативные источники энергии, современное сельское хозяйство); 2) ограничивается – в данных сферах вводятся повышенный размер минимального уставного капитала

для предприятий иностранного капитала, дополнительные требования к их учредителю, ограничения на деятельность в Китае, ограничение максимальной доли участия в предприятии иностранного инвестора (производство биотоплива, добыча и переработка драгоценных металлов, производство определенных алкогольных напитков, коммерческая недвижимость); 3) запрещены – отрасли, наносящие урон природному и культурному наследию, а также национальной безопасности (производство препаратов традиционной китайской медицины, обработка слоновой кости, выращивание определенных сортов чая, средства массовой информации, производство оружия, почтовые услуги, воздушное движение).

Заметим, что относительно правил защиты иностранных инвестиций в Законе КНР заложены лишь основы регулирования иностранных инвестиций. В их развитие были приняты положения, разъясняющие механизмы защиты и поощрения иностранных инвестиций, заложенные в Административном регламенте реализации Закона КНР об иностранных инвестициях (утв. Приказом Государственного совета КНР от 26.12.2019 № 723). В данном Регламенте среди прочего определено: понятие «иные инвесторы» включает китайских физических лиц (ст. 3); «негативный список», формируемый департаментом инвестиционной политики Государственного совета КНР совместно с департаментом торговли и другими компетентными департаментами (ст. 4); положение о том, что неопубликованные в надлежащем порядке нормативные акты, касающиеся иностранных инвестиций, не подлежат применению (ст. 7, 11), а также то, что административным органам запрещено принуждать иностранных инвесторов к передаче технологий и коммерческой тайны как напрямую, так и косвенными методами (ст. 23-25) и др. Кроме того, формализована процедура проверки национальной безопасности иностранных инвестиций, а также процедура конфискации и реквизиции иностранных инвестиций, осуществляемая в исключительных случаях в общественных интересах (ст. 25, 30). Усилены требования к опубликованию законов и подзаконных актов и их разъяснению иностранным инвесторам (ст. 11, 28).

В самом Законе об иностранных инвестициях глава 3 «Защита инвестиций» излагаются основные стандарты по защите прав иностранных инвесторов.

Во-первых, государство не требует экспроприации инвестиций иностранных инвесторов. При особых обстоятельствах в общественных интересах инвестиции иностранных инвесторов могут быть

экспропрированы в соответствии с положениями закона. Экспроприации и реквизиции должны проводиться в соответствии с установленной законом процедурой, при этом предоставляется своевременная, справедливая и разумная компенсация.

По нашему мнению, это основополагающие положения в системе защиты иностранных инвестиций, поскольку экспроприация напрямую связана с безопасностью и интересами иностранного инвестирования. В этой связи такие нормы обосновано включать в Конституцию страны.

Во-вторых, государство защищает частную собственность и сведения, которые относятся к коммерческой тайне зарубежных инвесторов и компаний с участием зарубежных инвестиций.

В-третьих, государство обеспечивает защиту валютного контроля.

Во-четвертых, предусматривается защита предприятий с иностранными инвестициями от произвольно определенных нормативных документов по иностранным инвестициям.

Во-вторых, регламентируется механизм отправки жалоб для компаний с зарубежными инвестициями и выполнение защиты прав.

По сравнению с механизмом урегулирования инвестиционных споров в инвестиционных договорах, в Законе об иностранных инвестициях уникальную роль играет механизм подачи жалоб для предприятий с иностранными инвестициями. Он необходим для защиты особых потребностей иностранного инвестирования и эффективного разрешения споров между иностранными инвесторами и правительствами принимающих стран. В соответствии с ст. 27 Закона КНР об иностранных инвестициях, предприятия с иностранным участием вправе в установленном законом порядке создавать и добровольно вступать в торговые палаты и ассоциации в Китае. Торговые палаты и ассоциации в соответствии с законодательством, подзаконными актами и уставными документами осуществляют соответствующую деятельность, защищают права и законные интересы своих членов.

Во-шестых, определено равное участие в конкурентной рыночной деятельности [2, с. 127].

Таким образом, в КНР состоялась консолидация имеющегося нормативного массива как результат проводимой реформы инвестиционного законодательства об иностранных инвестициях. Указанное позволит устранить региональные различия в регулировании деятельности иностранных инвесторов, которые вызывают

контрпродуктивную конкуренцию между регионами в сфере привлечения зарубежных инвестиций.

Рассмотренные подходы китайского законодателя к системе и содержанию правовых гарантий защиты иностранных инвестиций на национальном уровне должны согласовываться с положениями двусторонних соглашений КНР и зарубежных стран, в том числе с Республикой Беларусь в вопросе закрепления основных государственных гарантий иностранным инвесторам.

Список использованных источников

1. Беликова, К. М. «Иностранные инвестиции», «инвестор», «инвестиционная деятельность», «организационно-правовые формы» ее реализации и основные условия, обеспечивающие допуск иностранных инвестиций в экономику КНР, по новому Закону «Об иностранных инвестициях» 2019 г. / К. М. Белкова // Юридические исследования. – 2019. – № 7. – С. 17-25.

2. Фань Цзинчжао. Всеобщность и специфичность защиты иностранных инвесторов: сравнительное исследование российских и китайских законов об иностранных инвестициях / Цзинчжао Фань // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 12(192). – С. 123-127.

ГАРАНТИИ ПРАВ ИНОСТРАННОГО ИНВЕСТОРА В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

В. А. Шамак

*Белорусский государственный университет, пр-т Независимости, 4,
Минск, 220030, Республика Беларусь, fmo.shamakVA@bsu.by*

О. М. Куницкая

*Белорусский государственный университет, пр-т Независимости, 4,
Минск, 220030, Республика Беларусь, volhakun@mail.ru*

В статье анализируются международно-правовые гарантии прав иностранного инвестора. Они подразделяются на общие и специальные (по объему предоставляемых прав). Роль общих гарантий заключается в обеспечении реализации прав и законных интересов лиц, в отношении которых они предоставляются. Они закреплены в общих документах:

«Всеобщая декларация прав человека» 1948 г., Международный пакт 1966 г. «О гражданских и политических правах», Международный пакт 1966 г. «Об экономических, социальных и культурных правах». Международные гарантии прав иностранных инвесторов являются специальными по отношению к общим, т.к. они имеют специальный предмет регулирования – обязательства принимающих иностранных инвестиции государств в сфере обеспечения защиты собственности иностранных инвесторов. Они содержатся в международных многосторонних и двусторонних соглашениях. При этом положения их детализирующие, должны содержаться в национальном законодательстве (в частности, о порядке выплаты компенсации стоимости национализированного или реквизируемого имущества, являющегося инвестициями или образуемого в результате осуществления инвестиций). В этом случае вложение инвестиций можно считать безопасным.

Ключевые слова: гарантии прав иностранных инвесторов, международно-правовые гарантии, общие гарантии, специальные гарантии, иностранные инвесторы, двусторонние и многосторонние соглашения, реализация прав, защита права собственности иностранных инвесторов.

Гарантии прав инвесторов и защита инвестиций выступают в качестве важнейшего составного элемента формирования благоприятного инвестиционного климата страны, что является актуальной задачей для любого государства.

Согласно ст.1 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З «Об инвестициях» (далее – Закон об инвестициях) инвесторами являются: граждане Республики Беларусь; иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие в Республике Беларусь, в том числе индивидуальные предприниматели; юридические лица Республики Беларусь, осуществляющие инвестиции на территории Республики Беларусь; иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно не проживающие в Республике Беларусь; Граждане Республики Беларусь, постоянно проживающие за пределами Республики Беларусь; иностранные и международные юридические лица (организации, не являющиеся юридическими лицами), осуществляющие инвестиции на территории Республики Беларусь [1].

Согласно ст. 14-18 Закона об инвестициях, к правам инвесторов относятся: реализация своих имущественных и неимущественных прав в

соответствии с законодательством Республики Беларусь; исключительные права на объекты интеллектуальной собственности; право на создание коммерческой организации; право на льготы и преференции; право на заключение договора (договоров) с Республикой Беларусь. Инвесторы и (или) коммерческие организации, созданные в установленном порядке с участием инвестора (инвесторов), имеют право на предоставление им земельных участков в пользование, аренду, собственность в соответствии с законодательством Республики Беларусь об охране и использовании земель [1].

В белорусском инвестиционном законодательстве нет отдельного специального закона об иностранных инвестициях, в отличие, например, от Российской Федерации, основополагающий характер которого определяется тем, что он «содержит законодательное определение понятий иностранных инвестиций, прямых иностранных инвестиций, иностранного инвестора, коммерческой организации с иностранными инвестициями; закрепляет принцип национального режима в отношении деятельности по осуществлению иностранных инвестиций; устанавливает систему гарантий прав иностранных инвесторов» [2, с. 165].

Реализация прав и законных интересов иностранных инвесторов осуществляется с помощью правовых гарантий, предусмотренных как в национальном законодательстве государств, так и в международных договорах. Исходя из этого правовые гарантии иностранных инвесторов разделяют на:

- международно-правовые;
- национально-правовые [3, с. 183].

В доктрине предложены различные определения международно-правовых гарантий прав иностранных инвесторов. Одним из общих определений данных правовых гарантий является следующее: «гарантии прав иностранных инвесторов – это принятые государством в законодательном или международно-правовом порядке обязательства совершить по отношению к иностранному инвестору определенные действия или воздержаться от действий, нарушающих законные права и интересы инвестора» [2, с. 176]. Большой юридический словарь содержит определение, согласно которому «международно-правовые гарантии – это международно-правовые акты, предусматривающие заверения или ручательства государства или группы государств по отношению к другим участникам международных связей об определенном образе действий, обеспечивающие соблюдение установленных прав или статуса какого-

либо государства (группы государств), выполнение международных обязательств или сохранение определенного уровня международных отношений» [4, с. 111].

Д. В. Юлов разделяет международные правовые гарантии на:

- общие гарантии;
- специальные гарантии [3, с. 184].

Общие международно-правовые гарантии заложены в соответствующих международных документах, ролью которых является обеспечение реализации прав и законных интересов лиц, в отношении которых они предоставляются (например, «Всеобщая декларация прав человека» 1948 г., Международный пакт 1966 г. «О гражданских и политических правах»; Международный пакт 1966 г. «Об экономических, социальных и культурных правах»). Среди общих международно-правовых гарантий выделяются гарантии, сформулированные следующим образом (в качестве примера):

– все люди равны перед законом и имеют право, без всякого различия, на равную защиту закона (ст. 7) [5].

– мужчины и женщины имеют равное право пользования всеми гражданскими и политическими правами (ст. 3) [6].

– все люди имеют право на труд, которое включает право каждого человека на получение возможности зарабатывать себе на жизнь трудом, который он свободно выбирает или на который он свободно соглашается, и предпримут надлежащие шаги к обеспечению этого права (ст. 6) [7].

Международные гарантии прав иностранных инвесторов являются специальными по отношению к общим международным правовым гарантиям, т.к. они имеют специальный предмет регулирования – обязательства принимающих иностранные инвестиции государств в сфере обеспечения защиты собственности иностранных инвесторов [3, с. 185]. Данные гарантии направлены на обеспечение защиты права собственности иностранных инвесторов. Они включают в себя:

- гарантии права собственности иностранных инвесторов;
- компенсационные гарантии разрешения международных инвестиционных споров;
- страховые гарантии разрешения международных инвестиционных споров;
- гарантии прав в сфере инвестиций в энергетическом секторе экономики и др.

Международные гарантии прав иностранных инвесторов закреплены в международных многосторонних и двусторонних соглашениях, распространяющие свое действие в отношении иностранных инвесторов, посредством которых иностранные инвесторы имеют возможность реализации своих прав и законных интересов в сфере принадлежащих им на праве собственности инвестиций в государствах-реципиентах. При этом правовые гарантии, содержащиеся в двусторонних инвестиционных соглашениях о поощрении и взаимной защите капиталовложений дополняют гарантии, содержащиеся в многосторонних международно-правовых инвестиционных соглашениях, вследствие чего осуществляется их взаимодействие и обеспечивается более эффективная защита прав иностранных инвесторов [3, с. 190].

Международные стандарты гарантий прав иностранных инвесторов содержатся в таких многосторонних соглашениях, как «Конвенции об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций» (Сеульская конвенция) от 11 октября 1985 г. [8], Договоре к Энергетической хартии от 17 декабря 1994 г. [10], Конвенции об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств от 18 марта 1965 г. и т.д. Так, в Сеульской конвенции предусмотрены гарантии страхового возмещения для иностранных инвесторов от некоммерческих (политических) рисков [8]. «Гарантия риска инвестиций – государственная гарантия риска капиталовложений, направленных за рубеж для инвестиций в государственный сектор» [9, с. 111]. Это не гарантия риска инвестиций, а гарантия защиты иностранных инвестиций от некоммерческих (политических) рисков. Международным органом, выполняющим функции страхования иностранных инвестиций от политических рисков, является Многостороннее агентство по гарантиям инвестиций.

Международные гарантии прав иностранных инвесторов в сфере инвестиций в энергетическом секторе экономики содержатся в Договоре к Энергетической хартии от 17 декабря 1994 г. В числе закрепленных международных гарантий прав иностранных инвесторов выделяются:

- гарантии поощрения, защиты и режима капиталовложений (ст. 12);
- гарантии возмещения убытков (ст. 12);
- гарантии в случаях экспроприации (ст. 13);
- гарантии в случае перевода платежей, связанных с инвестициями (ст. 13) [10].

В соответствии с Конвенцией об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств был создан Международный центр по урегулированию инвестиционных споров. Согласно ст. 2 указанной Конвенции, задачей центра является предоставление структур для примирения и арбитража в связи с инвестиционными спорами между Договаривающимися государствами и физическими или юридическими лицами других Договаривающихся государств [11]. Содержащиеся здесь гарантии являются международными гарантиями разрешения международных инвестиционных споров.

В настоящее время в Республике Беларусь систему гарантий прав инвесторов и защиты инвестиций, включая иностранных инвестиций, составляют (гл. 3 Закона об инвестициях):

- 1) гарантии перевода компенсации и иных денежных средств иностранных инвесторов;
- 2) гарантия от неблагоприятного изменения налогового законодательства;
- 3) защита имущества от национализации и реквизиции;
- 4) компенсация стоимости национализированного или реквизируемого имущества, являющегося инвестициями или образуемого в результате осуществления инвестиций;
- 5) ограничение предъявления требований к инвестору.

Наиболее важным, по нашему мнению, является установление срока и порядка выплаты компенсации в случае изъятия собственности инвестора. При этом положения, касающиеся порядка выплаты компенсации, должны содержаться в национальном законодательстве.

В 2022 г. были внесены изменения и дополнения в Закон об инвестициях, касающиеся указанных положений с учетом норм, содержащихся в п. 81 ст. 4 «Гарантии прав инвесторов при экспроприации» раздела VII Инвестиции Приложения № 16 (Протокол о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций) к Договору о ЕАЭС от 29 мая 2014 г. [12].

Законом об инвестициях была введена ст. 12-1, согласно которой компенсация стоимости национализированного или реквизируемого имущества, являющегося инвестициями или образуемого в результате осуществления инвестиций, должна быть своевременной и полной [1].

Компенсация признается своевременной, если она: выплачена в сроки и порядке, установленные законом о порядке и условиях национализации

имущества, принятым в соответствии с Конституцией Республики Беларусь, но не позднее одного года с даты принятия решения о национализации; выплачена не позднее трех месяцев со дня принятия решения государственного органа о реквизиции имущества. Также установлены признаки о полной компенсации.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Международно-правовые гарантии иностранных инвесторов – это правовые обязательства государств-реципиентов, закрепленные в международных многосторонних и двусторонних соглашениях, распространяющие свое действие в отношении иностранных инвесторов, посредством которых иностранные инвесторы имеют возможность реализации своих прав и законных интересов. Реализация прав и законных интересов иностранных инвесторов осуществляется с помощью как общих, так и специальных международно-правовых гарантий.

Наиважнейшими являются гарантии реализации имущественных прав инвесторов, в частности права собственности. При этом, если государство-реципиент обеспечивает на своей территории такой правовой режим инвестиций, который способствует, прежде всего, безопасности вложений инвестиций инвестора, то вполне обоснованно можно считать реальным реализацию гарантий имущественных прав иностранного инвестора на территории такого государства.

Обязательства принимающих иностранные инвестиции государств в сфере обеспечения защиты собственности иностранных инвесторов должны быть отражены в национальном законодательстве (в частности, о порядке выплаты компенсации стоимости национализированного или реквизируемого имущества, являющегося инвестициями или образуемого в результате осуществления инвестиций).

Список использованных источников

1. Об инвестициях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2013 г., № 53-З ; в ред. Закона Респ. Беларусь от 5 января 2022 г., № 149-З. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11300053>. – Дата доступа: 10.10.2022.
2. Международное частное право : учебник : в 2 т. / отв. ред. С. Н. Лебедев, Е. В. Кабатова. – М. : Статут, 2015. – Т. 2: Особенная часть. – 764 с.

3. Юлов, Д. В. Понятие и виды международно-правовых гарантий прав иностранных инвесторов / Д. В. Юлов // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – №3. – С.183–192.
4. Сухарев, А. Я. Большой юридический словарь / А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских. – М. : ИНФРА-М, 2007. – 858 с.
5. Всеобщая Декларация прав человека [Электронный ресурс] : [Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН, 10 декабря 1948 г.]. – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/ru>. – Дата доступа: 15.10.2022.
6. Международный пакт «О гражданских и политических правах» [Электронный ресурс] [Принят в Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml. – Дата доступа 15.10.2022.
7. Международный пакт «Об экономических, социальных и культурных правах» [Электронный ресурс] [Принят в Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml. – Дата доступа: 10.10.2022.
8. Конвенция об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций [Электронный ресурс] [Принята в Сеуле, 11 октября 1985 г.]. – Режим доступа: https://economy.gov.by/uploads/files/001752_513838_2.pdf. – Дата доступа: 14.10.2022.
9. Барихин, А. Б. Большой юридический энциклопедический словарь : энциклопедический словарь / А. Б. Барихин. – М. : Книжный мир, 2008. – 720 с.
10. Договор к энергетической хартии [Электронный ресурс] [Принят в Гааге, 17 декабря 1994 г.]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/499060547>. – Дата доступа: 11.10.2022.
11. Конвенция об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств [Электронный ресурс] [Принята в Вашингтоне, 18 марта 1965 г.]. – Режим доступа: <https://pravo.by/>. – Дата доступа: 10.10.2022.
12. Договор о ЕАЭС [Электронный ресурс] [Принят в Астане, 29 мая 2014 г.]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/. – Дата доступа: 14.10.2022.

ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)

А. В. Шапковский

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220006,
г. Минск, Беларусь*

В статье освещается значимость института экономической несостоятельности (банкротства) для экономических процессов. Отмечаются особенности принятия заявления о банкротстве (поданного с соблюдением установленных требований) и возбуждения производства по делу. Отдельное внимание обращено на отсутствие в Законе Республики Беларусь «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» определения либо перечня оснований для возбуждения экономическим судом производства по делу о банкротстве.

Ключевые слова: экономическая несостоятельность (банкротство), конкурсное право, конкурсный процесс, основания возбуждения дела об экономической несостоятельности (банкротстве)

Основополагающей целью функционирования государства является обеспечение экономического роста, за счет чего оно способно осуществлять свои социальные функции. Развитие рыночной модели экономических отношений неразрывно связано с таким явлением как экономическая несостоятельность (банкротство).

По ряду факторов, в деятельности субъектов хозяйствования может наступить момент, когда они уже не способны погашать имеющуюся задолженность перед своими кредиторами, надлежащим образом исполнять принятые на себя обязательства. Если состояние неплатежеспособности не удастся преодолеть, оно приобретает устойчивый характер, и тогда необходимо принятие в отношении такого субъекта экстренных мер по его финансовому оздоровлению либо по прекращению его деятельности и освобождению от долгов, что приводит к общему оздоровлению экономики. Таким образом, в доктрине принято выделять две равнозначные цели конкурсного права: восстановительную и ликвидационную [1, с. 69].

Правовым инструментом достижения этих целей выступает процедура признания должника экономически несостоятельным (банкротом). Институт банкротства является весьма специфическим.

Регулирование осуществляется обособленным законодательством, имеются свои цели и свой категориальный аппарат, следствием чего является наличие особенностей в этапах хозяйственного процесса при производстве по делам об экономической несостоятельности (банкротстве).

Центральным нормативно-правовым актом, регулирующим не только материально-правовые отношения экономической несостоятельности (банкротства), но и процессуальные, является Закон Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 415-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве). Неоднородность таких отношений и предопределяет комплексный характер конкурсного права [2, с. 8].

Рассматривая конкурсный процесс через призму публичных правоотношений, следует вести речь об отдельном виде судопроизводства, к которому действующий Хозяйственно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – ХПК Республики Беларусь) относит производство по делам об экономической несостоятельности (банкротстве).

Цели первой стадии-этапа хозяйственного процесса, как и при исковом производстве, так и при производстве по делам об экономической несостоятельности (банкротстве), совпадают, и представляют собой принятие заявления о банкротстве (поданного с соблюдением установленных требований) и возбуждения производства по делу. Однако механизмы реализации этой цели различны.

Своевременное обращение в экономический суд с соответствующим заявлением, а также своевременное возбуждение производства по делу является основополагающим фактором, влияющим на возможность восстановления платежеспособности либо ликвидации субъекта хозяйствования с максимальным удовлетворением требований кредиторов.

Порядок обращения в экономический суд с заявлением о банкротстве определен ХПК Республики Беларусь и Законом о банкротстве. Экономический суд обязан принять к производству заявление, поданное с соблюдением требований абзацев 3, 5, 7, 8 ч. 1 ст. 163 ХПК Республики Беларусь и ст. ст. 9, 12, 27–34 Закона о банкротстве.

По общему правилу, в силу ч. 1 ст. 161 ХПК Республики Беларусь вопрос о принятии судом, рассматривающим экономические дела, искового заявления и возбуждении производства по делу решается судьей суда, рассматривающего экономические дела, единолично. При этом,

исходя из ч. 4 ст. 161 ХПК Республики Беларусь определение суда, рассматривающего экономические дела, о принятии искового заявления и возбуждении производства по делу направляется лицам, участвующим в деле, не позднее пяти дней со дня поступления заявления в суд, рассматривающий экономические дела.

В отношении дел об экономической несостоятельности (банкротстве) Законом о банкротстве предусмотрены особенности принятия заявления и возбуждении производства по делу о банкротстве. Так, в силу ч. 2 ст. 36 Закона о банкротстве вопрос о принятии заявления об экономической несостоятельности (банкротстве) должника решается не позднее тридцати дней со дня поступления указанного заявления в суд в судебном заседании с участием кредитора (кредиторов), должника, а в случае, если должник - юридическое лицо является градообразующей или приравненной к ней организацией, государственной организацией, - с участием органа государственного управления по делам об экономической несостоятельности (банкротстве) и (или) другого государственного органа.

Необходимость проведения отдельного заседания обусловлена тем, что принятие заявления и возбуждение дела о банкротстве, требует не только проверки соответствия заявления требованиям, установленным ХПК Республики Беларусь и Законом о банкротстве, но и наличия непосредственных оснований банкротства. Только в ходе судебного разбирательства можно установить, какова природа неплатежеспособности должника и сопровождается ли она наличием существенных признаков банкротства или нет [3, с. 8].

Для данного этапа судопроизводства характерны особенности в составе лиц, которые могут быть инициаторами возбуждения дела. В частности, производство по делу о банкротстве может быть возбуждено по инициативе следующих лиц:

- должника;
- кредитора;
- прокурора;
- представителя работника;
- органа государственного управления по делам об экономической несостоятельности (банкротстве), и других уполномоченных лиц;
- иных лиц, которым в соответствии с Законом о банкротстве предоставлено право на подачу заявления об экономической несостоятельности (банкротстве) должника в связи с неисполнением денежных обязательств.

О возбуждении производства по делу об экономической несостоятельности (банкротстве) должника суд, рассматривающий экономические дела, выносит определение, которое, в отличие от определения о принятии искового заявления, может быть обжаловано (опротестовано) в порядке, установленном ХПК Республики Беларусь.

Закон о банкротстве не содержит четкого определения либо перечня оснований для возбуждения экономическим судом производства по делу о банкротстве. Согласно ст. 26 Закона о банкротстве производство по делу об экономической несостоятельности (банкротстве) возбуждается судом на основании заявления об экономической несостоятельности (банкротстве) должника, поданного в соответствии со ст. 8, 9 или 12 Закона о банкротстве.

Таким образом, буквальное толкование ст. 26 Закона о банкротстве указывает, что основанием для возбуждения дела является непосредственно заявление об экономической несостоятельности (банкротстве). Однако, представляется, что указанный подход не является верным и не отражает правовую природу конкурсного процесса.

Анализ судебной практики показывает, что при разрешении судом вопроса о принятии заявления и возбуждении дела, суд проверяет факты наличия неплатежеспособности должника, возможности удовлетворения требований кредиторов, действительный размер обязательств должника, действительной стоимости активов должника, оспаривание должником требований и т.д.

Так в п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 25 июня 2015 г. № 7 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об экономической несостоятельности (банкротстве)» отмечено, что, разрешая вопрос о принятии заявления кредитора, суду следует проверить, не оспаривается ли должником в установленном порядке размер его платежных обязательств перед кредитором.

Если размер указанных в заявлении кредитора платежных обязательств оспаривается должником (например, в судебном порядке оспаривается размер задолженности, процентов за пользование денежными средствами и т.п.), суд вправе вернуть кредитору его заявление в соответствии с ч. 1 ст. 38 Закона о банкротстве.

Таким образом, помимо заявления, основанием для возбуждения производства по делу является наличие определенных обстоятельств, при которых возможно инициирование производства по делу о банкротстве.

Ряд авторов именуют такие обстоятельства как внешние признаки банкротства [3, с. 8]. Представляется, что перечень таких обстоятельств должен быть закреплён непосредственно в ст. 26 Закона о банкротстве. Закрепление такого перечня ликвидирует правовую неясность в вопросе возбуждения дела о банкротстве и систематизирует практику экономических судов в части применения непосредственных оснований для вынесения определения о принятии заявления, не сводя этот процесс к проверке формальных признаков соответствия заявления требованиям ХПК Республики Беларусь и Закона о банкротстве.

Список использованных источников

1. Телюкина, М. В. Основы конкурсного права / М. В. Телюкина – М. : Волтерс Клувер, 2004 – 560 с.;
2. Ткачев, В. Н. Конкурсное право. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) в России : учеб. пособие / В. Н. Ткачев – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 256 с.;
3. Попондопуло, В. Ф. Банкротство. Правовое регулирование: научно-практическое пособие / В. Ф. Попондопуло – М. : Проспект, 2015. – 432 с.

СТРАХОВАНИЕ ЖИЗНИ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИНВЕСТИЦИОННОГО И СТРАХОВОГО РЫНКОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

М. Н. Шимкович

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь, ул.
Московская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь, shymkovich2003@gmail.com*

Развитие страхового рынка играет важную роль в социально-экономической системе Республики Беларусь, способствуя ее стабильности и росту. Научная новизна статьи заключается в анализе текущего состояния сегмента страхования жизни, а также перспектив его развития. Сделаны выводы относительно основных проблем, связанных с данным направлением страхования в современных социально-экономических условиях, предлагаются меры, способствующие минимизации негативных последствий, а также варианты развития

данного вида страхования, которые могут повысить темпы спроса на рассматриваемый страховой продукт.

Ключевые слова: накопительное страхование, страхование жизни, страхование дополнительной пенсии.

Конституцией Республики Беларусь установлено, что «гражданам Республики Беларусь гарантируется право на охрану здоровья, включая бесплатное лечение за счет государственных средств в порядке, установленном законом. Граждане заботятся о сохранении собственного здоровья» (ч. 1 ст. 45 Конституции).

Однако в жизни каждого человека происходят ситуации, когда в силу определенных обстоятельств для сохранения собственного здоровья могут потребоваться дополнительные финансовые ресурсы: семья может потерять основного кормильца, работающие члены семьи серьезно заболеть, выйти на пенсию. Во всех этих случаях резко снижается уровень жизни и, как правило, люди остаются один на один со своими финансовыми трудностями. Достаточно эффективным механизмом поддержки финансового благополучия семьи в отмеченных и других ситуациях является страхование жизни.

Формирование интереса к указанному виду страхования в Республике Беларусь проходило достаточно долго и сложно (более двух десятилетий) с учетом негативного советского опыта потерь граждан от обесценивания накоплений по долгосрочным договорам страхования. Вместе с тем благодаря работе по совершенствованию законодательства и формированию системы стимулирования заключения рассматриваемых договоров страхования были достигнуты положительные результаты.

Так, в последние годы достаточно активный интерес к страхованию жизни проявили организации. Страховые взносы по договорам страхования жизни, заключенным организациями в отношении своих работников, выросли за 2010 г. по отношению к 2005 г. в 3,8 раза; за 2015 г. по отношению к 2010 г. – в 22,7 раза; за 2020 г. по отношению к 2015 г. – в 5,9 раза.

Темп прироста числа застрахованных лиц по договорам страхования жизни и дополнительной пенсии, заключенным организациями в отношении своих работников, в 2021 по сравнению с 2020 г. составил 47,2%.

Из общего количества лиц, застрахованных по договорам добровольного страхования жизни и дополнительной пенсии, на начало

2022 г. 337,4 тыс. человек (75,5 процента) – это лица, застрахованные в рамках договоров страхования, заключенных с юридическими лицами [1].

Однако экспертами страховой рынок рассматривается как потенциально уязвимый с точки зрения отмывания преступных доходов из-за его размеров, широкой доступности и многообразия страховых продуктов. В наиболее значительной мере в таких целях может использоваться, по мнению экспертов FATF (англ. Financial Action Task Force on Money Laundering – FATF), сектор страхования жизни [2].

В Республике Беларусь в последнее время специалистами также высказываются суждения о том, что договоры страхования жизни, заключаемые организациями в отношении своих работников, используются с целью минимизации налогов и взносов в Фонд социальной защиты населения Республики Беларусь (далее – ФСЗН), а не с целью предоставления дополнительного пакета социальной защиты работнику, а также в качестве способа обхода действующих ограничений по размерам выплат отдельным работникам. Как следствие, предлагается установить по договорам добровольного страхования жизни, заключаемым страхователями-организациями, предельный размер страховой суммы и страхового вноса, который может тратить работодатель на страхование жизни своего работника, определить предельный размер страхового вноса, на который взносы в ФСЗН не начисляются, или даже запретить страхование жизни.

Полагаем, что данные предложения имеют необоснованный характер по следующим причинам.

1. Установление законодательных ограничений в части размера страховой суммы в личном страховании противоречит предписанию Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) о том, что «в договорах личного страхования и договорах страхования гражданской ответственности страховая сумма (лимит ответственности) определяется сторонами по их усмотрению, если иное не установлено законами и актами Президента Республики Беларусь» (п. 3 ст. 837 ГК). В отношении обязательных видов страхования страховые суммы (лимиты ответственности) могут ограничиваться законодательством. Применительно же к добровольному личному страхованию, каким и является накопительное страхование, законодательное ограничение размера страховой суммы неправомерно, поскольку жизнь и здоровье человека бесценны и суммы, на которые могут быть застрахованы данные объекты страхования ограничиваются только финансовыми

возможностями страхователя. Такой же подход закреплен и в законодательстве других государств – членов ЕАЭС. Гражданские кодексы Армении, Казахстана, Киргизии, РФ, содержат нормы, в соответствии с которыми страховая сумма в личном страховании определяется исключительно соглашением сторон, и даже не содержат норм о том, что иное может быть установлено законодательными актами. Установление в законодательстве Республики Беларусь иного подхода будет противоречить общим принципам, стандартам и критериям осуществления страховой деятельности и не способствовать гармонизации регулирования страхования жизни в государствах – членах ЕАЭС.

2. Что касается отмены налоговых льгот и других преференций, предусмотренных законодательством применительно к страхованию жизни, такое предложение также не заслуживает поддержки.

Учитывая особую природу накопительного страхования жизни, как уже было отмечено ранее, в налоговом законодательстве Республики Беларусь страховые взносы, внесенные работодателем за работников, рассматриваются как доход работника. С таким подходом нельзя согласиться. Договор страхования – это услуга, которую оказывает страховая компания страхователю. В свою очередь, страховой взнос – это плата за оказанную страховщиком страхователю услугу. Более того, страховые взносы, уплаченные страхователем, являются собственностью страховщика. Таким образом, доходом застрахованного лица следует считать скорее страховую выплату, а не страховые взносы. Кроме того, данный доход работник может получить, не только просто дожив до определенного возраста, но и в случае наступления дополнительных страховых случаев утраты трудоспособности или смерти. Более того, договор страхования может быть расторгнут и страховые взносы возвращены страхователю-работодателю. В таких случаях правомерность включения в объект налогообложения уплаченных страховых взносов имеет спорный характер. Несомненно, накопительное страхование жизни отличается существенными особенностями от других видов страхования. Однако их недостаточно для того, чтобы рассматривать накопительное страхование вне общих подходов, применяемых при налогообложении страховых взносов и страховых выплат по другим видам страхования.

Кроме того, действующий подход налогового законодательства в части признания страховых взносов, внесенных работодателем, доходом работника приводит к ситуации, что данные взносы подлежат включению в виды выплат, из которых удерживаются алименты.

3. В отношении предложения о начислении взносов в ФСЗН на страховые взносы, уплачиваемые работодателем, мы считаем обоснованным и подлежащим сохранению подход, закрепленный в действующем законодательстве. В соответствии с данным подходом на страховые взносы, независимо от их размера, взносы в ФСЗН не начисляются по следующим причинам:

во-первых, законодательство знало разные периоды в части уплаты взносов в ФСЗН на суммы страховых взносов (платежей), уплачиваемых нанимателем по договорам добровольного страхования жизни. Так, до 2006 г. взносы в ФСЗН уплачивались; в период с 2006 г. по 2012 г. взносы в ФСЗН не уплачивались только в пределах суммы, установленной законодательством; после 2012 г. по настоящее время взносы в ФСЗН на страховые взносы по договорам страхования жизни не уплачиваются. Соответственно в результате апробации разных вариантов на практике законодатель пришел к выводу, что взносы в ФСЗН на страховые платежи по договорам страхования жизни не должны начисляться.

во-вторых, в соответствии с Законом Республики Беларусь от 15 июля 2021 г. № 118-З «О взносах в бюджет государственного внебюджетного фонда социальной защиты населения Республики Беларусь» (далее – Закон о взносах в ФСЗН) объектом для начисления обязательных страховых взносов для работодателей и работающих граждан являются выплаты всех видов в денежном и (или) натуральном выражении, начисленные в пользу работающих граждан по всем основаниям независимо от источников финансирования, включая вознаграждения по гражданско-правовым договорам, но не выше пятикратной величины средней заработной платы работников в республике за месяц (п. 1 ст. 4).

Следовательно предложение об установлении предельного размера страхового взноса по договорам добровольного страхования жизни, на который не начисляются взносы на социальное страхование в ФСЗН, а свыше которого – начисляются, не согласуется с подходом, который определен в Законе о взносах в ФСЗН, где наоборот определено, что с суммы, превышающей пятикратной размер величины средней заработной платы работников в республике за месяц, взносы в ФСЗН не начисляются.

Таким образом, учитывая все выше сказанное, а также то, что при определенных страховых случаях (смерть, инвалидность, утрата трудоспособности) страховые выплаты могут носить социальный характер, страховые взносы не должны подлежать включению в базу для начисления взносов в ФСЗН.

4. Наконец, запрет страхования жизни или существенные изменения законодательства в сфере страхования жизни, на наш взгляд, чрезмерно радикальная мера, которая не будет способствовать доверию населения к данному виду страхования и страхованию в целом.

Таким образом, подытоживая изложенное, представляется возможным сделать следующие выводы.

1. Несмотря на существующий на протяжении долгого времени низкий платежеспособный спрос на страховые услуги, а также низкий уровень доверия населения к отечественным финансовым институтам долгосрочных вложений, на настоящий момент наметился положительный сдвиг в развитии личного страхования, относящегося к страхованию жизни, и страховой культуры граждан в целом.

Достижению положительных результатов в данном сегменте страхования способствовали налоговые льготы и другие преференции, предусмотренные законодательством. Отмена данных льгот, возврат к ранее существовавшим законодательным подходам, запрет данного вида страхования окажет негативное влияние не только на данный сегмент страхового рынка, но и на банковскую систему нашей страны, поскольку средства, аккумулированные страховыми организациями, размещаются в банковской системе Республики Беларусь и инвестируются в государственные ценные бумаги.

Кроме того, 1 октября вступил в силу Указ Президента Республики Беларусь от 27 сентября 2021 г. № 367 «О добровольном страховании дополнительной накопительной пенсии», который направлен на включение граждан с поддержкой государства в накопительную систему пенсионного обеспечения. Изменение существующих «правил игры» на рынке страхования также не будет способствовать развитию данного вида страхования.

2. Дальнейшая работа по стимулированию страхования жизни, повышению страховой культуры населения должна продолжаться.

В связи с этим считаем обоснованными положения проекта Закона Республики Беларусь «О страховой деятельности», направленные на развитие страхования жизни, а именно:

- о закреплении правовых основ инвестиционного страхования;
- о снятии запрета на заключение государственными юридическими лицами договоров страхования жизни и дополнительной пенсии с негосударственными страховщиками;

о допуске организаций-резидентов, являющихся дочерними или зависимыми хозяйственными обществами по отношению к иностранным инвесторам, к заключению договоров страхования жизни с юридическими лицами (в настоящее время такие страховщики могут заключать договоры страхования только с гражданами).

Помимо предложений, предусмотренных в проекте Закона Республики Беларусь «О страховой деятельности», требуется внесение изменений в налоговое законодательство в части признания доходом физического лица оплаты работодателем страховых услуг страховых организаций Республики Беларусь по договорам добровольного страхования жизни, дополнительной пенсии. Действующий подход законодательства в этой части не отвечает общим подходам, применяемым при налогообложении страховых взносов и страховых выплат по другим видам страхования, не соответствует природе страхового взноса как плате за оказанную страховой организацией услугу, а также вызывает ряд дополнительных вопросов (например, в части применения законодательства об уплате алиментов).

3. В качестве мер, предупреждающих негативные проявления в сфере добровольного страхования жизни, целесообразно:

– закрепить минимальный срок действия договоров страхования жизни, заключаемый с юридическими лицами в пользу физических лиц, работающих в данных организациях, а также их близких родственников – не менее трех лет;

– дополнить п. 1 Указа Президента Республики Беларусь от 12 мая 2005 г. № 219 «О страховых взносах по договорам добровольного страхования жизни, дополнительной пенсии и медицинских расходов, включаемых в затраты по производству и реализации продукции, товаров (работ, услуг)» третьим условием для включения страхователем страховых взносов по договору добровольного страхования жизни в затраты предприятия, а именно, если договор добровольного страхования жизни заключен на срок не менее трех лет, за исключением страховой выплаты, предусмотренной в случае наступления смерти застрахованного лица.

Реализация данных мер будет способствовать минимизации злоупотреблений в сфере страхования жизни, обеспечению стабильности на рынке страхования в целом и страхования жизни в частности.

Список использованных источников

1. Страхование жизни и дополнительной пенсии: обзор // Страхование в Беларуси. – 2022. – № 07 (236) июль. – С. 15–19.
2. Руководство по применению риск-ориентированного подхода: Сектор страхования жизни [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.fbff59d6-632ef113-34e253ef-74722d776562/https/www.statista.com/statistics/870988/insurance-europe-premiums-per-capita-by-country. – Дата доступа: 05.09.2022.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОДНЫХ ОБЪЕКТОВ ДЛЯ ВЕДЕНИЯ РЫБОЛОВНОГО ХОЗЯЙСТВА

Н. А. Шингель

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220006,
г. Минск, Беларусь, Singel.61@list.ru*

Ведение рыболовного хозяйства осуществляется с использованием разнообразных природных ресурсов, в первую очередь, поверхностных водных объектов, являющихся местами обитания рыбы, правовой режим которых определяется через правовой режим рыболовных угодий. Автор указывает на сложную в правовом смысле конструкцию объекта правового регулирования – рыболовных угодий, которые подпадают под признаки водного объекта, но используются не для целей водопользования, а для ведения связанного с использованием объектов животного мира вида хозяйственной деятельности. Существует фактический пробел в правовом регулировании этого вида отношений, связанный с отсутствием в водном законодательстве специальных норм об использовании водных объектов для ведения рыболовного хозяйства, что не соответствует принципу комплексного использования водных ресурсов. В целях полноты правового регулирования возникающих отношений имеется необходимость более детального закрепления правового режима водных объектов, используемых для ведения рыболовного хозяйства, в водном законодательстве, и согласование этих норм с нормами законодательства о рыболовстве и рыболовном хозяйстве.

Ключевые слова: рыболовное хозяйство, водный объект, рыбные ресурсы.

Осуществление такого вида хозяйственной деятельности, названного в Законе Республики Беларусь от 10 июля 2007 г. № 257-З «О животном мире» как ведение рыболовного хозяйства, происходит с использованием разнообразных природных ресурсов. К ним, в первую очередь, относятся водные объекты, являющиеся местами обитания рыбы, и собственно рыбные ресурсы. В последние годы произошло существенное обновление водного законодательства и законодательства о животном мире, особенно той его части, которая охватывает специальное правовое регулирование рыболовства и рыболовного хозяйства. Так, Указом Президента Республики Беларусь от 21 июля 2021 г. № 284 «О рыболовстве и рыболовном хозяйстве» (далее – Указ № 284) утверждены Правила любительского рыболовства и Правила ведения рыболовного хозяйства, составляющие правовую основу указанных отношений.

Именно Правила любительского рыболовства содержат понятие «рыболовные угодья», под которыми понимается «часть территории Республики Беларусь (водоемы и водотоки), которая является средой постоянного обитания рыбы либо имеет значение для ее размножения, нагула, зимовки, миграции, а также используется или может быть использована для рыболовства», за исключением, если иное не установлено Президентом Республики Беларусь, отдельных видов водных объектов, названных в цитируемом выше п. 2 Правил любительского рыболовства. Таким образом, объект правового регулирования, который в законодательстве обозначается как рыболовные угодья, фактически представляет собой иной компонент природной среды – воды (водные объекты), определенные в ст.1 Водного кодекса Республики Беларусь от 30 апреля 2014 г. № 149-З (далее – ВК). Рыболовные угодья подпадают под признаки водных объектов, названные в ст.1 ВК, не случайно Правила любительского рыболовства, в полном соответствии с терминологией водного законодательства, называют их водоемами и водотоками, что характеризует эти поверхностные водные объекты с точки зрения их естественно-природных свойств. В дополнение к этому Правила любительского рыболовства проводят классификацию рыболовных угодий с учетом рыбохозяйственных признаков (п. 4), но только водоемов, к которым относятся озера и искусственные водные объекты. Противоречивость данного подхода мы усматриваем в том, что водные объекты, образующие рыболовные угодья, используются не для целей водопользования (ст. 38 ВК), а для осуществления одного из основных видов права пользования объектами животного мира (рыболовство) и для

ведения связанного с использованием объектов животного мира вида хозяйственной деятельности (ведение рыболовного хозяйства) (ст. 24, 34 Закона «О животном мире»). Именно эта сложная в правовом смысле конструкция объекта правового регулирования в дальнейшем предопределяет особенности правового режима «рыболовных» водных объектов.

Правовой режим водных объектов, используемых для рыболовного хозяйства, в белорусской юридической науке изучен недостаточно. Важность этого исследования мы видим в достаточно высокой экономической значимости рыболовных угодий для получения и последующего использования продукции данной отрасли (рыбы), необходимой для обеспечения продовольственной безопасности нашей страны, что отмечается в Концепции развития рыболовного хозяйства в Республике Беларусь, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 июня 2015 г. № 459. Но если экономическая составляющая данной деятельности имеет тенденцию интегрированного правового регулирования в рамках рыбного хозяйства, обеспечивающего в том числе производство органической продукции [1; 2], в природоресурсном смысле эти правоотношения разобщены по различным отраслям природоресурсного права.

В частности, использование водных объектов, входящих в состав рыболовных угодий, водным законодательством Республики Беларусь не регулируется, что можно объяснить преимущественно хозяйственным значением этих водоемов и водотоков для рыболовного хозяйства. Закон «О животном мире» (ст. 34) рассматривает ведение рыболовного хозяйства как вид хозяйственной деятельности, неразрывно связанной с устойчивым использованием природных ресурсов, закрепленных за субъектами этой деятельности в установленном порядке. Однако, речь идет в большей степени о рыбных ресурсах, поскольку именно их рациональное (устойчивое) использование составляет основное содержание деятельности по ведению рыболовного хозяйства (п. 2 Правил ведения рыболовного хозяйства). Водопользование же как таковое остается за рамками правового регулирования нормами законодательства о рыболовстве и ведении рыболовного хозяйства с учетом поресурсного (дифференцированного) подхода к регулированию данных отношений [3, с. 9]. Отраслевая структура природоресурсного законодательства предполагает наиболее полное закрепление различных видов природопользования в соответствующем законодательстве, в данном

случае, водном, обеспечивающем системное регулирование использования всех поверхностных водных объектов. Такая системность отсутствует при использовании водоемов и водотоков, отнесенных к рыболовным угодьям, в отличие от правового регулирования водопользования в целях рыбоводства (ст. 32 ВК).

Между тем, мы можем видеть, что при ведении рыболовного хозяйства происходит непосредственное использование водных объектов, в которых рыба обитает в состоянии естественной свободы и составляет «природопользовательский» экономический ресурс данной деятельности. На наш взгляд, в имеющейся формулировке понятия «ведение рыболовного хозяйства», ориентированного на «рациональное (устойчивое) использование рыбных ресурсов, их охрану и воспроизводство путем осуществления промыслового рыболовства, организации платного любительского рыболовства либо промыслового рыболовства и организации платного любительского рыболовства» теряется связь этих отношений с использованием собственно водных объектов. Обратим внимание на фактический пробел в правовом регулировании этого вида водопользования – отсутствие в ст. 38 ВК указания на соответствующую цель пользования водными объектами, а именно, их использование для ведения рыболовного хозяйства.

Следует отметить, что ВК упоминает об использовании водных объектов для ведения рыболовного хозяйства лишь при разграничении предмета правового регулирования с законодательством о животном мире (ст. 2), а также при установлении общих правил использования поверхностных водных объектов, являющихся рыболовными угодьями, для плавания на маломерных судах (ст. 44 ВК). И в одном, и в другом случае мы видим приоритет законодательства о животном мире, что в целом логично, однако, не обеспечивает полноту правового регулирования возникающих отношений. Так, статьей 2 ВК установлено, что отношения, связанные с охраной и использованием животного мира, возникающие при использовании поверхностных вод, в том числе для ведения рыболовного и охотничьего хозяйства, рыболовства и охоты, регулируются законодательством об охране и использовании животного мира. Показательно, что в данном случае даже не предполагается возможность совместного правового регулирования данных отношений, что отличает данную сферу от всех других случаев совместного осуществления природоресурсных правоотношений [4]. Аналогичный «категоричный»

подход имеет место и в ст. 44 ВК, содержащей лишь отсылочную норму к законодательству об охране и использовании животного мира.

Мы считаем такое разграничение предмета правового регулирования не совсем оправданным по нескольким причинам.

Во-первых, Правила любительского рыболовства и Правила ведения рыболовного хозяйства не восполняют указанный выше пробел, так как содержат лишь незначительное количество норм, касающихся непосредственно использования водных объектов. Например, в соответствии с Правилами ведения рыболовного хозяйства арендаторы, пользователи, юридические лица, заключившие договоры на промысловый лов рыбы по квотам в рыболовных угодьях фонда запаса, обязаны не допускать нарушения прав пользователей водных объектов, в границах которых осуществляется ведение рыболовного хозяйства, не препятствовать свободному доступу граждан к рыболовным угодьям для осуществления ими прав общего природопользования (в том числе общего водопользования) (п. 37). Правила любительского рыболовства предусматривают для рыболовов при осуществлении любительского рыболовства обязанность поддерживать надлежащее санитарное состояние рыболовных угодий, не оставлять на их берегах, а также на льду мусор и другие отходы, не допускать засорения и загрязнения рыболовных угодий иным образом (п. 39). В данной норме о водных объектах непосредственно не упоминается, хотя ряд обязанностей указывает на их охрану. Правила любительского рыболовства в этой части не согласованы со ст. 37 ВК, где предусмотрены обязанности водопользователей.

Во-вторых, полагаем, что отсутствие в ВК специальных норм об использовании водных объектов для ведения рыболовного хозяйства не соответствует принципу комплексного использования водных ресурсов (ст. 3 ВК), с учетом которого водные объекты, в том числе составляющие рыболовные угодья, не исключены из общего механизма водопользования – и при определенных условиях могут использоваться для других видов водопользования. Косвенно данное обстоятельство подтверждается ст. 44 ВК, из которой ясно видно, что «рыболовные» водные объекты используются для плавания на маломерных судах, а неисчерпывающий перечень целей водопользования (ст. 38 ВК) позволяет включить в этот перечень и ведение рыболовного хозяйства. На такой же позиции стоят Правила ведения рыболовного хозяйства, говоря о соблюдении прав других водопользователей, но это слишком общее положение нуждается в более детальном разъяснении.

Есть и другое важное обстоятельство. Законодательство о животном мире в ряде норм ясно указывает на взаимосвязь правового регулирования использования объектов животного мира и среды их обитания, которой в данном случае являются водные объекты (ст. 1 п. п. 45, 61, ст. 40 п. 2.8, ст. 15 п. п. 1.5, 1.17, 1.20 Закона «О животном мире» и другие). Но закрепленный в ст. 7 Закона «О животном мире» принцип разграничения права пользования объектами животного мира и права пользования иными природными ресурсами предполагает правовое регулирование использования водных объектов для рыболовного хозяйства именно водным законодательством. Но при этом необходимо учитывать особенности возникающих при ведении рыболовного хозяйства природоресурсных отношений, более сложных, чем однородные виды права природопользования. Например, рыбные ресурсы являются в большей степени объектом соответствующих видов права пользования животным миром (промыслового и любительского рыболовства), а в качестве объектов хозяйственной деятельности по ведению рыболовного хозяйства выступает совокупность природных ресурсов, включая объекты животного мира и водные объекты (земельные участки мы оставляем за рамками данного исследования), охватываемая понятием «рыболовные угодья». В данном случае мы можем говорить о комплексном природопользовании, реализуемом в том числе посредством использования водных объектов, имеющих экономическую значимость для получения продукции рыболовства. Рыбные ресурсы, о которых шла речь выше, — пункт 2 Правил ведения рыболовного хозяйства определяет их как «совокупность рыбы, имеющей потребительскую ценность, которая используется или может быть использована при осуществлении экономической либо иной деятельности» — по сути являются лишь «содержимым» водного объекта, правовой режим которого в силу отказа водного законодательства регулировать данные вопросы оказался вне сферы правового воздействия.

В качестве еще одного довода в пользу более детального закрепления правового режима водных объектов, используемых для ведения рыболовного хозяйства, является их сложный состав, определенный водным законодательством и законодательством о рыболовстве и рыболовном хозяйстве. С точки зрения водного законодательства к рыболовным угодьям относятся поверхностные водные объекты (водоемы и водотоки), правовые характеристики которых отражены в ст. ст. 1, 5 ВК. Следуя этой классификации водных объектов, Глава 2 Правил

любительского рыболовства дополняет разделение водоемов, входящих в фонд рыболовных угодий, с учетом хозяйственно-природных характеристик рыбных ресурсов (сигово-снетковые, лещово-судаачьи и др.). При этом часть поверхностных водных объектов в состав рыболовных угодий не включается по различным причинам экологического и социально-экономического характера (п. 2 Правил любительского рыболовства), влияющим на правовой режим соответствующих водных объектов. Принимая во внимание особенности правового положения субъектов, получающих рыболовные угодья в пользование для ведения рыболовного хозяйства (ими являются юридические лица, которым предоставлено право ведения рыболовного хозяйства в установленном порядке (п. 4 Правил ведения рыболовного хозяйства)), в содержании этой деятельности уместно выделять несколько составных элементов:

права и обязанности, вытекающие из факта осуществления ими природопользования — в частности, в виде рационального использования рыбных ресурсов вместе с водным объектом;

права и обязанности, вытекающие из осуществления хозяйственной деятельности (п. 37 Правил ведения рыболовного хозяйства) по ведению рыболовного хозяйства.

В настоящее время эти два направления не в достаточной степени разграничены, что важно с точки зрения правильного понимания характера возникающих правоотношений, и в то же время не согласованы в рамках природоресурсного законодательства. В частности, обратим внимание на несовпадение системы прав, закрепленных законодательством при осуществлении водопользования и ведения рыболовного хозяйства. Правила ведения рыболовного хозяйства предусматривают предоставление юридическим лицам рыболовных угодий в аренду или в безвозмездное пользование, а данные права в ВК применительно к водным объектам, отнесенным к рыболовным угодьям, вообще не закреплены. В данном случае имеют значение не только соотношение прав, принадлежащих субъектам рыболовного хозяйства, но и разрешительный механизм распределения природных ресурсов, предоставляемых в пользование для данной цели, изучение которого требует дополнительных научных исследований.

Список использованных источников

1. Шингель, Н. А. Правовое регулирование рыбного хозяйства Республики Беларусь в условиях действия Договора о Евразийском

экономическом союзе / Н. А. Шингель // Устойчивость и прогрессивное развитие правовых систем в контексте интеграционных процессов : сб. науч. ст. : в 2 ч. / ГрГУ им. Я Купалы ; редкол. : С. Е. Чебуранова (гл. ред. [и др.]). – Гродно : ГрГУ, 2017. – Ч. 2. – С. 27–30.

2. Шингель, Н. А. Правовое регулирование производства органической продукции рыбного хозяйства: проблемные вопросы / Н. А. Шингель // Правовое обеспечение реализации принципов «зеленой» экономики в Республике Беларусь : монография / Е. В. Лаевская [и др.] ; под ред. Е. В. Лаевской. – Минск : Четыре четверти, 2017. – С. 188–197.

3. Шахрай, И. С. Проблемы реализации субъективного права природопользования / И. С. Шахрай. – Минск : БГУ, 2022. – 291 с.

4. Шингель, Н. А. Правовые аспекты использования природных ресурсов для ведения охотничьего и рыболовного хозяйства в Республике Беларусь / Н. А. Шингель // Сучасні тенденції розбудови правової держави в Україні та світі : зб. наук. ст. за матеріалами ІХ Міжнар. наук.-практ. конф. (Житомир, 11 листопада 2021 р.) / Мін-во освіти і науки України ; Поліський нац. ун-т. – Житомир, 2021. – С. 72-75.

КОРПОРАТИВНЫЙ ДОГОВОР: ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА

К. А Шмакова

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 20,
220030, г. Минск, Беларусь, ksyushashmakova@icloud.com*

А. В. Гавриленко

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220006,
г. Минск, Беларусь, ant_gavrilenko@mail.ru*

В статье анализируются особенности правовой природы такой разновидности хозяйственного договора, как корпоративный договор. Анализируются позиции ученых по данной проблематике, отраженные в доктринальных источниках. В завершении статьи сформулированы выводы теоретико-прикладного характера об особенностях корпоративного договора и его отдельных чертах.

Ключевые слова: хозяйственное право, корпоративный договор, юридические лица хозяйственный договор.

Юридические лица известны законодательству многих государств. Их деление на корпоративные и унитарные позволяет урегулировать компетенцию органов, структуру управления, а также некоторые виды внутренних отношений, вызывающих споры, такие как условия исключения или выхода из числа участников юридического лица, возможность оспаривания решений коллегиальных органов и т.п. [1].

В теории имеются некоторые общие представления об унитарных и корпоративных юридических лицах. Корпорацию (от лат. *corporatio* – объединение) определяют как совокупность лиц, объединившихся для осуществления совместной деятельности, достижения общей цели и образующих отдельный субъект права. Унитарной коммерческой организацией (от лат. *unitus* – единый) признается такая организация, которая не наделена правом собственности на закрепленное за ней имущество [1].

Важным признаком корпорации является наличие членства, которое в свою очередь наделяет участников правами и создает основу для возникновения особого вида правоотношений – корпоративных. Суть корпоративных отношений заключается в предоставлении участникам корпорации возможности в какой-либо форме управлять ее делами и участвовать в имущественных результатах деятельности корпорации, обеспеченной законом.

Стоит отметить, что в белорусском законодательстве отсутствует понятие корпоративного договора. Однако ст. 90¹ Закона Республики Беларусь от 9 декабря 1992 г. № 2020-ХІІ «О хозяйственных обществах» вводит понятие акционерного соглашения.

Под акционерным соглашением понимается договор об осуществлении прав, удостоверенных акциями, и (или) об особенностях осуществления прав на акции. Акционерным соглашением может быть предусмотрена обязанность голосовать определенным образом на общем собрании акционеров, согласовывать вариант голосования с другими акционерами, приобретать или отчуждать акции, воздерживаться от отчуждения акций, а также осуществлять иные действия, связанные с управлением акционерным обществом [2].

Однако, важно принять во внимание, что не во всех правопорядках корпоративный договор понимается именно так.

На данный момент во многих правопорядках заключение членами корпораций корпоративных договоров допускается в силу принципа свободы договора. К примеру, во Франции, по мнению профессора Ф.

Бело, корпоративные договоры по причине их непоименованности правомерны и однозначно имеют силу закона для лиц их заключивших, поскольку это указано ст. 1134 ФГК [3, с. 235]. В Германии, по мнению профессора Роз, возможность заключения корпоративных договоров также исходит из общего принципа свободы договора, который выводится доктринально из § 311 ГГУ, а также из ст. 2 (I) Основного закона ФРГ [4, с. 94].

Рассматривая вопрос о правовой природе корпоративного договора, стоит принять во внимание точки зрения различных ученых. По мнению профессора Е. А. Суханова, в системе континентального права господствует понимание корпоративных договоров как «гражданско-правовых сделок владельцев акций по распоряжению этим своим имуществом», не порождающих корпоративного эффекта. Е. А. Суханов обозначил данный подход к определению правовой природы корпоративных договоров как «обязательственный», т. е. правовая природа корпоративных договоров является обязательственной, а не корпоративной [5, с. 24].

А. И. Масляев определяет корпоративный договор как «общецелевой, предпринимательский гражданско-правовой договор, по которому стороны (участники данного акционерного общества) обязуются согласованно осуществлять принадлежащие им имущественные и неимущественные организационные права на акции, а также права, удостоверенные этими акциями, в целях удовлетворения их общего интереса в управлении обществом» [6, с. 10].

Стоит отметить, что «обязательственный» подход получил свое распространение в континентальных исследованиях корпоративных договоров. Однако в англо-американской правовой системе преобладает «корпоративный» подход к определению правовой природы корпоративных договоров. Согласно данному подходу, корпоративные договоры рассматриваются как корпоративные акты, заложенные в договорную форму. Кроме того такие договоры могут содержать положения, изменяющие порядок выплаты дивидендов, выпуска акций, принятия локальных корпоративных актов, назначения на должности и т.п.

Корпоративный договор может быть заключен только участниками конкретного хозяйственного общества. Стороны корпоративных договоров заключают данные соглашения в силу наличия особой, присущей им как членам хозяйственного общества корпоративной правоспособности. Данное явление было впервые отмечено профессором В. А. Беловым.

Важно принять во внимание, что корпоративная правоспособность является отраслевой правоспособностью, видовой по отношению к гражданской правоспособности, причем ее выделение преследует цель конкретизации, логического уточнения, а не дробления существующей правовой категории правоспособности [7, с. 221].

Под корпоративной правоспособностью понимается возможность участника хозяйственного общества быть носителем корпоративных прав и обязанностей, а также определять волю другого правосубъектного лица, хозяйственного общества.

Теория корпоративной правоспособности в свою очередь позволяет определить границы возможных корпоративных прав и корпоративных обязанностей, а, следовательно, установить границы предмета корпоративных договоров, отграничить предмет корпоративного договора от, например, предмета договора участников хозяйственного общества с третьими лицами [8, с. 92].

Стоит отметить, что корпоративные соглашения могут иметь как двустороннюю, так и одностороннюю природу, как возмездный, так и безвозмездный характер. Двусторонними договорами принято считать те, по условиям которых контрагенты обязуются друг перед другом, то есть существует как минимум два обязательства, в которых каждая сторона является одновременно и должником, и кредитором. Односторонний договор предполагает одно обязательство, где одна сторона является должником, а другая – кредитором.

По поводу отнесения корпоративного договора к возмездному или безвозмездному типу договоров существует дискуссия. П. 3 ст. 393 Гражданского кодекса устанавливает презумпцию возмездности договора: «договор предполагается возмездным, если из законодательства, содержания или существа договора не вытекает иное» [10, ст. 393]. Однако данная позиция в доктрине оспаривается. Например, В. Рублев утверждает, что, заключая корпоративный договор, стороны «совершают действия в пользу другой стороны, не преследуя цели получения встречного предоставления», что определяет безвозмездность исследуемых договоров [9, с. 27]. Кроме того, в некоторых правопорядках соглашения акционеров о голосовании презюмируются как безвозмездные. Например, в Германии запрещена продажа права голоса по акциям без продажи права собственности на эти акции, а также обещание встречного удовлетворения акционеру в обмен на его согласие проголосовать определенным образом [4, с. 81].

Таким образом, можно сделать вывод, что корпоративный договор – это соглашение об управлении акциями и осуществлении прав, удостоверенных ими, которое заключается между участниками корпорации. Участники корпоративного договора должны обладать особым видом правоспособности – корпоративной правоспособностью, которая возникает с момента приобретения доли в уставном капитале хозяйственного общества. Корпоративные соглашения могут иметь как двустороннюю, так и одностороннюю природу, как возмездный, так и безвозмездный характер, однако в ряде случаев законодательство исключает возможность предоставления и получения встречного удовлетворения за реализацию определенным образом права голоса из принадлежащих участнику договора акций.

Список использованных источников

1. Гришаев, С. П. Корпоративный договор / С. П. Гришаев // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Дата доступа: 20.10.2017.
2. О хозяйственных обществах: Закон Респ. Беларусь от 9 дек. 1992 г., № 2020-XII [Электронный ресурс] // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=V19202020>. – Дата доступа: 20.10.2022.
3. Терновая, О. А. Договорные отношения между акционерами: практика акционерных соглашений в России и во Франции / О. А. Терновая // Современные проблемы предпринимательского (хозяйственного) права. – М., 2011. – С. 230-236.
4. Шапп, Я. Система германского гражданского права / Я. Шапп. – М. : Международные отношения, 2006. – 360 с.
5. Суханов, Е. А. Уставный капитал хозяйственного общества в современном корпоративном праве / Е. А. Суханов // Вестник гражданского права. – 2012. – № 2. – С. 4–35.
6. Масляев А. И. Акционерное соглашение в международном частном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / А. И. Масляев. – М., 2010. – 29 с.
7. Белов, В. А. Гражданско-правовая форма корпоративных отношений (к проблеме так называемых корпоративных правоотношений) / В. А. Белов // Корпоративное право. Актуальные проблемы теории и практики. – М. : Юрайт, 2012. – 255 с.

8. Ломакин, Д. В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах / Д.В Ломакин. – М. : Статут, 2008. – 511 с.

9. Рублев, В. В. Понятие и правовая характеристика акционерного соглашения как гражданско-правового договора, регулируемого гражданским законодательством России / В. В. Рублев // Юрист. – 2010. – №7. – С. 21–31.

10. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 ноя. 1998 г.: текст Кодекса по состоянию на 22 окт. 2022 г. – Режим доступа: <http://etalonline.by/?type=text®num=НК9800218>. – Дата доступа: 22.10.2022.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Бондаренко Н. Л.</i> НАУЧНАЯ ШКОЛА ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРАВА БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА: ДОСТИГНУТЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ.....	3
<i>Анциферова Э. Ю.</i> СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНФОРМАЦИОННОГО СУВЕРЕНИТЕТА.....	11
<i>Арушаньянц А. Н.</i> КОНКУРЕНЦИЯ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ	17
<i>Баранашиник М. А.</i> КОНКУРЕНЦИЯ И ФОРМЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В РИЭЛТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	23
<i>Баранов Д. А.</i> ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	30
<i>Белоусов А. Л.</i> НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ	36
<i>Бондаренко М. С.</i> ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК ОБЪЕКТ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ.....	40
<i>Ващебрович М. Г.</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ВЗЫСКАТЕЛЯ, ДОЛЖНИКА И ДРУГИХ ЛИЦ В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	46
<i>Вербицкая И. К.</i> ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА СТРОИТЕЛЬНОГО ПОДРЯДА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА	51
<i>Витушко В. А.</i> ОСНОВЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ САМООРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА	57
<i>Власов А. Г.</i> ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ОСНОВАНИЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ВЫПЛАТ ИЗ ГАРАНТИЙНОГО ФОНДА НАЦИОНАЛЬНОГО ФОРЕКС-ЦЕНТРА.....	65
<i>Войтюль А. В.</i> ПЕРСПЕКТИВЫ КРАУДИНВЕСТИНГА (АКЦИОНЕРНОГО КРАУДФАНДИНГА) В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ПРАВ ИНВЕСТОРОВ	72
<i>Гавриленко А. В.</i> ЗАЩИТА ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ СУБЪЕКТОВ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	78
<i>Гашиникова Т. В.</i> ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ВОПРОСАХ НОРМИРОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАДИАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	85
<i>Гурьева Е. А.</i> ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПЕРЕХОДА К ЭЛЕКТРОННОМУ ПРАВОСУДИЮ	91
<i>Демичев А. А.</i> К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ОБРАЗОВАНИИ «КОНДИЦИОННОЕ ПРАВО»	97
<i>Демичев Д. М.</i> ПРИНЦИПЫ ИННОВАЦИОННОГО ПРАВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	101

<i>Емельянова Ю. В.</i> ЛИЗИНГ ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	108
<i>Ерёмченко Е. О.</i> ЭНЕРГИЯ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА	116
<i>Захаркина А. В.</i> ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЛЕСНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ИДЕОЛОГО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПОДСИСТЕМЫ ДОГОВОРОВ В СФЕРЕ ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ.....	119
<i>Илюхина В. А.</i> К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ КОНДИЦИОННОГО ПРАВА.....	123
<i>Исаенко М. С.</i> О КОДИФИКАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ	128
<i>Каменков В. С.</i> КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКРОТСТВЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.....	131
<i>Карпенков В. В.</i> ОБ ИМУЩЕСТВЕННОЙ КОМПЕНСАЦИИ КАК СПОСОБЕ ЗАЩИТЫ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ.....	138
<i>Квятович А. А.</i> РОЛЬ ТАМОЖЕННЫХ ПРОЦЕДУР ПРИ ПЕРЕМЕЩЕНИИ ТОВАРОВ ЧЕРЕЗ ТАМОЖЕННУЮ ГРАНИЦУ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА	145
<i>Киселева Л. А.</i> ПРОБЛЕМЫ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА.....	151
<i>Ковалевская Ю. И.</i> НЕТТИНГ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О КЛИРИНГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	158
<i>Ковалёнок Е. С.</i> МОРАТОРИЙ НА БАНКРОТСТВО ДЛЯ СУБЪЕКТОВ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	164
<i>Коверец А. И., Макарова М. Ю.</i> ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	168
<i>Колосова М. В.</i> РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ В РЕАЛИЗАЦИИ ЗАДАЧ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ (РАБОТ, УСЛУГ) В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	175
<i>Конаневич Ю. Г.</i> ФИСКАЛИСТИКА И ЮРИДИЧЕСКАЯ КВАЛИМЕТРИЯ КАК ОСНОВА ДОКТРИНЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРАВА.....	178
<i>Куницкая О. М.</i> ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРАВА	184
<i>Ладыгина В. П.</i> КОНЦЕПЦИЯ НОТАРИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОБЩЕСТВ С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ.....	193
<i>Лободин П. О.</i> О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ЗАЩИТЫ ПРАВ КРЕДИТОРА В ДЕНЕЖНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ С ВАЛЮТНЫМ ЭКВИВАЛЕНТОМ.....	197
<i>Лосев С. С.</i> К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕЖИМЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА.....	201
<i>Лысаковская Ю. О.</i> СУБСТИТУАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПО АГЕНТСКОМУ ДОГОВОРУ: ПЕРСПЕКТИВЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	210
<i>Мазаев В. Д.</i> НУЖЕН ЛИ ЗАКОН О НАЦИОНАЛИЗАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ?.....	214

<i>Максименко Е. В.</i> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТРОИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.....	219
<i>Мандрик А. Е.</i> О ПРОБЛЕМАХ УПРАВЛЕНИЯ АКЦИЯМИ БАНКОВ, ПРИНАДЛЕЖАЩИХ ГОСУДАРСТВУ	224
<i>Манкевич В. В., Манкевич И. П.</i> К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГЛИРОВАНИИ БИЗНЕС-ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	230
<i>Маскаева Н. Г.</i> ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ОТ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ В ЕАЭС	235
<i>Морозов Д. Е.</i> ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В РОССИИ	242
<i>Прибытко А. А.</i> ПОНЯТИЕ ВНЕШНИХ ИНВЕСТИЦИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	246
<i>Пьянкова А. Ф.</i> СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫЕ СОГЛАШЕНИЯ КАК СПОСОБ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ.....	251
<i>Розон П. Ю., Халецкая Т. М.</i> К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ И НЕДОСТАТКАХ ИНСТИТУТА МЕДИАЦИИ В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	258
<i>Савенко Н. Е.</i> ЕДИНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГРАЖДАН РОССИИ И БЕЛАРУСИ.....	263
<i>Сасс А. В.</i> ДОГОВОРЫ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА УСТАНОВЛЕНИЕ ПРАВООТНОШЕНИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОРГОВОГО ПОСРЕДНИЧЕСТВА: ОСОБЕННОСТИ ДИЛЕРСКОГО (ДИСТРИБЬЮТОРСКОГО) ДОГОВОРА.....	271
<i>Селякко У. В., Конаневич Ю. Г.</i> ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА КАК ОБЪЕКТИВНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ	277
<i>Семашко Д. В.</i> О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРАВА.....	281
<i>Силивончик А. А.</i> ВИРТУАЛЬНАЯ ВАЛЮТА КАК ОБЪЕКТ ИНВЕСТИРОВАНИЯ .	287
<i>Скобелев В. П.</i> ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТРЕТЕЙСКИМ СУДОМ СВОЕЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА РАССМОТРЕНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОГО СПОРА: О ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСАХ.....	295
<i>Талалаева А. Л.</i> К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	304
<i>Телятицкая Т. В.</i> АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ВЗЫСКАНИЯ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ	310
<i>Тхарёва М. Г.</i> ОБЪЕКТЫ СПОРТИВНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ.....	314
<i>Тяньсин Чжан</i> ЮРИДИЧЕСКОЕ, ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ БАНКРОТСТВА	320
<i>Уржинский К. К.</i> НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОПТИМИЗАЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ВНЕШНЕЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	326

<i>Халецкая Т. М.</i> О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ДОЛИ В УСТАВНОМ ФОНДЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ И ТОВАРИЩЕСТВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ, НАУКЕ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ.....	332
<i>Цырусь И. В.</i> ПРАВОВОВАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРА МИКРОЗАЙМА.....	340
<i>Чикулаев Р. В.</i> ЗАЩИТА ПРАВ ИНВЕТОРОВ НА РЫНКЕ ФИНАНСОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ	348
<i>Чэ Сюаньчао, Куницкая О. М.</i> ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ КНР	354
<i>Шамак В. А., Куницкая О. М.</i> ГАРАНТИИ ПРАВ ИНОСТРАННОГО ИНВЕТОРА В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ.....	360
<i>Шапковский А. В.</i> ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ).....	368
<i>Шимкович М. Н.</i> СТРАХОВАНИЕ ЖИЗНИ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИНВЕСТИЦИОННОГО И СТРАХОВОГО РЫНКОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	372
<i>Шингель Н. А.</i> ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОДНЫХ ОБЪЕКТОВ ДЛЯ ВЕДЕНИЯ РЫБОЛОВНОГО ХОЗЯЙСТВА	379
<i>Шмакова К. А., Гавриленко А. В.</i> КОРПОРАТИВНЫЙ ДОГОВОР: ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА	386